

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **1** *2020*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2020

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт научной информации по общественным наукам РАН»

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *главный редактор*, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, заместитель директора, руководитель Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **О.Ю. Малинова** – д-р филос. наук, *заместитель главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **Ю.С. Пивоваров** – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриг** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (International Politics), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*

Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Научные редакторы: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*, д-р полит. наук *В.С. Авдонин*

Литературный редактор: *А.Н. Кокарева*

Технический редактор: канд. филос. наук *В.Л. Силаева*

Выпускающий редактор: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.
ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2020.01.00

© «Политическая наука», научный журнал, 2020
© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2020

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **Elena MELESHKINA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia); **Deputy Editor-in-Chief** – **Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Executive secretary** – **Ilya POMIGUEV**, Cand.

Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION RAN (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION RAN (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Yuriy PIVOVAROV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES** – PhD in political science, Senior research fellow (CNRS), (CERI) (Paris, France); **Qu WENYI** – PhD in International Politics, Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY** – PhD, Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

ISSN 1998-1775

**ТЕМА НОМЕРА:
РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ –
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер 9

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

<i>Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.</i> Институциональные факторы состояния политической науки в России: общая характеристика и проблемы	13
<i>Инишаков И.А., Малинова О.Ю.</i> Действительно ли «политическая наука сильна там, где сильна демократия»? Анализ результатов опроса политологов из 39 стран.....	35
<i>Сунгуров А.Ю., Шамишура К.А.</i> Политическая наука и экспертное знание: развитие в современной России	64

РАКУРС

<i>Авдонин В.С., Мелешкина Е.Ю.</i> Политическая наука в журналах: анализ инструментов и показателей в информационных системах	87
<i>Помигуев И.А.</i> Роль молодежных политологических организаций в процессе формирования научных сетей	112

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>Знаменский Д.Ю., Омельченко Н.А.</i> Политика Российской Федерации в сфере развития университетской науки: контуры возможной концепции.....	145
--	-----

КОНТЕКСТ

<i>Вольман Г.</i> Развитие оценки политики и оценочно-политических исследований в Германии: предыстория, прорыв, консолидация	166
<i>Фадеева Л.А., Назукина М.В.</i> Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований)	201

РЕТРОСПЕКТИВА

Анализ связи отдельных ценностных измерений с демографическими факторами и электоральным поведением в России / А.В. Коротаев, С.Г. Шульгин, И.А. Медведев, Ю.В. Зинькина	221
<i>Козинцев А.С.</i> Институционализация исламской Партии справедливости и развития как этап национально- государственного строительства в Марокко	258

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Алексеев Д.В., Копылова П.С.</i> Группы в социальных сетях как способ формирования сообщества молодых политологов: опыт дискурс-анализа	281
<i>Инишаков И.А.</i> Социальное конструирование научного знания: кейс Департамента политической науки Высшей школы экономики	305

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Шкель С.Н.</i> Автократии в XXI веке (Рецензия)	329
<i>Авдонин В.С.</i> История и политика в эпоху диктатуры (Рецензия)	340

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STATE OF THE DISCIPLINE

<i>Patrushev S.V., Philippova L.E.</i> Institutional factors of political science's condition in Russia: General characteristics and problems.....	13
<i>Inshakov I.A., Malinova O.Yu.</i> Is it true that «Where democracy is strong, political science is strong»? Analysis of 39 countries' political scientists survey results.....	35
<i>Sungurov A.Yu., Shamshura K.A.</i> Political science and expert knowledge: development in modern Russia.....	64

PROSPECTS

<i>Avdonin V.S., Meleshkina E.Yu.</i> Political science in journals: analysis of tools and indicators in information systems.....	87
<i>Pomiguyev I.A.</i> The role of youth political science organizations in the process of forming scientific networks	112

IDEAS AND PRACTICE

<i>Znamenskiy D.Yu., Omelchenko N.A.</i> Policy of Russian Federation at the sphere of universities' science development: contours of probable conception.	145
---	-----

CONTEXT

<i>Wollmann H.</i> Development of evaluation and evaluation research in Germany	166
<i>Fadeeva L.A., Nazukina M.V.</i> Institutionalization of political science in Russia: factors, levels, results (on the example of identitarian studies)	201

RETROSPECTIVE

<i>Korotaev A.V., Shulgin S.G., Medvedev I.A., Zinkina Ju.V.</i> Relationship between value orientations, demographic factors and electoral behavior in Russia	221
<i>Kozintsev A.S.</i> Institutionalization of islamist parties in the process of nation-building: the case of the Moroccan party of justice and development	258

FIRST DEGREE

<i>Alekseev D.V., Kopylova P.S.</i> Social networks' groups as a method for forming a community of youth political scientists: discourse analysis experience	281
<i>Inshakov I.A.</i> Social construction of knowledge in political science: evidence from the school of political science in the NRU «Higher School of Economics»	305

FROM THE BOOKSHELF

<i>Shkel S.N.</i> Autocracy in the XXI century (Review)	329
<i>Avdonin V.S.</i> History and politics in the era of dictatorship (Review)	340

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Тема этого номера была в какой-то мере вдохновлена юбилейным для институционализации российской политологии годом. В 2019 г. исполнилось 30 лет создания в России (тогда СССР) первых кафедр политологии и проведения первых защит диссертаций по этой научной специализации. В юбилейный год принято подводить итоги, отчитываться о достижениях. Вероятно, это правильно. Но в случае с отечественной политической наукой и ее институциональными аспектами более правильным, на наш взгляд, будет сделать акцент не на этом. Не пафос юбилея, а разговор о текущих проблемах ее институционализации сегодня, по-видимому, более уместен. Отчасти они иные, чем 30 лет назад, а отчасти – все те же. 2019 год был в этом смысле очень даже ярким. В российском сообществе политологов, во всяком случае в его заметной части, было неспокойно. Ряд связанных с ним событий (проблемная ситуация в Департаменте политической науки НИУ ВШЭ, уход из вузов ряда известных политологов, письмо политологов против полицейского насилия, появившееся почти одновременно с аналогичным письмом ученых, активность студентов-политологов вокруг дела Егора Жукова) вызвал широкий резонанс в профильных социальных сетях, блогах и отдельных СМИ. Применительно к российской политологии возобновилась дискуссия об академической свободе, об отношениях ученых и власти, о роли политического знания в политике и обществе. Все это так или иначе затрагивает институциональный статус отечественной политической науки, делает обсуждение этой проблематики вполне актуальным.

В традициях журнала вести это обсуждение непредвзято и всесторонне, в различных ракурсах и контекстах, предоставляя

слово и опытным, и молодым авторам, освещающим проблематику с разных позиций и разных уровней.

В открывающей номер традиционной рубрике «Состояние дисциплины» представлены три статьи по современным проблемам институционализации политической науки. С.В. Патрушев и Л.Е. Филиппова, не раз освещавшие эту тематику в историческом плане, рассматривают ее характеристики в современных условиях, выделяя здесь проблематику отношений российского государства и общества к политической науке в контексте их отношения к науке в целом. Статья О.Ю. Малиновой и И.А. Иншакова раскрывает проблематику институционализации политической науки в сравнительном контексте, знакомя читателя с интересными результатами масштабного международного исследования «Профессионализация и общественное влияние европейской политической науки» (ProSEPS), проведенного недавно в 39 странах Европы. И российская политология на этом фоне обнаруживает достаточно интересные черты. Известный исследователь российских экспертных сообществ А.Ю. Сунгуров с молодым соавтором К.А. Шамшурой анализируют процессы институционализации в отечественной политической науке как собственно научного, так и прикладного, экспертного знания. В сфере внимания авторов также возникающие в связи с этим проблемы, в первую очередь обусловленные спецификой отношений экспертов и их заказчиков из властных органов и бизнес-структур.

В рубрике «Ракурс» представлены две статьи. В.С. Авдонин и Е.Ю. Мелешкина подходят к проблеме институционализации политической науки сквозь призму анализа показателей и инструментов учета и ранжирования журналов по политической науке в таких информационных системах, как РИНЦ, Web of Science и Scopus. При этом рассматриваются как основные рейтинговые индексы журналов, так и ряд дополнительных показателей, что позволяет получить более полную и информативную картину журнального поля современной политической науки, а также выявить некоторые значимые для ее развития тенденции. Во второй статье И.А. Помигуев анализирует тему номера в ракурсе процессов формирования сетей молодых политологов, представляя результаты недавно проведенного эмпирического исследования.

В разделе «Идеи и практика» публикуется работа Д.Ю. Знаменского и Н.А. Омельченко о концепции политики раз-

вития университетской науки в России. Она не относится напрямую к политологии, а дает представление о внешнем, административном взгляде на науку, в данном случае – на науку в вузах, который касается также вузовской политологии и ее институционализации. С точки зрения политической науки работу такого рода можно было бы отнести к жанру «ex-ante policy making» (предварительный анализ условий политики), хотя сами авторы его в статье не заявляют.

Достаточный интерес для читателя, на наш взгляд, представляют и материалы рубрики «Контекст». В них авторы раскрывают тему институционализации политической науки на примере развития ее отдельных направлений. В статье Л.А. Фадеевой и М.И. Назукиной рассматривается процесс институционализации направления исследований идентичности в российской политологии, выявляются его факторы, достижения и успехи. В статье профессора Берлинского университета им. В. Гумбольдта Г. Вольмана подробно представлен процесс институционализации в Германии такого направления политической науки, как оценочно-политические исследования. Сопоставление этих работ дает читателю хорошее представление о том, что означает успешная институционализация научного направления в различных национально-политических контекстах.

В рубрике «Первая степень» мы по традиции помещаем статьи начинающих исследователей. В ней представлены две весьма примечательные статьи молодых авторов на особенно близкие и актуальные для них темы. Д.В. Алексеев и П.С. Копылова знакомят читателей с результатами исследования дискурса молодых российских политологов в социальной сети ВКонтакте. И.А. Иншаков, опираясь на результаты эмпирического исследования, рассматривает функционирование Департамента политической науки НИУ ВШЭ, в первую очередь в аспекте, связанном с подготовкой студентами научных работ.

В номере также есть новая рубрика «Ретроспектива», где представлены статьи, не связанные с темой номера. Они посвящены анализу долговременных процессов, исследуемых в том числе в контексте уже прошедших политических событий. Статья А.В. Коротаева и соавторов раскрывает тему взаимосвязи ценностей и электорального поведения на примере эмпирического исследования, выполненного на материале российских президентских выборов 2018 г. Работа А.С. Козинцева посвящена проблеме

институционализации исламских политических партий в политиях арабских стран, которая исследуется на примере национально-государственного строительства в Марокко.

Завершает номер традиционная рубрика «С книжной полки». На этот раз в ней представлены рецензии на две весьма различные по жанрам и хронологии работы, посвященные тематике авторитарных политических режимов прошлого и настоящего. С.Н. Шкель рассказывает о новой работе известного российского политолога Г.В. Голосова «Автократия, или Одиночество власти», анализирующей феномены современного авторитаризма. В.С. Авдонин рассматривает монографию известного историка А.В. Гордона «Истории железного века», повествующую в жанре «истории историков» о драматических обстоятельствах научной работы советских историков в условиях идеологической диктатуры.

Мы надеемся, что публикация материалов номера будет способствовать активизации саморефлексии отечественной политической науки и дискуссии по поводу ее достижений и проблем.

*Е.Ю. Мелешкина,
В.С. Авдонин*

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

С.В. ПАТРУШЕВ, Л.Е. ФИЛИППОВА*

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ
СОСТОЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ:
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация. В статье анализируется институциональный контекст, в рамках которого существует российская политическая наука на современном этапе ее развития. Наука в целом и политическая наука в частности рассматриваются как социальный институт и культурный феномен, состояние которого неразрывно связано с процессами, разворачивающимися в обществе и государстве. Выделен ряд институциональных факторов, влияющих на осуществление научной деятельности: формальные нормы и неформальные правила, по которым функционирует наука; профессиональные стандарты; характер взаимоотношений между наукой и государством, а также между наукой и обществом; структуры самоорганизации научного сообщества; отношения с мировой наукой. Показана специфика действия этих факторов применительно к российской политической науке.

Ключевые слова: политическая наука; политические исследования; наука и власть; наука и общество; политика; институты; институциональные факторы; регулирование научной деятельности.

Для цитирования: Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Институциональные факторы состояния политической науки в России: общая характеристика и про-

*** Патрушев Сергей Викторович**, кандидат исторических наук, руководитель отдела сравнительных политических исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия); профессор, Всероссийская академия внешней торговли (Москва, Россия), e-mail: servpatrushev@gmail.com; **Филиппова Людмила Евгеньевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительных политических исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия); доцент, Всероссийская академия внешней торговли (Москва, Россия), e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

© Патрушев С.В., Филиппова Л.Е., 2020 DOI: 10.31249/poln/2020.01.01

блемы // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 13–34. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.01>

Российская политическая наука за 30 постсоветских лет пережила существенные изменения, включая изменение статуса политологии, смену методологических парадигм и коренную трансформацию проблемно-предметного поля, распад интеллектуальных и организационных связей и преодоление фрагментированности научного сообщества, наращивание корпуса политических исследователей (от примерно 700 специалистов в 1980-е годы до сегодняшних более 5200, входящих в базу РИНЦ) и соответствующий рост числа научных публикаций (с 1992 по 2019 г. – 10 517 наименований в базе РГБ). Переломными оказались 1990-е годы¹, о чем свидетельствует динамика публикационной активности, включая монографии, сборники, диссертации, авторефераты диссертаций².

Рис.
**Количество русскоязычных публикаций
по политологии в РГБ**

¹ Содержательный анализ состояния российской политической науки в 1990-е годы см.: [Соловьев, 1998].

² См.: Российская государственная библиотека. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/search#yf=1992&yt=2019&s=pubyear&vc=23.00.00&l=570&q=%d0%bf%d0%be%d0%bb%d0%b8%d1%82%d0%be%d0%bb%d0%be%d0%b3%d0%b8%d1%8f> (Дата посещения: 09.11.2019.)

Политическая наука, подобно другим наукам, является процессом познания мира, производства и использования знаний, специфической формой и фактором общественного сознания, социальным феноменом и социальным институтом. Как элемент социума наука эволюционирует вместе с ним, переживая кризисы, подъемы и спады. Современный взгляд на науку представляет ее как сложный и динамичный институционализированный процесс, ее развитие сопряжено в том числе и с трансформацией собственно когнитивных процессов [Демина, 2005, с. 41].

Анализ современной науки смыкается с исследованием взаимодействия науки, техники и общества, политики и культуры, власти, собственности и управления, принятия политико-экономических решений. Российская академия наук определяет фундаментальную науку как базовый институт стратегического развития Российской Федерации¹. В частности, российская политическая наука имеет значительный потенциал для выработки ответов на современные вызовы, для участия в научном экспертном обеспечении политико-управленческих решений, внутренних и внешних аспектов политического процесса. Этим определяется специфика политической науки, которую необходимо учитывать при анализе развития науки и которая, безусловно, должна быть отрефлексирована в рамках научного самопознания. Экспертиза политических проектов является составной частью политического процесса, следовательно, в случае реализации своей экспертно-консультативной функции политическая наука не только становится фактором влияния на политику, но и сама включается в собственный предмет изучения.

В то же время особенности политического процесса в конкретном государстве одновременно и являются предметом политической науки, и формируют особый – политический – контекст ее существования, который столь же важен как собственно внутринаучный контекст и социетальный контекст. Этим политическая наука отличается от таких наук, как математика или биология, которые могут развиваться «вне политики» (хотя, как показывает история, и они далеко не всегда оказываются независимыми от политического контекста).

¹ Доклад Правительству Российской Федерации «Об итогах реализации в 2016 году Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы». – М., 2017. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=9b869b65-51a9-48a0-91b3-2a7cf2ece565> (Дата посещения: 12.10.2019.)

Текущее состояние и перспективы развития российской политической науки определяются воздействием ряда институциональных факторов, играющих позитивную или негативную роль в развитии данной области знания. Общественные науки являются отражением общества не только потому, что стремятся научным языком описать, объяснить социальную реальность, но и потому, что их внутреннее устройство, принципы функционирования, характер взаимоотношений внутри научного сообщества неизбежно воспроизводят особенности общества, в котором наука существует. Поэтому институциональные факторы развития отечественной политической науки – это в значительной степени «слепок» с институциональной структуры российского общества и российской политической сферы в частности.

К институциональным факторам, влияющим на состояние политической науки, мы относим следующие: 1) общие правила научной деятельности; 2) стандарты проведения научных исследований и способы оценки научных результатов; 3) финансирование научной деятельности; 4) запрос общества на знания о политике; 5) запрос государства на экспертное мнение политологов; 6) приоритет фундаментальных либо прикладных знаний; 7) нормы и ценности научного сообщества (и отдельных групп внутри этого сообщества); 8) структуры самоорганизации политологического сообщества, координации, коммуникации и научного обмена; 9) традиции исследований в рамках сложившихся предметных областей; 10) опыт зарубежной политической науки, взаимодействие и взаимовлияние российских и иностранных политологов. В значительной степени эти факторы значимы не только для политической науки, но для российской науки в целом. Помимо этого, достаточно сложно анализировать каждый из этих факторов как отдельный, поскольку все они тесно переплетены и действуют преимущественно в совокупности. Ниже мы более подробно рассмотрим некоторые из этих факторов и попытаемся дать оценку их влиянию на развитие отечественной политологии.

* * *

К общим правилам научной деятельности относятся в первую очередь формальные правовые нормы, задаваемые законодательством конкретного государства. Необходимость этих норм очевидна: правовая регламентация является одним из условий успешного раз-

вития науки. В России их основным источником выступает Федеральный закон № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»¹, который «регулирует отношения между субъектами научной и (или) научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и (или) научно-технической продукции»². К нему примыкает закон о Российской академии наук как об основной организации, осуществляющей и координирующей научную деятельность³, а также закон об образовании⁴, вводящий категории «федеральный университет» и «национальный исследовательский университет», под которые подпадают учреждения, интегрирующие образовательную и научно-исследовательскую деятельность.

В этих документах закреплены: 1) признание науки социально значимой отраслью, определяющей уровень развития производительных сил государства; 2) принцип гласности и использование различных форм общественных обсуждений при выборе приоритетных направлений развития науки и техники и экспертизе научных и научно-технических программ и проектов, реализация которых осуществляется на основе конкурсов; 3) гарантия приоритетного развития фундаментальных научных исследований; 4) интеграция науки и образования в разных формах; поддержка конкуренции и предпринимательской деятельности в области науки и техники; 5) стимулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности через

¹ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О науке и государственной научно-технической политике» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330143&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.017921525558519225#06810948275390922> (Дата посещения: 11.10.2019.)

² Там же.

³ Федеральный закон от 27.09.2013 № 253-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=302977&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.14648625587227548#09769856770072973> (Дата посещения: 16.10.2019.)

⁴ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об образовании в Российской Федерации» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330174&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3488046617476417#05646519732140389> (Дата посещения: 16.10.2019.)

систему экономических и иных льгот; 6) развитие международного научного и научно-технического сотрудничества РФ и т.д.

Закон о науке дает определения разным видам научной деятельности и категориям тех, кто ею занят; определяет формы организации научной работы (бюджетные и автономные научные учреждения, академии), источники ее финансирования и прочее. Так, в рамках научной (научно-исследовательской) деятельности, определяемой как получение и применение новых знаний, выделяются следующие виды научных исследований: фундаментальные – экспериментальная или теоретическая деятельность, получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды; прикладные – преимущественно применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач; поисковые – исследования, направленные на получение новых знаний в целях их последующего практического применения (ориентированные научные исследования) и (или) на применение новых знаний (прикладные научные исследования) и проводимые путем выполнения научно-исследовательских работ. Научным результатом считается продукт научной деятельности, содержащий новые знания или решения.

Научная (научно-техническая) деятельность может осуществляться физическими лицами (как гражданами Российской Федерации, так и иностранными гражданами и лицами без гражданства) и юридическими лицами, если такая деятельность предусмотрена их учредительными документами. К физическим лицам, осуществляющим научную деятельность, относятся научные работники (исследователи) необходимой квалификации и профессионально занимающиеся такой деятельностью, специалисты научной организации, способствующие получению научного результата или его реализации, работники сферы научного обслуживания, обеспечивающие создание необходимых условий для научной деятельности в научной организации. Научными организациями считаются юридические лица независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, а также общественные объединения научных работников, осуществляющие научную деятельность в качестве основной.

Существующие формальные нормы в принципе очерчивают условия, позволяющие вести научную деятельность, – в том числе и в рамках политической науки. Но реальное правоприменение рождает ряд иных, неформальных, установлений – дьявол кроется в деталях

выполнения формальных норм. К тому же, по мнению юристов, состояние современного законодательства о науке и научно-технической деятельности не идеально, оно характеризуется сильной раздробленностью, отсутствием системности, отставанием от существующего правового массива по степени конкретизации и юридической технике, непоследовательностью (см.: [Берг, 2015]). Если в развитых странах основу конструирования законодательной базы в сфере науки составляет механизм совершенствования законов и подзаконных актов, то в России, наоборот, основной проблемой является выработка стратегии правового обеспечения научной деятельности – она ни политиками, ни юристами не выстроена [Берг, 2015, с. 27].

В частности, в действующий закон о науке с 1998 г. по настоящее время было внесено 57 поправок, которых, однако, оказалось недостаточно, чтобы соответствовать переменам, произошедшим в науке и в системе управления ею. Министерством науки и высшего образования РФ был подготовлен и представлен на публичное обсуждение проект нового закона «О научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации», который, видимо, должен исходить из более ясной стратегии. В ее отсутствие принятие очередного закона мало что даст. Ключевым принципом законопроекта, по словам бывшего главы Минобрнауки М. Котюкова, является «обеспечение тесного взаимодействия науки, образования, бизнеса и государства»¹. Президент РАН А.М. Сергеев обоснованно заявил: «Сейчас нет спешки в принятии закона о науке, поскольку он ничего концептуально нового не принесет. Мы решили подождать год, увидеть результаты реализации Национального проекта. И с учетом новой системы координат решим, как должен выглядеть закон»².

Существенное влияние оказывает на нынешнее состояние политической науки и недавняя (и, по-видимому, еще не завершенная) реформа Российской академии наук. Несмотря на отсутствие в системе РАН профильного политологического института, значительное число ведущих российских политологов работают в академических институтах. Так, согласно базе данных Научной электронной библио-

¹ Минобрнауки начало обсуждение законопроекта по науке на краудсорсинговой платформе // ТАСС. – 2019. – 7 июня. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6526893> (Дата посещения: 16.10.2019.)

² «Других ученых в стране нет» // Портал «Научная Россия». – 2019. – 1 октября. – Режим доступа: <https://scientificrussia.ru/articles/drugih-uchenyh-v-strane-net> (Дата посещения: 16.10.2019.)

теки «eLibrary.ru», среди авторов, имеющих публикации по тематике «Политика. Политические науки», 180 человек аффилированы с Национальным исследовательским институтом мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 80 – с Институтом всеобщей истории РАН, 74 – с Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН, 70 – с Институтом Европы РАН, 60 – с Институтом США и Канады РАН¹. Безусловно, реформа Академии не могла не повлиять на условия работы этих ученых.

В сентябре 2019 г. по инициативе Президиума РАН был проведен онлайн-опрос действительных членов, членов-корреспондентов и профессоров РАН с целью выявления представлений научного сообщества об итогах реформы Российской академии наук, о влиянии реформы на Академию, на состояние российской науки и фундаментальных исследований в целом и в ее отдельных областях [Шесть лет реформы, 2019]. Опрошены были 161 действительный член РАН, 306 членов-корреспондентов РАН и 171 профессор РАН. Большинство респондентов опроса (60,7%) считают, что влияние реформы Академии на российскую науку было отрицательным или крайне отрицательным. Тех, кто отметил исключительно положительное влияние реформы, оказалось 0,42% (три человека из 638). Еще 5,5% заметили скорее положительное влияние. Кроме того, подавляющее большинство опрошенных (64,4%) признали, что за прошедшие шесть лет положение дел в российской науке в целом ухудшилось, причем более половины респондентов (56,8%) заявили также об ухудшении дел в «своих» научных областях, а еще 27% не увидели каких-либо изменений. В отделении общественных наук и в отделении глобальных проблем и международных отношений – в них входят академические институты, в которых работают политологи, – ухудшение отметили соответственно 29,2 и 20% респондентов, причем существенное ухудшение увидели 25% и отсутствие изменений – 37,5% респондентов-обществоведов по сравнению с 80% респондентов-глобалистов и международныхников, в то же время 8,3% обществоведов обнаружили улучшение.

¹ Следует, однако, отметить, что гораздо большее число политологов работают в университетах – прежде всего в МГИМО МИД России, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, НИУ ВШЭ.

Реформа, по сути, лишила РАН статуса научной организации, ее основные виды деятельности не включают научные исследования, что по-новому ставит вопрос о соотношении науки и политики.

К *стандартам научных исследований* относятся требования, предъявляемые к квалификационным работам (прежде всего диссертациям на соискание научных степеней), научным проектам, заявкам на гранты, на участие в научных мероприятиях, публикациям. Рецензирование и экспертиза соответствующих работ также в целом регулируются формальными нормативными актами, но, поскольку они осуществляются преимущественно самими членами научного сообщества, здесь вновь возникает пространство для формирования неформальных норм и практик.

В соответствии с российским законодательством научный работник имеет ряд прав: на признание его автором научных и (или) научно-технических результатов и подачу заявок на изобретения и другие результаты интеллектуальной деятельности; получение доходов от их реализации; осуществление предпринимательской деятельности в области науки и техники; участие в научных дискуссиях, конференциях и других мероприятиях; получение на конкурсной основе финансирования для своих исследований (как из государственного бюджета, так и за счет фондов поддержки научной деятельности; участие в международном научном сотрудничестве; публикацию в открытой печати результатов научных исследований и многое другое. Одно из законодательно закрепленных прав ученого – право на объективную оценку своей деятельности и получение соответствующих вознаграждений, поощрений и льгот. В то же время закон налагает на научного работника обязанность объективно осуществлять экспертизу представленных ему научных программ, проектов, результатов научных исследований и экспериментальных разработок.

Оценка квалификации обеспечивается государственной системой научной аттестации, которая предусматривает присуждение ученых степеней кандидата наук и доктора наук, присвоение ученых званий доцента и профессора по научным специальностям в соответствии с номенклатурой. Но строгость процедур научной аттестации не означает отсутствия нарушений, к которым относят диссертационные нарушения, прежде всего плагиат в собственной диссертации; нарушения академической этики в научных публикациях (плагиат,

множественные публикации, «загадочное» авторство¹, подлог эмпирических данных; участие в оправдании диссертаций с плагиатом и подлогом эмпирических данных в диссертационных советах, экспертных советах, Президиуме ВАК; участие в защите диссертаций с плагиатом в качестве научного руководителя, консультанта, официального оппонента; наконец, распространение лженаучных идей, воззрений, доктрин, практик; представление ненаучных концепций под видом научных).

Применительно к политологии научные результаты проходят экспертизу, в частности, в рамках проектов, осуществляемых по грантам Российского научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований; при публикации статей в журналах соответствующего профиля (из которых наиболее высокие рейтинги имеют, в частности, «Полис. Политические исследования», «Мировая экономика и международные отношения», «Вестник МГИМО Университета», «Социология власти», «Политическая наука»); в рамках конкурса научных работ, проводимого Российской ассоциацией политической науки.

В настоящее время более 20 диссертационных советов (в институтах РАН, федеральных и региональных вузах) присуждают ученые степени по политическим наукам. По ряду причин в нашей стране так сложилось, что к получению ученых степеней стремятся отнюдь не только те, кто связывает свою профессиональную карьеру с наукой. Среди действующих политиков и чиновников разного уровня также немало кандидатов и докторов наук, и нередко качество их научных работ ставится под сомнение. Пожалуй, наиболее яркий пример последнего времени – ситуация, возникшая в весьма близкой к политологии науке – история, связанная с диссертацией министра культуры РФ В.Р. Мединского². Диссертация подверглась критике со стороны сообщества ученых-историков, были выявлены и процедурные нарушения в ходе ее защиты, однако несмотря на рекомендации экспертного совета Высшей аттестационной комиссии,

¹Пушкарев И., Полозов А. «Прямой плагиат, самоплагиат, загадочное авторство» // Интернет-газета Znak.com. – 2017. – 3 февраля. – Режим доступа: https://www.znak.com/2017-02-03/za_chno_nauchnyy_zhurnal_iz_ekaterinburga_popal_v_novuyu_bazu_dissermeta_i_teper_grozitsya_posadit_e (Дата посещения: 18.10.2019.)

²Казус Мединского: чем закончился спор из-за диссертации министра культуры // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/20/10/2017/59e972679a79474f4c4d7a12> (Дата посещения: 18.10.2019.)

президиум ВАК принял решение не лишать министра докторской степени. Таким образом, вненаучные интересы и ресурсы оказались весомее научных критериев.

В случае, если политик или госчиновник получает ученую степень именно в области политических наук, проблема соотношения научного и политического заостряется: не исключено, что помимо обычного «престижа», который придает ученая степень, научная квалификация может использоваться для придания большего веса принимаемых политических и управленческих решений. Между тем в базе данных сообщества «Диссернет», борющегося с фальсификациями и подлогами в научных исследованиях, обнаружилось несколько бывших и действующих руководителей российских регионов и депутатов Государственной думы, которые имеют степени по политическим наукам и диссертации которых эксперты сочли не соответствующими стандартам научности¹.

Специфический аспект стандартизации и оценки научных исследований – широкое использование в последние годы наукометрических показателей (индексов, рейтингов и т.п.). Однако практика сведения оценки научных результатов к количественным показателям критикуется представителями разных наук, а на общественные науки, в том числе на политологию, эта практика зачастую влияет негативно. Проблемы наукометрии – неспособность учесть различия между разными дисциплинами в том, что касается научных задач (очевидно, есть разница между исследованием, меняющим наши представления о свойствах материи, и исследованием, призванным обосновать принятие какого-либо политического решения) или форм представления научных результатов (разный «удельный вес» статей и монографий в разных областях науки). Также искажению наукометрических показателей способствует национальная и региональная специфика: политолог, занимающийся изучением российской политики, не только имеет меньше возможностей публиковаться в англоязычных журналах, но, возможно, и не заинтересован в этом. Все эти

¹ См., напр.: Боженов Сергей Анатольевич // Вольное сетевое сообщество «Диссернет». – Режим доступа: <https://www.dissernet.org/expertise/bozhenovsa2007.htm> (Дата посещения: 31.10.2019.); Казаков Алексей Валерьевич // Вольное сетевое сообщество «Диссернет». – Режим доступа: <https://www.dissernet.org/expertise/kazakovav2011.htm> (Дата посещения: 31.10.2019.); Шрейдер Виктор Филиппович // Вольное сетевое сообщество «Диссернет». – Режим доступа: <https://www.dissernet.org/expertise/shreydervf2006.htm> (Дата посещения: 31.10.2019.)

проблемы были зафиксированы еще в 2015 г. в так называемом Лейденском манифесте для наукометрии¹, однако работодатели российских политологов по-прежнему требуют от них повышения количественных показателей своей научной эффективности. По формальным результатам – удельный вес России в общемировом числе публикаций по политологии в научных журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science, составил 4,06 и 1,83% в 2017 г., таким образом, в рейтинге стран по числу публикаций в Scopus российская политология вышла на 6-е место. Впрочем, в случае журналов Web of Science удельный вес политологии России составил только 1,83% (14-е место), и ее обошли все прочие общественные науки [Индикаторы науки, 2019, с. 229]. Трудно сказать, означает ли это приращение знаний в области политических наук или является только следствием недостаточного количества изданий в той или иной базе данных.

Характер взаимоотношений между политической наукой и государством – пожалуй, один из наиболее существенных факторов, определяющих состояние политической науки. Это, впрочем, справедливо и для науки как отрасли в целом. В последние годы взаимоотношения между российской наукой и российским государством складываются непросто.

В соответствии с законом о науке приоритетными целями государственной научно-технической политики являются развитие и эффективное использование научно-технического потенциала, увеличение вклада науки в развитие экономики и реализацию важнейших социальных задач. Государство берет на себя обязательства гарантировать приоритетное развитие фундаментальных научных исследований, обеспечивать ресурсами приоритетные направления развития науки, стимулировать научную деятельность через систему экономических и иных льгот, развивать инфраструктуру государственных научных учреждений. Несмотря на видимую рациональную обоснованность этих целей, далеко не все ученые понимают те долгосрочные цели, которые поставлены перед ними, о чем свидетельствуют данные опроса членов РАН. Очевидно, что одной из при-

¹ Лейденский манифест для наукометрии // В защиту науки. Бюллетень № 21 / отв. ред. Е.Б. Александров. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2018. – С. 126–134. – Режим доступа: <http://klinran.ru/2018/05/opublikovan-byulleten-v-zashhitu-nauki-21/> (Дата посещения: 31.10.2019.)

чин такой ситуации является недостаточно активное участие ученых в разработке государственной научной политики (об этом заявили 73% респондентов опроса [Шесть лет реформы, 2019, с. 32]). Весьма показателен рассказ вице-президента РАН В.В. Козлова об участии Академии в разработке национального проекта «Наука»: нормативные документы «...нам... все-таки показали, но только после наших настоятельных обращений в министерство [науки и образования] и зачастую в готовом и даже утвержденном виде. Можно сказать, нас ставили перед фактом, ни в каких обсуждениях, дискуссиях мы не участвовали»¹.

Управление научной деятельностью должно осуществляться на основе сочетания принципов государственного регулирования и самоуправления. Последнее было заметно ослаблено реформой РАН. В условиях доминирования государственной бюрократии над научным сообществом развитие наук существенно тормозится. Это в первую очередь касается социально-гуманитарных наук, чьи результаты зачастую «нематериальны» и не могут быть непосредственно конвертированы в «инновационный потенциал», «прорывные технологии» и пр., но при этом могут существенно повлиять на мировоззрение и настроения граждан.

Многие исследователи открыто говорят² о конфликте верховной власти и научной среды в России, который заключается в том, что власть стремится усилить контроль над наукой, а ученые – отстаивать академические свободы. Причем этот конфликт не является исключительно современным феноменом, а длится на всем протяжении сосуществования российского государства и российской науки. Воспроизводство этого конфликта «связано с проблемой авторитета. Если власть имеет достаточный авторитет, если

¹ «У наших ученых возникло ощущение хаотичности и несправедливости» // Интернет-газета Znak.com. – 2019. – 8 февраля – Режим доступа: https://www.znak.com/2019-02-08/v_den_rossiyskoy_nauki_o_prichinah_ee_krizisnogo_polozheniya_intervyu_vice_prezidenta_ran_valeriya_k (Дата посещения: 29.10.2019.)

² См., напр.: [Торукало, 2012]; Госконтроль ограничивает академические свободы // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Научно-образовательный портал IQ. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177669789.html> (Дата посещения: 09.11.2019.); Абрамов А. Власть и наука. Реформаторы из правительства своими руками создали новую оппозицию // Независимая газета. – 2013. – 13 ноября. – Режим доступа: http://www.ng.ru/science/2013-11-13/11_vlast.html (Дата посещения: 09.11.2019.)

власть пришла в результате законных выборов и регулярно происходит смена одного состава чиновников другим, также законно выбранным, то никаких причин для того, чтобы завидовать тем, кто имеет авторитет, у бюрократии нет»¹. Но для чиновника, чья позиция во властной структуре принципиально неустойчива и зависит не от знаний и квалификации, а от личных связей и начальственного произвола, авторитет ученого – это потенциальная угроза.

В отношении политической науки позиция власти двойственная: с одной стороны, это опасения обоснованных жестких оценок проводимой политики с точки зрения профессионалов, с другой – это стремление поставить политологическую экспертизу себе на службу, использовать ее для легитимизации «политической элиты» и продвижения ее интересов. И то и другое ограничивает роль политической науки в экспертизе политических проектов и тем самым подрывает основания современной политики (необходимо отметить, что отдельной проблемой в России является само наличие политических проектов и, соответственно, возможности политической науки каким-либо образом влиять на их формулирование, оценку и в известной мере имплементацию). Следуя логике приведенной выше цитаты, можно сказать, что неконкурентная политика порождает страх перед политической наукой как потенциальным конкурентом.

В процессе реформирования отечественной науки трансформируются *структуры финансирования научной деятельности*. По данным председателя Комитета по образованию и науке Государственной думы РФ доктора исторических наук, политолога В.А. Никонова, Россия критически отстает от развитых стран по размерам финансирования науки, и российская наука является единственной в мире, где уже третье десятилетие сокращается количество исследователей. От сокращения бюджетных ассигнований на науку напрямую зависит «отставание по тем параметрам, которые мы считаем приоритетными, которые определяют будущее страны»². Хотя внутренние затраты на исследования и разработки с 2000 по 2017 г. удвоились (в постоянных ценах), их доля по отношению к валовому внутреннему продукту мало изменилась – с 1,0 до 1,11% [Индика-

¹ Захаров В.Е. Какие услуги наука оказывает обществу? // В защиту науки. Бюллетень № 16 / отв. ред. Е.Б. Александров. – М., 2015. – С. 33.

² Депутат Госдумы высказался о проблемах с финансированием науки // РИА Новости. – 2019. – 7 ноября. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191107/1560673765.html> (Дата посещения: 09.11.2019.)

торы науки, 2019, с. 82]. С такими показателями войти в пятерку стран по науке невозможно. При этом роста объема финансирования науки со стороны бизнеса также не происходит – в опросе членов РАН уменьшение такого финансирования отметили 45,8% респондентов из отделения общественных наук и 20% респондентов из отделения глобальных проблем и международных отношений (увеличение отметили 12,5 и 0% соответственно) [Шесть лет реформ, 2019, с. 16–17].

Важным фактором, требующим внимания со стороны государства, являются последствия проводимых преобразований, вектор которых в сфере науки нацелен на утверждение «академического капитализма» [Hackett, 2014; Jessop, 2018]. Его «темная сторона» отказывает науке в статусе общественного блага, требует от нее рыночной ориентации на инновации и прибыли, нередко в ущерб поиску нового знания. Между тем наука как социальный институт обладает наименьшим адаптивным потенциалом к такого рода преобразованиям.

Конкуренция социальных институтов по поводу финансовых потоков, влияния на экономику, политику и сознание, перестройка структуры науки на службу извлечения прибыли или, по крайней мере, экономии бюджетных средств, дифференциация науки на «прибыльные» и «неприбыльные» области – эти и другие факторы сложным образом, чаще негативно, воздействуют на институциональное развитие научной деятельности. Формируется принципиально новая, основанная на коммерческом интересе система функционирования науки. При этом текущий уровень развития рыночных институтов в России еще далеко не соответствует требованиям, предъявляемым к такой системе.

Непросто складываются и отношения между наукой и обществом. Усложнение решаемых наукой проблем и научного языка приводит к разрыву между наукой и «простым человеком», профаном: «Специальные знания выполняют важную социальную функцию: они фрагментируют общество, разделяют его на более знающих и менее знающих, создают когнитивные диссонансы, побуждают к проблематизации статус-кво, содержат проекты развития» [Касавин, 2016, с. 102]. Это в особенности справедливо применительно к политической науке, которая в случае своего развития не только исследует, но и формирует политическую сферу.

В современной России, несомненно, существует определенный *запрос общества на политические знания*, но его непросто оценить количественно и качественно. Данные различных социологических служб в последние годы неизменно фиксируют достаточно высокий интерес россиян к политике – в среднем около 50%. Однако это интерес специфический – интерес «зрителей», воспринимающих политическое «шоу» как нечто максимально удаленное от их «реальной жизни» и не ориентированных на активное вовлечение в политику (см.: [Конституирование современной политики в России, 2018, с. 172–173]). Такое восприятие политики не стимулирует интерес к политической науке, «рядовые граждане» довольствуются обыденными представлениями, а к политологам испытывают недоверие, считая их не столько экспертами, сколько пропагандистами (чему, безусловно, способствует тот факт, что в медийном пространстве «политологами» нередко выступают отнюдь не члены научного сообщества с соответствующими квалификациями и научными знаниями).

Как показатель уровня общественного запроса на результаты политической науки можно рассматривать разворачивание негосударственных аналитических структур, рост числа публикаций политологической литературы и периодики. Негосударственные исследовательские организации в немалом количестве возникали в 1990-х годах и в течение почти двух десятилетий активно функционировали и представляли результаты своей деятельности обществу. Однако в последние годы значительная часть этих структур была вытеснена на периферию общественного внимания, а некоторые и вовсе прекратили свою деятельность (по разным причинам, среди которых как финансовые проблемы, так и трудности взаимоотношений с государственными органами).

Что касается спроса на общественно-политическую литературу, то точных данных нет. Например, по продажам в отдельных магазинах в 2017 г. можно видеть, что наиболее популярными оказались не сугубо научные, а, скорее, публицистические издания – в частности, «Интервью с Путиным» Оливера Стоуна, книги политического журналиста и писателя Михаила Зыгаря («Вся кремлевская рать. Краткая история современной России», «Война и миф», «Империя должна умереть. История русских революций в лицах. 1900–1917»), политического публициста Николая Старикова и других авторов.

Необходимо упомянуть о *структурах самоорганизации политологического сообщества*. Право научных работников создавать на добровольной основе общественные объединения закреплено как законом о науке, так и законодательством Российской Федерации об общественных объединениях. Возникновение профессиональных объединений исследователей и всех тех, кто связан с получением и распространением научного знания, является одним из ключевых показателей институционализации любой научной дисциплины.

Для развития российской политологии ключевое значение имеет деятельность Российской ассоциации политической науки – старейшего (в 1991 г. РАПН стала правопреемницей Советской ассоциации политических наук, созданной в 1960 г.) и наиболее представительного (в настоящее время Ассоциация насчитывает более 1000 членов) объединения политологов в нашей стране. Учитывая мировой опыт, РАПН пошла по пути расширения своих рядов за пределы столичных исследовательских организаций, формирования региональных структур, а также внутреннего развития – создания исследовательских комитетов, молодежной структуры и т.д. Это оказало значительное влияние не только на установление профессиональных связей и структурирование политологического сообщества, но и на дифференциацию и профессионализацию исследований, и тем самым на содержательное развитие политического знания.

Помимо РАПН существуют и другие профессиональные политологические объединения – Академия политической науки (межрегиональная самоуправляемая некоммерческая общественная организация, учреждена в 1995 г.), Российское общество политологов (общероссийская общественная организация, создана в 2013 г.)

Формирование структур, позволяющих развивать внутри- и межотраслевые исследования (например, политико-социологические, исследования в области публичной политики и пр.), проводить научные мероприятия, издавать совместные работы, наряду с очевидными позитивными эффектами может иметь и негативные последствия. В частности, способствовать монополизации производства знаний, когда узкий круг исследовательских организаций концентрирует ресурсы и усиливает влияние на всем пространстве производства знания и инноваций, что приводит к

деформации демократической функции системы исследований и образования – функции развития знания, повышения благосостояния и утверждения человеческой свободы, способности науки быть независимой моральной силой в современном обществе.

Парадоксальным следствием укрепления и локализации научных связей может стать появление закрытых профессиональных сообществ и фрагментация исследовательского поля. В этом же направлении может действовать традиция исследований в рамках сложившихся предметных областей (электоральные исследования, исследования элит и пр.) и устойчивость структур научного сотрудничества как фактор воспроизводства предметного поля.

Наконец, необходимо упомянуть о факторах *рецепции и реинтерпретации мирового политического знания*, интеграции российских политологов в международное научное сообщество. В целом невысокий уровень влияния российских ученых на состояние мировой политической мысли нередко объясняют «молодостью» отечественной политологии. Можно услышать даже утверждения о том, что политическая наука в России не существовала до начала 1990-х годов.

Действительно, официальное признание политологии как науки в нашей стране произошло только в конце 1980-х годов, когда в номенклатуру специальностей научных работников были включены специальности по политическим наукам и были созданы первые соответствующие диссертационные советы. Однако было бы неправомерно утверждать, что политологическое знание в Советском Союзе не развивалось, более того, советская политическая наука, даже будучи лишенной официального «имени», отнюдь не была изолирована от мировой политической науки. Так, еще до создания Советской ассоциации политических наук отечественные ученые принимали активное участие в работе Международной ассоциации политической науки. Советские исследователи также имели возможности (пусть и ограниченные) знакомиться с актуальными направлениями зарубежной политической мысли и представлять за рубежом результаты собственных исследований.

В первые постсоветские годы освоение западных политологических концепций существенно активизировалось. Были переведены и изданы многие основополагающие труды зарубежных исследований, интенсифицировались контакты отечественных ученых с иностранными коллегами. Вместе с тем «вопрос о воз-

возможности и желательности переноса на российскую почву практики западных демократий и тех теоретических моделей, которые этот процесс описывают, во многом стал водоразделом между разными школами в российской политологии, в том числе и в оценке уровня развития отечественной политической науки» [История Российской ассоциации политической науки, 2015, с. 128]. Действительно, в 1990-х годах западные теоретические модели зачастую «механически» применялись для анализа российской политической реальности, воспринимались некритически, а подходы, разрабатываемые в советский период, так же некритически отвергались. Между тем плодотворная рецепция зарубежного научного опыта возможна лишь в том случае, когда на его основе вырабатываются новые, оригинальные подходы и концепты.

В результате произошла не столько интеграция российской политической науки в мировую, сколько ее «колонизация», провинциализация. По мнению респондентов упоминавшегося выше опроса академиков РАН, российские ученые удерживают паритетный уровень исследований с ведущими «научными» странами, в случае же математических, химических, биологических, а также историко-филологических наук – даже несколько их опережают. Однако существенная доля респондентов, представляющих отделения общественных наук и глобальных проблем и международных отношений, констатируют отставание отечественных ученых – 45,8 и 60% соответственно [Шесть лет реформы, 2019, с. 12–14]. В политической науке немалую роль, безусловно, сыграл дефицит ресурсов, испытываемый политологами в пореформенной России. Сложилась парадоксальная ситуация: слом идеологических барьеров и открытость международной научной коммуникации создали предпосылки для более интенсивного взаимодействия отечественных ученых с зарубежными коллегами, но возможности такого взаимодействия оказались ограничены финансовыми трудностями.

В целом тенденции и проблемы развития российской политической науки в настоящее время лежат в той же плоскости, что и проблемы науки в России в целом. Их специфика во многом определяется объектом и предметным полем политической науки, по отношению к которым она не может выступать исключительно в качестве нейтрального «стороннего наблюдателя». Представляется, что необходимость выстраивать систему взаимодействий с весьма

своеобразной российской политической сферой, с деполитизированным обществом и не вполне политической властью будет в ближайшее время определять направление и характер развития политической науки в России.

Список литературы

- Берг Л.Н.* Проблемы законодательного обеспечения научной деятельности в России // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1(50). – С. 25–31.
- Демина Н.В.* Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 5–47.
- Индикаторы науки: 2019: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.Л. Дьяченко и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 328 с.
- История Российской ассоциации политической науки / под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 360 с.
- Касавин И.Т.* Философия науки и политическая философия: новое партнерство // Политическая концептология: журнал мегадисциплинарных исследований. – 2016. – № 1. – С. 92–104.
- Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 262 с.
- Соловьев А.И.* Мозаичная парадигматика российской политологии // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 4. – С. 5–20.
- Торукало В.П.* Наука и власть в современном обществе // Власть. – 2012. – № 5. – С. 74–77.
- Шесть лет реформы Российской академии наук: результаты и перспективы преобразований. Краткий аналитический отчет по результатам опроса академиков, членов-корреспондентов и профессоров РАН. – М., 2019. – 33 с. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=232b8824-473e-4d77-8554-937a97b87ad7> (Дата посещения: 16.10.2019.)
- Hackett E.* Academic capitalism // Science, technology & human values. – 2014. – Vol. 39, N 5. – P. 635–638. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0162243914540219>
- Jessop B.* On academic capitalism // Critical policy studies. – 2018. – Vol. 12, N 1. – P. 104–109. – DOI: <https://doi.org/10.1080/19460171.2017.1403342>

S.V. Patrushev, L.E. Philippova*
Institutional factors of political science's condition in Russia:
general characteristics and problems

Abstract. In the article, the institutional context is analyzed, within which Russian political science exists at the contemporary stage of its development. Science in general and political science in particular are regarded as a social institution and as a cultural phenomenon, whose condition is linked inextricably with the processes unfolding within society and within state. A number of institutional factors influencing practices of scientific enterprise have been identified – formal norms and informal rules according to which science functions; professional standards; the character of relationship between science and state, as well as between science and society; structures of scientific community's self-organization; relations with international science. The specifics of these factors' impact in the case of Russian political science is demonstrated.

Keywords: political science; political studies; science and authorities; science and society; politics; institutions; institutional factors; regulation of scientific enterprise.

For citation: Patrushev S.V., Philippova L.E. Institutional factors of political science's condition in Russia: general characteristics and problems. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 13–34. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.01>

References

- Berg L.N. Problems of legislative guarantees of scientific activities in Russia. *Actual Problems of Russian Law*. 2015, N 1(50), P. 25–31. (In Russ.)
- Constituting of contemporary politics in Russia: institutional problems*. Ed. by S.V. Patrushev, L.E. Philippova. Moscow: «Political Encyclopedia» Publishing House, 2018, 262 p. (In Russ.)
- Demina N.V. Ethos of science: Merton and others in search of social geometry of norms. *Sociological Journal (Sotsiologicheskij Zhurnal)*. 2005, N 4, P. 5–47. (In Russ.)
- Hackett E. Academic capitalism. *Science, Technology & Human Values*. 2014, Vol. 39, N 5, P. 635–638. DOI: <https://doi.org/10.1177/0162243914540219>
- History of Russian political science association*. Ed. by S.V. Patrushev, L.E. Philippova. Moscow: «Aspect Press» Publishing House, 2015, 360 p. (In Russ.)
- Indicators of science: 2019: statistical compilation / L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky, E.L. Dyachenko et al.; National Research University «Higher School of Economics». Moscow: HSE, 2019, 328 p. (In Russ.)

* **Patrushev Sergey**, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia); Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia), e-mail: servpatrushev@gmail.com;
Philippova Liudmila, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia); Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia), e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

- Jessop B. On academic capitalism. *Critical policy studies*. 2018, Vol. 12, N 1, P. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.1080/19460171.2017.1403342>
- Kasavin I.T. Philosophy of science and political philosophy: a new partnership. *The political conceptology: journal of metadisciplinary research*. 2016, N 1, P. 92–104. (In Russ.)
- Six years of Russian academy of sciences' reforms: results and perspectives for transformations*. A brief analytical report on the results of RAS full members', corresponding members', and professors' poll. Moscow, 2019, 33 p. Mode of access: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=232b8824-473e-4d77-8554-937a97b87ad7> (accessed: 16.10.2019). (In Russ.)
- Solovyov A.I. The patchy paradigmatics of Russian political science. *Polis. Political Studies*. 1998, N 4, P. 5–20. (In Russ.)
- Torukalo V.P. Science and power in the modern society. *Power (Vlast)*. 2012, N 5, P. 74–77.

И.А. ИНШАКОВ, О.Ю. МАЛИНОВА *

**ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
СИЛЬНА ТАМ, ГДЕ СИЛЬНА ДЕМОКРАТИЯ»?
АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСА
ПОЛИТОЛОГОВ ИЗ 39 СТРАН**

Аннотация. В работе предпринята попытка эмпирически проверить известный тезис Сэмюэля Хантингтона о связи между демократией и политической наукой с опорой на данные, полученные в ходе опроса «Профессионализация и общественное влияние европейской политической науки» (Pro SEPS) среди политологов из 39 стран.

Авторы обнаруживают значимые связи между уровнем демократии и некоторыми параметрами политической науки – в первую очередь с присутствием в публичном поле. В заключительной части работы ставятся гипотезы о других возможных объяснениях страновых различий в развитии политической науки.

Ключевые слова: политическая наука; демократия; гипотеза Хантингтона; интернационализация науки; количественные данные.

Для цитирования: Иншаков И.А., Малинова О.Ю. Действительно ли «политическая наука сильна там, где сильна демократия»? Анализ результатов опроса политологов из 39 стран // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 35–63. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.02>

*** Иншаков Илья Александрович**, ассистент Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), email: iinshakov@hse.ru; **Малинова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук; профессор Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН (Москва, Россия), e-mail: omalinova@hse.ru

© Иншаков И.А., Малинова О.Ю., 2020

DOI: [10.31249/poln/2020.01.02](https://doi.org/10.31249/poln/2020.01.02)

В среде политологов бытует мнение, что развитие политической науки тесно связано с демократией. Дело не только в том, что проблемы демократии и демократизации занимают важное место в исследовательской повестке, но и в том, что именно в условиях конкурентной борьбы за власть и открытости политического участия возникает запрос общества на политическое знание, а следовательно – стимулы и ресурсы для его производства. Классическим выражением этого мнения считается президентская речь Сэмуэла Хантингтона на конференции Американской ассоциации политической науки в 1987 г. По мысли Хантингтона, погружение в эмпирическое познание политической реальности способствует формированию установки на ее изменение путем постепенных реформ, поскольку исследователи политики хорошо знают не только что идет не так, но и как сложно это исправить. В силу этого они скептически относятся к простым решениям, революциям и революционерам [Huntington, 1988, p. 5]. Знание, которое они производят, особенно востребовано там, где после свержения авторитарных режимов встает задача строительства демократических институтов. По предположению Хантингтона, между политической наукой и демократией существует тесная связь: «Там, где сильна демократия, сильна и политическая наука; там, где демократия слаба, политическая наука тоже слаба (...). Возникновение демократии стимулирует развитие политической науки, а развитие политической науки может отчасти способствовать возникновению и стабилизации демократии» [ibid., p. 7].

Высказанный в торжественной речи с трибуны одного из главных политологических форумов, тезис Хантингтона получил широкую известность. Не будучи в достаточной степени конкретизирован, он вряд ли может считаться гипотезой в строгом смысле слова. Развитие политической науки, как и любой другой социально-научной дисциплины, определяется многими факторами, прежде всего – наличием институциональных оснований в виде университетских факультетов и кафедр, исследовательских институтов, системы ученых степеней, образовательных программ, профессиональных ассоциаций, а также развитием инструментов профессиональной коммуникации – научных журналов и конференций, и не в последнюю очередь – объемом и распределением ресурсов [Батыгин, 2005; Политическая наука в России ..., 2008; Политическая наука в Западной Европе, 2009; Political sci-

ence in Central-East Europe, 2010; The world of political science, 2012; История Российской ассоциации ..., 2015; Тенденции и проблемы ..., 2018; и др.]. В частности, развитие политической науки в университетах и исследовательских центрах определяется не только объемом и характером запроса на производимое ею знание, но и наличием кадров, академическими традициями, исторически складывающейся структурой образовательной системы, особенностями рынка труда, диверсификацией ресурсов и др. Вместе с тем очевидно, что характер действующего политического режима может влиять на многие из этих переменных, хотя это влияние может быть опосредовано множеством переменных-медиаторов.

Возможность оценить роль некоторых опосредующих факторов дает исследование случая Чили. По оценке чилийского политолога и дипломата Хорхе Хайне, к исходу военной диктатуры в 1990-х годах политическая наука в Чили была гораздо сильнее, чем в 1970-х, и политологи внесли значительный вклад в разработку и осуществление конституционной реформы. Правда, такое положение дел стало возможным в значительной степени благодаря интеллектуальной (и не только) эмиграции: в 1970–1980-х годах чилийские политологи отчасти поневоле вынуждены были активно включиться в международную научную среду (обучение и стажировки в североамериканских и европейских университетах, участие в международных исследовательских программах, работа в независимых исследовательских центрах в Чили, получавших грантовое финансирование из иностранных источников, и др.). В результате сформировалось хотя и небольшое, но достаточно сильное профессиональное сообщество, которое с изменением политического контекста смогло не только быстро развить «нормальную» инфраструктуру, но и оказаться полезным для решения практических задач [Heine, 2006].

До недавнего времени не было данных, позволяющих проверить тезис Хантингтона на более или менее значительной выборке. Такую возможность дают результаты сетевого исследовательского проекта «Профессионализация и общественное влияние европейской политической науки» (ProSEPS), нацеленного на изучение положения политической науки в странах Европы, а также в Турции и Израиле, который реализуется при поддержке программы COST Action (CA15207). В рамках проекта в 2018 г. был проведен онлайн-опрос политологов из 39 стран. Выборка формировалась

вручную экспертами из соответствующих стран. В качестве основного критерия была взята институциональная аффилиация (в список рассылки анкеты включались сотрудники факультетов (кафедр) исследовательских институтов в областях политической науки, международных отношений, публичной политики и политической теории). В качестве дополнительных критериев для уточнения выборки служили: а) наличие ученой степени по политическим наукам, б) наличие публикаций в ведущих национальных или международных журналах, в) преподавание соответствующих дисциплин на полную ставку или по совместительству.

В ходе опроса была получена база, состоящая из ответов 2354 респондентов из 39 стран (см. рис. 1). Структура выборки учитывает основные демографические и социальные показатели респондентов: пол, возраст, семейное положение, наличие ученой степени и постоянного рабочего контракта. В силу объективных различий между размерами научных сообществ в разных странах распределение респондентов в выборке также неравномерно (см. рис. 1)¹.

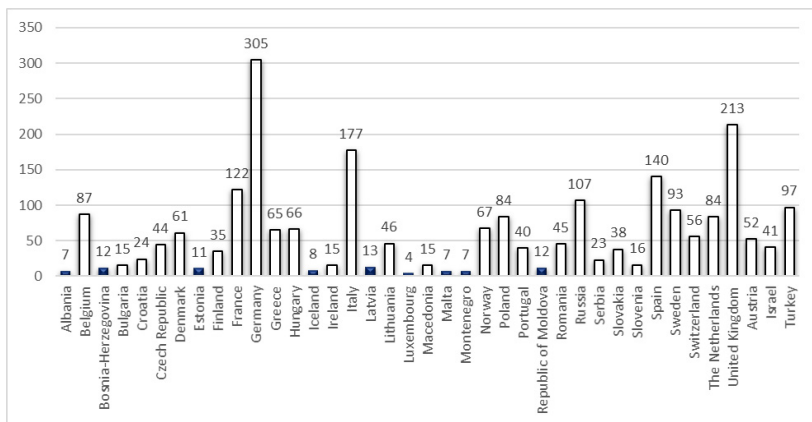

Рис. 1.
Распределение респондентов по странам выборки

¹ [Вследствие этого для анализа] таблиц сопряженности Пирсона исключались девять стран, доля респондентов в которых составляет меньше 0,5% от общего массива данных: Албания, Босния и Герцеговина, Эстония, Исландия, Латвия, Люксембург, Мальта, Республика Молдова и Черногория. Также Люксембург был исключен из регрессионного анализа, поскольку представляет собой сильный «выброс», снижающий качество анализа и при этом основанный всего на четырех ответах респондентов.

Хантингтон сформулировал свою идею о связи между развитием политической науки и развитием демократии в самом общем виде. Чтобы проверить ее эмпирически, нужна более детальная концептуализация обеих переменных. Не претендуя на решение этой задачи, в настоящей работе мы попытаемся использовать имеющиеся в нашем распоряжении данные, чтобы проверить связь между развитием демократии и тремя составляющими развития политической науки, данные для изучения которых дают результаты опроса ProSEPS¹.

Во-первых, эти данные позволяют оценить, насколько политическая наука **заметна в публичном поле** разных стран. Респондентам задавали вопросы об участии политологов в публичных дебатах, частоте и поводах их появления в качестве спикеров в средствах массовой информации, особенностях их сотрудничества с разными типами медиа (традиционные СМИ, интернет-издания, социальные сети, профессиональные блоги). Выяснялись также причины, по которым политологи считают необходимым участвовать в публичных дискуссиях. Можно предположить, что включенность политологов в национальное публичное пространство является следствием подмеченного Хантингтоном стремления способствовать изменению реальной политики «к лучшему» [Huntington, 1988, p. 3]. Вместе с тем и стимулы, и возможности для участия в общественных дискуссиях существенно зависят от характера политического режима.

Во-вторых, результаты опроса ProSEPS дают информацию о **практиках взаимодействия политологов с политическими структурами** – органами государственной власти, международными организациями, институтами гражданского общества, аналитическими центрами и т.п. – в качестве консультантов и советников. Респондентам задавали вопросы не только о наличии подобных контактов, но и об их частоте и формализованности, а также об их нормативных установках на участие в контексте такого рода взаимодействий. Таким образом, данные опроса дают возможность сравнить, как политологи в разных, преимущественно европейских, странах оценивают свое влияние на реальный политический процесс, и таким образом проверить предположение Хантингтона

¹ Операционализация указанных ниже категорий, с опорой на вопросы анкеты ProSEPS Survey представлена в Приложении 1.

о том, что их знания оказываются особенно востребованными в контексте демократизации [Huntington, 1988, p. 9].

В-третьих, опрос содержал серию вопросов о *практиках интеграции в международное научное сообщество*. Очевидно, что встроенность национальных политологических сообществ в международные академические сети сама по себе крайне важна: публикации в международных рецензируемых журналах, возможность привлечения грантовых ресурсов от международных организаций, стажировки и работа в иностранных университетах – все это существенным образом характеризует уровень развития политической науки в стране. Связь этой составляющей с демократией не столь очевидна, ибо международная интеграция требует не только открытости, которая определяется характером режима, но и ресурсов, наличие которых зависит от различных факторов. Вместе с тем упоминавшийся выше случай Чили позволяет предположить, что опора на международный контекст может быть одним из стимулов развития политической науки даже при неблагоприятном внутреннем контексте. Таким образом, эта составляющая развития политической науки также может быть связана с тезисом Хантингтона, хотя и косвенно.

Кроме того, данные опроса позволяют взглянуть на развитие российской политической науки в сравнительной перспективе. В канун 30-летия ее официального признания в нашей стране это дает хорошую возможность для эмпирической оценки через сопоставление с положением политической науки в других странах – в том числе тех, которые имели схожие с Россией «стартовые условия» (группа посткоммунистических стран Восточной Европы). Вместе с тем внимание к российскому случаю представляет содержательный интерес для нашего анализа в целом. Российский политический режим, как правило, характеризуется политологами либо как авторитарный [Гельман, 2012], либо как гибридный [Petrov et al., 2010] и заметно отличается по своему положению от других стран выборки в рассматриваемых ниже индексах демократии. Если предложенные связи между демократией и параметрами политической науки в стране будут выявлены, более детальный фокус на России поможет уточнить специфику и границы этих связей.

Методология исследования

Опираясь на тезис Ричарда Хейлбонера о том, что экономика как наука становится возможной только в условиях формирования рыночной системы, Хантингтон проводит аналогичный тезис: только демократия (или процессы, ведущие к ней) создает *запрос* на знание о политике; там же, где «нет участия, нет соревнования за власть, там политическим ученым делать нечего» [Huntington, 1988, p. 9]. Развивая эту мысль, можно предположить, что либеральная демократия создает и *контекст* для формулирования такого знания: как в условиях рыночной экономики знания профессионального экономиста не могут быть эксплуатированы командно-административным путем, так в условиях демократии политолог может самостоятельно выбирать темы для исследования и публиковать их результаты, не опасаясь репрессивного давления со стороны политического режима.

Исходя из сказанного, можно сформулировать *три гипотезы* относительно связи уровня демократии в стране и описанных выше составляющих развития политической науки.

1. Демократия ориентирована на публичность, и политическая наука в ней имеет доступ к публичным коммуникативным ресурсам. Напротив, важным фактором стабильности авторитарных режимов являются инструменты цензуры [Guriev, Treisman, 2015] и самоцензуры, в том числе в науке. Следовательно, мы можем предположить значимую положительную связь между уровнем демократии и показателями публичности политической науки.

2. Либеральные демократии склонны разделять «презумпцию доверия» в отношении друг друга, благодаря чему их диапазон взаимодействий шире, чем в отношениях с нелиберальными правительствами, постоянное подозрение в отношении которых сужает спектр взаимодействий [Doyle, 2005]. Полагая, что политическая наука является частью социальной и политической жизни общества, мы можем дедуктивно предположить значимую положительную связь между уровнем демократии и показателями интернационализации политической науки.

3. Более сложным представляется вопрос о связи уровня демократии и контактов политологов с реальными политическими агентами. Примеры, приводимые Хантингтоном, касаются активного вовлечения политологов на стадии демократического транзита (случаи ЮАР и Бразилии: [Huntington, 1988, p. 9]), но не позво-

ляют проследить их судьбу дальше. Более того, в политической науке есть и противоположная нормативная позиция, идущая от Макса Вебера: ученый, исследующий политику, должен отделять себя от объекта своего изучения [Вебер, 1990 а]. Таким образом, мы можем предполагать значимую связь между уровнем демократии и показателями взаимодействия ученых с политическими акторами, но без указания на направление этой связи.

Поскольку связи между (демократическим) политическим режимом и развитием политической науки имеют комплексный характер, для оценки уровня развития *демократии* предпочтительно использовать сложносоставные индексы, которые не сводят демократию исключительно к параметру участия – например, *Polity IV*¹ и *Democracy Index (The Economist)*². Первый из этих индексов в меньшей степени отвечает нашим задачам, поскольку большая часть выборки состоит из европейских стран с высоким уровнем демократии (только семь из 39 стран имеют оценки, отличные от высших 9 и 10; кроме того, в индексе отсутствуют оценки Мальты и Боснии и Герцеговины). *Democracy Index* лучше подходит для классификации изучаемых стран и будет использован в качестве основного инструмента измерения. В роли дополнительного инструмента выступит индекс *Freedom in the World (Freedom House)*³. Хотя он фокусируется не на институтах демократии, а на правах и свободах граждан, его нередко включают в список индексов демократии [Schmidt, 2016, p. 111–112]. С помощью данного индекса мы сможем проверить предположение о том, что демократия не только формулирует спрос на политологическое знание, но и создает предпосылки для его безопасного и открытого производства. Индекс демократии будет использован нами в качестве основного индикатора, а Индекс свободы в мире – в качестве вспомогательной метрики для кросс-валидации результатов. Оба индекса измерены в

¹ Polity IV: Regime Authority Characteristics and Transitions Datasets / Center for Systemic Peace. – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (Accessed: 02.11.2019.)

² Democracy Index 2018 // The Economist. Intelligence Unit. – Mode of access: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Democracy2018 (Accessed: 02.11.2019.)

³ Freedom in the World 2018 // Freedom House. – Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2018-table-country-scores> (Accessed: 02.11.2019.)

порядковых шкалах (от 0 до 10 Индекс демократии, от 7 до 1 – «Свобода в мире»¹); результаты измерений по Индексу демократий объединены в четыре группы, две из которых – гибриды и автократии – для удобства объединены нами в одну из-за малого количества наблюдений в них (рис. 2).

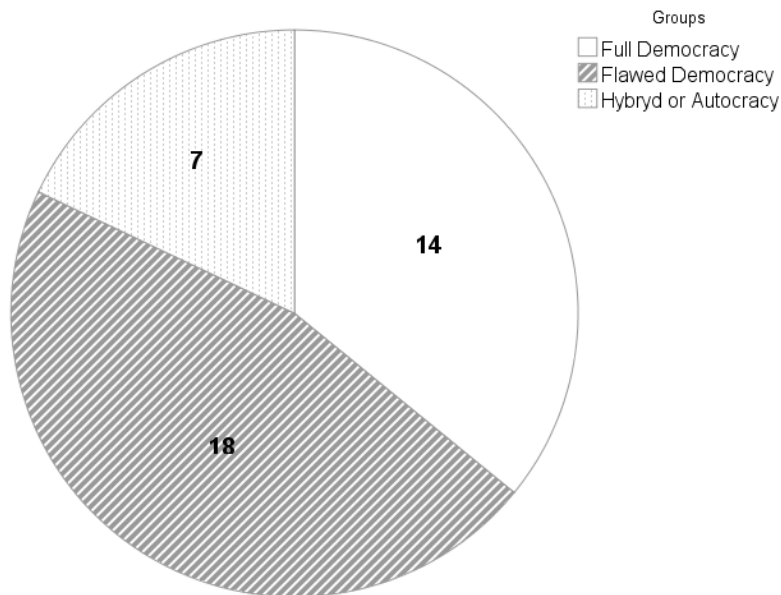

Рис. 2.
**Распределение стран выборки
по группам Индекса демократии**

С помощью статистического анализа мы пытаемся обнаружить наличие или отсутствие связи между двумя переменными (уровень демократии и параметр развития науки), а также наличие или отсутствие значимой вариации в параметрах развития политической науки в странах, относящихся к группам, выделенным на

¹ Измеряется по «обратной» шкале: «7» соответствует самому низкому уровню свобод, а «1» – самому высокому. Поэтому отрицательные корреляции со «Свободой в мире» содержательно будут означать то же самое, что положительные – с Индексом демократии.

рис. 2. Исходя из поставленных задач и специфики шкал, в которых измерены данные, мы используем ранговый коэффициент корреляции Спирмена, анализ таблиц сопряженности с использованием критерия Пирсона, однофакторный дисперсионный анализ и регрессионные модели, визуализированные на диаграммах рассеяния.

Использование последнего метода требует двух пояснений. Известно, что парные регрессии хуже множественных в двух отношениях: более низкая объяснительная способность модели и наличие риска эндогенности – шанса на то, что связь двух переменных на самом деле обусловлена не друг другом, а третьей (четвертой, пятой...) неучтенной переменной. В данном случае для избегания этого риска мы попробовали использовать набор из пяти контрольных переменных:

- уровень экономического развития (натуральный логарифм ВВП на душу населения)¹;

- уровень урбанизации (% от общего населения, проживающий в городах)²;

- валовые внутренние расходы на исследования и развитие (% от ВВП)³;

- уровень высшего образования (% людей с образованием не ниже бакалавриата от общего населения; данные доступны для 32 стран)⁴;

- доля научных степеней (% от общего населения; данные доступны для 31 страны)⁵.

Однако проведенный анализ показал, что в большинстве множественных моделей либо все предикторы, либо выбранные

¹ GDP per capita (current US) // World Bank, 2018. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/NY/GDP.PCAP.CD> (Accessed: 02.11.2019.)

² Urban Development // World Bank, 2018. – Mode of access: http://data.worldbank.org/topic/urban_development (Accessed: 02.11.2019.)

³ Research and development expenditure (% of GDP) // World Bank, 2008–2017. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDY.GD.ZS> (Accessed: 02.11.2019.)

⁴ Educational attainment, at least Bachelor's or equivalent // World Bank, 2008–2018. – Mode of access: <http://data/worldbank.org/indicator/SE.TER.CUAT.BA.ZS> (Accessed: 02.11.2019.)

⁵ Educational attainment, Doctoral or equivalent // World Bank, 2018. – Mode of access: <http://data/worldbank.org/indicator/SE.TER.CVAT.DO.ZS> (Accessed: 02.11.2019.)

в качестве контрольных переменные оказываются незначимы из-за высокой скоррелированности и роста стандартной ошибки, а также недостаточного размера выборки на страновом уровне. Исходя из этого, ниже будут представлены парные регрессии с Индексом демократии, поскольку их объяснительная сила в каждом случае оказалась выше, чем у парных моделей с другими переменными (с одним исключением, о котором будет сказано ниже); а также три множественные регрессии со значимыми коэффициентами.

Связь между публичным позиционированием политической науки и демократией

Из всех рассмотренных параметров политической науки самая сильная связь обнаруживается между уровнем демократии и позиционированием политической науки вне академической среды, результатом которого является ее «заметность» (visibility) в публичном поле. При этом связь носит отчетливый нелинейный характер: наименьшими результатами характеризуются страны, только преодолевшие порог группы «переходных демократий»: Сербия, Албания, Польша, Румыния. В частности, они характеризуются менее открытой обществу политической наукой по сравнению с Россией, хотя опережают ее на 3–3,5 пункта по шкале демократии. На следующем шаге рост уровня демократии дает очень разнообразные (от Италии до Латвии), но в целом более позитивные результаты видимости науки. Наконец, большинство представителей группы «полных демократий» демонстрируют высокие и очень высокие показатели видимости науки в публичном поле (с характерным исключением случая Мальты) (рис. 3).

Эти же закономерности проявляются, если в качестве индикатора общественной заметности политической науки использовать не обобщенные данные по всем вариантам ответа, а процент респондентов, ответивших, что в их стране наука «очень заметна» (рис. 4). Такая убежденность резко выделяет представителей научных сообществ Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, Нидерландов, Исландии и Ирландии. На другом конце спектра мы вновь видим, что Россия находится выше ряда восточноевропейских стран по уровню публичности политической науки. По-

зительное влияние демократии на видимость науки начинается только с уверенного достижения политией уровня «переходной демократии».

Рис. 3.

Демократия и видимость науки в публичном поле

Модель, учитывающая нелинейный характер связи, позволяет объяснить более 40% вариаций данных (величина скорректированного R^2), что является хорошим результатом для парной регрессии. Более сложная значимая модель, учитывающая логарифм ВВП на душу населения, позволяет объяснить 53% вариаций, но характеризуется высоким уровнем мультиколлинеарности (показатель VIF равен 3,648), что затрудняет интерпретацию влияния каждого предиктора в отдельности. Значимые корреляции средней силы с обоими индексами (прямую – с Индексом демократии и обратную – со «Свободой в мире») демонстрирует и корреляционный анализ (табл. 1). Дисперсионный анализ подтверждает, что группы политических режимов значительно различаются между собой в уровне публичности политической науки (значимое различие заключено в паре между группами полных демократий и гибридов / автократий).

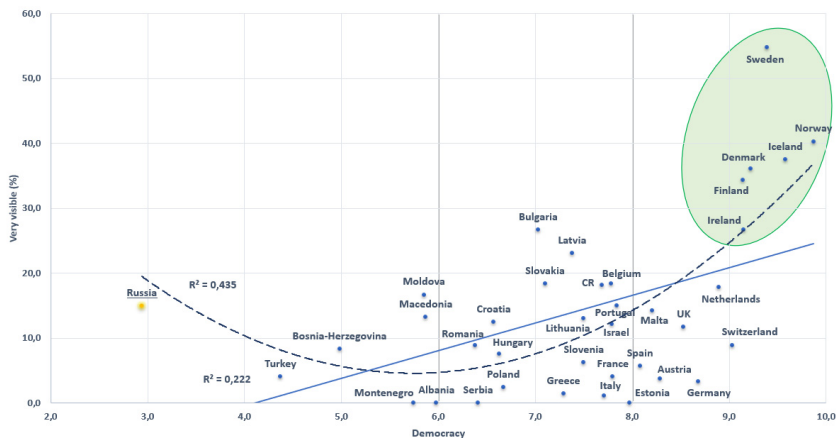

Рис. 4.

Демократия и доля респондентов, отметивших крайне высокую степень видимости науки в их стране

Таблица 1

Ранговые корреляции для видимости науки в публичном поле

		Обобщенная оценка видимости исследований в публичном поле	Исследования в публичном поле никак не отражаются	Исследования отражаются в публичном поле очень заметно
По Спирмана	Democracy Index	,556**	-0,309	,384*
	Freedom House	-,416**	,361*	-0,275

Наконец, анализ остатков в таблицах сопряженности полностью согласуется с приведенными выше диаграммами: утвердительно на вопрос о видимости склонны отвечать представители Бельгии, Дании, Финляндии, Норвегии, Швеции, Швейцарии, Нидерландов, Соединенного Королевства. Интересно, однако, что смещение к отрицательным ответам характерно не только для Турции, Сербии и Польши (что понятно в логике аргумента Хантингтона), но также для Германии, Италии и Испании (все три страны – выше 7,5 пункта по Индексу демократии).

Однако фактическое присутствие или отсутствие политической науки и политических ученых в поле зрения общества может быть адекватно понято только в контексте анализа мотиваций, ко-

которые движут учеными при выходе в публичное поле. Для политической теории демократии классическим является тезис о том, что в демократических полициях публичное пространство должно мыслиться как альтернатива частному, а публичный дискурс должен быть свободен от частных интересов [Арендт, 2000]. И наоборот, для авторитарного правления характерно «присвоение» публичного пространства, проникновение логики частного в сферу политики. Соответственно, мы вправе были бы предполагать, что для политологов, погруженных в демократический ценностный контекст, скорее характерно участие в публичных дебатах исходя из соответствующего понимания своей роли социального ученого. Напротив, в условиях редуцированной публичной сферы и в целом большей зависимости от политического режима ученые могут рассматривать свою публичную речь исключительно прагматически, как вклад в построение карьеры востребованного спикера.

Если мы проанализируем вариацию доли респондентов, которые «в полной степени» согласились с предложенными им утверждениями об участии в дебатах, картина выглядит следующим образом. Доля ученых, полностью согласных с пониманием дебатов как своего профессионального долга, не связана с уровнем демократии в их странах. Кажется, что связь могла бы быть найдена между демократией и долей ученых, склонных рассматривать публичные дебаты в качестве инструмента карьеры (парная регрессия значима с 19% объясненной вариации). Однако в данном случае разница в установках ученых лучше объясняется остальными переменными: логарифмом ВВП на душу населения (24%), уровнем высшего образования в стране (28,5%), уровнем расходов на исследования (39%, см. рис. 5) и, наконец, множественной моделью, включающей уровень урбанизации и долю научных степеней в стране (35,7% объясненной вариации, пройден тест на мультиколлинеарность (VIF равен 1,03); см. рис. 6). В рамках статьи мы не можем интерпретировать содержательно все эти связи, но общий вывод несомненен: разница в «карьеризме» ученых объясняется в первую очередь комплексом материальных факторов, а не демократических ценностных установок.

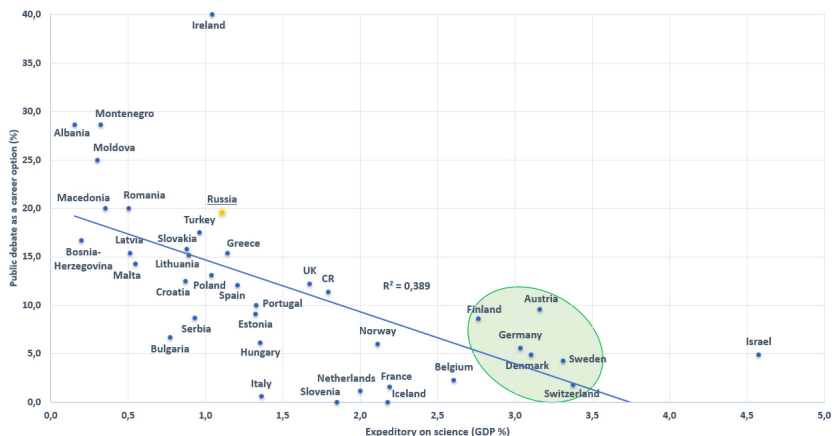

Рис. 5
Расходы на исследования и «карьеризм»

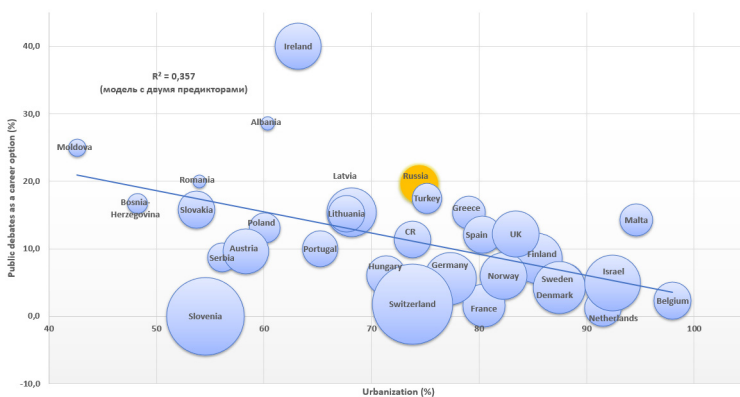

Рис. 6.
Урбанизация, количество степеней и «карьеризм»

Вместе с тем вопрос о намерениях неотделим от вопроса о возможности их реализации. Политологи, действующие в недемократических или переходных политиях, могут быть ограничены в возможности свободного публичного высказывания (наличие явной или неявной цензуры, отсутствие подходящих медиаресурсов). В таких условиях *публичное поле говорения о политике*,

скорее всего, будет отличаться от того, что характерно для развитых демократий. Наш анализ может указать предварительное направление дальнейшего поиска. Косвенно это предположение подтверждается наличием значимых корреляций средней силы между уровнем демократии / уровнем свобод и **использованием социальных сетей** в качестве площадки для обсуждения политологами вопросов политики (табл. 2). Мы обнаруживаем тенденцию к сокращению доли политологов, *не использующих* Фейсбук и Твиттер в качестве дискуссионной площадки, в странах, занимающих более высокие позиции на шкале демократии и уровня свобод в обществе. Значимые различия по этим параметрам между группами стран подтверждаются и дисперсионным анализом. Можно предположить, что социальные сети становятся возможным выходом для тех ученых, которые живут и работают в более авторитарных или, по крайней мере, менее медийно плюральных политических контекстах, однако это предположение требует дальнейшей проверки, поскольку корреляция еще не доказывает наличия каузальной связи.

Таблица 2

**Ранговые корреляции для % респондентов,
не использовавших Фейсбук и Твиттер для дискуссий
по политическим вопросам**

		Использование Твиттера [никогда]	Использование Фейсбука [никогда]
Ро Спирмана	Democracy Index	,541**	,484**
	Freedom House	-,557**	-,448**

Политологи и политика: степени вовлеченности

Нередко роль ученого-политолога на уровне повседневного и даже профессионального дискурса концептуализируется как роль советника, GR-консультанта, эксперта, напрямую включенного в процессы взаимодействия с органами власти. В России такая траектория профессионального развития нередко предлагается абитуриентам со стороны ведущих университетов, имеющих образовательные программы по политологии¹. С этой перспективы полезно

¹ См., например: Политические профессии / Факультет политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://polit.msu.ru/profession/politwork/> (Дата

проанализировать опыт других стран на предмет наличия взаимодействий с органами власти и характера этих взаимодействий.

В ходе анализа мы не обнаружили устойчивой связи между **уровнем демократии и взаимодействием ученых-политологов с органами законодательной (ОЗВ) (рис. 7) и исполнительной власти (ОИВ) (рис. 8)**. Ни дисперсионный, ни регрессионный анализ не улавливают значимых различий между странами. В таблицах сопряженности заметна связь между взаимодействием с ОИВ и страновой принадлежностью, но без очевидной привязки к демократии. Судя по распределению процентов ответов и стандартизованных остатков, больше всего взаимодействуют с исполнительной властью боснийские, болгарские, латвийские, литовские, словенские и испанские политологи, меньше всего – турецкие. Следовательно, в данном случае необходим переход на уровень анализа конкретных страновых кейсов. Распределение ответов в России также не позволяет говорить о какой-либо содержательной специфике в этом отношении.

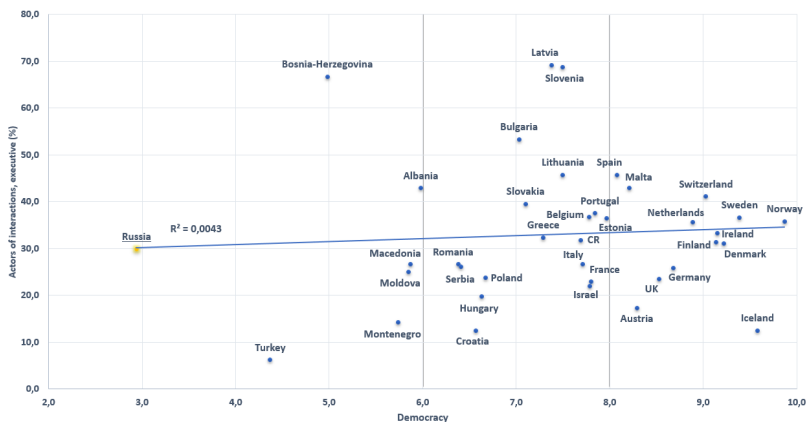

Рис. 7.
**Демократия и взаимодействие
с органами исполнительной власти**

обращения: 02.11.2019.); Политология – политическое управление / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/bakalavriat/napravleniya-i-programmy/napravleniya-i-programmy/41-03-04-politologiya> (Дата обращения: 02.11.2019.)

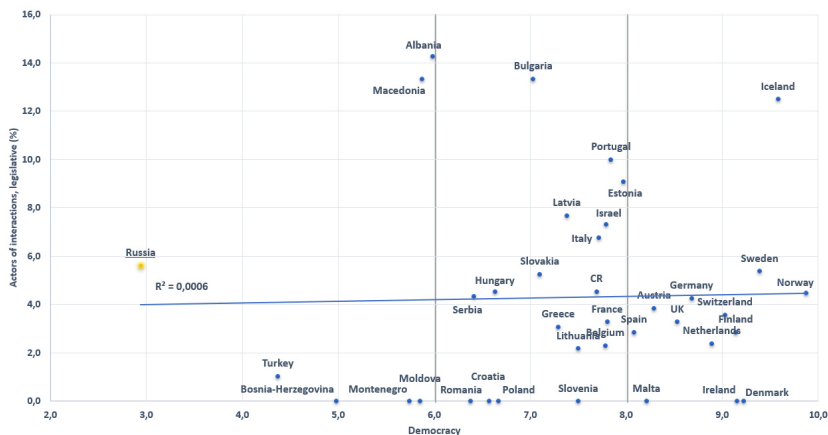

Рис. 8.
Демократия и взаимодействие
с органами законодательной власти

Однако более содержательные связи обнаруживаются на уровне качественных характеристик этого взаимодействия. Существует слабая значимая связь между **уровнем демократии и степенью формализованности практик вовлечения** ученых в консультативную и экспертную деятельность (от личных контактов – к институционализированным форматам) (рис. 9). При контроле над распространенностью высшего образования в стране модель продолжает быть значимой, с допустимым уровнем мультиколлинеарности (VIF равен 1,396), а ее объяснительная способность растет (рис. 10). Последний фактор может быть отнесен на счет институционализации науки как таковой: большее количество получающих высшее образование – выше роль науки как автономного социального института – ниже неформальное взаимодействие с политическими акторами. Вновь кристаллизуется уже упоминавшаяся группа стран, совмещающая высокий уровень демократии и высокий уровень формализованности взаимодействий. При этом Россия в целом вписывается в логику Хантингтона, имея один из самых низких уровней формализованности взаимодействий. Мы можем заключить, что позиция, согласно которой практики прикладного «неформального» взаимодействия с органами власти свидетельствуют о профессиональной компетентности политолога,

скорее характерна для политической науки в контекстах, удаленных от идеала демократии.

Рис. 9.
Демократия и формализованность вовлечения ученых

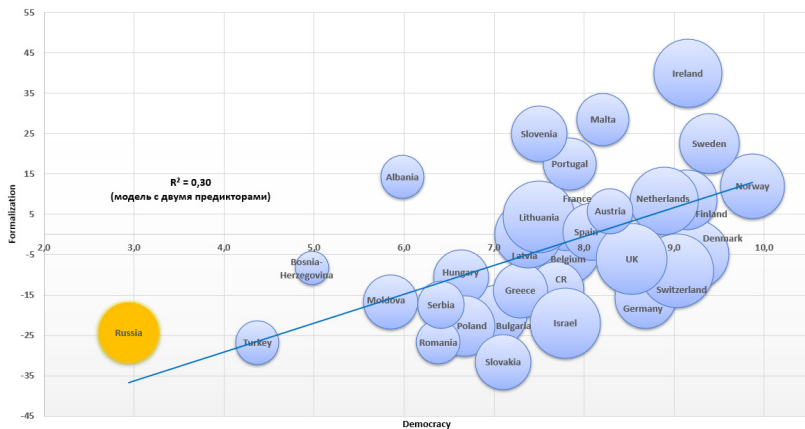

Рис. 10.
Демократия, уровень высшего образования
и формализованность вовлечения ученых

Формализованность отношений на практике находит свое отражение и в нормативных установках политологов относительно форматов включения в реальную политику. Самые сильные из всех обнаруженных нами корреляций – это обратные корреляции между долей респондентов, которые согласились с утверждением «Политологи должны быть вовлечены в процесс принятия политических решений», и уровнем демократии (-,646**) / уровнем свобод (0,537**). Высокий уровень демократизации и свобод обратно коррелирует со стремлением политологов активно участвовать в политическом процессе.

Эти же закономерности видны при анализе распределения остатков в таблицах сопряженности. *Не соглашаться* с тезисом о необходимости прямого включения в policy making характерно для представителей Бельгии, Германии, Финляндии, Франции, Норвегии, Швейцарии, Швеции, Нидерландов. Напротив, настаивают на такой необходимости политологи России, Испании и Турции (что вписывается в логику Хантингтона в случае России и Турции и требует дополнительного объяснения в случае Испании).

Интеграция в международное академическое сообщество

Завершающим выводом нашего анализа является фиксирование *отсутствия каких бы то ни было связей между уровнем демократии в стране и уровнем интернационализации ее политической науки*. Этот вывод безоговорочно подтверждается регрессионным, корреляционным и дисперсионным анализом (рис. 11; табл. 3).

В то же время анализ остатков в таблицах Пирсона позволяет отойти от разговора об уровне демократии и увидеть более сложную классификацию политологических сообществ в три подгруппы.

Группа А – это страны, для которых характерно отсутствие или редкость публикаций в журналах за пределами страны, нехарактерны публикации с зарубежными соавторами и участие в международных исследовательских проектах. По всей видимости, внутри группы это происходит по разным причинам.

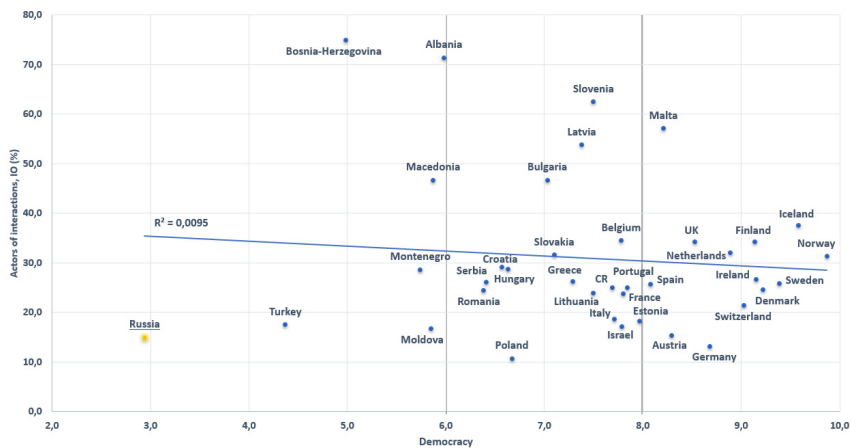

Рис. 11.

Демократия и взаимодействие с международными организациями

Таблица 3

Ранговые корреляции для показателей интернационализации

		Опубликовано с м/н соавторами: хотя бы один раз	Статьи в рецензируемых м/н журналах: хотя бы один раз	Партнер или субподрядчик в исследовательском проекте, финансируемом м/н организациями	Сколько времени вы провели, работая в странах, отличных от страны вашего проживания? [не проводил]	Сколько времени вы провели, работая в странах, отличных от страны вашего проживания? [больше 12 месяцев]
Ро Спирмана	Democracy_	0,103	0,103	-0,134	-0,05	0,151
	Index Freedom_House	-0,174	-0,174	0,256	0,252	-0,124

С одной стороны, в эту группу входят Россия, Польша, Чехия, Венгрия, Литва, Турция, в случае которых речь идет об отсутствии механизмов успешной интеграции в мировое сообщество

(даже у стран с относительно высокими отметками уровня демократии). Отдельного внимания заслуживает сюжет о практическом взаимодействии с международными организациями. Россия имеет самые сильные по выборке отрицательные результаты по взаимодействию со структурами уровня Евросоюза; напротив, не будучи заметно интегрированными по научным показателям (публикации в журналах, исследовательские проекты), посткоммунистические страны при беглом взгляде кажутся более вовлеченными в сотрудничество с международными организациями *как политическими акторами*. Таким образом, политическая наука, являясь частью общества, в своем развитии может следовать – вольно или невольно – траекториям общего политического курса страны.

С другой стороны, сюда же попадают также куда более демократичные Германия и отчасти Франция, которых нельзя заподозрить в «позднем старте», отсутствии политической интегрированности в европейский контекст или авторитарных барьерах на пути академической политологии. Можно ли в этих случаях рассматривать в качестве причины низкого уровня интернационализации языковую и интеллектуальную «самобытность» этих научных сообществ – вопрос, который заслуживает отдельного рассмотрения (см., например, дискуссию о случае Франции в: [Политическая наука в Западной Европе, 2009]).

На контрасте с этим *группа В* – группа сильно интегрированных стран, для которых характерны международная коллаборация и наличие публикаций в зарубежных журналах. Это случаи Дании, Бельгии, Швеции, Нидерландов, Великобритании, отчасти Италии, интегрированность которых может объясняться не обязательно высоким уровнем демократичности, но просто менее крупными размерами и ресурсами научного сообщества, сильнее ориентирующегося на издания и научные проекты за пределами страны.

Заключение

Запоминающиеся тезисы сильны своей концептуальной простотой. Тезис Хантингтона, озвученный им с высокой трибуны Ассоциации, звучал весьма убедительно: есть прямая связь между развитием демократии и развитием политической науки – как науки о демократии и в демократии. Мы показали, что «аргумент

Хантингтона» должен быть специфицирован в формате набора гипотез о *разных* параметрах развития политической науки, в отношении которых мы приходим к разным выводам: если заметность политической науки в публичном поле и формализованность ее отношений с политическими акторами действительно связаны с демократией, то в отношении интернационализации науки этого утверждать нельзя, а ценностные установки ученых относительно участия в публичных дебатах оказываются сильнее связаны с факторами социально-экономического характера.

К примеру, классический веберовский аргумент о нейтральности науки лучше работает в определенной группе стран: это Швейцария, Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия, Исландия, Нидерланды, отчасти Германия, Великобритания и Ирландия. Сам Вебер связывал развитие того типа мышления, что лежит в основе *современной* науки, с другими факторами Модерна – бюрократическим государством и протестантизмом [Вебер, 1990 b]. Отталкиваясь от признания этих взаимосвязей, мы можем поставить целый ряд новых гипотез о других факторах развития политической науки: распространение протестантизма [Вебер, 1990 b], качество бюрократического управления [Эванс, Раух, 2006], роль «пояса городов» в Европе [Rokkan, 1999]. Возможно, такие подходы помогут лучше объяснить специфику кейсов Италии, Испании, Германии, с которой мы встречались в ходе работы. Наконец, наблюдения по странам Восточной Европы могут быть рассмотрены сквозь призму теории посткоммунистического транзита [Мельвиль, МIRONЮК, Стукал, 2012]. Будучи включенными в множественные регрессионные модели, эти факторы, как представляется, потенциально способны объяснить весомую долю различий в развитии политической науки как внутри самой Европы, так и в ее сравнении с Турцией, Израилем и Россией. В свою очередь, для построения более сложных статистически значимых регрессионных моделей мы планируем в дальнейшем обратиться к анализу на уровне респондентов. Этот шаг позволит нам убедиться в том влиянии фактора демократии, которое было предварительно зафиксировано нами в анализе на страновом уровне с его методологическими ограничениями.

Список литературы

- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. – СПб.: Алетеия, 2000. – 445 с.
- Батыгин Г.С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России. – М.: Академический проект, 2005. – С. 6–107.
- Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990 а. – С. 707–735.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990 б. – С. 61–272.
- Гельман В.Я.* Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. – 2012. – № 4 (67). – С. 65–88. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2012-67-4-65-88>
- История Российской ассоциации политической науки / под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 360 с.
- Мельвиль А.Ю., МIRONЮК М.Г., Стукал Д.К.* Государственная состоятельность, демократия и демократизация (На примере посткоммунистических стран) // *Политическая наука*. – 2012. – № 4. – С. 83–105.
- Политическая наука в Западной Европе* / под ред. Х.-Д. Клингеманна. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 487 с.
- Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007)* / отв. ред. О.Ю. Малинова. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2008. – 463 с.
- Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 477 с.
- Эванс П., Раух Дэс.* Бюрократия и экономический рост: межстрановой анализ воздействия «веберинизации» государственного аппарата на экономический рост // *Экономическая социология*. – 2006. – Т. 7, № 1. – С. 38–60.
- Doyle M.* Three pillars of the liberal peace // *American Political Science Review*. – 2005. – Vol. 99, N 3. – P. 463–466. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055405051798>
- Guriev S., Treisman D.* How Modern Dictators Survive: Cooptation, Censorship, Propaganda, and Repression. – 2015. – 38 p. – (CEPR Discussion Paper; N DP10454).
- Heine H.* Democracy, dictatorship, and the making of modern political science: Huntington's thesis and Pinochet's Chile // *PS: Political science & politics*. – 2006. – Vol. 39, N 2. – P. 273–280. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S1049096506060483>
- Huntington S.* One soul at a time: political science and political reform // *American political science review*. – 1988. – Vol. 88, N 1. – P. 3–10. – DOI: <https://doi.org/10.2307/1958055>
- Political science in Central-East Europe: Diversity and convergence* / R. Eisfeld, L.A. Pal (eds.). – Opladen & Farmington Hills, MI: Barbara Budrich, 2010. – 317 p.
- Rokkan S.* State formation, nation-building, and mass politics in Europe: the theory of Stein Rokkan. – Oxford: Oxford university press, 1999. – 422 p.
- Schmidt M.G.* Regime types: measuring democracy and autocracy // *Keman H., Woldendorp J.J.* Handbook of research methods and applications in political science. – Chel-

tenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2016. – P. 111–116. – DOI: <https://doi.org/10.4337/9781784710828.00016>

The World of political science: a critical overview of development of political studies around the globe: 1990–2012. – Opladen & Farmington Hills, MI: Barbara Budrich, 2012. – 185 p.

I.A. Inshakov, O.Yu. Malinova*

**Is it true that «Where democracy is strong, political science is strong»?
Analysis of 39 countries' political scientists survey results**

Abstract. The paper provides an attempt to test empirically Samuel Huntington's well-known thesis about the relationship between democracy and political science, based on data, obtained from a survey «Professionalization and Social Impact of European Political Science» (ProSEPS) conducted among political scientists from 39 countries.

The authors find significant relationships between the level of democracy and some parameters of political science; primarily, with the presence of political science in public field. In the final part of the work, hypotheses are put forward about other possible explanations of country differences in the development of political science.

Keywords: Political science; democracy; Huntington's hypothesis; internationalization of political science; qualitative data.

For citation: Inshakov I.A., Malinova O.Yu. Is it true that «Where democracy is strong, political science is strong»? Analysis of 39 countries' political scientists survey results // *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 35–63. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.02>

References

- Arendt H. *Vita Activa, or about active life*. Saint Petersburg: Aletheia, 2000, 445 p. (In Russ.)
- Batygin G.S. «Social scientists» in the crisis: structural changes in the disciplinary organization and thematic repertoire of social sciences. In: *The social sciences in post-Soviet Russia*. Moscow: Academic project, 2005, P. 6–107. (In Russ.)
- Doyle M. Three pillars of the liberal peace. *American Political Science Review*. 2005, Vol. 99, N 3, P. 463–466. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055405051798>

* **Inshakov Ilya**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: iinshakov@hse.ru; **Malinova Olga**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Institute of information for social sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: omalinova@hse.ru

- Evans P., Rauch J. Bureaucracy and growth: a cross-national analysis of the effects of «Weberian» state structures on economic growth. *Journal of Economic Sociology*. 2006, Vol. 7, N 1, P. 38–60. (In Russ.)
- Gel'man V. The rise and decline of electoral authoritarianism in Russia. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2012, Vol. 67, N 4, P. 65–88. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2012-67-4-65-88> (In Russ.)
- Guriev S., Treisman D. How Modern Dictators Survive: Cooptation, Censorship, Propaganda, and Repression. *CEPR Discussion Paper No. DP10454*. 2015, 38 p.
- Heine H. Democracy, dictatorship, and the making of modern political science: Huntington's thesis and Pinochet's Chile. *PS: Political Science & Politics*. 2006, Vol. 39, N 2, P. 273–280. DOI: <https://doi.org/10.1017/S10490965060060483>
- History of the Russian Political Science Association. Ed. by S.V. Patrushev, L.E. Filippova. Moscow: Aspect Press, 2015, 360 p. (In Russ.)
- Huntington S. One soul at a time: political science and political reform. *American political science review*. 1988, Vol. 88, N 1, P. 3–10. DOI: <https://doi.org/10.2307/1958055>
- Melville A.YU., Stukal J.K., Mironyuk M.G. State consistency, democracy and democratization (On the example post-communist countries). *Political Science (RU)*. 2012, N 4, P. 83–105. (In Russ.)
- Political science in Central-East Europe: diversity and convergence*. Ed. by R. Eisfeld, L.A. Pal. Opladen & Farmington Hills, MI: Barbara Budrich, 2010, 317 p.
- Political science in Russia: problems, tendencies, schools (1990–2007)*. Ed. by O.Yu. Malinova. Moscow: ROSSPEN, 2008, 463 p. (In Russ.)
- Political science in Western Europe*. Ed. by H.-D. Klingemann. Moscow: Aspect Press, 2009, 487 p. (In Russ.)
- Rokkan S. State formation, nation-building, and mass politics in Europe: the theory of Stein Rokkan. Oxford: Oxford university press, 1999, 422 p.
- Trends and problems in the development of Russian political science in a global context: tradition, reception and innovation*. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, S.V. Patrushev. Moscow: Political Encyclopedia Publishers, 2018, 477 p. (In Russ.)
- The World of Political Science: A Critical Overview of Development of Political Studies around the Globe: 1990–2012*. Opladen & Farmington Hills, MI: Barbara Budrich, 2012, 185 p.
- Schmidt M.G. Regime Types: Measuring Democracy and Autocracy. In: Keman H., Woldendorp J.J. *Handbook of Research Methods and Applications in Political Science*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2016, P. 111–116. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781784710828.00016>
- Weber M. Science as vocation. In: Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990 a, P. 707–735. (In Russ.)
- Weber M. The Protestant ethic and the spirit of capitalism. In: Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990 b, P. 61–272. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Используемые индикаторы ProSEPS Survey

Блок «Визуализация политической науки для общества»

Q1: В какой мере в общественных спорах / дискуссиях отражаются исследования, производимые политологами в вашей стране?

Q1_aggr: Агрегированная метрика «наблюдаемости» науки; рассчитана на уровне стран по формуле $(Q1.1*(-2))+(Q1.2*(-1))+(Q1.3*1)+(Q1.4*2)$, где переменные – доля респондентов, выбиравших варианты ответа от «Совершенно не отражаются» (Q1.1) до «Отражаются очень заметно» (Q1.4).

Q2: Участвовали ли вы в публичных обсуждениях в СМИ за последние три года?

Q2 b1, Q2 b2, Q2 b3: Укажите, пожалуйста, как часто за последние три года вы выступали в телевизионных передачах / радиопередачах / газетах и журналах, связанных с политическими вопросами?

Q5_5 a, Q5_5 b, Q5_5 c: Как часто за последние три года вы участвовали в дискуссиях по политическим вопросам в Twitter, Facebook или профессиональных / личных блогах?

Q5 d_5 d1, Q5 d_5 d2: В какой степени вы согласны со следующими утверждениями? [Политологи должны участвовать в публичных обсуждениях, потому что это часть их роли исследователей общества / потому что это позволяет им расширить свои карьерные возможности.]

Блок «Опыт политического консультирования и общественной деятельности»

Q9_9 a, Q9_9 b, Q9_9 i: С какими именно политическими акторами вы взаимодействовали, осуществляя обмен знаниями или консультирование, в последние три года? [Политики, участвую-

шие в исполнительной власти / законодательной власти / международных организациях.]

Q10_1 – Q10_3: Для какого уровня государственного управления вы чаще всего осуществляли консультирование в последние три года? [Субнациональный / национальный / уровень Европейского союза / транснациональный.]

Q11: Оцените, пожалуйста, ваше участие в деятельности, связанной с обменом знаниями, подготовкой рекомендаций или консультированием, в последние три года по шкале от полностью неформальных (например, личные переговоры) до полностью формальных (например, назначение в экспертные советы).

Q11_aggr: Агрегированная метрика формализованности взаимодействий с политическими акторами; рассчитана на уровне стран по формуле $(Q11.1*(-2))+(Q11.2*(-1))+(Q11.4*1)+(Q11.5*2)$, где переменные – доля респондентов, выбиравших варианты ответа от «Совершенно неформальное» (Q11.1) до «Совершенно формальное» (Q11.5).

Q14_14 a – Q14_14 d: Укажите, пожалуйста, насколько вы согласны с каждым из приведенных ниже утверждений: [Политологи должны быть вовлечены в разработку политики / имеют профессиональную обязанность участвовать в публичных обсуждениях / должны нести эмпирически обоснованное знание за пределы академических кругов, но не должны принимать участия в разработке политики / должны воздерживаться от прямого взаимодействия с политическими акторами.]

Блок «Включенность политологов в международное сотрудничество»

Q26_26 a – Q26_26 d: Сколько раз за последние три года (у Вас) ...? [Опубликовано в журнале за пределами моей страны / опубликовано с международными соавторами / опубликовано на английском / опубликовано на иностранном языке (не английском).]

Q27_27 d: Сколько раз за последние три года (у вас) ...? [Участие в международных исследовательских проектах.]

Q28_28 a: Сколько раз за последние три года (у вас) ...? [Статьи в рецензируемых международных журналах.]

Q29_29 a: Участвовали ли вы в последние три года в каких-либо из следующих мероприятий? [Партнер или субподрядчик в исследовательском проекте, финансируемом международными организациями (H2020, ERC, COST, другие).]

Блок «Персональные данные»

Q18: Пол.

Q19: Какова наивысшая ученая степень, полученная вами?

Q21: Ваш возраст (год рождения).

Q23: Какую академическую должность вы занимаете в настоящее время?

Q37: Семейное положение.

А.Ю. СУНГУРОВ, К.А. ШАМШУРА*

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА И ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ:
РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹**

Аннотация. В статье рассматриваются две связанные между собой темы. Это, во-первых, тема строения политической науки как таковой, возможность ее структурирования, подобно другим, уже более устоявшимся научным направлениям, на науку академическую, фундаментальную, на науку прикладную и на еще более связанную с практикой ее область – политологическое экспертное знание. Во-вторых, это тема взаимоотношений носителей экспертного знания с заказчиками предлагаемой экспертизы. Основным заказчиком такой экспертизы выступает государство во всех его проявлениях. Однако наряду с властными структурами такими заказчиками уже могут быть разнообразные бизнес-структуры, а также представители некоммерческих организаций – НКО. В статье формулируется проблема принципиальной возможности объективной нормативной оценки экспертами-политологами действий акторов поля публичной политики, а также другие проблемы, возникающие при оценке программ и проектов.

Ключевые слова: экспертиза; экспертное знание; политическая наука; власть; гражданское общество.

Для цитирования: Сунгуров А.Ю., Шамшура К. Политическая наука и экспертное знание: развитие в современной России // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 64–86. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.03>

* **Сунгуров Александр Юрьевич**, доктор политических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: asungurov@mail.ru; **Шамшура Кирилл Александрович**, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: kirillshamshura@gmail.com

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ – ЭИСИ № 19–011–31047.

© Сунгуров А.Ю., Шамшура К.А., 2020 DOI: 10.31249/poln/2020.01.03

Политическая наука как институт: от академической дисциплины к экспертному знанию

Представляемый читателю текст является прежде всего развитием и определенного рода обобщением предыдущих работ одного из авторов, включая и его раннюю статью в журнале «Политическая наука» [Сунгуров, 2015]. Статья основана на ряде полуструктурированных экспертных интервью с носителями важной инсайдерской информации о работе экспертов с заказчиками экспертизы различного вида, фрагменты из которых приводятся в тексте, а также на анализе ежегодных отчетов региональных отделений Российской ассоциации политической науки.

Прежде всего отметим, что сама возможность разделения политической науки на фундаментальную, прикладную и экспертное знание в современной России пока не является общепринятой. Существует позиция, в соответствии с которой наука «едина и неделима», что есть серьезная, «настоящая» политическая наука, а есть «ненастоящая», или «квазинаука», в которой отсутствуют как таковые исследования политической реальности, а присутствуют только наукообразные рассуждения «по поводу».

Не отрицая существования и такой «квазиполитологии», мы все же считаем, что разделение политологии на определенные части в зависимости от степени вовлеченности в решение практических проблем не только возможно, но и целесообразно, как это имеет место в большинстве других наук. Критерием такого разделения может служить, например, источник постановки исследовательских задач. Если такие задачи рождаются внутри самого научного сообщества, как логическое следствие предыдущих исследований, вытекающее из самой логики развития научного знания, как научная проблема, которую необходимо решать, – то такую область науки логично относить к науке фундаментальной.

Если же задача исследования возникает извне самого научного сообщества, как отражение реальных социальных и политико-управленческих проблем, которые необходимо решать органами государственного и местного управления, и именно для решения этих задач выделяются денежные или иные ресурсы, то такие исследования вполне логично называть прикладными, что вовсе не снижает возможности их серьезной научной значимости. Можно также сказать, что для фундаментальных исследований наиболее

важную роль играет наличие научной проблемы, общественная же, социальная проблематика здесь вторична. Для прикладных исследований первичной будет уже социальная проблема, для поиска решений которой заказывается и проводится прикладное исследование. Можно также увидеть различие между фундаментальным и прикладным исследованием во временных интервалах, отведенных для их проведения. Так, для фундаментальных исследований в области общественных наук, включая и политологию, вполне реальным является трехлетний срок реализации проекта (как об этом свидетельствует опыт Российского фонда фундаментальных исследований). Для прикладных исследований этот срок короче, он, как правило, не превышает года (иногда и несколько месяцев).

К прикладным исследованиям достаточно близко примыкают экспертные заключения и экспертная работа [Boswell, 2008; 2009; Howlett, 2019; van den Berg, 2017]. Эта область деятельности, например политологов и социологов, может вообще не предусматривать какого-либо исследования, эксперты могут привлекаться как носители знания и давать рекомендации или заключения в кратчайший срок, который может соответствовать дням или даже часам. Таких экспертов в российских органах власти называют «нишевыми» экспертами. Как отмечал наш респондент, имевший опыт работы в политическом руководстве страны, «Мы всегда делили экспертов на “нишевых” экспертов – т.е. знающих в какой-то предметной области все досконально, значительно лучше, чем штатный политический эксперт, работающий в органах власти, – и экспертов-универсалов»¹. В качестве примера респондент приводил вопрос о принятии государственной символики в 2000 г., когда требовался «нишевый» эксперт геральдического обеспечения и его истории.

Во многих случаях эксперты имеют определенный срок на выполнение так называемого экспертного исследования (обычно не более одной-двух недель). Примером может служить привлечение специалистов-политологов для решения вопроса о том, занималась ли та или иная общественная организация политической деятельностью, которая происходила в 2013–2014 гг., когда решение о признании НКО «иностранным агентом» принимали суды. Один из авторов этого текста имел такой опыт по приглашению

¹ Из интервью с респондентом А; ученый, опыт работы в федеральных органах власти, Москва, февраль 2017 г.

нескольких НКО и даже выступал в судебном заседании, а также знакомился с другими экспертными заключениями. В рамках отчета об экспертном исследовании (сроком до семи дней) были и разделы об используемых методах, и ссылки на литературу, но главными были, конечно, выводы – заключения экспертизы¹. Из недавних примеров подобных экспертиз – экспертизы о наличии в текстах и видеообращениях студента Егора Жукова признаков экстремизма – официальная, по запросу Следственного комитета, и альтернативные, сделанные учеными РАН и профессорами НИУ ВШЭ².

Наряду с «классическими» экспертами, призванными установить, например, по запросу суда наличие или отсутствие какого-либо факта, в современной научной литературе под экспертами сегодня понимают и специалистов, обладающих определенными научными знаниями и принимающих непосредственное участие в процессе выработки политико-управленческих решений. Иначе говоря, от линейно-автономной модели взаимодействия экспертов и власти, в которой привлекаемые эксперты исполняют только инструментальную функцию, играя роль своеобразных объективных носителей знания («нишевых» экспертов), во многих странах наблюдается переход к предложенной Шейлой Джасанофф [Jasanoff, 2004; 2011] модели «добродетельного разума», в рамках которой и эксперты, и представители власти в ходе совместных дискуссий обсуждают возможные варианты решений стоящих в повестке дня проблем, учитывая и их социально-политические последствия. При этом эксперты оказывают влияние и на формирование повестки дня, а акцент делается не на инструментализации науки, а на согласовании научных выводов с широким набором социальных ценностей, особенно с учетом угрозы неизвестности и невежественности.

¹ Репринцева Ю. Исторический процесс: в Воронеже предлагают договориться, что такое «политическая деятельность» // Электронное издание Блокнот-Воронеж. – 2015. – 16 октября. – Режим доступа: <http://bloknot-voronezh.ru/news/istoricheskii-protsess-v-voronezhe-predlagayut-dog-661340> (Дата посещения: 28.10.2019.)

² «Эксперт прибегает к манипулятивному приему». Отзыв на Лингвистическое исследование видеообращений студента Егора Жукова // Новая газета. – 2019. – № 101, 11 сентября. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/09/11/81926-ekspert-pribegaet-k-manipulyativnomu-priemu?fbclid> (Дата посещения: 11.11.2019.)

В рамках такой модели взаимодействия экспертов и власти первые уже, как правило, не проводят каких-либо формализованных экспертных исследований, а варианты решения актуальных политико-управленческих решений вырабатываются в диалоговом режиме в рамках совместных обсуждений носителей экспертного знания и представителей властных структур.

Мы видим, таким образом, что и в современной России, и в других странах существуют области экспертной деятельности специалистов-политологов, равно как и специалистов из других общественных наук, которые могут и даже должны становиться предметом анализа [Zaytsev, Belyaeva, 2017; van den Berg, 2017].

Для дальнейшего рассмотрения упомянем еще две модели взаимодействия экспертов и власти, предложенные ранее одним из авторов статьи [Сунгуров, 2015]. Это «модель оплаченного результата», в рамках которой эксперты используют свои профессиональные знания для обоснования уже принятого властью решения, при этом под «оплатой» подразумеваются не только (и не столько) деньги, но и рост символического капитала экспертов. Заказчик исследования заранее указывает нужные результаты, а дело ученых – лишь их аргументированно обосновать. По-видимому, именно убеждением в том, что все ученые работают по этой модели, можно объяснить логику авторов доклада Российского института стратегических исследований, в котором рекомендуется признать в случае получения зарубежных грантов иностранными агентами не только НКО, но и научные организации, включая, например, Институт социологии РАН¹.

Вторая модель, предлагаемая нами, – это «модель инициативной экспертизы», в рамках которой экспертное сообщество само определяет свою «повестку дня», готовит экспертные заключения (доклады) как для власти, так и для общества, действуя фактически как независимая «фабрика мысли». В странах с устойчивым демократическим режимом эта модель может реализоваться и в форме экспертных советов при властных структурах, но

¹ «Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и вузов, получающих финансирование из зарубежных источников: анализ и обобщение»: Доклад Российского института стратегических исследований. – М., 2014. – Февраль. – 97 с. – Режим доступа: <https://riss.ru/images/pdf/articles/doklad-smolin.pdf> (Дата посещения: 20.10.2019.)

действующих достаточно автономно от власти [Hunter, Boswell, 2015]. Для нашей страны развитие независимых «фабрик мысли» было характерно для 1990-х – начала 2000-х годов, когда были доступны гранты различных международных фондов. Далее, по мере ухода представительств этих фондов из России, а в особенности после поправок в закон об НКО, вводящих статус «иностранного агента», количество подобных структур существенно снизилось, а в регионах – стало стремиться к нулю [Сунгуров, 2014; Балаян, Сунгуров, 2016].

В заключение этого раздела представим некоторые результаты анализа годовых отчетов о деятельности региональных организаций Российской ассоциации политической науки (РАПН), представленных на ее сайте¹. Так, в 2016 г. раздел «Экспертная деятельность» присутствовал в 80% представленных отчетов, в 2017 г. – в 63%, в 2018 г. – в 71%. Мы видим, что примерно для 70% региональных отделений РАПН экспертная деятельность является важной составной частью их активности.

Наиболее типичные примеры экспертной деятельности региональных отделений РАПН, взятые из их отчетов за 2018 г.:

- представление экспертных оценок по запросам СМИ и различных организаций; проведение политологических экспертиз материалов экстремистского характера;

- члены РО РАПН периодически выступают в качестве экспертов при анализе документов, «спускаемых» органами власти или государственными организациями (например, экспертиза на предмет наличия экстремистских взглядов / идей и т.п.);

- члены РО РАПН принимают непосредственное участие в подготовке Ежегодного доклада Общественной палаты Республики X «О состоянии гражданского общества в Республике X»;

- с 2014 г. функционирует региональный дискуссионный клуб – экспертная площадка РО РАПН:

- экспертное сопровождение информационных и методических семинаров, организуемых Министерством национальной и региональной политики Республики X;

¹ Российская ассоциация политической науки. – Режим доступа: <http://www.rapn.ru/> (Дата посещения: 20.10.2019.)

- члены РО РАПН стали экспертами по программе подготовки общественных наблюдателей, проводившейся в регионах России по инициативе Общественной палаты РФ;

- подготовка и анализ материалов раздела по правовому просвещению для ежегодных докладов уполномоченного по правам человека в N-ской области;

- подготовка экспертных заключений по законопроектам, вносимым на рассмотрение областной думы.

Мы видим, что в этих отчетах упоминается привлечение политологов к экспертизе текстов на предмет наличия в них признаков экстремизма, о сотрудничестве с общественными палатами регионов по подготовке докладов о состоянии гражданского общества, иногда – докладов уполномоченного по правам человека, иногда – экспертизы законопроектов. К сожалению, об участии политологов в подготовке властных политико-управленческих решений не упоминается ни в одном отчете.

Носители экспертного знания и власть

Основным заказчиком и потребителем экспертного знания выступает государство [Belyaeva, 2019; Макарычев, 2015; Howlett, 2015; Загорский, 2003]. Во-первых, специалисты в области политической науки оказываются востребованными в рамках судебных процессов, например, для нахождения в деятельности НКО признаков политической деятельности, либо признаков экстремизма в выступлениях и текстах отдельных лиц, такие примеры уже приводились выше.

Во-вторых, эксперты-политологи могут приглашаться для экспертной оценки законопроектов – как на федеральном, так и на региональном уровне. В случае политологов речь скорее может идти об оценке последствий разрабатываемых законов для общественно-политической ситуации, оценке возможных рисков принятия того или иного решения. Наконец, как уже отмечалось, специалисты-политологи могут принимать участие в разработке политико-управленческих решений как на уровне исполнительной власти, так и на уровне Администрации Президента РФ (или аналогичных структур на региональном уровне).

Во всех этих вариантах важное значение имеет статус самого эксперта, его постоянное место работы. Наиболее независимыми от власти могут быть политологи, работающие в негосударственных «фабриках мысли», которых в России, к сожалению, остается все меньше и меньше, либо в негосударственных университетах, таких как Европейский университет в Санкт-Петербурге или Московская высшая школа социальных и экономических наук («Шанинка»). Правда, в последнем случае само существование университета может оказаться под вопросом, как это было с Европейским университетом в Санкт-Петербурге¹. Еще более независимыми можно считать, по-видимому, пенсионеров, которым уже «нечего терять», либо исследователей-политологов, получающих контракты в рамках мирового грантового рынка.

Тем не менее большинство экспертов-политологов работают в государственных университетах либо (а также) в институтах РАН. И здесь уже многое зависит от академической атмосферы и традиций самого университета. Так, в 2013–2014 гг., в период судебной процедуры признания НКО иностранными агентами к респонденту нашего интервью Б, профессору университета, от одного из подразделений его университета обратились с поручением провести экспертизу материалов НКО. Результатом экспертизы был вывод, что НКО политической деятельностью не занимается. Спустя пару недель все повторилось – с тем же результатом. А в третий раз респондент уже понял, что надо сделать, иначе его не оставят в покое².

Крайний случай представляют специалисты, работающие в ведомственных институтах, таких как Институт криминалистики Центра специальных технологий ФСБ (например, специалист, обнаруживший признаки экстремизма в видеоблогах Егора Жукова). Здесь не может быть и речи о независимости эксперта. Во многих университетах, и особенно в академических институтах, ситуация пока более свободная. Явное давление на специалиста характерно в случаях судебной экспертизы и в процессах, имеющих полити-

¹ Саша Сулим. Европейский университет в Санкт-Петербурге оставили без лицензии. Что происходит? // Медуза. – 2016. – 12 декабря. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/12/12/evropeyskiy-universitet-v-sankt-peterburge-ostavili-bez-litsenzii-chto-proishodit> (Дата посещения: 16.11.2019.)

² Интервью с респондентом Б; профессор университета, Санкт-Петербург, май 2017 г.

ческий характер, при этом привлечение специалистов именно в области политики представляется наиболее логичным.

При анализе законопроектов, как правило, ситуация более свободная, но существует вероятность реализации чисто символической функции привлечения экспертов, когда важен сам процесс обсуждения законопроекта с квалифицированными специалистами-экспертами, принимать же их замечания и изменять законопроект в соответствии с ними часто не предполагается. Вот как описывает подобную ситуацию респондент В: «Я, честно говоря, думал, что если нас приглашают, то эти обсуждения окажут какое-то влияние. А в итоге тогда сказали: “Вы знаете, мы решили сейчас ничего не менять, пусть закон выйдет, а потом, может быть, будем вносить в него изменения”. Хотя уже тогда были видны какие-то огрехи, которые потом проявились при его применении»¹.

Еще одним направлением востребованности экспертов властью является их привлечение к подготовке отдельных политико-управленческих решений, а также к разработке относительно долговременных программ. В современной России привлечение специалистов-политологов к подготовке политико-управленческих решений не распространено широко, о чем свидетельствуют результаты анализа отчетов региональных организаций РАПН. Респондент А упомянул две категории экспертов – «нишевых» и экспертов-универсалов. «Нишевые» эксперты ответственны за реализацию инструментальной функции экспертного знания, обеспечивают лиц, принимающих решения, точной и своевременной информацией по конкретным вопросам. Кого же респондент А называет «экспертами-универсалами»? «Эксперт-универсал – это эксперт, который в любой ситуации, в любое время суток может публично откомментировать любой вопрос и включиться в него. Он знает тему, он знает политическую конъюнктуру, он прекрасно ориентируется в политическом контексте разработки и принятия решений, он может не обладать должной степенью глубины политических знаний»².

¹ Интервью с респондентом В; профессор университета, эксперт российских и международных организаций, Москва, март 2017 г.

² Интервью с респондентом А; Москва, февраль 2017 г.

Мы видим, что здесь подразумевается политолог-пропагандист, или, как иногда выражаются, «телеполитолог». Сам же процесс подготовки и принятия решения происходит в тиши кабинетов, где эксперты мало востребованы. Такая ситуация была не всегда. В первой половине 1990-х годов многие позиции во власти, включая и Администрацию Президента, занимали вчерашние представители академического сообщества, для которых не только совместное обсуждение, но и совместная с экспертами выработка проектов решения сложных проблем, стоящих перед молодым российским государством, была естественным делом. Так, в рамках экспертного интервью М.Ю. Урнов подробно рассказывал, как предложение вынести в декабре 1993 г. проект новой конституции на референдум, которое возникло в рамках обсуждения ситуации в одном из независимых экспертных центров, сразу же было доведено до руководителя Администрации Президента РФ, который вечером того же дня озвучил его в телеэфире [Сунгуров, 2018 а]. Логично, что, оказавшись спустя год в позиции начальника аналитического управления, М.Ю. Урнов начал свою деятельность с создания экспертно-аналитического совета как формы взаимодействия с экспертным сообществом.

Такая открытость администрации к совместной деятельности с экспертами, однако, была недолгой, все начало закрываться примерно с началом второго президентского срока Б.Н. Ельцина. Второй подъем активности по взаимодействию с экспертным сообществом наблюдался в 1999–2000 гг., в рамках деятельности Центра стратегических разработок Г. Грефа, когда уже начала реализовываться операция «Преемник». Однако здесь деятельность велась в рамках «подписки о неразглашении», и в случае потери политиками во власти интереса к какой-то теме ее самостоятельное развитие группой экспертов, как это описано в рамках концепции коалиции общественных интересов Пола Сабатье [Sabatier, 1998], было уже невозможно. Подобная закрытость от широких экспертных кругов отмечалась и в 2015–2017 гг. в деятельности Центра стратегических разработок уже под руководством А.М. Кудрина.

Носители экспертного знания и организации гражданского общества

Как отмечалось ранее, заказчиками экспертизы и предложений по возможным путям решения актуальных для общества проблем могут выступать не только государственные структуры, но и другие акторы поля публичной политики, организации гражданского общества, политические партии, бизнес-структуры, наконец, средства массовой информации. Каждый из этих случаев требует подробного рассмотрения, в рамках же настоящего текста мы ограничимся рассмотрением взаимодействия носителей экспертного знания и гражданских организаций. Отметим, что многие черты такого взаимодействия могут быть свойственны и взаимодействию экспертов с другими социальными акторами.

В ситуациях, когда заказчиком судебной экспертизы выступает не государственная структура, а организация гражданского общества, проявляется своего рода «зеркальная» ситуация по отношению к заказанной государственными структурами экспертизе, за тем исключением, что в современных российских условиях экспертиза, заказанная государством, ценится судьями существенно выше, чем заказанная общественными организациями.

В фокусе нашего внимания здесь будут два процесса, связанных с различными аспектами взаимодействия гражданских организаций с государственными структурами: общественное участие в подготовке проектов властных решений и общественный контроль власти. В обоих случаях важным аспектом деятельности гражданских активистов является необходимость понимания закономерностей принятия решений и тех властных процедур, которые гражданские активисты собираются контролировать. Например, в рамках общественных или публичных слушаний серьезный эффект может быть достигнут не столько в процессе критики предложенных решений, сколько путем выдвижения альтернативных проектов [Иноземцева, Черенкова, 2017]. При этом такие проекты должны быть хотя бы на сопоставимом уровне качества по сравнению с подготовленными профессиональными чиновниками. Такой вариант возможен, но только при сотрудничестве гражданских активистов и экспертов, которые взаимодействуют вначале друг с другом, делясь как гражданским активизмом, так и экспертным

знанием. Этот процесс можно назвать и процессом делиберативной демократии, или демократии обсуждений [Brown, 2008].

Именно подобный процесс имел место при реализации проекта «Прозрачный бюджет: бюджет, который можно понять и на который можно влиять» Санкт-Петербургского гуманитарно-политологического центра «Стратегия» в 1997–2007 гг. В ходе этого проекта представители некоммерческих организаций различных регионов России не только получили определенные знания о бюджетном процессе, но и совместно с экспертами-экономистами участвовали в общественных бюджетных слушаниях, предлагая свои вполне обоснованные поправки. Одним из результатов проекта стало также появление в России сообщества бюджетных аналитиков, так как университетские специалисты в области экономики именно благодаря проекту неожиданно заинтересовались анализом бюджетного процесса как такового [Бюджет глазами экспертов, 2004; Прикладной бюджетный анализ, 2001]. Этот проект стал своего рода предвестником современных практик общественного бюджетирования.

Естественно, что для успешной реализации проекта были необходимы специалисты как в области экономики, так и в области публичной политики и практик делиберативной демократии, что и обеспечивалось усилиями центра «Стратегия», работающего в формате идейно нагруженной фабрики мысли, или центра публичной политики.

Рассмотрим теперь взаимодействие гражданских организаций и экспертов в процессе реализации практик общественного контроля на примере такого контроля над электоральными процедурами в России. Иначе говоря, мы остановимся лишь на деятельности экспертов, сотрудничающих с независимыми от государства гражданскими структурами. В большинстве случаев их работа носит характер «инициативной экспертизы» [Сунгуров, 2018 б] и проявляется в двух измерениях. Во-первых, эксперты нередко входят в число руководителей неправительственных объединений, тем самым отстаивая свои гражданские ценности. Во-вторых, одновременно являясь представителями как академического сообщества, так и общественных объединений, эксперты участвуют в деятельности консультативных органов при государственных структурах, оказывая влияние на процесс принятия политико-управленческих решений. Совместную деятельность экспертов и неправительст-

венных организаций можно также рассматривать с позиции уже упомянутой нами ранее концепции коалиций общественных интересов, предложенной Полом Сабатье и Хэнксом Дженкинс-Смитом [Сабатье, Дженкинс-Смит, 2008]. Вместе с тем различные практики общественного контроля или мониторинга деятельности власти соответствуют предложенной Дж. Кином концепции мониторинговой демократии [Keane, 2009].

В качестве примера взаимодействия экспертов с гражданским обществом и государством в сфере общественного контроля над электоральными процедурами рассмотрим деятельность Движения в защиту прав избирателей «Голос». На сегодняшний день можно выделить четыре основных направления, в которых наиболее активно принимают участие эксперты: 1) подготовка аналитических материалов и исследований; 2) гражданское просвещение; 3) участие в совершенствовании избирательного законодательства и правоприменения; 4) создание и внедрение новых практик по общественному контролю. Обратимся к двум последним направлениям.

До сих пор наиболее масштабным случаем участия экспертного сообщества в совершенствовании избирательного законодательства остается разработка Избирательного кодекса Российской Федерации в 2008–2010 гг. под руководством А.Е. Любарева, совпавшая с периодом президентства Д.А. Медведева (2008–2012)¹. При этом инициатива создания Избирательного кодекса по большей части исходила «снизу», а непосредственным инициатором проекта выступила ассоциация «Голос», на тот момент еще имевшая государственную регистрацию. Ключевую роль в разработке играли не органы власти и политические партии, а представители общественности и экспертного сообщества². Параллельно с разработкой Избирательного кодекса происходила широкая общественная дискуссия, проводились экспертные круглые столы во многих субъектах РФ [Гришин, Мармилова, 2013]. Разработанный тогда

¹ Избирательный кодекс Российской Федерации – основа модернизации политической системы России / под ред. А.Е. Любарева. – М.: Голос, 2011. – 460 с. – Режим доступа: <http://files.golos.org/docs/4587/original/4587-kodeks-sbornik-2011.pdf> (Дата посещения: 11.11.2019.)

² Обсуждение проекта Избирательного кодекса Российской Федерации, разрабатываемого под эгидой ассоциации «Голос»: сб. материалов / под ред. А.Е. Любарева, Е.Е. Скосаренко. – М.: Голос, 2010. – 266 с.

проект Избирательного кодекса не был политически ангажирован и в полной мере являлся результатом совместной работы представителей гражданского общества и экспертов. Немаловажно и то, что в проекте кодекса появилась статья «Общественный контроль за деятельностью избирательных комиссий», которая позволила бы институционализировать такой контроль. К сожалению, разработанный таким способом Избирательный кодекс Российской Федерации не только не был принят, но даже не был внесен для обсуждения в Государственную думу. Здесь сказалось как отсутствие политической воли, так и отсутствие среди сформировавшейся в процессе его подготовки коалиции общественных интересов депутатов или иных субъектов законодательной инициативы.

Вместе с тем эксперты активно участвовали в мероприятиях ассоциации «Голос», часто встречались с участниками ассоциаций наблюдателей, помогали им более квалифицированно вести наблюдение, т.е. осуществлять общественный контроль за выборами. Общественные же наблюдатели снабжали экспертов бесценной полевой информацией о ходе и деталях «электоральных процедур». Что же касается Центральной избирательной комиссии, то она во времена председательства В.Е. Чурова (2007–2016) относилась к деятельности ассоциации «Голос» и ее экспертов остро критично. Так, сам В.Е. Чуров обвинил эту организацию в агитации против «Единой России»¹.

Ситуация изменилась в 2016 г., когда председателем Центризбиркома стала Э.А. Памфилова. Именно тогда открылось «окно возможности» для взаимодействия экспертов «Голоса» с Центризбиркомом. Многие из экспертов, работавших над проектом Избирательного кодекса, вошли в Научно-экспертный совет при ЦИК и Экспертно-консультационную группу при председателе ЦИК. Конечно, нельзя сказать, что ситуация поменялась на противоположную, так как состав ЦИК, за исключением смены ее председателя, серьезно не изменился, но все же к деятельности экспертов «Голоса» стали относиться более серьезно.

В текущее время внимание экспертов обращено к деятельности Научно-экспертного совета при ЦИК, в котором предпринима-

¹ Чуров обвинил «Голос» в агитации против «Единой России» // Lenta.ru. – 2011. – 12 декабря. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2011/12/02/churov/> (Дата посещения: 11.11.2019.)

ются попытки совершенствования уже имеющегося избирательного законодательства, к разработке в МГУ нового проекта Избирательного кодекса РФ¹, а также продолжающейся широкой общественной дискуссии по поводу так называемого электронного голосования².

Уже можно констатировать, что экспертное сообщество внесло значительный вклад и в повышение прозрачности выборов в России. Благодаря экспертам удалось внедрить такие успешные практики, как «СМС-ЦИК» (параллельный подсчет результатов выборов), «Карта нарушений на выборах» и другие. Было создано мобильное приложение «Голос», дающее наблюдателям подробную информацию по вопросам избирательного права. Также благодаря экспертному сообществу широкую известность в России получило выявление избирательных фальсификаций с помощью методов статистики. Последующая визуализация получаемых данных позволила наглядно продемонстрировать обществу масштабы фальсификаций в стране, оказав серьезное влияние на протестное движение в 2011–2012 гг.³ Кроме того, в лексикон электоральных экспертов и гражданских активистов прочно вошли такие выражения, как «Пила Чурова»⁴ или «Пик Володина»⁵. Применение экспертами статистического аппарата до сих пор позволяет выявлять серьезные фальсификации на выборах, особенно в тех местах, где

¹ Проект структуры Кодекса о выборах и референдумах в Российской Федерации // Российский фонд свободных выборов. – 2018. – 14.09. – Режим доступа: <http://www.rfsv.ru/breaking-news/proekt-struktury-kodeksa-o-vyborakh-i-referendumakh-v-rossiiskoi-federatsii> (Дата посещения: 11.11.2019.)

² Эксперимент с интернет-голосованием в Москве может начаться с провала // Роскомсвобода. – 2019. – 20 августа. – Режим доступа: <https://roskomsvoboda.org/49011/> (Дата посещения: 11.11.2019.)

³ Шилькин С.А. Математика выборов – 2011 // Троицкий вариант. – 2011. – № 94, 20 декабря. – Режим доступа: <https://trv-science.ru/2011/12/20/matematika-vyborov-2011/> (Дата посещения: 11.11.2019.)

⁴ Шилькин С.А. Выборы 2018 года: фактор X и «пила Чурова» // Троицкий вариант. – 2018. – № 252, 24 апреля. – Режим доступа: <https://trv-science.ru/2018/04/24/vyborgy-2018-faktor-x-i-pila-churova/> (Дата посещения: 11.11.2019.)

⁵ Бабицкий А. Пик Володина. Как относиться к статистическим аномалиям на парламентских выборах // Ведомости. – 2016. – 23 сентября. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2016/09/23/658205-pik-volodina> (Дата посещения: 11.11.2019.)

во время голосования отсутствовали независимые общественные наблюдатели.

Еще одним примером активного сотрудничества экспертов и гражданских активистов можно считать дискуссии и обсуждения на круглых столах, проводимых в Комитете гражданских инициатив. А.М. Кудрин пытается сочетать формат экспертных разработок с гражданскими дискуссиями. Примером такого сочетания был и пока отчасти остается проводимый ежегодно с 2013 г. (при активном участии А.М. Кудрина) Общероссийский гражданский форум¹. Стоит также отметить, что в течение нескольких лет эти форумы и ежегодные конференции РАПН проходили в Москве в одни и те же дни, и можно было наблюдать, как часть политологов с конференции РАПН перемещалась на гражданский форум, подтверждая тем самым интерес политологов к взаимодействию не только с властными структурами, но и со структурами гражданского общества.

Возможна ли в поле общественно-политических проблем объективная экспертиза?

В заключение рассмотрим роль экспертизы в процессе принятия решений. Первая проблема возникает, когда оценивается уже заданное ранее направление деятельности той или иной организации (в данном случае не обязательно государственной и местной власти) [Блинова, 2015]. На эту проблему обратил внимание в экспертном интервью респондент Г, имевший опыт сотрудничества с зарубежными фондами-грантодателями, руководство которых также иногда заказывает внешнюю экспертизу своей деятельности: «Мой знакомый Х, он был экспертом, и его реакция была несколько обескураженная, потому что руководитель фонда сказал: “Ну вы, конечно, поузнавайте, но мы уже более-менее понимаем...”. То есть смысл был в том, что это, конечно, надо сделать, но мы-то все рав-

¹ Общероссийский гражданский форум: веб-сайт. – Режим доступа: <https://civil-forum.ru/> (Дата посещения: 11.11.2019.)

но знаем, как надо. То есть в этом смысле это не сильно отличается от государственного подхода»¹.

Конечно, можно было бы просто «заклеймить» руководителя этого фонда за использование экспертного знания в чисто символических целях, но далее в процессе интервью с респондентом Г мы вышли на достаточно важную, на наш взгляд, тему: «Проблема еще в том, что организаций, посвященных достаточно хорошо в контент, очень немного. Если ты приглашаешь совсем внешнюю организацию, у нее уйдет бездна времени на погружение в контент... То есть это профанация тоже, только другого рода»².

Кроме необходимости погружаться в контекст предмета анализа, возникает проблема того, что любые эксперты по общественно значимым вопросам обладают определенной «идеологией», или своим взглядом на то, что полезно или опасно для общества. С этим согласен и респондент Г: «Теоретически, можно пригласить [эксперта с другой идейной позицией] – они будут driven, как говорят, и своей идеологией больше, чем объективным. Но тогда, если идеологии совпали – значит, ты их откладываешь в сторону, они нам неинтересны, а как только ты позвал другого, то начинается сначала столкновение на уровне идеологий. Может ли быть действительно независимая экспертиза? Я думаю, что не может. Нет, человек не может отключить себя от процесса экспертизы»³.

Эта же тема поднималась в статьях Даниэля Саревича, отмечавшего, что любой ученый является в то же время и членом общества, в котором он живет, поэтому он не может гарантировать свою беспристрастность к любой проблеме, которую он изучает. Например, вопрос о строительстве атомных станций в определенном регионе страны может касаться его лично, особенно если он живет в этом регионе [Sarewitz, 2004; 2011]. Еще один наш респондент, работающий в формате сопровождения, или, точнее, продвижения одной действительно важной социальной технологии, так оценивает опасность господства какого-то одного идейного (возможно, стоит использовать термин «нормативного») подхода: «И поэтому, если сегодня собирается какое-то экспертное сообще-

¹ Интервью с респондентом Г; опыт работы в российских органах власти и работы с международными фондами, Москва, 2017, февраль.

² Там же.

³ Там же.

ство и нет реально нормального модератора, то начинается пробивная такая мощь. Если модерацию захватывают люди, которые носители там идей либерализма, например, что везде должна быть конкуренция, то они и здесь будут ее пробивать, причем не понимая, а где границы этого, а вообще в общественном секторе возможна конкуренция?»¹.

Мы можем, таким образом, сформулировать важный вопрос для дальнейших обсуждений: возможна ли в принципе в поле общественно значимых проблем объективная, независимая от нормативных установок эксперта экспертиза? И второй вопрос: насколько целесообразно (и эффективно) привлекать к оценке развития любого проекта внешних экспертов, которые исходно (в принципе) не согласны с направленностью проекта?

* * *

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что выделение внутри политической науки различных сегментов по критерию удаленности или близости к политической (как *politics*, так и *policy*) практике полностью оправданно. При этом экспертам-политологам при взаимодействии с представителями власти всегда следует понимать, в рамках какой модели происходит это взаимодействие. Вместе с тем именно конструктивное сотрудничество экспертов-политологов с гражданскими активистами и членами разнообразных НКО открывает возможность для реализации одной из наиболее перспективных моделей демократии – делиберативной демократии, или демократии обсуждений.

Наконец, важно понимать, что в процессе экспертизы общественно-политических проблем и проектов результаты такой экспертизы всегда будут лично окрашенными, что представление об эксперте-политологе как об «объективном приборе» всегда будет оставаться лишь иллюзией.

¹ Интервью с респондентом Д; руководитель проектного центра и председатель всероссийской ассоциации, Москва, 2018, февраль.

Список литературы

- Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли и экспертные сообщества. – СПб.: Алетейя, 2016. – 240 с.
- Блинова Е.А. Оценивание программ: новые возможности для политического управления и публичной политики в Российской Федерации // Управление публичной политикой: Коллективная монография / под ред. Л.В. Сморгунуова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 203–211.
- Бюджет глазами экспертов. Прикладной бюджетный анализ в регионах России / под ред. В.А. Бескровной. – СПб.: ИК «Синтез», 2004. – 326 с.
- Гришин Н.В., Мармилова Е.П. Избирательный кодекс как проект оптимизации избирательной системы России // Южно-российский журнал социальных наук. – 2013. – № 4. – С. 53–63.
- Загорский А. Экспертное сообщество и внешнеполитический истеблишмент // Pro et contra. – 2003. – Т. 8, № 2. – С. 7–17.
- Иноземцева В.А., Черенкова Е.И. Институт общественной экспертизы в практиках публично-властного взаимодействия: историографический обзор отечественной литературы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Исторические науки и археология. – 2017. – № 3 (164). – С. 27–33.
- Макарычев А.С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. – 2015. – № 3. – С. 9–26.
- Прикладной бюджетный анализ / под ред. Т.И. Виноградовой, В.А. Бескровной. – СПб.: СПб центр «Стратегия», 2001. – 250 с.
- Сабатье П., Дженкинс-Смит Х. Концепция лобби-коалиций: оценка // Публичная политика: от теории к практике / под ред. Н.Ю. Даниловой, О.Ю. Гуровой, Н.Г. Жидковой. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 94–154.
- Сунгуров А.Ю. Экспертное сообщество, фабрики мысли и власть: опыт трех регионов // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 2. – С. 72–87. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.02.06>
- Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть: модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации // Политическая наука. – 2015. – № 3. – С. 53–70.
- Сунгуров А.Ю. Экспертные семинары как коммуникативные площадки (российский постсоветский опыт) // Политика. – 2018 а. – Т. 91, № 4. – С. 185–195. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-180-195>
- Сунгуров А.Ю. Экспертное сообщество и власть: модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности // Полис. Политические исследования. – 2018 б. – № 4. – С. 130–142. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10>
- Belyaeva N.Y. Revisiting demand, politicization and externalization in authoritarian political regimes: policy advisory system in Russian practices // Policy studies. – 2019. – Vol. 40, N 3/4. – P. 392–409. – DOI: <https://doi.org/10.1080/01442872.2019.1581159>
- Boswell C. The political functions of expert knowledge: knowledge and legitimation in European Union immigration policy // Journal of European public policy. – 2008. – Vol. 15, N 4. – P. 471–488. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13501760801996634>

- Boswell C.* The political uses of expert knowledge: immigration policy and social research. – Cambridge: Cambridge university press, 2009. – 280 p.
- Brown M.B.* Fairly balanced: the politics of representation on government advisory committees // *Political research quarterly*. – 2008. – Vol. 61, N 4. – P. 547–560. – DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1065912907313076>
- Howlett M.* Policy analytical capacity: the supply and demand for policy analysis in government // *Policy and Society*. – 2015. – Vol. 34, N 3/4. – P. 173–182. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polsoc.2015.09.002>
- Howlett M.* Comparing policy advisory systems: models, dynamics and a research agenda // *Policy studies*. – 2019. – Vol. 40, N 3/4. – P. 241–259. – DOI: [doi:10.1080/01442872.2018.1557626](https://doi.org/10.1080/01442872.2018.1557626)
- Hunter A., Boswell C.* Comparing the political functions of independent commissions: the case of UK migrant integration policy // *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. – 2015. – Vol. 17, N 1. – P. 10–25. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13876988.2014.896117>
- Jasanoff S.* States of knowledge: the co-production of science and social order. – London, UK: Routledge, 2004. – 317 p.
- Jasanoff S.* Quality control and peer review in advisory science // *The politics of scientific advice: institutional design for quality assurance* / J. Lentsch, P. Weingart (eds). – Cambridge: Cambridge university press, 2011. – P. 19–35.
- Keane J.* The life and death of democracy. – L.: Simon & Schuster, 2009. – 992 p.
- Sabatier P.* The advocacy coalition framework: revisions and relevance for Europe // *Journal of European Public Policy*. – 1998. – Vol. 5, N 1. – P. 98–130. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13501768880000051>
- Sarewitz D.* How science makes environmental problems controversies worse // *Environmental science and policy*. – 2004. – Vol 7, N 5. – P. 385–403. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2004.06.001>
- Sarewitz D.* Looking for quality in the wrong places, or: the technological origin of quality in scientific policy advice // *The politics of scientific advice: institutional design for quality assurance* / J. Lentsch, P. Weingart (eds.). – Cambridge: Cambridge university press, 2011. – P. 54–70.
- van den Berg C.* Dynamics in the Dutch policy advisory system: externalization, politicization and the legacy of pillarization // *Policy sciences*. – 2017. – Vol. 50, N 1. – P. 63–84. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11077-016-9257-x>
- Zaytsev D., Belyaeva N.* Determinants of the policy impact of analytical communities in Russian regions: cases of Karelia, Tatarstan and Saratov // *Central European journal of public policy*. – 2017. – Vol. 11, N 2. – P. 23–42. – DOI: <https://doi.org/10.1515/cejpp-2016-0033>

A.Yu. Sungurov, K.A. Shamshura*

Political science and expert knowledge: development in modern Russia

Abstract. The article considers two related topics. Firstly, it analyzes an issue of the structure of political science, the possibility of structuring it as academic, fundamental and applied science, as well as a more practical area, which is political science expert knowledge. Secondly, this is a problem of the relationship between experts and expertise customers. The main customer of such examination is a state in all its various manifestations. At present, however, expertise clients are not only government agencies, but also a variety of business structures and non-profit organizations. The article also raises a question of the fundamental possibility of political science experts to give an objective normative assessment of actions of public policy actors and other problems that arise when considering programs and projects.

Keywords: expertise; expert knowledge; political science; power; civil society.

For citation: Sungurov A.Yu., Shamshura K.A. Political science and expert knowledge: development in modern Russia. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 64–86. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.03>

References

- Applied Budget Analysis*. Ed. by T.I. Vinogradova, V.A. Beskrovnaya. Saint Petersburg: St. Petersburg Center «Strategy», 2001, 250 p. (In Russ.)
- Balayan A.A., Sungurov A. Yu. *Factories of thought and expert communities*. Saint Petersburg: Aletheia, 2016, 240 p. (In Russ.)
- Belyaeva N.Y. Revisiting demand, politicization and externalization in authoritarian political regimes: policy advisory system in Russian practices. *Policy Studies*. 2019, Vol. 40, N 3–4, P. 392–409. DOI: <https://doi.org/10.1080/01442872.2019.1581159>
- Blinova E.A. Program evaluation: new opportunities for political management and public policy in the Russian Federation. In: *Public policy management: collective monograph*. Ed. by L.V. Smorgunov. Moscow: Publishing house «Aspect Press», 2015, P. 203–211. (In Russ.)
- Boswell C. The political functions of expert knowledge: knowledge and legitimation in European Union immigration policy. *Journal of European public policy*. 2008, Vol. 15, N 4, P. 471–488. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501760801996634>
- Boswell C. *The political uses of expert knowledge: immigration policy and social research*. Cambridge: Cambridge university press, 2009, 280 p.

* **Sungurov Alexander**, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia), e-mail: asungurov@mail.ru; **Shamshura Kirill**, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia), e-mail: kirillshamshura@gmail.com

- Brown M.B. Fairly balanced: the politics of representation on government advisory committees. *Political research quarterly*. 2008, Vol. 61, N 4, P. 547–560. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1065912907313076>
- Budget through the eyes of experts. Applied budget analysis in the regions of Russia.* Ed. by V.A. Beskrovnaya. Saint Petersburg: «Synthesis» Investment Corporation, 2004, 326 p. (In Russ.)
- Grishin N.V., Marmilova Ye.P. Election code as a project of Russian electoral system improvement. *South-Russian journal of social sciences*. 2013, N 4, P. 53–63. (In Russ.)
- Howlett M. Policy analytical capacity: the supply and demand for policy analysis in government. *Policy and Society*. 2015, Vol. 34, N 3–4, P. 173–182. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polsoc.2015.09.002>
- Howlett M. Comparing policy advisory systems: models, dynamics and a research agenda. *Policy studies*. 2019. Vol. 40, N 3–4, P. 241–259. DOI: [doi:10.1080/01442872.2018.1557626](https://doi.org/10.1080/01442872.2018.1557626)
- Hunter A., Boswell C. Comparing the political functions of independent commissions: the case of UK migrant integration policy. *Journal of comparative policy analysis: research and practice*. 2015, Vol. 17, N 1, P. 10–25. DOI: <https://doi.org/10.1080/13876988.2014.896117>
- Jasanoff S. *States of knowledge: the co-production of science and social order*. London, UK: Routledge, 2004, 317 p.
- Jasanoff S. Quality control and peer review in advisory science. In: *The politics of scientific advice: institutional design for quality assurance*. Ed. by J. Lentsch, P. Weingart. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, P. 19–35.
- Inozemtseva V.A., Chernenkova E.I. The institute of public expertise in practices of power and public cooperation: the historiographical review of national literature. *Proceedings of Petrozavodsk State University – Historical Sciences and Archeology*. 2017, N 3 (164), P. 27–33. (In Russ.)
- Keane J. *The life and death of democracy*. London: Simon & Schuster, 2009, 992 p.
- Makarychev A.S. State experts and modes of knowledge-power. *Political science (RU)*. 2015, N 3, P. 9–26. (In Russ.)
- Sabatier P. The advocacy coalition framework: revisions and relevance for Europe. *Journal of European Public Policy*. 1998, Vol. 5, N 1, P. 98–130. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501768880000051>
- Sabatier P., Jenkins-Smith H. Evaluating the advocacy coalition framework. In: *Public policy: from theory to practice*. Compiled and ed. by N.Y. Danilova, O.Y. Gurova, N.G. Zhidkova. Saint Petersburg: Aletheia, 2008, P. 94–154. (In Russ.)
- Sarewitz D. How science makes environmental problems controversies worse. *Environmental Science and Policy*. 2004, Vol. 7, N 5, P. 385–403. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2004.06.001>
- Sarewitz D. Looking for quality in the wrong places, or: the technological origin of quality in scientific policy advice. In: *The politics of scientific advice: institutional design for quality assurance*. Ed. by J. Lentsch, P. Weingart. Cambridge: Cambridge university press, 2011, P. 54–70.

- Sungurov A. Yu. Expert community, think tanks and power: experience of three regions. *Polis. Political studies*. 2014, N 2, P. 72–87. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.02.06> (In Russ.)
- Sungurov A. Yu. Social and political functions of academic and expert communities. *Political Science (RU)*. 2015, N 3, P. 53–70. (In Russ.)
- Sungurov A. Yu. Expert seminars as communicative platforms (Russian Post-Soviet experience). *The Journal of political theory, political philosophy and sociology of politics Politeia*. 2018 a, Vol. 91, N 4, P. 185–195. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-180-195> (In Russ.)
- Sungurov A. Yu. Expert community and power: models of interaction and problems of civil responsibility. *Polis. Political studies*. 2018 b, N 4, P. 130–142. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10> (In Russ.)
- van den Berg C. Dynamics in the Dutch policy advisory system: externalization, politicization and the legacy of pillarization. *Policy sciences*. 2017, Vol. 50, N 1, P. 63–84. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11077-016-9257-x>
- Zaytsev D., Belyaeva N. Determinants of the policy impact of analytical communities in Russian regions: cases of Karelia, Tatarstan and Saratov. *Central European Journal of Public Policy*. 2017, Vol. 11, N 2, P. 23–42. DOI: <https://doi.org/10.1515/cejpp-2016-0033>
- Zagorsky A. The expert community and the foreign policy establishment. *Pro et Contra*. 2003, Vol. 8, N 2, P. 7–17. (In Russ.)

РАКУРС

В.С. АВДОНИН, Е.Ю. МЕЛЕШКИНА*

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В ЖУРНАЛАХ:
АНАЛИЗ ИНСТРУМЕНТОВ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ
В ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ**

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее известные системы учета и рейтингования научных журналов по политической науке – российская наукометрическая база данных РИНЦ и международные Web of Science и Scopus – и используемые в них аналитические инструменты и показатели. Анализируются возникающие в связи с применяемыми в них для оценки журналов по политологии инструментами проблемы, влияющие на адекватную оценку этих изданий, и на понимание состояния и тенденций исследований по политической науке в целом, включая содержательные и институциональные аспекты. Предлагаются пути и способы решения некоторых из этих проблем. Авторы отмечают, что институционализация политологических исследований проявляется не только в увеличении количества специализированных журналов, но и в использовании наукометрических показателей для их оценки самими исследователями, а также лицами, принимающими решения в сфере управления наукой и высшим образованием. В статье показываются возможности библиометрических и иных показателей, содержащихся в базах данных, и обосновывается их использование в качестве дополнений к импакт-факторам в процессе оценки публикационной активности журналов.

Ключевые слова: журналы по политической науке; рейтинги научных журналов; системы РИНЦ; Scopus; Web of Science; библиометрические показатели; политическая наука в России.

*** Авдонин Владимир Сергеевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, e-mail: avdoninvla@mail.ru; **Мелешкина Елена Юрьевна**, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, e-mail: elenameleshkina@yandex.ru

DOI: 10.31249/poln/2020.01.04

Для цитирования: Авдонин В.С., Мелешкина Е.Ю. Политическая наука в журналах: анализ инструментов и показателей в информационных системах // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 87–111. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.04>

Введение

Прошло около 30 лет с того времени, когда политическая наука была признана как академическая дисциплина в России. За этот период в отечественной политологии появились свои достижения, определились сложности и проблемы, требующие осмысления. В центр подобной саморефлексии целесообразно поставить как содержательные, так и институциональные аспекты развития дисциплины. Они тесно связаны друг с другом, находятся в отношениях взаимной зависимости и характеризуют состояние политической науки. Оба эти аспекта присутствуют в деятельности научных журналов. Журнальные публикации традиционно составляют важнейшую часть всего публикационного массива науки, представляя передний край научных исследований. Статьи являются исходным звеном широкой научной коммуникации и первичной сферой признания сообществом научных результатов [Коммуникация ..., 1976; Научная деятельность ..., 1980]. Критерием эффективности усилий в этом направлении выступают признание и статус журналов в научном сообществе.

Задача оценки состояния политической науки в той части, в которой она представлена в научных журналах, облегчается существованием информационных систем и баз данных, в которых учитываются и индексируются эти журналы. Создание и развитие этих систем расширяет доступ к огромным объемам научной информации, ускоряет исследовательский процесс, способствует быстрому росту научных коммуникаций, а также дает дополнительные возможности для осмысления и оценки процессов, происходящих в современной науке. Анализ показателей научной деятельности, представленных в этих системах, открывает путь к исследованию различных аспектов современной науки, прежде всего коммуникационных и институциональных, но также отчасти и содержательных [Управление ..., 2013].

Однако помимо решения чисто научных и информационных познавательных задач показатели журналов в базах данных могут

использоваться и для других целей. С некоторых пор с их помощью стала осуществляться и «внешняя» административная оценка науки. Включение в систему управления и финансирования науки формальных показателей научной деятельности из информационных систем официально направлено на повышение качества управления наукой, на введение в него своего рода гарантий от влияния внешнего произвола и разного рода частных пристрастий и интересов. В то же время это далеко не всегда так, о чем свидетельствуют продолжающиеся дискуссии о такой модели управления наукой [Иванова, 2011; Новиков, Губко, 2013; Юревич, 2014; Истомин, 2018]. Обсуждаются вопросы о том, насколько формальные показатели в наукометрических базах данных могут быть адекватны природе науки и научной деятельности и, следовательно, в какой мере и как они могут использоваться в практике административного управления и финансирования науки.

Развитие самих информационных систем позволяет иметь в базах данных комплекс индикаторов и индексов и получить на их основе разнообразную картину процессов, происходящих в науке, по крайней мере в какой-то их очень существенной части. Важной проблемой становятся выбор и способы построения показателей и индексов, позволяющие выделять наиболее важные и существенные параметры оценки различных аспектов научной деятельности. И здесь показатели, выбранные для административно-управленческой оценки науки, могут не совпадать (или совпадать лишь частично) с теми, на которые обращают основное внимание сами ученые или занимающиеся исследованием науки науковеды.

В данной статье рассматриваются наиболее известные системы учета и ранжирования научных журналов (в том числе по политической науке) – Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Web of Science и Scopus, а также используемые в них аналитические инструменты и показатели. Анализируются возникающие в связи с применяемыми инструментами учета и оценки журналов по политологии проблемы, влияющие на адекватную оценку этих изданий, и понимание состояния исследований по политической науке в целом. С учетом разработок и дискуссий по этой тематике среди отечественных и зарубежных специалистов [Cozzens, 1989; Moed, 2005; Савинов, 2012; Москалева, 2014; Истомин, Байков, 2015; Григорьева, Зарипова, Кокарев, 2015;

Авдонин, Мелешкина, 2016; Авдонин, Мелешкина, 2019; и др.]¹ предлагаются пути и способы решения некоторых из этих проблем.

Принципы и подходы к тематическому учету журналов по политической науке в информационных системах

Тематический учет научных журналов является одним из важных аспектов формирования массива журнальных публикаций науки. По существу, он задает контуры самого этого массива для той или иной научной области, что определенным образом влияет и на ее самоопределение, и на взаимоотношения с другими областями наук.

Для тематического учета журналов в наукометрических базах данных обычно используются тематические классификаторы научных отраслей, официально принятые органами государственного управления. В РИНЦ это классификатор ГРНТИ (и соответствующие ему классификаторы ВАК и УДК), а в WoS и Scopus – классификатор OECD. Частично эти классификаторы совпадают, но имеют и существенные различия. В целом классификатор ГРНТИ более дробный и включает 90 основных рубрик (кодов классификации)², в то время как классификатор OECD включает 42 основные рубрики³.

В РИНЦ учет журналов по политической науке осуществляется в рубрике «Политика. Политические науки» (код классификатора 11). В нее чисто информационно входит множество журналов, отечественных и зарубежных, так или иначе присутствующих в электронных базах Национальной электронной библиотеки (НЭБ). Но далеко не все они индексируются, т.е. полноценно обрабатываются и ранжируются в РИНЦ: в него включены лишь те журналы, которые прошли процедуру регистрации в системе в со-

¹ Davis P. The emergence of a citation cartel // The Scholarly Kitchen. – 2012. – Mode of access: <https://scholarlykitchen.sspnet.org/2012/04/10/emergence-of-a-citation-cartel/> (Accessed: 20.11.2019.)

² Классификатор ГРНТИ. – Режим доступа: <http://grnti.ru/> (Дата посещения: 10.11.2019.)

³ Расширенный классификатор OECD: – Режим доступа: https://regnum.ru/uploads/docs/2019/10/15/regnum_file_1571148358362704.pdf (Дата посещения: 10.11.2019.)

ответствии с определенными требованиями¹. На 2019 г. в этой рубрике учитывалось 137 отечественных журналов².

Анализ этих журналов с точки зрения тематической направленности показывает, что многие из них индексируются не только в данной тематической рубрике, но и в других рубриках (по социологии, экономике, истории, праву, управлению и т.д.). При этом значительная часть журналов имеет менее 50% (а некоторые и менее 10%) публикаций по тематике «политика и политические науки», что делает их учет в данной рубрике не вполне обоснованным [Авдонин, Мелешкина, 2019, с. 77]. Такой способ учета, с одной стороны, отражает определенные проблемы развития политической науки в современной России, в том числе связанные с ее статусом в системе социальных наук. С другой стороны, он сам оказывает влияние на этот процесс, в частности, на демаркацию границ сообщества, на становление профессиональных критериев исследований, а также на искажение картины влияния в сообществе профессиональных журналов.

Еще одна особенность этой рубрики в учете журналов – ее достаточно общий и расплывчатый характер. Она как бы заранее предполагает, что аналитико-прикладные публикации, близкие по жанру к экспертным мнениям или политической публицистике, и политические исследования, выполненные на основе научных методов, различаются несущественно и могут быть объединены под одной рубрикой. При автоматической классификации в системе это приводит к тому, что в одной рубрике учитываются журналы с публикациями совершенно разных типов. А это, как и в случае с присутствующими в рубрике журналами с иной тематической идентификацией, затрудняет выполнение научными журналами функций по институционализации политической науки.

В международных системах – сходные проблемы учета журналов по политической науке, но в силу ее более определенного институционального профиля выражены менее рельефно.

В Web of Science Core Collection (WoS CC), базирующейся на классификаторе наук OECD, журналы по политической науке

¹ Регламент включения журналов в РИНЦ. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/projects/publishers/Regl.pdf> (Дата посещения: 10.11.2019.)

² РИНЦ. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/titles.asp> (Дата посещения: 10.11.2019.)

учитываются в разделе социальных наук в рубрике Political Science («Политическая наука») (код 05.06.00), которая разбита на три подрубрики: «Политическая наука» (Political Science) (код 05.06. UU), «Международные отношения» (International Relations) (код 05.06. OE), «Государственное управление» (Public Administration) (код 05.06. VM). В подрубрике «Политическая наука» учитываются источники, «связанные с политологией, военными исследованиями, электоральными и законодательными процессами, политической теорией, историей политической науки, сравнительными исследованиями политических систем, а также взаимодействием политики и других областей науки и социальных наук»¹.

Наличие этих подрубрик учета журналов создает для институционализации политической науки определенные преимущества, представляя научному сообществу более структурированную картину массива журнальных публикаций и место отдельных журналов в структуре этого массива. Всего в рубрике «Политическая наука» в Web of Science Core Collection в 2019 г. учитывалось 176 научных журналов².

Как и в РИНЦ, в этой рубрике WoS CC встречаются журналы с многопрофильной предметно-тематической идентификацией. Но их там значительно меньше. Если в списке топ-10 журналов в РИНЦ в рубрике «Политика и политические науки» в 2018 г. их было шесть, то в топ-10 в Web of Science Core Collection в рубрике «Политическая наука» их всего два (2019). Также их явно меньше и по массиву в целом³.

В Scopus учет журналов по политической науке также базируется на классификаторе OECD, но организован иначе, чем в WoS CC. Прежде всего, они учитываются в основной рубрике Political Science and International Relations («Политическая наука и международные отношения») (на конец 2019 г. более 600 журналов, а в первом квартале – 168)⁴. Но значительная часть также учитывается и в рубрике Sociology and Political Science («Социология и политическая наука») (на 2019 г. – в рубрике более

¹ См.: Clarivate Analytics. – Mode of access: <https://mjl.clarivate.com/scope-notes> (Accessed: 10.11.2019.)

² Web of Science. – Mode of access: <https://apps.webofknowledge.com> (Accessed: 10.11.2019.)

³ Там же.

⁴ Scopus. – Mode of access: <https://www.scopus.com/> (Accessed: 10.11.2019.)

1100 журналов)¹. Особенность такого учета журналов, вероятно, можно объяснить заявленной стратегией системы Scopus, нацеленной на охват максимально широкого круга источников и развитие международной научной коммуникации (в отличие от WoS, который акцентирует стремление к учету преимущественно качественных источников). В связи с этим в рубрике «Политическая наука и международные отношения» заметный приоритет получили журналы по международной тематике (в топ-20 в 2019 г. их 11 – более половины, примерно так же по массиву в целом²). А часть журналов по общим вопросам, внутренней политике, по социально-политической тематике стала учитываться в другой рубрике³.

С точки зрения институционализации академической политической науки принципы учета журналов в Scopus менее благоприятны, чем в Web of Science, больше нацелены на междисциплинарную коммуникацию политической науки. Эти обстоятельства, как будет показано ниже, находят отражение и в инструментах ранжирования журналов, используемых в информационных системах.

Инструменты рейтингов журналов в наукометрических базах данных

В наукометрических базах данных журнальные публикации фиксируются не сами по себе, но с учетом информации о журнале, в котором они опубликованы. Эта информация дает представление о месте и роли отдельных журналов в общем массиве журнальных публикаций данной научной области, т.е., по сути, показывает вклад журнала в выполняемые этим массивом в данной науке функции. Критерием оценки здесь, как уже сказано, является признание журнала (и его вклада в науку) научным сообществом. В информационных системах это призваны отражать рейтинги журналов, в основном базирующиеся на количественных показателях

¹ Scopus. – Mode of access: <https://www.scopus.com/> (Accessed: 10.11.2019.)

² Там же.

³ Можно отметить, например, что российский журнал «Полис. Политические исследования» индексируется в рубрике Sociology and Political Science, а такие российские журналы, как «Международные процессы» и «Россия в глобальной политике» (англоязычная версия), относятся к рубрике Political Science and International Relations.

цитируемости публикаций данного журнала за определенный период (импакт-фактор). Предполагается, что большое число цитирований означает и более высокий уровень признания, влияния и вклада журнала в научном сообществе, а малое – наоборот. В отношении такого количественного способа оценки признания и влияния журналов в науке высказывается немало критических соображений [Larivière, Sugimoto, 2019; Larivière, Gingras, 2010; Лоуренс, 2011; Арнольд, Фаулер, 2011; Fong, Wilhite, 2017; Cozzens, 1989; и др.]. Тем не менее его применение имеет и собственную положительную аргументацию, и он остается главным инструментом измерения влияния научных журналов, используемым в информационных системах.

В результате применения инструментов ранжирования журналов формируются рейтинги, посредством которых может оцениваться роль каждого журнала в той или иной области науки, его признание в научном сообществе, а иногда от них может зависеть и внешняя, административная оценка деятельности ученых и организаций.

Основным инструментом ранжирования журналов в системе РИНЦ является рейтинг Science Index. Он строится на основе показателя пятилетнего импакт-фактора журнала, который обрабатывается двумя дополнительными инструментами: показателем средней нормы цитирования в отраслях науки и индексом Херфиндала по цитирующим журналам¹ (дает предпочтение широте дисперсии цитирования в массиве).

Методика расчета интегрального показателя журнала в рейтинге Science Index (вводится с 2011 г.) следующая.

1. Журнал приписывается к одному из десяти направлений по особенностям цитирования (в случае политической науки это направление 8 – социальные науки, «Social sciences»).

¹ Индекс Херфиндала обычно применяется в экономике для оценки степени монополизации рынка. В данном случае он был применен для оценки степени «монополизации» цитирований, т.е. степени цитирования одним журналом (автором, организацией) другого в общем массиве цитирований. Его низкий показатель указывает на слабую «монополию на цитирование», или на широкий круг журналов (авторов, организаций), цитирующих данный журнал (автора, организацию), а высокий – на «сильную монополию», или на узкий круг цитирующих участников. В формуле *Science Index* индекс Херфиндала находится в знаменателе, поэтому его рост ведет к коррекции показателя цитируемости журнала в сторону снижения, а уменьшение – в сторону увеличения.

2. С учетом этих особенностей рассчитывается пятилетний импакт-фактор журнала: A / B , где A – число посчитанных в текущем году цитирований статей журнала за предшествующие пять лет, B – число статей журнала, опубликованных за этот же период.

3. Полученное число обрабатывается Индексом Херфиндала (HI), который учитывает распределение / дисперсию цитирований данного журнала в других журналах, входящих в базу данных системы РИНЦ¹.

Предполагалось, что в итоге получается более объективный показатель цитирования журналов по областям науки, учитывающий степень известности журнала на основании «широты» его цитирования в других журналах. Кроме того, этот показатель мог бы компенсировать возникновение так называемых пулов журналов, наращивающих рейтинги за счет взаимного цитирования².

Изучение влияния этого индекса на рейтинги журналов по политической науке указывает на ряд проблем. В частности, обнаруживается снижение рейтингов ряда известных и авторитетных российских политологических журналов, в том числе академических, при одновременном росте ранее не очень известных изданий. Такой рост происходил во многом за счет изменения, иногда в разы, показателей индекса Херфиндала, т.е. фактически за счет наращивания «широты» цитирований в базе данных [Авдонин, Мелешкина, 2019, с. 73].

Вопрос о широте базы данных РИНЦ не раз дискутировался в научном сообществе. Ее постоянное расширение является несомненным достоинством, но, с другой стороны, возникает проблема границ этого расширения и научного качества включаемых в нее журналов, сборников и других публикаций. РИНЦ предпринимает меры по контролю над расширением базы. Кроме того, с 2015 г. в общей базе журнальных публикаций стало выделяться так называемое ядро РИНЦ. В него включаются наиболее авторитетные и качественные в научном отношении журналы. На сегодня в него

¹ Подробное описание см. на сайте РИНЦ. – Режим доступа: http://elibrary.ru/help_title_rating.asp; http://elibrary.ru/help_title_if.asp (Дата посещения: 20.11.2019.)

² Если, например, некий журнал имел бы 100 цитирований по одному в 100 журналах, то его рейтинг был бы в десять раз больше, чем рейтинг журнала, имевшего те же 100 ссылок, но по десять в десяти журналах.

входят 773 российских журнала по всем направлениям науки, в том числе 20 по направлению «Политика. Политические науки»¹.

Сопоставление рейтингов журналов по политической науке по ядру РИНЦ и по рейтингу Science Index (SI) показало заметные отличия, отражающие различие полей цитирования этих групп журналов. Если для группы SI больше характерно «расширение» этого поля, активное включение в базу цитирования новых участников, то для группы ядра РИНЦ важно «качество» цитирования и ориентация на престижные международные базы. Это отражается в заметной «расходимости» рейтингов цитирования – журналы, лидирующие в одном рейтинге, проигрывают в другом, и наоборот. Сходная картина обнаружилась и при сопоставлении журналов по политической науке по рейтингу SI и рейтингу общественной экспертизы, который был введен в РИНЦ с 2015 г. Наблюдается существенная разница между этими рейтингами [Авдонин, Мелешкина, 2019, с. 75, 80].

Таким образом, проблемы основного автоматизированного рейтинга журналов РИНЦ пытается компенсировать введением ряда альтернативных инструментов оценки журналов. Тем не менее рейтинг Science Index остается базовым инструментом оценки научных журналов в этой системе.

В Web of Science основным инструментом ранжирования журналов является двухлетний «Импакт-фактор журнала» (JCR IF – JIF). Он ежегодно рассчитывается компанией Clarivate Analytics (до 2016 г. входила в международную корпорацию Thomson Reuters) для формируемой ею базы научных журналов и включается в ежегодный доклад «Journal Citation Reports (JCR)», информационно интегрированный с WoS. JIF является основным инструментом всех индексов, применяемых в WoS CC. Журналы по политической науке входят в «Индекс цитирования социальных наук» (Social Sciences Citation Index – SSCI), в котором сейчас учитываются около 3,5 тыс. журналов по всем областям социальных наук. Также часть политологических журналов включена в «Индекс цитирования новых источников» (Emerging Sources Citation Index – ESCI)², введенный с 2015 г. В списке этого индекса сейчас более

¹ РИНЦ. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/titles.asp> (Дата посещения: 10.11.2019.)

² Подробнее об этом см.: [Марусова, 2016]

5,5 тыс. журналов по всем отраслям науки. В него включены и все российские политологические журналы, вошедшие в WoS CC¹. Кроме того российские журналы индексируются в WoS и в рамках индекса «Российский индекс научного цитирования» (Russian Science Citation Index – RSCI)².

Расчет импакт-фактора JIF (JCR IF) осуществляется так же, как в РИНЦ (в числителе – число цитирований журнала за истекший год, в знаменателе – число статей, опубликованных в журнале за два предшествующих ему года). Основное отличие в том, что в нем учитываются только цитирования опубликованных в журнале исследовательских статей (категории IMRAD³), обзорных статей и «протоколов» (научных сообщений и обсуждений). Также в WoS CC индекс JIF дополняется расчетом для журналов таких «индексов влияния», как Eigenfactor (EF) и Article Influence (AI). Оба этих индекса взаимосвязаны – EF представляет собой ненормированный индекс, показывающий «вес» цитирований журнала во всех журналах данной области, а AI – его нормированную версию, показывающую, каков средний «вес» цитирования данного журнала по сравнению со средним весом цитирования из всех журналов. Средний вес цитирования берется за 1. Показатель AI 2,6 означает, что цитирование статьи из данного журнала «весит» в 2,6 раза больше, чем среднее цитирование по всем журналам, а AI 0,5 означает, что «вес» цитирования статьи из журнала наполовину меньше, чем среднее цитирование по всем журналам.

¹ По данным РИНЦ, на 2019 г. там насчитывается 13 политологических журналов. См.: РИНЦ. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/titles.asp> (Дата посещения: 10.11.2019.) Определенную роль в их включении в индекс ESCI играли стимулирующие гранты Минобра (оператор – НЭИКОН) по поддержке вхождения российских научных журналов в международные наукометрические базы данных. (Подробнее см.: Сайт НЭИКОН. – Режим доступа: <https://conf.neicon.ru/index.php/science/domestic0419/pages/view/domestic0419-video> (Дата посещения: 10.11.2019.)

² По данным РИНЦ, на 2019 г. там насчитывается 15 политологических журналов. См.: РИНЦ. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/titles.asp> (Дата посещения: 10.11.2019.)

³ Аббревиатура IMRAD – Introduction, Methods, Results, and Discussion (введение, методы, результаты и обсуждение) означает общую организационную форму написания научной статьи, является наиболее характерной структурой для журнальных статей исследовательского типа.

В системе Scopus основным инструментом является индекс CiteScore¹, основанный на трехлетнем импакт-факторе журнала и охватывающий цитирования публикаций всех типов. Сравнение CiteScore и JIF дается в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1

**Сравнение индексов оценки журналов,
используемых в WoS CC и Scopus**

Индекс Параметр	JCR IF (JIF)	CiteScore
Период оценки (лет)	2	3
База данных	JCR/WoS CC	Scopus
Число индексируемых журналов (2016)	11 000	22 000
Доступ к индексу	Подписчики	Все желающие
Оцениваемые документы	Статьи, обзоры, протоколы	Все публикации

В системе метрик Scopus индекс CiteScore также дополнен индексом SCImago Journal Rank (SJR), призванным компенсировать недостатки классического импакт-фактора. Он, как и Eigenfactor в WoS CC, учитывает влияние ссылок через учет «престижности» цитирующего журнала. Ссылки из более престижных и влиятельных (т.е. более цитируемых) в данной отрасли науки журналов «вешают» больше, чем из менее престижных.

Он рассчитывается с помощью алгоритма, позволяющего «взвесить» престижность цитирования. Окно цитирования составляет три года, кроме того, невелик процент учета самоцитирования [González-Pereira, Guerrero-Bote, Moya-Anegón, 2010; Guerrero-Bote, Moya-Anegón, 2012]. Для подсчета используется следующий алгоритм. Каждому журналу присваивается 1, которая в дальнейшем пропорционально количеству цитат распределяется между журналами, цитирующими статьи данного журнала. В результате максимальное значение показателя оказывается у самого влиятельного журнала с максимальным количеством цитирований. Цитирование такого журнала весомее, чем цитирование менее престижного журнала, в котором в основном цитируются статьи других изданий, а его статьи цитируются мало. Полученный «пре-

¹ Более подробно о CiteScore см.: Elsevier. – Mode of access: <https://www.elsevier.com/editors-update/story/journal-metrics/citescore-a-new-metric-to-help-you-choose-the-right-journal> (Accessed: 10.11.2019.)

стиж» нормируется на количество опубликованных в журнале материалов.

Еще один показатель, используемый в метриках Скопус, – SNIP (Source Normalized Impact Per Paper) [Moed, 2005]. Его можно перевести как «нормализованная по источникам ссылок цитируемость в расчете на одну статью». По смыслу он аналогичен используемой в РИНЦ процедуре предварительного нормирования списков цитирования в различных отраслях науки, что позволяет учитывать различия между ними и корректно сравнивать журналы разных предметно-тематических областей.

Для расчета SNIP потенциал цитирования журнала определяется на основе учета всех журналов, в которых за последние десять лет были процитированы его статьи. Далее вычисляется средняя длина списков литературы в цитирующих статьях без учета ссылок на материалы, не включенные в базу данных, на основе которой и рассчитываются показатели. Таким образом, адекватность определения потенциала цитирования ставится в зависимость от полноты базы данных. Далее трехлетний импакт-фактор делится на потенциал цитирования.

Сравнивая инструменты ранжирования журналов в рассматриваемых наукометрических базах данных, можно констатировать следующее. Существенным общим моментом для всех систем является использование в рейтингах журналов традиционного импакт-фактора, модифицированного тем или иным образом. Общим также является стремление компенсировать недостатки его формального применения путем усовершенствования и дополнения систем индексации.

Главные же отличия видятся в том, что в отечественной системе приоритет при ранжировании журналов получает «широта» цитирования в базе данных, в то время как в международных системах акцент сделан на учет престижности и значимости цитирования, определяющих статус и влияние журнала. Следует отметить, что это различие в целом осознается отечественными специалистами, предпринимаются попытки его нивелировать (введение показателей цитирования по ядру РИНЦ и по результатам общественной экспертизы).

Заметные отличия обнаруживаются и между двумя международными системами. В целом принципы учета и инструментальной системы Scopus выглядят менее строгими и определенными,

чем у системы WoS, что, вероятно, связано со стратегическими приоритетами их деятельности. Первая декларирует приоритет развития научной коммуникации, а вторая делает акцент на институционализации и сохранении традиций науки.

Относительно отечественных журналов по политической науке этот анализ инструментов и приоритетов информационных систем помогает корректнее учитывать рейтинги и влияние журналов и публикаций в научном сообществе, а также лучше оценивать возможности их продвижения в международных информационных системах.

Другие показатели журналов в информационных системах

Помимо импакт-фактора и его вариаций в базах данных сохраняются другие важные показатели, которые не применяются непосредственно при составлении основных рейтингов, но могут использоваться для оценки качества публикаций, профессиональной значимости журналов и существенно дополнять картину состояния журнальных публикаций данной области науки в целом. К их числу относят разнообразные показатели объемов публикуемых статей, размеры списков использованной литературы, время сохранения внимания к публикациям журнала, места работы и возраст авторов журнала и т.д.

Одним из них является показатель, который рассчитывается в РИНЦ и называется «время полужизни статей». В системах WoS и Scopus также рассчитываются эти показатели хронологии цитирований под наименованиями «citing half-life» и «cited half-life». Первый из них фиксирует хронологическое распределение ссылок, а второй – «медианный возраст» цитируемых статей журнала. У топовых журналов по политической науке, индексируемых в этих системах, этот возраст статей, как правило, достаточно высок: восемь – десять и более лет.

Е.В. Балацкий и Н.А. Екимова демонстрируют важность этого показателя на примере журнала «Экономические и математические методы» [Балацкий, Екимова, 2015, с. 172]. Они отмечают, что журнал занимал 1-е место по показателю времени полужизни статей журнала, который рассчитывается на основе медианного возраста процитированных статей в текущем году. Этот пока-

затель говорит о том, насколько долго сохраняется интерес к статьям журнала, и косвенно свидетельствует о степени фундаментальности публикуемых в журнале материалов. В то же время по пятилетнему импакт-фактору без самоцитирований этот журнал был лишь на 28-м месте.

Похожую картину можно наблюдать и в отношении журналов, публикующих статьи по теме «Политика. Политические науки». В табл. 2 представлены результаты подсчета времени полужизни статей за 2017 г. и другие важные показатели в системе РИНЦ, свидетельствующие о параметрах опубликованных материалов и политике журналов в отношении авторов.

Таблица 2

**Отдельные показатели по журналам ядра РИНЦ,
имеющим более 50% публикаций по тематике «Политика.
Политические науки»**

Название журнала	Время полужизни статей, процитированных в текущем году (2017)	Среднее число страниц в статье (2018)	Среднее число ссылок в списках цитируемой литературы (2018)	Количество авторов за год / число новых авторов (2018)
Полис	10,0	13,9	24	98/38
Мировая экономика и международные отношения	5,6	9	26	202/76
Вестник МИГМО-Университета	4,1	17,8	39	98/54
Полития	6,2	20,5	30	42/17
Сравнительная политика	3,0	11,9	25	65/51
Политическая наука	7,8	17,4	31	51/27
Россия в глобальной политике	4,2	12,3	0	55/25
Вестник Пермского университета. Политология	3,4	14,1	23	44/27

Составлено по: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=28034 (Accessed: 20.11.2019.); https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=28264 (Accessed: 20.11.2019.); https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=2770 (Accessed: 20.11.2019.)

Из приведенной таблицы видно, что наибольшие показатели времени полужизни статей имеют журналы общеполитологического профиля, в которых, наряду с конъюнктурными, рассматриваются и фундаментальные проблемы науки («Полис», «Политическая наука», «Полития»). Наименьшие показатели у журналов

относительно новых, региональных, а также ориентированных на анализ текущих международных отношений.

Интересными показателями являются объем публикуемых материалов и число ссылок в списках литературы. Многочисленные требования, предъявляемые ныне к журналам международными базами данных, сужают возможности в плане объема публикаций, а жанровые особенности и тематика статей накладывают отпечаток на их объем. Тем не менее в среднем для представления результатов серьезной научной проблемы требуется достаточное количество текста статьи, а для обоснованности ее выводов и исходных посылок – значительный объем ссылок на литературу. По этому показателю журналы по тематике «Политика. Политические науки» неоднородны. В группе журналов, представленных в таблице, «пионеры» по среднему количеству страниц («Полития» – 20 страниц) соседствуют с журналами, в которых средняя длина текстов сравнительно мала («Мировая экономика и международные отношения» – девять страниц). Среди этих журналов представлен один, в котором количество ссылок на литературу равняется нулю («Россия в глобальной политике»). Интересный пример в этом отношении также представляет журнал «Власть», в котором среднее число страниц в 2018 г. составляло 6,5, а среднее количество ссылок на литературу – семь. Подобные количественные показатели побуждают задуматься о степени научности опубликованных в данных журналах материалов и, вероятно, должны использоваться при оценке профессионального уровня того или иного издания.

Наконец, соотношение количества авторов к числу новых авторов косвенно характеризует открытость или закрытость в политике журнала. Приведенные в таблице данные не могут рассматриваться как точный диагноз в этом отношении в первую очередь в силу короткого отрезка времени – один год. Однако они позволяют выявить некоторые тенденции на основе разбиения журналов на две группы: опубликовавших работы более 50% новых авторов за год и других.

Повышение роли количественных показателей в системе оценки эффективности научной деятельности ученых, журналов и организаций вызвало расширение притока в базу научных публикаций и рост различных усилий по искусственному увеличению («накрутке») их цитирования. В частности, среди способов манипуляции на рынке научных журналов выделяют «принудительное

цитирование» [Wilhite, Fong, 2012, p. 542–543]. Иногда этот механизм включает более одного журнала, а издатели организуют «картель цитирования» с перекрестным взаимным цитированием, позволяющим обеспечить искусственное завышение рейтингов журналов¹. Его влияние на показатели не всегда может быть обнаружено простыми способами, в том числе с помощью индекса Херфиндаля, который используется при подсчете Science index. Еще один способ, отмечаемый Е.В. Балацким и Н.А. Екимовой, – преобладание на страницах журнала сотрудников «материнской» организации, например вуза, или сотрудников из региона, в котором выпускается журнал. Это приводит к искусственному завышению популярности в первую очередь некоторых региональных изданий [Балацкий, Екимова, 2015].

Применительно к политологическим журналам подобные явления не всегда вызваны спланированными действиями по искусственному увеличению показателей цитирования. Такие явления могут быть также связаны с имеющимися условиями развития дисциплины и особенностями коммуникаций внутри научного сообщества. Активизация вузовской политологии в условиях целенаправленной государственной политики по развитию науки в университетах находит отражение в требованиях по увеличению целого ряда количественных показателей, в том числе наукометрических, относящихся к издающимся в вузах научным журналам.

Организационная структура российских вузов традиционно нацелена на образовательные функции, а научно-исследовательские в ней второстепенны. Это отражается и на вузовских научных журналах, которые в большинстве своем ориентированы на вузовскую структуру подразделений, объединяющих ученых разных (а порой и весьма далеких друг от друга) специальностей. Разнообразие тематики их публикаций ведет к слабой научно-тематической идентификации таких журналов, порождая и усугубляя ту проблему, о которой было сказано выше.

Кроме того, для таких журналов может быть характерен также феномен ведомственной и региональной «инкапсуляции» публикаций и цитирования. Сотрудникам материнской организа-

¹ Davis P. The emergence of a citation cartel // The Scholarly Kitchen. – Mode of access: <https://scholarlykitchen.sspnet.org/2012/04/10/emergence-of-a-citation-cartel/> (Accessed: 20.11.2019.)

ции или из конкретного региона часто бывает существенно легче напечатать статью в «своих» журналах, а не в каком-то центральном издании. Но региональное издание не всегда доходит до читателей всей страны, поэтому и цитируется в основном авторами из своей организации или своего региона. Это приводит к искусственному завышению популярности, в первую очередь некоторых вузовских региональных изданий. На основе количества ссылок на такие журналы не всегда можно делать вывод о влиятельности цитируемых из журнала статей на развитие науки. Однако другие показатели баз данных позволяют выявить тематическую, ведомственную или региональную инкапсуляцию. В одной из наших публикаций мы приводили примеры цитирования трех журналов по организациям и журналам [Авдонин, Мелешкина, 2019, с. 85–86]. В данной статье мы приводим примеры ведомственной принадлежности авторов публикаций в трех журналах, один из которых академический, второй и третий издаются соответственно в московском и региональном вузах, а также данные по ведомственной принадлежности авторов цитат на статьи из этих журналов.

Таблица 3

**Наибольшие доли статей и цитат на статьи из журнала,
ведомственная принадлежность авторов которых
в соответствующих группах совпадает**

	Всего статей в РИНЦ / Размер наибольшей группы статей с одинаковой ведомственной принадлежностью авторов (количество и процент статей)	Всего ссылок в РИНЦ / Размер наибольшей группы цитат с одинаковой ведомственной принадлежностью авторов цитат (количество и процент цитат)
Политическая наука	1165 / 208 (17,8%) – ИНИОН РАН	5400 / 196 (3,6%) – МГУ им. Ломоносова
Вестник МГИМО	2122 / 1372 (64,7%) – МГИМО МИД РФ	9422 / 1529 (16,2%) – МГИМО МИД РФ
Вестник Пермского университета. Политология	559 / 168 (30%) – Пермский национальный исследовательский университет	1477 / 107 (7,2%) – Пермский национальный исследовательский университет

Составлено по: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=28034 (Accessed: 30.05.2019.); https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=28264 (Accessed: 20.11.2019.); https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=2770 (Accessed: 20.11.2019.)

Данные, приведенные в таблице, не столь ярко свидетельствуют о ведомственной и региональной инкапсуляции вузовских журналов, как информация о распределении цитирования по жур-

налам, однако и здесь прослеживаются определенные тенденции. Особенно отчетливо инкапсуляция проявляется на примере «Вестника МГИМО», сотрудники которого являются авторами почти 65% статей данного издания.

Заключение

Взгляд на политическую науку сквозь призму учета и оценки ее профильных журналов в наиболее известных информационных системах позволяет судить о ряде особенностей ее современного состояния, включая содержательные и институциональные аспекты. Наиболее значимым, на наш взгляд, является сосуществование двух разных тенденций. Во-первых, это тенденция к дальнейшей институционализации политологических исследований и повышению академического статуса политической науки как самостоятельной дисциплины, что проявляется в увеличении количества и качества специализированных журналов, в активном использовании наукометрических показателей для их оценки самими исследователями, а также теми, кто принимает решения в сфере управления наукой и высшим образованием. Во-вторых, это тенденция к изменениям тематического фокуса политических исследований, что проявляется, например, в увеличении присутствия на высоких ступенях рейтинга журналов по тематике международных отношений и к расширению предметно-тематических полей исследований, их междисциплинарности. Наличие этих тенденций ощущается, судя по международным базам данных, и в мировой политической науке, и с некоторым преломлением и спецификой – в отечественной политологии. При этом попытки последней активнее включаться в мировые научные процессы будут стимулировать эту проблематику, а возможно, и обострять ее. Доминирующий вектор здесь, на наш взгляд, пока еще не определен, а обе тенденции имеют как негативные, так и позитивные компоненты.

Еще один вывод касается самих информационных систем и роли их инструментария в рефлексии политической науки. Наукометрические показатели, содержащиеся в различных базах данных, с одной стороны, предоставляют значительные возможности в плане анализа достижений той или иной научной дисциплины и ситуации с развитием соответствующих журналов. С другой сто-

роны, обращение к ним позволяет выявить ряд проблем, касающихся как самих используемых показателей и индексов, так и содержательных и институциональных аспектов тех или иных научных дисциплин.

Одна из проблем качества и релевантности библиометрических показателей связана с противоречием между ориентациями на широту либо престижность цитирования и, соответственно, на широту и качество при формировании самих баз данных. В международных базах данных эта проблема в основном решается в пользу преимущественного развития инструментов учета престижности и качества цитирования и определенного ограничения широты баз данных. В системе РИНЦ престижность цитирования автоматически не учитывается, а специфика тематической рубрики осложняет задачу формирования адекватной состоянию политической науки картины цитирования и важности научных журналов для развития дисциплины. Хотя и предпринимаются меры, чтобы нивелировать эти недостатки.

Еще одна группа проблем связана с недостатками импакт-фактора – ключевого компонента инструментов ранжирования журналов и публикаций во всех информационных системах. Среди слабостей этого показателя – невозможность учесть смысл цитирования, фиксировать искусственную «накрутку» цитирования или образование «пулов» журналов с взаимным цитированием и т.д. Здесь решение проблем видится в дополнении импакт-фактора другими показателями. Во-первых, теми, которые бы позволили более качественно отразить специфику цитирования с учетом «авторитетности», как это делается при составлении рейтинга SJR, используемого Scopus, или EF и AI, принятых в WoS. Во-вторых, иными формальными показателями, содержащимися в базах данных (время полужизни статей, средний размер статей и списка литературы, показатели цитирования в других журналах и организациях и т.п.), и экспертными оценками.

Особый круг составляют проблемы, связанные с включением отечественных журналов по политической науке в международные базы данных. Как свидетельствуют данные, отечественные журналы по политической науке не входят в группу лидеров (среди которых немало американских и британских журналов), занимая далекие от них места в рейтингах. Учитывая языковую политику отечественных журналов, специфику их распространения, опреде-

ленные тематические ожидания в международном научном сообществе и ряд других факторов, следует предположить, что российские журналы по политической науке еще долго не смогут соперничать с ведущими изданиями и занимать высокие места в рейтингах. Это будет снижать их привлекательность как места публикации статей отечественных ученых, вынуждаемых проводимой формальной политикой поощрения научных достижений ориентироваться на высокорейтинговые журналы.

Список литературы

- Авдонин В.С., Мелешкина Е.Ю. О чем говорят рейтинги? Журналы по политической науке в системе РИНЦ // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 69–88. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.06>
- Авдонин В.С., Мелешкина Е.Ю. Политическая наука в институтах РАН сквозь призму экспертного опроса // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 232–246.
- Арнольд Д., Фаулер К. Гнусные цифры // Игра в цифры, или Как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). – М.: Издательство МЦНМО, 2011. – С. 52–62.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Проблема манипулирования в системе РИНЦ // Вестник УрФУ. Серия Экономика и управление. – 2015. – Т. 14, № 2. – С. 166–178. – DOI: <https://doi.org/10.15826/vestnik.2015.14.2.021>
- Григорьева Е.И., Зарипова З.Р., Кокарев К.П. Хороши ли журналы, в которых размещены ваши статьи? // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 147–159. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.10>
- Иванова Е.А. Использование показателей публикационной активности ученых в практике управления наукой (обзор обсуждаемых проблем) // Социология науки и технологий. – 2011. – Т. 2, № 4. – С. 61–72.
- Истомин И.А. Измерение продуктивности и результативности научных исследований: опыт США // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С. 127–141. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.09>
- Истомин И.А., Байков А.А. Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов // Международные процессы. – 2015. – № 2. – С. 114–140.
- Коммуникация в современной науке: сб. переводов / под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1976. – 438 с.
- Лоуренс П.А. Потерянное при публикации: как измерение вредит науке // Игра в цифры, или Как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). – М.: Издательство МЦНМО, 2011. – С. 39–45.
- Марусова В.А. Библиометрические характеристики российской науки в новом указателе Emerging Sources Citation Index // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. – 2016. – № 11. – С. 24–31.

- Москалева О.В. Научные публикации как средство коммуникации, анализа и оценки научной деятельности // *Москалева О.В. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии.* – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. – С. 110–163. – DOI: <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-1352-5.0006>
- Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов / под ред. Э.М. Мирского, Б.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1980. – 431 с.
- Новиков Д.А., Губко М.В. Наукометрия и экспертиза в управлении наукой: предисловие // *Управление большими системами: сборник трудов.* – М.: ИПУ РАН, 2013. – Специальный выпуск 44: Наукометрия и экспертиза в управлении наукой / под ред. Д.А. Новикова, А.И. Орлова, П.Ю. Чеботарева. – С. 8–15.
- Савинов Л.В. Российская политология и ее наукометрические показатели // *Политическая наука: исследования.* – 2012. – № 3. – С. 151–162.
- Управление большими системами: сборник трудов. – М.: ИПУ РАН, 2013. – № 44: спец. вып.: Наукометрия и экспертиза в управлении наукой / под ред. Д.А. Новикова, А.И. Орлова, П.Ю. Чеботарева. – 568 с.
- Юревич М.А. Методические проблемы оценки результативности исследователя // *Наука. Инновации. Образование.* – 2014. – № 16. – С. 28–41.
- Cozzens S.E. What do citations count? The rhetoric-first model // *Scientometrics.* – 1989. – Vol. 15, N 5/6. – P. 437–447. – DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02017064>
- Fong E.A., Wilhite A.W. Authorship and citation manipulation in academic research // *PLoS ONE.* – 2017. – Vol. 12, N 12. – DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0187394>
- González-Pereira B., Guerrero-Bote V.P., Moya-Anegón F. A new approach to the metric of journals' scientific prestige: The SJR indicator // *Journal of informetrics.* – 2010. – N 4(3). – P. 379–391. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2010.03.002>
- Guerrero-Bote V.P., Moya-Anegón F. A further step forward in measuring journals' scientific prestige: The SJR2 indicator // *Journal of informetrics.* – 2012. – N 6 (4). – P. 674–688. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2012.07.001>
- Larivière V., Gingras Y. The impact factor's Matthew effect: a natural experiment in bibliometrics // *Journal of the American society for information science and technology.* – 2010. – Vol. 61, N 2. – P. 424–427. – DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.21232>
- Larivière V., Sugimoto C.R. The Journal Impact Factor: A brief history, critique, and discussion of adverse effects // *Springer handbook of science and technology indicators* / W. Glänzel, H.F. Moed, U. Schmoch, M. Thelwall (eds). – Cham (Switzerland): Springer International Publishing, 2019. – P. 2–33.
- Moed H.F. Citation analysis in research evaluation. – Berlin: Springer, 2005. – 346 p.
- Wilhite A.W., Fong E.A. Coercive citations in academic publishing // *Science.* – 2012. – Vol. 335, N 6068. – P. 542–543. – DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1212540>

V.S. Avdonin, E.Yu. Meleshkina*
**Political science in journals: analysis of tools and indicators
in information systems**

Abstract. The article focuses on professional systems of scientific journal data and ratings (Russian informational system RSCI, WoS and Scopus). It analyses their analytical tools and indicators. The authors highlight a number of problems related to a probable influence of the instruments and indicators on evaluation of the journals and the state of political science in general. Some solutions to these problems are proposed.

The authors identify two tendencies in the process of institutionalization of political research. The first one is the increase of the quantity of specialized journals. The second one is an application of scientometric indicators not only for evaluation of the journals by scientists but also by administrators and managers of science and education. The article shows possibilities of scientometric and other indicators of the data bases as tools supplementing impact-factors for evaluation of the scientific journals.

Keywords: political science journals; ratings of scientific journal; data bases RSCI; Scopus; Web of Science; scientometric indicators; political science in Russia.

For citation: Avdonin V.S., Meleshkina E.Yu. Political science in journals: analysis of tools and indicators in information systems. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 87–111. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.04>

References

- Arnold D., Fowler K. Vile Figures. In: *The game of numerature, or how the scientist's work is now evaluated (collection of articles on bibliometrics)*. Moscow: MCCME, 2011, P. 52–62. (In Russ.)
- Avdonin V.S., Meleshkina E. Yu. What do ratings say? Political science journals in the RSCI system. *Polis. Political studies*. 2019, N 4, P. 69–88. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.06> (In Russ.)
- Avdonin V.S., Meleshkina E. Yu. Political science in the institutes of Russian Academy of Sciences in the light of an expert poll. *Political Science (RU)*. 2016, N 2, P. 232–246. (In Russ.)
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. The problem of manipulation in the RSCI system. *Bulletin of Ural federal university. Series economics and management*. 2015, Vol. 14, N 2, P. 166–178. DOI: <https://doi.org/10.15826/vestnik.2015.14.2.021> (In Russ.)
- Communication in modern science: collection of translations*. Ed. by E.M. Mirsky, V.N. Sadovsky. Moscow: Progress, 1976, 438 p. (In Russ.)

* **Avdonin Vladimir**, Institute of Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: avdoninvla@mail.ru; **Meleshkina Elena**, Institute of Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru

- Cozzens S.E. What do citations count? The rhetoric-first model. *Scientometrics*. 1989, Vol. 15, N 5–6, P. 437–447. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02017064>
- Fong E.A., Wilhite A.W. Authorship and citation manipulation in academic research. *PLoS ONE*. 2017, Vol. 12, N 12. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0187394>
- González-Pereira B., Guerrero-Bote V.P., Moya-Anegón F. A new approach to the metric of journals' scientific prestige: The SJR indicator. *Journal of informetrics*. 2010, N 4 (3), P. 379–391. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2010.03.002>
- Grigorieva E.I., Zaripova Z.R., Kokarev K.P. How good are the journals in which you publish your articles? *Polis. Political studies*. 2015, N 3, P. 147–159. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.10> (In Russ.)
- Guerrero-Bote V.P., Moya-Anegón F. A further step forward in measuring journals' scientific prestige: The SJR2 indicator. *Journal of informetrics*. 2012, № 6 (4), P. 674–688. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joi.2012.07.001>
- Ivanova E.A. The use of indicators of publication activity of scientists in the practice of science management (review of the issues discussed). *Sociology of science and technology*. 2011, Vol. 2, N 4, P. 61–72. (In Russ.)
- Istomin I.A. Assessment of scientific productivity and social utility of scientific studies: the lessons from the U.S. record. *Polis. Political Studies*. 2018, N 6, P. 127–141. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.09> (In Russ.)
- Istomin I.A., Baykov A.A. Russian and international publication practices. A comparative study of ir scholarly journals. *International Trends (Mezhdunarodnye protsessy) Journal of International relations theory and world politics*. 2015, N 2, P. 114–140. (In Russ.)
- Larivière V., Gingras Y. The impact factor's Matthew effect: a natural experiment in bibliometrics. *Journal of the American Society for information science and technology*. 2010, Vol. 61, N. 2, P. 424–427. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.21232>
- Larivière V., Sugimoto C.R. The journal impact factor: a brief history, critique, and discussion of adverse effects. In: *Springer handbook of science and technology indicators*. Ed. by W. Glänzel, H.F. Moed, U. Schmoch, M. Thelwall. Cham (Switzerland): Springer International Publishing, 2019, P. 2–33.
- Lawrence P.A. Lost on publication: how measurement hurts science. In: *The game of numerature, or how the scientist's work is now evaluated (collection of articles on bibliometrics)*. Moscow: MCCME, 2011, P. 39–45. (In Russ.)
- Marusova V.A. Bibliometric characteristics of Russian science in the new Emerging Sources Citation Index. *Scientific and technical information. Series 2. «Information Processes and Systems»*. 2016, N 11, P. 24–31. (In Russ.)
- Moskaleva O.V. Research publications as a means of communication, analysis and assessment of research activity. In: *Handbook for scientometrics: indicators of science and technology development*. Ekaterinburg: Ural state university, 2014, P. 110–163. DOI: <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-1352-5.0006> (In Russ.)
- Novikov D.A., Gubko M.V. Scientometrics and expertise in science management: foreword. In: *Management of large systems. Collection of works. Special issue 44: Scientometrics and expertise in the management of science*. Ed. by D.A. Novikov, A.I. Orlov, P. Yu. Chebotarev. Moscow: ICS RAS, 2013, P. 8–15. (In Russ.)

- Management of large systems. Collection of works. Special issue 44: Scientometrics and expertise in the management of science.* Ed. by D.A. Novikov, A.I. Orlov, P.Yu. Chebotarev. Moscow: ICS RAS, 2013, 568 p. (In Russ.)
- Moed H.F. *Citation analysis in research evaluation.* Berlin: Springer, 2005, 346 p.
- Savinov L.V. Russian political science and its scientometrical characteristics. *Polis. Political Studies.* 2012, N 3, P. 151–162. (In Russ.)
- Scientific activity: structure and institutes: collection of translations.* Ed. by E.M. Mirsky, B.G. Yudin. Moscow: Progress, 1980, 431 p. (In Russ.)
- Wilhite A.W., Fong E.A. Coercive citations in academic publishing. *Science.* 2012, Vol. 335, N 6068, P. 542–543. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1212540>
- Yurevich M.A. Methodical problems of researcher productivity assessment. *Science. Innovation. Education.* 2014, N 16, P. 28–41. (In Russ.)

И.А. ПОМИГУЕВ*

**РОЛЬ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
НАУЧНЫХ СЕТЕЙ¹**

Аннотация. В статье рассматривается роль молодежных политологических организаций в процессе формирования сообщества политологов с позиции сетевого похода. Подобные организации являются институциональными структурами, которые претендуют на центральные позиции в сетевом взаимодействии молодых политологов и могут выступать коммуникативными брокерами, помогающими формировать малые группы по сетевому (горизонтальному) признаку для достижения общей цели – получения новых знаний о сфере политического.

Автор представляет результаты общероссийского опроса молодых политологов, проведенного осенью 2019 г. На основе результатов исследования, в котором приняли участие 538 респондентов, выявляются факторы формирования и функционирования сообщества молодых политологов, оцениваются ее человеческий, структурный и реляционный капиталы. В статье анализируется потенциал молодежных политологических организаций в роли субъекта формирования научных сетей, выделяются значимые направления их деятельности. Особое внимание уделено возрастным особенностям восприятия молодежных структур.

*** Помигуев Илья Александрович**, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия); доцент Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: romilya@mail.ru

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-33052.

Автор выражает особую благодарность С.В. Патрушеву и Н.В. Прокудинной за помощь в составлении анкеты и анализе результатов.

© Помигуев И.А., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.01.05

Исследование показало, что работа молодежных политологических *сообществ* в регионах в целом оценивается невысоко, при этом она сильно зависит от деятельности вузов, с которыми и ассоциируется. Молодежные политологические организации воспринимаются как студенческие структуры, основная доля членов которых приходится на студентов старших курсов бакалавриата и магистрантов. Подобные структуры помогают им идентифицировать себя с профессиональным сообществом. Перспективы организаций респонденты оценивают очень высоко, однако главной задачей таких структур считается отнюдь не развитие научных навыков, а интеграция в научное сообщество, расширение контактов с его представителями и создание площадок для поиска и общения сторонников и единомышленников.

Ключевые слова: молодежные политологические организации; молодые политологи; научное сообщество; научные сети; политическая наука; научные коммуникации.

Для цитирования: Помигуев И.А. Роль молодежных политологических организаций в процессе формирования научных сетей // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 112–144. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.05>

«Власть структуры оказывается сильнее структуры власти» – так описывал появление новой социальной детерминанты, формирующей сети, М. Кастельс – один из ведущих исследователей «общества сетевых структур» (network society) [Кастельс, 1999, с. 494]. Для него этот термин означает комплекс взаимосвязанных узлов, не обязательно формально институционализированных.

Голландский ученый Я. ван Дейк, напротив, отмечает, что базовыми ячейками общества являются не сетевые структуры, а индивиды, которые коммуницируют и объединяются в сообщества (community) [Dijk, 1999].

Но ставить знак равенства между понятиями «структура» (институт, организация) и «сеть» (сообщество) не стоит. Различий достаточно много, и они лежат как в разнице исследовательских подходов (сетевой или реляционный), так и в самом понимании феноменов, которые по-разному формируются и функционируют [Сморгунов, Шерстобитов, 2018, с. 14–18]. Так, в сетях каждый элемент является актором, если действует и подтверждает свое положение. В структурах положение участников определяется системой «включенности / исключения».

Возникает вопрос: какова роль структур в формировании сетей, и наоборот? М. Кастельс считает, что сети размыывают структуры за счет децентрализации. Я. ван Дейк, напротив, склонен ду-

мать, что структуры могут управлять сетями за счет контроля над технологиями и социальными сетевыми связями.

Связи между узлами сети определяются способностью к коммуникации – передаче информации на основе «кода», под которым понимается, например, профессиональный язык. Чем сложнее «код», тем сложнее актерам стать участниками сети. Это относится и к научной деятельности, где вход затруднен не только из-за сложности языка, но и из-за высокой институционализации сферы.

По классификации Р. Родса [Rhodes, 1997], представителя институциональной (организационной) сетевой теории, научное сообщество можно представить как профессиональные сети, которые по своим характеристикам относительно изолированы от других групп, связаны друг с другом по сетевому (горизонтальному) признаку. Они имеют общую идентичность и интересы, которые для политологов лежат в области накопления и трансляции *новых* знаний о политике [Помигуев, 2019, с. 99].

Однако процесс вовлечения в профессиональное сообщество новых членов затруднен и структурами, и сложностью «кода». Для молодых политологов этот вопрос в силу недостаточности опыта и знаний крайне актуален.

Таким образом, возникает вопрос: могут ли институционализированные структуры, подобные молодежным политологическим организациям, способствовать идентификации молодых политологов с научным сообществом, выстраиванию доверительных и плотных связей между членами, формированию разветвленных сетевых отношений?

Молодежные политологические организации (МПО) являются элементом сетевого научения¹, поскольку вовлечение в их деятельность способствует формированию совместного опыта и знаний в инструментальной, нормативной и процедурной форме. Они могут образовываться и действовать на любом уровне – федеральном, региональном, университетском, главное условие – нацеленность на развитие навыков научной деятельности и получение новых знаний о политическом.

Отметим, что такие организации могут становиться достаточно значимыми узлами сети, и чем больше таких узлов, «тем вероятнее они будут выступать брокерами по концентрации и пе-

¹ О понятии «сетевое научение» см. подробнее: [Knight, Pye, 2005].

редаче опыта и знаний» [Сморгунов, Шерстобитов, 2018, с. 131]. Ниже мы предлагаем рассмотреть роль МПО в формировании научного сетевого сообщества, опираясь на анализ результатов социологического опроса молодых политологов.

Опрос молодых политологов

В сентябре-октябре 2019 г. исследовательской группой Совета молодых политологов РАПН было проведено анкетирование студентов и молодых ученых, изучающих политологию и смежные дисциплины (молодых политологов). Опрос проводился среди участников крупного федерального проекта для молодых политологов – серии региональных круглых столов «Знания о политике: как получить и где применить?», прошедших в 20 регионах страны¹. Также респондентам была доступна электронная версия анкеты², которая распространялась посредством электронной почты по базе контактов Совета молодых политологов РАПН (1528 адресов) и через социальные сети. Подобный опыт сбора данных уже применялся ранее: РАПН проводила опрос своих членов и участников Конгресса политологов [Политическая наука в России, 2008].

Целью исследования было определение возможности молодежных политологических организаций выступать субъектом формирования научных сетей в процессе получения молодыми людьми профессионального образования и знаний. В целом данные опроса позволяют проанализировать намного больше аспектов деятельности молодых политологов³. Однако в этой статье фокус

¹ См. подробнее: В 20 регионах страны СМП РАПН провел круглые столы, связанные одной темой: «Знания о политике: как получить и где применить?» // Российская ассоциация политической науки. – Режим доступа: <https://www.rapn.ru/in.php?part=3&gr=585&d=5873> (Дата посещения: 16.11.2019.)

² С анкетой можно ознакомиться по ссылке: Социологический опрос по изучению научных сетей молодых политологов. – Режим доступа: <https://opros-politologov.testograf.ru/> (Дата посещения: 16.11.2019.)

³ С ответами респондентов в обобщенном виде можно ознакомиться на официальном сайте Совета молодых политологов Российской ассоциации политической науки. Результаты социологического опроса молодых политологов // СМП РАПН. – Режим доступа: <http://morapn.ru/rezultaty-sotsiologicheskogo-oprosa-molody-h-politologov/> (Дата посещения: 17.12.2019.)

внимания именно на деятельности МПО как институционального актора, способного выступить структурным центром сети, своеобразным брокером сетевых отношений.

Задачи исследования:

- оценка возрастного восприятия респондентами молодежных политологических организаций и своего собственного статуса в сообществе;

- определение факторов формирования и функционирования научных сообществ молодых политологов, их интеллектуального капитала¹;

- оценка потенциала МПО на основании таких параметров, как уровень активности респондентов в качестве участников МПО и степень удовлетворенности работой организаций; стремление вступить в МПО и причины неучастия респондентов в деятельности организаций; мнения опрошенных о приоритетных задачах, роли и перспективах МПО как субъекта научной сети.

Выборка исследования

В нашем опросе приняли участие 579 респондентов из 42 субъектов РФ, из них 538 в возрасте от 16 до 40 лет были отобраны для анализа². Стоит сразу отметить, что границы изучаемой генеральной совокупности «студенты и молодые ученые, обучающиеся по специальности “политология” и смежным наукам, занимающиеся преподаванием дисциплин и / или исследованиями в

¹ Про интеллектуальный капитал сетевых структур см. подробнее: [Сморгунов, Шерстобитов, 2018; Khavand Kar, Khavandkar, 2013; Stewart, 2010].

² Понятие «молодой ученый» нормативно закреплено: «Это работник образовательной или научной организации, имеющий ученую степень кандидата наук в возрасте до 35 лет или ученую степень доктора наук в возрасте до 40 лет, [...] либо являющийся аспирантом, исследователем или преподавателем образовательной организации высшего образования без ученой степени в возрасте до 30 лет». *Источник:* Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Консультант-Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/259d15e3e1e1cdf34051651764c142ec83e16404/ (Дата посещения: 11.11.2019.) В данном исследовании мы отобрали для анализа политологов до 40 лет, но независимо от наличия у них докторской научной степени на момент опроса.

области политической науки», достаточно размыты. Мы исходили из того, что сложно однозначно идентифицировать политологов, поскольку российская политическая наука в целом сохраняет свою приверженность междисциплинарности [Малинова, 2006; Малинова, 2015].

Подобная ситуация существенно затрудняет построение полностью репрезентативной выборочной совокупности. Тем не менее численный и социально-демографический состав полученной нами выборки позволил выявить ряд закономерностей в контексте исследуемой проблематики.

Основные характеристики выборки.

– **Возраст.** В анкетировании принимали участие студенты, молодые ученые и специалисты в политической сфере в возрасте 16–40 лет. Средний возраст опрошенных 22,5 года.

– **Пол:** 48,5% женщин и 51,5% мужчин.

– **Образование:** 58,4% – студенты-бакалавры 1–4 курсов, 11 – магистранты 1–2 курсов, 4,3 – специалисты, 5 магистры, 9,1 – аспиранты, 8,7 – кандидаты наук, 0,7% – доктора наук¹.

– **Основные виды деятельности** (респонденты могли указать несколько видов деятельности, но не более трех, табл. 1)

Таблица 1

Основные виды деятельности респондентов, в %

Виды деятельности	%
Обучение в вузе	69,4
Исследования	38,5
Аналитика (прикладная политология)	18,6
Преподавание	14,9
Государственная служба	9,3
Политтехнологии, проведение предвыборных кампаний	8,4
Политическое консультирование	7,1
Журналистика	5,2
Бизнес	5,2

Для решения ряда исследовательских задач респонденты были разделены по типу их основной деятельности на пять категорий (табл. 2). Кроме студентов разных курсов и уровней обучения

¹ 2,8% не указали свое образование.

отдельно выделена категория «молодой ученый» – это респонденты, занимающиеся преподавательской и исследовательской деятельностью, кандидаты наук, доктора наук, аспиранты, соискатели. Также к отдельной группе отнесены «специалисты в политической сфере», деятельность которых не связана с образованием и наукой, но имеет отношение к политике (например, политконсультанты, политтехнологи, аналитики и т.д.).

Таблица 2

Типы деятельности респондентов

№ п / п	Категория	%
1	Молодые ученые	21
2	Студенты-магистры I–II курсов	11,3
3	Студенты-бакалавры I–II курсов	32
4	Студенты-бакалавры III–IV курсов	26,2
5	Специалисты в политической сфере	6,9
6	Затруднились ответить	2,6

Технологии обработки данных

При статистической обработке данных применялись факторный, регрессионный и дисперсионный (ANOVA) виды анализа.

Факторный анализ был применен в варианте метода главных компонент с подпрограммой поворота осей «varimax». Вес фактора отражает долю в общей дисперсии, вносимую конкретным фактором. Каждая переменная в определенном факторе имеет свою математическую «нагрузку», значение – коэффициент корреляции (связи) с фактором в целом (чем больше значение корреляции, тем в большей степени переменная отражает общий смысл фактора). Для проверки пригодности данных применялась процедура подсчета коэффициента Kaiser-Meyer-Olki (КМО коэффициент). Кроме того, учитывалась статистическая значимость при помощи Barlett-Test.

Регрессионный анализ позволяет описать свойства переменной через влияние на нее определенных признаков. В нашем случае проверялось влияние полученных факторов на оценку работы молодежного политологического сообщества в вузе и регионе. При интерпретации учитывается величина R^2 (показывает полноту по-

строенной модели), значимость модели и отдельных признаков, значение Бета-коэффициента, показывающего влияние признаков на переменную и ранжирующего их по степени влияния.

Дисперсионный анализ (ANOVA) направлен на исследование значимости различий средних значений показателей гомогенных (по определенному признаку) групп между собой [Шеффе, 1963].

В статье использована также характеристика **статистической значимости** (statistical significance), даваемая результатам, вероятность случайного появления которых равна или ниже некоторого общепринятого уровня. По тексту статьи анализируются корреляции с высоким уровнем статистической значимости ($p < 0,05$).

Возрастные особенности восприятия деятельности молодежных политологических организаций

Как мы отметили, к политологам себя могут относить и люди с профильным дипломом, и представители смежных дисциплин, но главное, что их деятельность связана с политикой. Именно интерес к сфере политического во многом становится определяющим условием формирования общей идентичности как важного параметра выстраивания сетевых отношений. Вопрос идентичности в данной статье мы раскрываем с помощью ответов респондентов, считающих, что они достаточно молоды для участия в деятельности молодежных политологических организаций, а также причисляющих себя к молодым политологам.

Сложно идентифицировать политологов по критерию «молодой», поскольку возрастной критерий имеет хоть и важное, но не ключевое значение. В анкете был представлен вопрос, который позволил нам понять возраст молодых политологов (табл. 3). Получилось, что больше всего положительных ответов у магистрантов, а у бакалавров I и II курсов этот показатель ниже всех. Важно отметить: затруднившихся с ответом было достаточно много, особенно среди студентов, еще не получивших диплом бакалавра.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Можете ли вы назвать себя молодым политологом?» в зависимости от типа деятельности респондентов (в % по столбцу)

Можете ли вы назвать себя молодым политологом?	Молодые ученые	Студенты-магистры I и II курсов	Студенты-бакалавры II курсов	Студенты-бакалавры III и IV курсов	Специалисты в политической сфере	Все респонденты
Да	55,8	77	41,9	53,2	48,6	52
Нет	30,1	16,4	20,9	20,6	29,7	22,9
Затрудняюсь ответить	8	4,9	31,4	22,7	13,5	4,8
Другое (полузакрытый вопрос)	6,1	1,7	5,8	3,5	8,2	20,3

Однозначный ответ на вопрос о причислении себя к молодым политологам оказался достаточно сложным для отвечающих. Здесь можно выделить четыре категории респондентов.

1. **Пока не политологи** – молодые люди, которые еще не получили достаточных знаний, чтобы называть себя специалистами. Они чаще всего в строчке «другое» писали фразы наподобие «Пока обучаюсь», «Пока нет, но в будущем хочу себя таким называть», «Пока что нет, но очень хотелось бы и стремлюсь к этому!», «Мне не хватает опыта и знаний, но хотелось бы ответить да», «Недостаточный теоретический и практический уровень, но имеется цель и желание», «База есть, но опыта мало».

2. **Немолодые.** Такие респонденты отмечают, что «Мне 35 лет», «Возраст не позволяет», «Средневозрастной политолог».

3. **Представители смежных направлений подготовки** («я не политолог», «учусь на другом направлении, но интересуюсь политикой»).

4. **Сомневающиеся.** Одни не видят необходимости выделять отдельную социальную группу «молодой политолог»: «Понятие “молодой” конструкт», «Я вообще против понятия “молодой политолог”». Профессиональная зрелость приходит с годами. А острота видения, проницательность, чувство реальности не зависит от возраста. Языком профессии овладевают со временем. Но что толку овладевать языком профессии, если в голове каша или, напротив, пустота». Другие респонденты не могут определиться с понятием «политолог»: «Если политолог или исследователь, то

нет», «Нельзя назвать себя тем, деятельность которого не несет практической значимости».

Результаты опроса показали «развилку» по критериям возраста и квалификации. Дипломированные бакалавры намного чаще называли себя молодыми политологами, чем обучающиеся студенты. Для того чтобы подтвердить это умозаключение, мы убрали из выборки всех обучающихся на «неполитологических» специальностях. В итоге не смогли утвердительно ответить на указанный вопрос более половины респондентов (табл. 4), притом что среди магистрантов высока доля положительных ответов – 78%. Причиной для таких ответов могут быть либо отсутствие диплома, либо недостаток необходимых знаний. Соответственно, для студентов достаточно важно получить подтверждение их квалификации, чтобы они относили себя к этой группе.

Таблица 4

**Распределение ответов студентов-политологов на вопрос
«Можете ли вы себя назвать молодым политологом?»**

(в % по столбцу, данные среди студентов,
обучающихся по политологическим дисциплинам¹)

Можете ли вы себя назвать молодым политологом?	Студенты-бакалавры	Студенты-магистры
Да	44,7	78
Нет	21,4	17,1
Затрудняюсь ответить	28,6	4,9
Другое	5,3	0

Важным наблюдением можно считать оценку молодыми людьми предела своей «молодости», после которого они уже не считают возможным состоять в таких организациях. Так, средний возраст, когда респонденты считают себя уже «взрослыми», – 26 лет. Это примерно совпадает с периодом завершения аспирантуры или прохождением начального этапа в построении карьеры.

¹ Специальности «Политология», «Зарубежное регионоведение», «История и теория политики», «Мировая политика», «Политические институты, проекты и технологии», «Политические науки и регионоведение», «Публичная политика и социальные науки», «Теория и философия политики, история и методология политической науки», «Экономическая политология», «Социология политики», «Политический менеджмент».

В представлении респондентов, именно «вузовский» период жизни политологов можно считать молодостью (рис. 1).

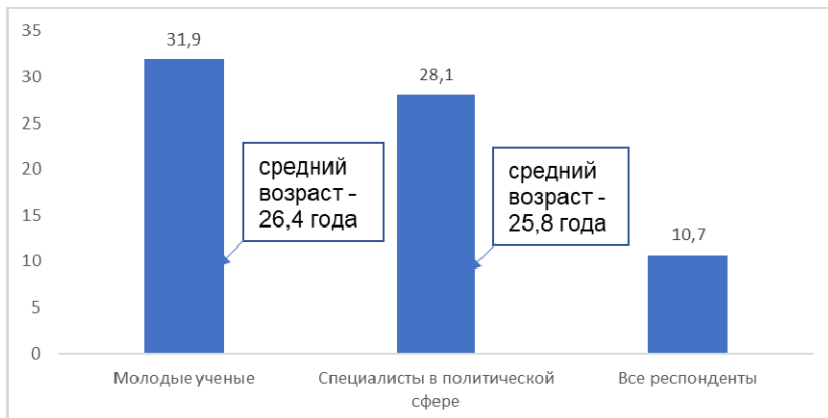

Рис. 1.

Категории респондентов, выбравших позицию «Не отношу себя к молодежи» в ответе на вопрос о причинах неучастия в МПО (по горизонтали – категории респондентов, по вертикали – % выбравших эту позицию)¹

Для цели нашего исследования важно выявить роль молодежных политологических организаций в формировании молодыми политологами своей идентичности, принадлежности к профессиональному сообществу. Проследим связь между теми, кто состоит в подобных структурах, и теми, кто считает себя молодым политологом. Анализ данных позволяет увидеть, что определенная связь между двумя этими параметрами действительно прослеживается: только меньше четверти участников МПО не ответили утвердительно на вопрос о восприятии себя молодым политологом. Больше половины респондентов, проявивших интерес к вступлению в МПО, не называют себя молодыми политологами, а больше четверти так и не решились ответить однозначно (табл. 5).

¹ Общий средний возраст в категории «Молодые ученые»: 25,6 года.

Общий средний возраст в категории «Специалисты в политической сфере»: 24,7 года.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Можете ли вы себя назвать молодым политологом?» в зависимости от членства в молодежных политологических организациях (в % по столбцу)

Можете ли вы себя назвать молодым политологом?	Действующие члены МПО	Не являются членами МПО и не хотели бы вступить	Не являются членами МПО, но хотели бы вступить	Ранее были членами МПО	Все респонденты
Да	76,4	35,1	47,1	48,9	52
Нет	5,5	42,6	19,8	31,9	22,9
Затрудняюсь ответить	14,6	18,1	27,3	12,8	4,8
Другое	2,4	4,2	5,8	6,4	20,3

В итоге мы можем признать, что молодежные политологические организации действительно являются студенческими структурами, которые помогают молодым и неопытным политологам почувствовать себя частью сообщества, идентифицировать себя по профессиональному принципу. При этом нельзя исключать, что именно вузы наиболее активно участвуют в формировании навыков, знаний, компетенций политологов, а также в формальном признании их дипломированными специалистами. Такой вывод подтверждается также результатами анализа сетевых ресурсов молодежных политологических сообществ, способствующих их развитию.

Сетевые ресурсы молодежных политологических сообществ в вузах и регионах России

Под сетевыми ресурсами в данной статье мы понимаем совокупность факторов и конкурентных преимуществ, которые используются акторами в процессе сетевого взаимодействия для достижения ими общих целей, в нашем случае – получения новых знаний о политике [The Oxford handbook ..., 2006, p. 428–437; Сморгунов, Шерстобитов, 2018, с. 68–81].

Нами был использован факторный анализ, который помог выделить группы параметров – смысловые конструкты, состоящие из ассоциативно связанных в сознании респондентов параметров, *влияющих на формирование и функционирование сообщества молодых политологов* как профессиональной сети (в классификации Р. Родса) с горизонтальными связями их членов и отсутствием иерархической структуры.

В сетевой теории при описании ресурсов сети чаще всего используются характеристики социального и / или интеллектуального капитала¹, а также коммуникационных механизмов взаимодействия участников. Для оценки нашим респондентам были предложены вопросы, касающиеся внутренних и внешних характеристик сообщества, а также особенностей коммуникации.

Для начала мы попросили ответить на вопрос, насколько респонденты информированы о деятельности молодежного политологического сообщества у себя в вузе / регионе.

В целом стоит признать, что респонденты достаточно хорошо осведомлены о такой работе – порядка 80% опрошенных в той или иной степени знакомы с текущей деятельностью. Однако степень информированности на университетском и региональном уровне несколько выше у первого (рис. 2).

Подобное распределение мнений вполне закономерно за счет большей включенности студентов и молодых ученых в вузовскую среду. В свою очередь, чем выше уровень или больше масштаб объединения, тем сложнее коммуникативные процессы и выше инертность информационных потоков. Получается, что именно вузы выступают основной площадкой для получения сведений о деятельности молодежного политологического сообщества.

¹ Интеллектуальный капитал делится на три типа: человеческий (личные знания и навыки), структурный (структуры и процессы, обеспечивающие работу) и реляционный (отношения с внешними акторами). Подробнее см. [Khavand Kar, Khavandkar, 2013; Ahuja, 2000; Stewart, 2010].

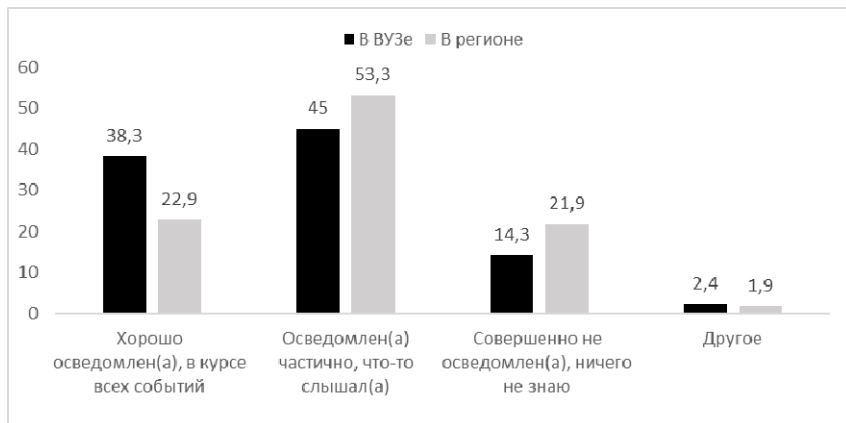

Рис. 2.

Ответы респондентов на вопрос: «В какой степени вы осведомлены о деятельности молодежного политологического сообщества у себя в вузе / регионе?»

Респондентам, хорошо или частично осведомленным о работе МПО, было предложено дать общую оценку их деятельности в вузе и регионе по шкале от 1 до 5, где 1 – очень плохо, 5 – очень хорошо, отлично. В обоих случаях средний балл оказался удовлетворительным – 3,3 (табл. 6, параметр № 1). По тому же принципу оценены и другие параметры деятельности молодежного политологического сообщества (табл. 6).

В результате статистической обработки выделено три фактора влияния на деятельность **университетских** молодежных политологических сообществ, условно обозначенные нами как коммуникативный (фактор 1), внутренний (фактор 2) и внешний (фактор 3) (Приложение 1).

Полученные факторы в некоторой степени детерминируют оценку работы молодежных политологических сообществ в вузе. С помощью регрессионного анализа они были проранжированы по степени влияния на данный параметр (Приложение 2).

Таблица 6

Ответы респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете уровень организации молодежного политологического сообщества у себя в вузе / регионе?»

№	Параметры	В вузе		В регионе	
		Средний балл	Затруднились оценить, в %	Средний балл	Затруднились оценить, в %
1	Работа молодежного политологического сообщества	3,3	7	3,3	11
2	Научная активность студентов и молодых ученых (участие в исследовательских проектах, конференциях и проч.)	3,8	5	3,4	7
3	Публикационная активность студентов и молодых ученых	3,4	6	3,3	6
4	Кадровый потенциал, стремление молодежи к научной деятельности	3,2	5	3,4	6
5	Информирование о научных или практических мероприятиях в университете	3,8	4	3,4	7
6	Информирование о всероссийских научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях	3,4	6	3,4	7
7	Информирование о научных или практических мероприятиях в регионе	3,4	5	3,4	6
8	Включенность в общероссийское научное сообщество, сотрудничество с представителями других регионов	3,2	9	3,3	10
9	Информирование о международных научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях	3,2	6	3,2	7
10	Поддержка со стороны вуза	3,5	7	3,4	9
11	Поддержка со стороны региональной власти	2,8	10	2,9	11
12	Поддержка со стороны федеральной власти	2,6	11	2,8	13
13	Наличие в регионе дискуссионных площадок и клубов по политологической проблематике	-	-	3,3	6
14	Сотрудничество региональных МПО с молодежными политологическими организациями других регионов	-	-	3,1	15

Внутренний фактор (как следует из названия) определяют параметры, описывающие внутренние процессы жизни сообществ, в первую очередь *научная и публикационная активность студентов и молодых ученых*, а также *кадровый потенциал, стремление молодежи к научной деятельности*. Этот фактор в сознании респондентов объединяет то, что в сетевом анализе называется чело-

веческим капиталом. Он определяет личные навыки и знания участников, их квалификацию, опыт, мотивацию, профессиональные возможности. В целом параметры внутреннего фактора респонденты оценили выше, чем все остальные, что говорит о достаточно высокой оценке ими человеческого капитала.

Внешний фактор отражает воздействие внешней среды на работу молодежных политологических сообществ. В нашем случае *это поддержка со стороны федеральной и региональной власти, включенность в общероссийское научное сообщество, сотрудничество с представителями других регионов*. Данный фактор связан с тем, что в сетевой теории называют реляционным капиталом: он включает в себя отношения сообщества с внешними акторами (сетевое взаимодействие с партнерами, привлечение средств, клиентов, построение репутации и бренда).

Коммуникативный фактор основан на процессе получения и обмена информацией о значимых для сообществ событиях – *научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях российского и международного уровней, а также научных или практических мероприятиях в регионе*. Оценку проводимой информационной работы можно интерпретировать как среднюю, удовлетворительную. О международных событиях, с точки зрения респондентов, они знают несколько хуже, чем о российских или региональных. Несмотря на сильную роль средств коммуникации в современном мире, респонденты считают, что уровень информационной обеспеченности средний. Данный фактор отражает процесс сетевого обмена, основанного на свободном доступе к информационным ресурсам акторов сети, связанного в том числе с накоплением интеллектуального капитала.

Следует отметить, что выявленные факторы не являются автономными конструктами. В процессе анализа выделены своеобразные зоны пересечения – параметры, которые в сознании опрашиваемых прочно взаимосвязаны сразу с двумя из описанных выше факторов:

– *информирование о научных или практических мероприятиях в университете* можно отнести как к внутреннему, так и коммуникативному факторам (этот параметр, к слову, оценивается респондентами выше остальных – 3,8 балла);

– *поддержка со стороны вуза* воспринимается респондентами скорее как элемент внешней среды (факторная нагрузка $> 0,5$), однако существует и корреляция с внутренним фактором, выражен-

ная чуть слабее (факторная нагрузка $> 0,4$). Отметим, что помощь от университета студенты и молодые ученые ощущают заметно сильнее, чем поддержку федеральной и региональной власти, – 3,5 балла против 2,6 и 2,8 балла соответственно. Этот факт свидетельствует об особой роли вузов в обеспечении деятельности сообщества.

Как указывалось выше, респонденты хуже осведомлены о деятельности молодежных объединений политологов на *региональном уровне*. Это, несомненно, отразилось на их оценках работы сообществ (табл. 6; 3 и 4 столбцы).

Представления участников опроса о молодежном политологическом сообществе в регионе имеют менее четкую структуру, в результате анализа было выделено только два фактора (Приложение 3, 4).

Первый объединяет **внутренний и коммуникативный факторы**, прочно взаимосвязанные в сознании респондентов. Оценки респондентами конструирующих его параметров варьируются в пределах 3,2–3,5 балла и в целом сопоставимы с оценками аналогичных категорий, характеризующих работу университетских сообществ (разница в 0,1–0,2 балла). Исключение составляет научная активность студентов и молодых ученых – по мнению участников опроса, на областном уровне она несколько ниже, чем на вузовском (3,5 и 3,8 балла соответственно). При этом респонденты в целом удовлетворены наличием в регионе дискуссионных площадок и клубов по политологической проблематике (3,3 балла).

На деятельность научных сообществ политологов также оказывают определенное влияние и параметры коммуникативного свойства, которые были введены специально для регионального уровня сообществ. Они обозначают взаимодействие с другими акторами научной сети: *сотрудничество региональных МПО с молодежными политологическими организациями других регионов и включенность в общероссийское научное сообщество*. Эти параметры в равной степени коррелируют как с первым, так и со вторым факторами, описанными выше (факторные нагрузки 0,5–0,6). Оценка удовлетворенности данными параметрами также средняя (3,1–3,3 балла). Данные параметры в сознании респондентов не выделены в отдельную группу, как и поддержка со стороны вузов, которая одновременно относится и к внутренним, и к внешним факторам, соответственно, мы получаем дополнительные подтверждения того,

что на региональном уровне молодежное политологическое сообщество также достаточно тесно связано с работой вузов.

Внешний фактор включает в себя поддержку со стороны федеральной и региональной власти. Вузы воспринимаются больше как элемент внешней среды по отношению к региональным сообществам, и их поддержка оценивается выше, чем всех остальных. Проводя аналогии с университетскими политологическими сообществами, можно сказать, что именно вузы непосредственно участвуют в деятельности подобных структур, предоставляя площадки для проведения мероприятий, информационную и организационную поддержку. Поддержка со стороны региональных и федеральных властей оценивается неудовлетворительно.

О деятельности региональных молодежных политологических сообществ участники опроса осведомлены чуть хуже, что делает их представления более размытыми и сумбурными. Коммуникативные процессы не выделяются в отдельный фактор, а видятся элементами исключительно внутренней среды.

Взаимодействие с представителями общероссийского научного сообщества и молодежных политологических организаций находится на пересечении внешней и внутренней среды, коррелируя с обоими факторами. Это может быть связано с тем, что, с одной стороны, МПО чаще всего связаны с работой в определенных вузах¹, а с другой – позиционируют себя как часть общероссийского профессионального сообщества. В восприятии респондентов достаточно сложно определить границы деятельности МПО, в отличие, например, от научных студенческих сообществ или федеральных организаций, не имеющих разветвленной региональной сети.

Таким образом, анализ представлений респондентов позволил выявить ряд факторов, влияющих на формирование и функционирование молодежных политологических сообществ. В университетской среде появление подобных объединений детерминировано в первую очередь внутренними процессами, отражающими уровень человеческого капитала: научно-исследовательской и публикационной активностью студентов и молодых ученых, наличием кадрового потенциала молодежи. Примерно в равной степени на оценку рабо-

¹ В некоторых регионах политологов готовит только один вуз, поэтому работа молодежных политологических сообществ может напрямую ассоциироваться с данным учебным заведением.

ты политологических сообществ влияют правильно выстроенная информационная работа и взаимодействие с внешней средой (реляционным капиталом сообщества) – общероссийским научным сообществом и представителями госструктур.

Отметим, что помощь со стороны региональной и федеральной власти, по мнению респондентов, в настоящий момент недостаточна. Однако именно университетские структуры являются основными субъектами влияния на МПО в регионах. Соответственно, если вузы обеспечат условия для развития подобных организаций, то этого может быть уже достаточно, чтобы раскрыть их потенциал.

Потенциал молодежных политологических организаций

Полученные в результате опроса данные свидетельствуют о высоком потенциале молодежных политологических организаций в качестве субъектов формирования научных сетей. Порядка 70% опрошенных считают, что МПО оказывают влияние на развитие политической науки. Еще более половины респондентов (52,6%) отметили, что в будущем роль и влияние МПО будут возрастать (рис. 3, 4).

Рис. 3.

Ответ респондентов на вопрос: «Как вы считаете, какую роль сегодня играют МПО в развитии политической науки в целом?»

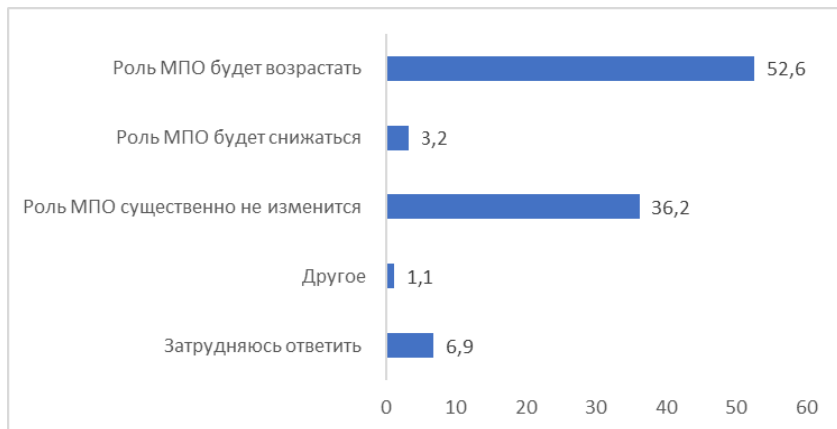

Рис. 4.

Ответ респондентов на вопрос: «Как бы вы оценили перспективы работы МПО в плане развития политической науки в целом?»

Важной частью исследования можно назвать оценку деятельности МПО по определенным группам. Наиболее интересно выглядят результаты, полученные при выделении групп политологов по типу деятельности (табл. 7) и критерию членства (табл. 8).

Оценка направлений деятельности МПО по типам деятельности

По мнению большинства опрошенных, главная функция молодежных политологических организаций – коммуникативная, связанная с интеграцией в научное сообщество, расширением контактов с его представителями, а также созданием площадок для поиска и общения сторонников и единомышленников. Аспекты работы МПО, связанные с научной деятельностью – развитие научно-исследовательских навыков, получение и трансляция знаний о политической сфере, содействие в публикационной деятельности, – имеют для участников второстепенное значение (табл. 7).

Таблица 7

Оценка направлений работы МПО по типу деятельности респондентов¹

		Развитие научно-исследовательских навыков	Содействие в публикационной деятельности	Интеграция молодых политологов в научное сообщество, расширение контактов с его представителями	Получение и трансляция знаний о политической сфере	Создание площадок для поиска и общения сторонников и единомышленников	Участие в общественно-политической жизни региона	Подготовка кадров для органов управления и государственных структур	Создание стартовых условий для политической карьеры членов МПО
Молодые ученые	<i>Средний балл</i>	3,5	3,3	3,7	3,4	3,4	2,8	2,7	2,8
	<i>Стандартное отклонение</i>	1,30	1,23	1,22	1,17	1,20	1,29	1,26	1,35
Студенты-магистры	<i>Средний балл</i>	3,8	3,5	3,9	3,6	3,9	3,6	3,4	3,4
	<i>Стандартное отклонение</i>	1,20	1,09	1,17	1,26	1,18	1,25	1,41	1,38
Студенты-бакалавры I и II курсов	<i>Средний балл</i>	3,9	3,7	4,0	3,9	3,9	3,7	3,7	3,7
	<i>Стандартное отклонение</i>	1,11	1,05	1,09	1,04	1,02	1,13	1,10	1,09
Студенты-бакалавры III и IV курсов	<i>Средний балл</i>	3,7	3,7	3,9	3,6	3,7	3,6	3,5	3,4
	<i>Стандартное отклонение</i>	1,09	1,13	1,08	1,10	1,13	1,18	1,28	1,31
Специалисты в политической сфере	<i>Средний балл</i>	3,1	3,2	3,6	3,5	3,6	3,2	2,8	2,8
	<i>Стандартное отклонение</i>	0,94	1,18	1,13	1,21	1,21	1,54	1,57	1,49
Все респонденты	<i>Средний балл</i>	3,7	3,6	3,9	3,6	3,7	3,5	3,4	3,4
	<i>Стандартное отклонение</i>	1,16	1,14	1,13	1,14	1,14	1,27	1,31	1,31
<i>Уровень значимости (p)*</i>		<i>0,003</i>	<i>0,018</i>	<i>0,222</i>	<i>0,003</i>	<i>0,007</i>	<i>0,000</i>	<i>0,000</i>	<i>0,000</i>

*Значимыми являются показатели с $p < 0,05$.

В ответах респондентов отражаются неполные или не совсем корректные представления о деятельности МПО, в том числе и у их потенциальных членов. Так, 28,3% участников опроса не

¹ ANOVA-анализ.

знают, существуют ли в их регионах подобные организации (при этом почти две трети из них в принципе хотели бы стать их участниками). Кроме того, при разработке анкеты в вопрос о наиболее приоритетных направлениях деятельности МПО нами намеренно были введены «неоднозначные» с точки зрения научной деятельности варианты: «участие в общественно-политической жизни региона», «подготовка кадров для органов управления и государственных структур», «создание стартовых условий для политической карьеры членов МПО». Почти все спорные отклонения наблюдаются именно в этих трех категориях, что свидетельствует о несогласованности мнений в пределах одной группы респондентов.

Особенно интересно выглядят ответы бакалавров I и II курсов, которые сошлись во мнении, что подобные организации должны помогать строить государственную или политическую карьеру. По мере взросления средняя оценка этих параметров снижается, как и гомогенность ответов (особенно у магистрантов). Наиболее низкие баллы здесь поставили молодые ученые, которые неудовлетворительно оценивают «политическую» функцию МПО.

В целом мы можем наблюдать более высокую оценку направлений деятельности молодежных политологических организаций студентами-бакалаврами, что свидетельствует о завышенных ожиданиях от МПО. Молодые ученые, в свою очередь, скептичнее относятся к деятельности МПО по всем параметрам, в том числе связанным с интеграцией в научное сообщество. Однако именно после завершения обучения по программам политологии в вузах у тех, кто решил так или иначе связать свою жизнь с наукой, появляется осознание невысокой «политической» функции организации.

Оценка направлений деятельности МПО по критерию членства

Если рассматривать оценку направлений деятельности МПО респондентами в зависимости от их членства, то можно увидеть достаточно ровное распределение ответов, кроме «политических» параметров. Особенно высоко оценивают интеграцию молодых политологов в научное сообщество действующие и потенциальные члены (более 70%). Именно этому критерию деятельности организации респонденты придают наибольшее значение.

Еще один коммуникативный параметр, связанный с созданием площадок для общения, также имеет большое значение, при этом наблюдается определенное разочарование подобным направлением деятельности со стороны бывших членов (положительных оценок почти на 10% меньше, чем у остальных групп). Важно отметить, что желающие вступить в МПО значительно выше остальных групп респондентов оценивают «политический» параметр деятельности организаций, что говорит о смутном понимании специфики их работы (табл. 8).

Таблица 8

Оценка направлений работы МПО по критерию членства
(в % по столбцу)

Оценили следующие направления деятельности МПО по их значимости, приоритетности на 4–5 баллов	Действующие члены МПО	Не являются членами МПО и не хотели бы вступить	Не являются членами МПО, но хотели бы вступить	Ранее были членами МПО	Все респонденты
Развитие научно-исследовательских навыков	59,3	60,8	72,4	44,8	62,3
Содействие в публикационной деятельности	53,7	53,8	62,4	50,6	57,5
Интеграция молодых политологов в научное сообщество, расширение контактов с его представителями	74,4	62,2	70,8	60,2	68,3
Получение и трансляция знаний о политической сфере	54,7	59,3	66	48,9	59
Создание площадок для поиска и общения сторонников и единомышленников	64,4	61,4	67,2	54,5	63,2
Участие в общественно-политической жизни региона	52	37,2	50,4	43,6	47,3
Подготовка кадров для органов управления и государственных структур	42,3	37,2	46,9	40,4	43
Создание стартовых условий для политической карьеры членов МПО	35,8	33	49,1	34	40

В целом стоит признать высокий потенциал МПО в плане привлечения молодых политологов к своей работе, *но только если они смогут обеспечить участникам «интересный» продукт, так или иначе связанный с коммуникативной функцией политологических организаций.*

Отдельного внимания заслуживают анализ типов деятельности членов МПО и их оценка деятельности организации.

Так, среди участников опроса 22,9% в настоящий момент состоят в молодежных политологических организациях (преимущественно это СМП РАПН и МолРОП). Примерно половину из них (43%) можно назвать лидерами или активистами («активно учащую в работе организации, реализации проектов, проведении мероприятий»), еще 41,3% относят себя скорее к рядовым членам организации («в целом осведомлен о текущей деятельности организации, периодически посещаю наиболее интересные для меня мероприятия»). Лишь 9,8% заявили, что их участие в МПО носит чисто формальный характер.

Студенты первых курсов пока еще только обдумывают возможность вступления в МПО, в то время как на III–IV курсах бакалавриата, а тем более в магистратуре, желания материализуются в конкретные шаги. После окончания магистратуры спрос на активную вовлеченность в деятельность МПО значительно снижается (табл. 9).

Таблица 9

**Ответ респондентов на вопрос «Состоите ли вы
в молодежных политологических организациях?»**
(в % по столбцу)

Состоите ли вы в молодежных политологических организациях?	Молодые ученые	Студенты- магистры I и II курсов	Студенты- бакалавры I и II курсов	Студенты- бакалавры III и IV курсов	Специалисты в политической сфере	Все респонденты
Да	19,5	32,9	22,1	27,0	13,5	22,9
Никогда не состоял(а) и не хотел(а) бы вступить в МПО	23,0	18,0	16,3	12	27,0	17,3
Никогда не состоял(а), но хотел(а) бы вступить в МПО	19,4	39,4	58,7	44,0	21,6	42,4
Раньше состоял(а)	38,1	9,7	2,9	17,0	37,9	17,4

Еще одним аргументом в пользу тезиса о высоком потенциале МПО можно назвать востребованность организаций среди студентов и молодых ученых. Согласно полученным данным, 42,4% опрошенных хотели бы вступить в подобную организацию. Среди причин, мешающих осуществить свое желание, чаще всего называются нехватка времени, а также (несколько реже) отсутствие подобных организаций в вузе и регионе или неосведомлен-

ность об их работе. Лишь менее пятой части опрошенных (17,3%) указали, что не хотели бы пополнять ряды МПО, в основном по причине отсутствия интереса к их деятельности.

Еще 17,5% участников опроса состояли в политологических организациях ранее. Отметим, что в качестве причин своего ухода из МПО респонденты чаще, чем в среднем по выборке, указывали отсутствие интереса, возраст («не отношу себя к молодежи») и несогласие с политикой организации. Последнее утверждение нашло отражение и в комментариях к вопросу анкеты: «Сконцентрированность МПО на активистской, а не научной и академической деятельности», «Там занимаются дележкой институционального ресурса и игрой в начальников, науки там никакой нет», «Серьезные разногласия».

В ходе анкетирования членам МПО было предложено также оценить их работу по ряду параметров по пятибалльной шкале. В результате анализа можно выделить сильные стороны и проблемные зоны деятельности МПО (табл. 10).

Таблица 10

Степень удовлетворенности членов МПО отдельными параметрами деятельности организации

В какой степени вы удовлетворены следующими параметрами работы данной организации? <i>(респонденты ставили оценку каждому из параметров от 1 до 5 баллов, где 1 балл – полностью НЕ удовлетворен, а 5 баллов – полностью удовлетворен)</i>	Средний балл
Межличностные отношения участников, психологическая атмосфера	3,9
Тематика проводимых научных мероприятий (круглых столов, конференций и т.п.)	3,8
Информационное сопровождение научных мероприятий	3,6
Научно-исследовательская деятельность	3,5
Взаимодействие с представителями регионального научного сообщества	3,5
Поддержка со стороны вуза	3,4
Частота проводимых научных мероприятий	3,4
Работа руководства организации, кадровые решения	3,4
Взаимодействие с представителями научного сообщества других регионов	3,3
Поддержка со стороны региона	2,8
Взаимодействие с представителями научного сообщества других стран	2,6

К сильным сторонам, безусловно, относятся межличностные отношения и психологическая атмосфера, царящая в организациях, – данный параметр респонденты оценили на 3,9 балла. Этот показатель может свидетельствовать о высоком уровне доверия членов МПО друг к другу, что является одним из признаков формирова-

ния научных сетей. При этом политика руководства организаций и существующие кадровые решения, судя по всему, не всегда находят понимание среди членов МПО (3,4 балла). Данный структурный параметр организации может мешать сетевым отношениям, поскольку переводит отношения между членами организации из горизонтальных в иерархические.

Проводимые мероприятия также в целом устраивают участников организаций: респондентам интересна тематика (3,8 балла), положительно оценивается и информационное сопровождение (3,6 балла). А вот частота проведения мероприятий получила более низкую оценку (3,4 балла), как и научно-исследовательское направление.

Напомним, что в качестве основной задачи молодежных политологических организаций респонденты выделили интеграцию молодых ученых в научное сообщество. Взаимодействием с коллегами из своего и других регионов опрошиваемые скорее довольны (3,4 и 3,2 балла соответственно). Это говорит о том, что МПО в целом выполняют свою функцию. Однако сотрудничество и обмен опытом на международном уровне оцениваются ниже всего – 2,6 балла. Этот показатель может свидетельствовать о замкнутости в национальных границах молодежных политологических структур.

В итоге можно отметить, что ожидания членов организации не совсем оправдываются, деятельность молодежных политологических организаций, несмотря на высокий потенциал, на данный момент не совсем удовлетворяет их запросы. Однако такой подход говорит скорее о потребительском отношении к получаемым от МПО ресурсам без активного включения в процесс обмена.

Как мы видим, у студентов-бакалавров есть желание вступать в такие организации, поэтому задача МПО – предоставить им возможность самоорганизовываться и коммуницировать между собой на межрегиональном уровне, чтобы подобные намерения воплощались в реальные дела, которые смогут удовлетворить запросы молодых политологов.

Заключение

Результаты общероссийского опроса молодых политологов свидетельствуют о высоком потенциале молодежных политологических организаций как субъектов формирования научных сетей.

МПО востребованы среди студентов и молодых ученых. Респонденты отмечают их значимость и перспективность в плане влияния на развитие политической науки.

Основной функцией молодежных политологических организаций опрошенные называют коммуникативную функцию, связанную с интеграцией в научное сообщество, расширением сети контактов с его представителями, а также созданием площадок для поиска и общения сторонников и единомышленников. Данная функция явно преобладает над другими: развитие научно-исследовательских навыков, получение и трансляция знаний о политической сфере, содействие в публикационной деятельности имеют для участников второстепенное значение. В итоге можно отметить важную роль молодежных политологических организаций именно как брокера сетевых отношений, занимающего центральное место в сети.

Однако стоит признать, что молодые политологи не считают высокий потенциал МПО реализованным, на данный момент подобные структуры не удовлетворяют все запросы, а поддержка федеральных и региональных властей недостаточна.

Факторный анализ выявил ключевую роль высших учебных заведений в процессе формирования и функционирования молодежного политологического сообщества. Именно на вузовском уровне, в отличие от регионального, представления о деятельности четко определены, что выражается в выделении трех наиболее явных групп факторов.

Внутренний фактор по своим характеристикам связан с человеческим ресурсом сети, и именно здесь наблюдается наиболее высокая оценка респондентов. Внешний фактор показывает уровень развития реляционного капитала – связей с внешними акторами. Стоит отметить, что хуже оценивается поддержка сообщества региональными и федеральными властями. Особенности сетевого обмена отражаются в коммуникативном факторе, который показывает некоторую ограниченность коммуникаций на региональном и федеральном уровнях, а также сложности при взаимодействии с представителями научного сообщества других стран.

Отдельно стоит отметить деформацию представлений о роли и функциях МПО, особенно со стороны студентов-бакалавров первых курсов. Налицо нечеткость в различении понятий «политический» и «политологический», что выражается в высокой оценке этой группы политологов функций МПО, связанных с под-

держкой в построении политической и государственной карьеры. С возрастом такие представления меняются, а ответы становятся менее гомогенными.

Особенно важно для оценки роли МПО выделить возрастной состав их членов. Так, средний возраст, когда политологи считают себя недостаточно молодыми для членства в организациях, – 26 лет. Это период в жизни, когда сделаны первые шаги в профессии. Интересно, что государство установило более высокий срок «научной молодости» для специалистов без степени – 30 лет, а с докторской – до 40.

Однако в плане восприятия своего возраста у респондентов есть и другая сложность: молодыми политологами не считают себя многие бакалавры, потому что они пока не совсем политологи (нет диплома, опыта, знаний), и возрастные коллеги, потому что они уже не совсем молодые.

В целом стоит признать, что молодежные политологические организации совместно с вузами способны обеспечить успешное развитие политологического сообщества за счет интеграции в него молодых политологов, формирования их профессиональной идентичности и содействия развитию сетевых коммуникаций как минимум на общегосударственном уровне.

Список литературы

- Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 494–505.
- Малинова О.Ю. Кто формирует общественное «лицо» профессии: сравнительный анализ репрезентации «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ // Политическая наука. – 2015. – № 3. – С. 225–237.
- Малинова О.Ю. Об опыте взаимодействия профессионального сообщества политологов с властью и гражданскими организациями // Публичная политика / под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2006. – С. 42–54.
- Политическая наука в России: проблемы, направления, школы, (1990–2007) / редкол.: О.Ю. Малинова (отв. ред.), С.В. Патрушев, Я.А. Пляйс, В.В. Смирнов. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2008. – 463 с.
- Помигуев И.А. Особенности сетевого подхода к изучению сообщества молодых политологов // Власть. – 2019. – Т. 27, № 4. – С. 94–100. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6592>

- Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: теория и методы анализа: учебник. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 320 с.
- Шеффе Г. Дисперсионный анализ / пер. с англ. Б.А. Севастьянова, В.П. Чистякова. – М.: Физматгиз, 1963. – 625 с.
- Ahuja G. Collaboration Networks, Structural Holes, and Innovation: A Longitudinal Study // Administrative Science Quarterly. – 2000. – Vol. 45, N 3. – P. 425–455.
- Dijk J.A.G.M. van. The Network Society. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd, 1999. – 272 p.
- Khavand Kar J., Khavandkar E. Intellectual capital: management, development and measurement models. – 3 rd Edition. – Tehran: MSRT Press, 2013. – 424 p.
- Knight L., Pye A. Network learning: An empirically derived model of learning by groups of organizations // Human relations. – 2005. – Vol. 58, N 3. – P. 369–392.
- Rhodes R. Understanding governance. Policy network, governance, reflexivity and accountability. – Buckingham, Philadelphia: Open university press, 1997. – 252 p.
- Stewart T.A. Intellectual Capital: The New Wealth of Organizations. – N.Y.: Crown Publishing Group, 2010. – 320 p.
- The Oxford handbook of public policy / M. Moran, M. Rein, R.E. Goodin (eds). – Oxford: Oxford university press, 2006. – 1000 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Факторный анализ оценок параметров работы молодежного политологического сообщества в вузе¹

Параметры	Факторы		
	1	2	3
1	2	3	4
Научная активность студентов и молодых ученых (участие в исследовательских проектах, конференциях и проч.)		0,807	
Публикационная активность студентов и молодых ученых		0,829	
Кадровый потенциал, стремление молодежи к научной деятельности		0,689	
Информирование о научных или практических мероприятиях в университете	0,582	0,537	
Информирование о научных или практических мероприятиях в регионе	0,800		
Информирование о всероссийских научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях	0,874		

¹ КМО коэффициент: 0,880 (высокая пригодность данных). Barlett-Test: $p < 0,000$ (высокий уровень значимости). Вес фактора 1 = 25,3%, вес фактора 2 = 24,4%, вес фактора 3 = 22,8%.

1	2	3	4
Информирование о международных научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях	0,814		
Включенность в общероссийское научное сообщество, сотрудничество с представителями других регионов			0,550
Поддержка со стороны вуза		0,483	0,595
Поддержка со стороны региональной власти			0,883
Поддержка со стороны федеральной власти			0,883
<i>Метод выделения факторов: метод главных компонент.</i>			
<i>Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера</i>			
<i>Вращение сошлось за 5 итераций</i>			

Приложение 2

Регрессионный анализ влияния выделенных факторов на оценку работы молодежных политологических сообществ в вузе

Переменная	Бета-коэффициент	Значимость
Фактор 2 (внутренний)	0,410	0,000
Фактор 3 (внешний)	0,375	0,000
Фактор 1 (коммуникативный)	0,363	0,000
R ² =44%		

Приложение 3

Факторный анализ оценок параметров работы молодежного политологического сообщества в регионе¹

Параметры	Факторы	
	1	2
1	2	3
Научная активность студентов и молодых ученых (участие в исследовательских проектах, региональных конференциях и проч.)	0,766	
Публикационная активность студентов и молодых ученых (местные издательства, региональная периодика)	0,789	
Кадровый потенциал региона	0,739	
Информирование о научных или практических мероприятиях в регионе	0,774	
Информирование о всероссийских научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях	0,750	

¹ КМО коэффициент: 0,923 (высокая пригодность данных). Barlett-Test: $p < 0,000$ (высокий уровень значимости). Вес фактора 1 = 41,2%, вес фактора 2 = 27%.

1	2	3
Информирование о международных научных или научно-образовательных (школы, курсы) мероприятиях	0,735	
Наличие в регионе дискуссионных площадок и клубов по политологической проблематике	0,657	
Сотрудничество РМПО с молодежными политологическими организациями других регионов	0,558	0,525
Включенность в общероссийское научное сообщество	0,622	0,562
Поддержка со стороны вузов	0,488	0,620
Поддержка со стороны региональной власти		0,890
Поддержка со стороны федеральной власти		0,891
<i>Метод выделения факторов: метод главных компонент.</i>		
<i>Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера</i>		
<i>Вращение сошлось за 3 итерации</i>		

Приложение 4

Регрессионный анализ влияния выделенных факторов на оценку работы молодежных политологических сообществ в вузе

Переменная	Бета-коэффициент	Значимость
Фактор 1 (внутренний / коммуникативный)	0,571	0,000
Фактор 2 (внешний)	0,483	0,000
$R^2=55\%$		

I.A. Pomigiev *

The role of youth political science organizations in the process of forming scientific networks

Abstract. The article discusses the role of youth political science organizations in the process of forming a community of political scientists from the perspective of a network approach. These organizations are institutional structures that claim to be central to the networking of young political scientists. It can be communicative brokers, which helps to form small groups on a network basis to achieve a common goal: to gain new knowledge about politics.

The author presents the results of the all-Russian survey of youth political scientists in the fall of 2019. He identifies the factors of the formation and functioning of the community of youth political scientists, estimates its human, structural and relational capital. The article analyzes the potential of youth political science organizations as a subject

* **Pomigiev Ilya**, Financial university under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), Institute of information for social sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: pomilya@mail.ru

of the formation of scientific networks, identifies significant areas of their activities. The age characteristics of the perception of youth structures are analyzed.

The study showed that the work of youth political science communities in the regions is rated low. It is more dependent on the activities of universities. Youth political science organizations are perceived as student structures, most of the members are senior students. These structures help them identify with the professional community. Respondents rate the prospects of organizations very highly. The main task of such structures is by no means considered the development of scientific skills. Much more important is integration into the scientific community, expanding contacts with its representatives and creating platforms for the search and communication of supporters and like-minded people.

Keywords: youth political science organizations; youth political scientists; science community; scientific networks; political science; scientific communications.

For citation: Pomiguyev I.A. The role of youth political science organizations in the process of forming scientific networks. *Political science. (RU)*. 2019, N 1, P. 112–144. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.05>

References

- Ahuja G. Collaboration Networks, Structural Holes, and Innovation: A Longitudinal Study. *Administrative science quarterly*. 2000, Vol. 45, N 3, P. 425–455.
- Castells M. Formation of a society of network structures. In: Inozemtsev V.L. (ed.) *New post-industrial wave in the West. Anthology*. Moscow: Academia, 1999, P. 494–505.
- Dijk J.A.G.M. van. *The Network Society*. Thousand Oaks, CA.: Sage Publications Ltd, 1999, 272 p.
- Khavand Kar J., Khavandkar E. *Intellectual capital: management, development and measurement models*. 3 rd Edition. Tehran: MSRT Press, 2013, 424 p.
- Knight L., Pye A. Network learning: An empirically derived model of learning by groups of organizations. *Human relations*. 2005, Vol. 58, N 3, P. 369–392.
- Malinova O.Yu. About the experience of interaction of the of political scientists' professional community with the government and civic organizations. In: Sungurov A.Yu. (ed.) *Public policy*. Saint Petersburg: Norma, 2006, P. 42–54. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. Who shapes the public «face» of the profession: A comparative analysis of the representations of «political analysts», «economists» and «historians» in the Russian print media. *Political Science (RU)*. 2015, N 3, P. 225–237. (In Russ.)
- Malinova O.Yu., Patrushev S.V., Plyais Ya.A., Smirnov V.V. (eds). *Political science in Russia: problems, directions, schools (1990–2007)*. Moscow: RAPN, ROSSPEN, 2008, 463 p.
- Pomiguyev I.A. Young political scientists community study: network approach. *Power (Vlast)*. 2019, Vol. 27, N 4, P. 94–100. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6592>
- Rhodes R. *Understanding governance. Policy network, governance, reflexivity and accountability*. Buckingham, Philadelphia: Open university press, 1997, 252 p.
- Scheffe G. *Dispersion analysis*. Moscow: Fizmatgiz, 1963, 625 p. (In Russ.)

Smorgunov L.V., Sherstobitov A.S. *Political networks: theory and methods of analysis: textbook*. Moscow: Aspect Press, 2018, 320 p. (In Russ.)

Stewart T.A. *Intellectual Capital: the new wealth of organizations*. N.Y.: Crown Publishing Group, 2010, 320 p.

The Oxford handbook of public policy. Ed. by M. Moran, M. Rein, R.E. Goodin. Oxford: Oxford university press, 2006, 1000 p.

ИДЕИ И ПРАКТИКА

Д.Ю. ЗНАМЕНСКИЙ, Н.А. ОМЕЛЬЧЕНКО*

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ: КОНТУРЫ ВОЗМОЖНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация. Предметом настоящей статьи выступает государственная политика Российской Федерации в области развития научного потенциала высшей школы. Цель статьи состоит в обосновании контуров возможной концепции политики Российской Федерации в указанной сфере, актуальность разработки которой подчеркивается целым комплексом как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических факторов.

Основополагающим подходом к исследованию государственной политики выступает системно-динамический подход, делающий акцент на институциональных, временных и технологических основах политики. Его применение позволило предложить принципиально новый формат концепции данной политики, которая должна содержать: 1) анализ институциональных и нормативных основ политики по развитию вузовского научного потенциала; 2) характеристику основных этапов ее жизненного цикла; 3) описание технологий взаимодействия государства, гражданского общества, вузовского сообщества и бизнеса в процессе ее формирования и реализации, а также технологий оценки научного потенциала высшей школы.

* **Знаменский Дмитрий Юрьевич**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления (Москва, Россия), e-mail: belyferz@list.ru; **Омельченко Николай Алексеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления (Москва, Россия), e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

Наиболее значимым теоретическим результатом исследования является обоснование значения высшей школы в процессах приращения научного знания и ее места в национальной научно-технологической системе. Доказано, что стереотип о «второстепенности» вузовской науки и о своеобразном разграничении функций между вузами и НИИ перестал быть актуальным.

Практическая ценность полученных авторами результатов заключается в перспективах их применения в процессе формирования политики Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в части развития вузовской науки. Кроме того, данные результаты могут заинтересовать общественно-политические организации, тем или иным образом участвующие в государственной политике по отношению к высшей школе.

Ключевые слова: государственная научно-техническая политика; концепция государственной политики; политические институты; жизненный цикл политики; высшая школа.

Для цитирования: Знаменский Д.Ю., Омельченко Н.А. Политика Российской Федерации в сфере развития университетской науки: контуры возможной концепции // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 145–165. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.06>

Введение

Острота проблем управления научным потенциалом высшей школы в современной России делает актуальным вопрос о разработке концептуального обеспечения данного направления государственной политики. Речь идет о документах стратегического характера (доктринах, концепциях, стратегиях), определяющих принципы, цели и методы государственной политики в области развития научного потенциала отечественной высшей школы.

Не вызывает сомнений тот факт, что процесс подготовки новых кадров для всех отраслей экономики по-прежнему находится в компетенции высшей школы. Кроме того, можно с уверенностью сказать, что важными компонентами миссии университетов всегда были генерация и трансфер научных знаний. Данное обстоятельство делает особенно актуальной проблематику развития научного потенциала высшей школы.

В связи с этим возникает необходимость конкретизировать тенденции современной государственной политики России по управлению научным потенциалом высшей школы и охарактеризовать выявленные этапы жизненного цикла указанной политики с

точки зрения их содержания и состава общественных и политических организаций, участвующих в этом процессе.

Поднимаемая в данной статье проблематика напрямую затрагивает целый ряд противоречий в различных подходах к таким ключевым категориям, как «государственная политика» и «научный потенциал», а также к содержанию и основным направлениям государственной политики в области развития университетской науки.

По нашему мнению, современная миссия отечественной высшей школы заключается в создании и дальнейшем развитии единой образовательной системы высокого уровня, способной не только к подготовке кадров для тех или иных отраслей реального сектора экономики, но и к продуцированию новых знаний, т.е. к обеспечению качественного научно-технологического прогресса в данных отраслях.

Общетеоретический фундамент настоящего исследования был заложен в трудах отечественных [Анохин, Гришин, Гордеев, 2013; Буренко, 2018; Герасимов, Жигаева, 2014; Перегудов, 2011; Сморгун, 2014; 2015; Шабров, 2010] и зарубежных [Dye, 1978; Hoppe, 2009; Hoppe, Wesselink, Cairns, 2013] исследователей, описывающих ключевые тенденции функционирования и развития политической системы передовых стран мира и современной России.

Проблематика формирования и реализации государственной научно-технической политики как в России, так и в мире находится в фокусе внимания многих ученых [Государственная научно-техническая политика ..., 2013; Миндели, Чистякова, 2013; Преображенский, 2009]. Это справедливо и в части проблем развития университетской науки [Балашов, 2001; Галлямова, 2017; Кирюшина, 2016; Литвинова, 2015; Селиверстова, Фролова, 2014; Сычев, 2014]. Актуальными представляются наработки отдельных зарубежных авторов в области как государственной научно-технической политики вообще [Kolltveit, Askim, 2017, p. 546–555], так и политики в области развития научного потенциала университетов [Responding to university policies and initiatives ..., 2017, p. 378–389; Hayter, Feeney, 2017, p. 111–120; Pesti, Gyori, Kopp, 2018, p. 35–57].

Однако к настоящему времени существует ряд значимых вопросов, как представляется, нуждающихся в серьезной научной проработке. В первую очередь речь идет о технологиях взаимодействия власти и общества (в том числе вузовского сообщества) в

процессе формирования и реализации указанной государственной политики, а также оценки самого научного потенциала высшей школы.

В свете критического обобщения статистического, фактологического материала, а также нормативно-правовых актов представляется обоснованным утверждение, что текущая государственная политика Российской Федерации по отношению к высшей школе концентрируется на трех главных направлениях: 1) повышение качества образования и развитие образовательных стандартов, а также их увязка с разрабатываемыми профессиональными стандартами; 2) интеграция российских вузов в международное образовательное сотрудничество, в том числе увеличение масштабов академической мобильности обучающихся, совместное осуществление инновационной деятельности и проведение научных исследований; 3) развитие научного потенциала вузов и их интеграция в национальную научно-технологическую систему. Однако, анализируя последнее из указанных направлений, не следует забывать о таких сложностях методологического и практического характера, как: а) сама категория «научный потенциал», в том числе применительно к университетам, является весьма неоднозначной, о чем свидетельствует большое количество подходов к ее трактовке; б) научно-исследовательская деятельность в высших учебных заведениях носит пусть и важный, но все же второстепенный характер; в) вышесказанное обстоятельство, а также реальная советская практика способствовали складыванию стереотипов о малозначимости университетской науки для научного потенциала общества в целом.

Вместе с тем нельзя игнорировать целый ряд внутренних и внешних факторов, напрямую определяющих значимость развития именно вузовской науки и ее интеграции в национальную научно-технологическую систему. В частности, к таким факторам следует отнести: 1) уже упоминавшуюся выше ведущую роль высшей школы в формировании кадрового потенциала высокотехнологичных отраслей экономики; 2) неразрывность современного учебного процесса и результатов научных исследований (причем как преподавателей, так и студентов); 3) общую тенденцию к расширению доли научных исследований, осуществляемых в вузах; 4) тот факт, что подавляющее большинство российских исследователей задействованы именно в вузовском секторе; 5) внешнеполитическую ситуацию последних пяти лет, а именно наложенные на Россию

экономические санкции, побудившие политику импортозамещения и, как логичное следствие, потребность в развитии отечественной наукоемкой промышленности.

Все перечисленное подчеркивает актуальность настоящего исследования, целью которого является обоснование контуров возможной концепции политики Российской Федерации по развитию научного потенциала высшей школы.

Методы

В качестве методологической основы исследования задействован системно-динамический подход, предполагающий рассмотрение государственной политики в системном единстве институциональных, временных и технологических его компонентов. Исходя из логики данного подхода [Знаменский, 2014, с. 104–106], концепция государственной политики в рассматриваемой сфере должна включать: 1) институциональные основы данной политики, а также систему соответствующих целей, приоритетов и основные направления политики; 2) описание основных этапов ее осуществления (т.е. временной компонент политики); 3) технологический компонент политики, предполагающий описание технологий оценки научного потенциала высшей школы России, а также методов и механизмов формирования, реализации и оценки результативности соответствующей политики.

При анализе рассматриваемых процессов также использовались методы программно-целевого управления [Елохов, Елохова, 2015, с. 112–114], предполагающие разработку целей управления и их увязку с технологиями их реализации, сроками и состояниями промежуточных значений процесса. В общем случае субъект программно-целевого управления реализует следующие функции: 1) определение проблем, целей, задач, процессов и методов их осуществления; 2) проведение операций, направленных на выполнение программы; 3) оценка степени выполнения программы (отклонения от нее); 4) разработка предложений по корректировке параметров управления или предложений по корректировке программы.

Результаты

На основе критического анализа принятых в политической науке базовых подходов к изучению государственной политики (телеологический, государственно-административный, системный, сетевой и др.) сформулировано авторское видение данной категории. Принципиальным посылом при этом является признание узости подхода к государственной политике как к односторонней деятельности государства и его институтов по управлению общественными отношениями в той или иной сфере [Государственная научно-техническая политика ..., 2013]. Напротив, определение приоритетов политики и процессы ее реализации предполагают тесное взаимодействие государственных органов как между собой, так и с гражданским обществом (в первую очередь – с экспертным сообществом). Безусловно, государство при этом сохраняет за собой функцию модератора, а его ведущая роль не подвергается сомнению, что отличает позицию автора от воззрений сторонников теории *governance* («управления без управляющих») [Sabatier, Jenkins-Smith, 1993, p. 9–11; Сморгунов, 2014, с. 5–14].

Исходя из авторского видения категории «государственная политика», требует уточнения понятие государственной научно-технической политики как сложного комплекса целей, задач и приоритетов государства в области развития и эффективного использования научного потенциала страны, подкрепленного соответствующим нормативно-правовым обеспечением, а также система государственных и общественных институтов, обеспечивающих их реализацию, и технологии взаимодействия государства и гражданского общества по формированию и реализации указанных целей и приоритетов [Знаменский, 2018, с. 55].

Следует констатировать, что в научной литературе и методических документах чаще всего встречается трактовка научного потенциала, отождествляющего указанный потенциал с комплексом материальных, информационных и кадровых ресурсов для научно-технической деятельности (так называемый ресурсный подход, представленный в трудах В.И. Аверченкова, В.М. Кожухара, П.А. Кульвеца, Л.Э. Миндели и многих других исследователей) [Научный потенциал ..., 2009; Кульвец, 1980]. Думается, что данный вывод является следствием статического подхода к проблеме научного потенциала, которому следует противопоставить вос-

производственно-динамический подход в единстве, во-первых, фаз жизненного цикла научного потенциала, во-вторых, различных аспектов его воспроизводства: ресурсных, институциональных, кадровых, интеграционных и ряда других. Рассмотренный с этих позиций научный потенциал любого уровня имеет более широкое по сравнению с сугубо ресурсным подходом содержание.

С этих позиций в наиболее общем виде научный потенциал высшей школы может быть определен как способность университетов и иных вузов производить новые знания в самых различных формах на основе задействования совокупности внутренних и внешних факторов.

Следует подчеркнуть, что формирование, реализация и развитие указанной способности объективно требует системного управленческого воздействия на базе научно обоснованных качественно-количественных оценок, пронизывающих все этапы жизненного цикла научного потенциала. Под последним понимается последовательное воспроизводство логически увязанных стадий: 1) формирования научного потенциала; 2) его наращивания и 3) реализации научного потенциала в различных формах [Знаменский, 2018, с. 55–62]. К числу основных элементов, характеризующих научный потенциал высшей школы, следует отнести его институциональные и организационно-кадровые основы, соответствующее ресурсное обеспечение, а также формы реализации научного потенциала высшей школы.

Логика упомянутого выше системно-динамического подхода к исследованию государственной политики по управлению научным потенциалом высшей школы предполагает последовательную характеристику его институциональных, временных и технологических компонентов, что и должно найти отражение в соответствующих стратегических документах (в том числе концепции государственной политики).

Так, при характеристике первого компонента следует уделить внимание области применения, основным направлениям политики, а также ее институциональным и нормативным основам. Характеризуя институциональные основы, следует еще раз отметить специфику объекта государственной политики в области развития научного потенциала высшей школы: вторичность собственно научной деятельности для вузов и наличие унаследованных с советских времен стереотипов по этому поводу, а также обозна-

ченную в стратегических документах Министерства науки и высшего образования РФ установку на развитие вузовской науки. Исследуя институциональные основы рассматриваемой политики, нельзя не отметить, что «относительная “бедность” институционального дизайна политики по управлению научным потенциалом отечественной высшей школы обусловлена следующим комплексом факторов: 1) факторы политико-культурного характера; 2) восприятие нынешней политики государства со стороны вузовского сообщества; 3) фактическая концентрация внимания государства, политических партий и других политических институтов на смежных проблемах государственной научно-технической политики; 4) сложившийся еще в советский период стереотип о вторичности вузов как субъектов научно-исследовательской деятельности» [Знаменский, 2018, с. 56].

В последние годы одной из характерных черт политики государства по отношению к научной деятельности вузов становится привлечение всевозможных посреднических структур. Данные структуры (в том числе социально ориентированные НКО) зачастую выступают инициаторами проектов, получающих государственное финансирование на конкурсной основе. Вместе с тем нельзя игнорировать то обстоятельство, что результативность деятельности любых посреднических организаций определяется тем, насколько указанные организации лояльны к властным структурам и одобряют проводимую ими политику.

Еще одной характерной чертой институциональных основ политики Российской Федерации как в области науки и технологий вообще, так и в области развития университетской науки в частности является существенная роль лоббизма. Так, результаты проведенного авторами экспертного опроса¹ показывают, что в настоящее время в России существует ряд фактических центров «научного лоббирования», имеющих возможность непосредственного влияния на принятие соответствующих политических реше-

¹ Опрос проводился среди научно-педагогических работников вузов России в период с 15 мая по 15 июля 2018 г. Всего опрошены 200 респондентов, в равных долях представляющие: классические университеты, технические, гуманитарные и экономико-управленческие вузы. Среди респондентов 60% – кандидаты наук, 32,5 – доктора наук, 7,5% не имеют ученой степени. Гендерное соотношение: 40% женщин, 60% мужчин. Доля молодых ученых (кандидаты наук до 35 лет, доктора наук до 40 лет) – 27,5% опрошенных.

ний на правительственном и даже президентском уровне, а также на уровне Российской академии наук и Минобрнауки Российской Федерации. Среди таких центров респондентами отмечены: 1) ряд крупных корпораций (Газпром, Росатом, РЖД и др.); 2) организации делового сообщества (в первую очередь Российский союз промышленников и предпринимателей, торгово-промышленные палаты (РФ и субъектов РФ), ассоциации малого и среднего бизнеса – ООО «Деловая Россия», «Опора России» и др.); 3) университеты, имеющие особый статус и, следовательно, приоритетную поддержку государства (МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, РЭУ им. Г.В. Плеханова и др.).

Главными выводами, сделанными по итогам опроса, следует признать: во-первых, наличие у вузовского научного сообщества России принципиального запроса на участие в определении приоритетов государственной научно-технической политики; во-вторых, нереализованность данного запроса в настоящее время.

Что же касается нормативных основ рассматриваемого направления государственной политики, то представляется очевидным, что принципиальный вектор развития законодательства в области науки и технологий должен содержать следующие целевые установки: 1) установление системного и функционально полного правового регулирования общественных отношений, возникающих при осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности (как в академическом, так и вузовском секторе НИОКР); 2) опора главным образом на так называемое «мягкое право», закрепление принципа дозволения, регулирующего отношения между равноправными участниками посредством диспозитивных, а не императивных норм (при императивном закреплении пределов властных полномочий государственных органов и их вмешательства в научную и инновационную деятельность); 3) сведение к необходимому и достаточному минимуму прямого управления научной, научно-технической и инновационной деятельностью при одновременном развитии эффективных форм взаимодействия ученых и научных организаций с обществом, бизнесом и государством.

Переходя к анализу временного компонента государственной политики по управлению научным потенциалом высшей школы, следует выделить три основных этапа ее жизненного цикла. На первом этапе осуществляется первичная оценка научного потен-

циала высшей школы, определяются основные направления его развития; на втором происходит наращивание указанного потенциала; на третьем – его активная реализация, вторичная и итоговая оценка, а также корректировка политики.

Концепция государственной политики для каждого этапа должна предполагать: а) временные рамки; б) уточненные цели и содержание этапа; в) характеристику ключевых для данного этапа субъектов, принимающих участие в мероприятиях, предусмотренных на данном этапе; г) комплекс способов реализации политики на данном этапе; д) систему мероприятий, связанных с реализацией целей данного этапа; е) описание ожидаемых результатов этапа [Знаменский, 2018, с. 60].

При описании технологического компонента государственной политики по управлению научным потенциалом высшей школы ключевое значение имеют: а) формы и методы взаимодействия государства и политических институтов в процессе формирования и реализации политики; б) технологии взаимодействия с экспертным сообществом; в) технологии первичной, вторичной и итоговой оценки научного потенциала высшей школы.

Формат взаимодействия между государством, общественно-политическими институтами и вузовским сообществом должен, по нашему мнению, предусматривать общественные обсуждения в рамках всероссийского конгресса «Научный потенциал высшей школы как объект управления», проводимого не реже одного раза в три года. Основными целями такого конгресса должны стать: а) выявление актуальных проблем развития научно-исследовательской деятельности в отечественных вузах в контексте стоящих перед Россией больших вызовов; б) обобщение лучших отечественных и зарубежных практик управления и развития научного потенциала высшей школы; в) выработка консолидированной позиции вузовского сообщества по вопросам государственной политики Российской Федерации в области развития научного потенциала высшей школы.

Экспертное обеспечение процесса определения приоритетов государственной политики в рассматриваемой сфере может быть сведено к серии очных дискуссий (в том числе в рамках упомянутого конгресса) и заочных экспертных оценок. Это позволит существенно расширить формат обсуждения стратегических приорите-

тов в данном вопросе и учесть большую часть интересов научного сообщества.

Представляется, что основой эффективной стратегии развития вузовской науки выступают технологии оценки научного потенциала высшей школы. Думается, что конкретный набор оценочных методов определяется типом оценки научного потенциала. Так, первичная оценка делает акцент на материально-технических, информационных, организационных, кадровых, финансовых и иных ресурсах отечественной высшей школы, а также на социальных и иных факторах осуществления научно-исследовательской деятельности в вузах. В соответствии с авторской методикой показатели данного вида оценки могут быть сведены в следующие группы: 1) показатели институциональных факторов формирования научного потенциала высшей школы (в том числе характеризующие организационную структуру управления научной деятельностью и соответствующую систему коммуникаций); 2) показатели кадрового потенциала высшей школы (доля сотрудников, имеющих ученую степень, доля молодых ученых в кадровом составе, численность аспирантов, докторантов и соискателей в коллективах российских вузов); 3) социальные факторы, включающие эффективность материального и нематериального стимулирования, а также уровень престижа научно-исследовательской деятельности в вузах; 4) показатели обеспеченности информационными, финансовыми и материально-техническими ресурсами, а также – что немаловажно – ресурсами рабочего времени (в силу приоритетности учебной, а не научной нагрузки для вузов); 5) показатели соответствия научно-исследовательской деятельности вузов приоритетам государственной политики и конъюнктуре рынка; 6) показатели интеграции высшей школы в национальную научно-технологическую систему и международное сотрудничество.

В качестве объекта вторичной оценки научного потенциала высшей школы выступают различные формы его реализации, т.е. те или иные результаты научных исследований. Таким образом, показатели вторичной оценки должны быть объединены в следующие группы: 1) показатели институциональных результатов научно-исследовательской деятельности организаций высшей школы (включая развитие системы национальных исследовательских университетов и иных вузов с особым статусом, уровень и масштабы организуемых в вузах научных конференций, симпозиумов и иных подобных мероприятий, а также функционирова-

ние в структуре университетов либо при них малых инновационных предприятий и научно-образовательных центров); 2) аттестационно-статусные показатели реализации научного потенциала высшей школы, характеризующие наличие и статус научных школ в вузах, статистика защит кандидатских и докторских диссертаций и т.д.; 3) показатели реализации результатов интеллектуальной деятельности (так называемая патентная статистика); 4) научно-информационные (в том числе библиометрические) показатели; 5) финансовые показатели научно-исследовательской деятельности высшей школы (в первую очередь – средний объем средств, полученных в результате НИР).

Итоговая оценка осуществляется путем сопоставления индексов первичной и вторичной оценок, что служит основой для анализа политики по управлению научным потенциалом высшей школы и прогноза ее дальнейшего развития.

В целях апробации методики оценки научного потенциала высшей школы, разработанной авторами, было проведено исследование научного потенциала вузов в трех субъектах Российской Федерации (Москва, Новосибирская область и Ставропольский край). Главными задачами исследования были проверка релевантности системы показателей первичной и вторичной оценки научного потенциала высшей школы, отработка методики измерения данных показателей и их уточнение (в том числе корректировка шкал оценивания). При проведении апробации авторы задействовали опросные методы (в первую очередь для оценки социальных факторов формирования научного потенциала вузов), фокус-групповые экспертные оценки, а также методы анализа библиометрических данных и патентной статистики (с использованием ресурсов Российского индекса научного цитирования), данные Министерства образования и науки Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам Северного Кавказа и Федеральной службы государственной статистики.

Так, результаты первичной оценки научного потенциала высшей школы в рассматриваемых регионах показали в целом средний уровень развития научного потенциала вузов. При этом нельзя не отметить, что в таком сложном и насыщенном вузами регионе, как Москва, располагаются как вузы-лидеры, так и аутсайдеры, что способствует определенному занижению общегородских показателей научного потенциала. При анализе результатов

проведенного экспертного опроса¹ также было отмечено стремление представителей московских вузов несколько занижить значения социальных факторов развития научного потенциала, в то время как представители Ставропольского края, напротив, завышали данные показатели. В результате индекс первичной оценки² научного потенциала высшей школы для г. Москвы составил 6,1 балла по 10-балльной шкале, соответствующее значение для Ставропольского края составило 6,5 балла. Наиболее низкое значение индекса первичной оценки научного потенциала высшей школы (5,9 балла) выявлено для Новосибирской области, что во многом обусловлено невысокими показателями институциональных факторов и факторов государственной политики.

Оценка форм реализации научного потенциала высшей школы в трех исследуемых субъектах РФ свидетельствует о гораздо большем разбросе значений. Так, вполне средний уровень индекса вторичной оценки научного потенциала высшей школы³ выявлен для Москвы (6,4 балла), что, как и в случае с первичной оценкой, обусловлено значительной разницей в уровне столичных вузов. Наиболее высокое значение индекса вторичной оценки научного потенциала высшей школы продемонстрировала Новосибирская область (7,5 балла), во многом за счет аттестационно-статусных

¹ Опрос проводился среди научно-педагогических работников вузов г. Москвы, Ставропольского края и Новосибирской области в период с 1 ноября по 15 декабря 2018 г. Всего опрошено: по г. Москве 100 респондентов, по Новосибирской области 56 респондентов, по Ставропольскому краю 40 респондентов. Среди респондентов 67% – кандидаты наук, 23 – доктора наук, 10% не имеют ученой степени. Гендерное соотношение во всех трех регионах: 65% женщин, 35% мужчин. Доля молодых ученых (кандидаты наук до 35 лет, доктора наук до 40 лет) – 33% опрошенных.

² Складывается из показателей институциональных, кадровых, финансовых, информационных и материально-технических факторов научного потенциала, а также из экспертных оценок социально-психологических условий научной деятельности, соответствия научной деятельности вузов приоритетам государственной политики и конъюнктуре рынка НИОКР, а также уровня международной активности вузов.

³ Складывается из показателей публикационной и патентной активности вузов, финансовых результатов научной деятельности, наличия у вузов особого статуса (федеральный университет, НИУ и т.п.), статистики защит кандидатских и докторских диссертаций, наличия премий и иных наград за научную деятельность и других форм реализации научного потенциала.

(полученные научные премии и гранты, количество студентов, занявших призовые места на национальных и международных научных конкурсах и т.д.) и финансовых (объем финансирования НИР, в том числе в расчете на одного научно-педагогического работника) форм реализации имеющегося потенциала. Достаточно скромными на этом фоне видятся результаты вторичной оценки в Ставропольском крае (5 баллов), что вызвано главным образом низкими показателями финансовых форм реализации научного потенциала вузов региона.

Результаты апробации авторской методики оценки научного потенциала высшей школы свидетельствуют о ее применимости при разработке концепции государственной политики Российской Федерации в указанной сфере. Полученные значения индексов первичной и вторичной оценки говорят о достаточно высокой эффективности реализации научного потенциала вузов Москвы и Новосибирской области. Показатели третьего пилотного региона – Ставропольского края – несколько скромнее.

Анализ результатов комплексной оценки научного потенциала высшей школы дает возможность спрогнозировать основные направления стратегии его развития.

Возможные стратегии развития научного потенциала высшей школы в зависимости от реального уровня эффективности его использования подразделяются на: а) *антикризисные* стратегии; б) стратегии *ускоренного развития научного потенциала*; в) стратегии *наращивания научного потенциала*; г) стратегии *устойчивого развития научного потенциала*; д) стратегии *оптимального развития научного потенциала*. Так, исходя из результатов проведенной апробации можно сделать вывод, что для города Москвы и Новосибирской области характерна высокая эффективность реализации научного потенциала (от 5,1 до 8 баллов по 10-балльной шкале). Что касается Ставропольского края, то по формальным признакам его научный потенциал находится на границе зон средней и высокой эффективности, однако положение дел усугубляется тем, что значение индекса первичной оценки научного потенциала высшей школы превышает соответствующее значение вторичной оценки. Это говорит либо о неэффективной реализации имеющегося потенциала, либо о сознательном завышении показателей первичной оценки. Следовательно, оптимальной стратегией для Москвы и Новосибирской области будет стратегия наращивания научного

потенциала высшей школы, а для Ставропольского края – стратегия ускоренного развития с особым вниманием на повышение патентной активности вузов, развитие системы подготовки научно-педагогических кадров и активизации участия в конкурсах на получение научных грантов.

Что касается структуры соответствующих разрабатываемых программ, то представляется целесообразным выделить три главных блока: *целевого*, содержащего выводы из результатов итоговой оценки за прошлый период (в том числе: а) показатель соотношения индексов вторичной и первичной оценки; б) фиксация соответствующей зоны эффективности использования научного потенциала; в) констатация принципиальной направленности вектора развития научного потенциала во времени; г) определение типа программы развития); *блока мероприятий по формированию научного потенциала высшей школы*, включающего формирование институциональных, организационно-кадровых и социальных основ, ресурсное обеспечение и интеграционные механизмы в сфере научно-исследовательской деятельности вузов; *блока мероприятий в области реализации научного потенциала*, структура которого определяется совокупностью форм реализации научного потенциала.

Заключение

Некоторые сделанные авторами выводы могут послужить предметом научных дискуссий среди политологов. Так, представляется ошибочной выявленная в ходе проведенного авторами опроса¹ точка зрения отдельных экспертов, в соответствии с которой научному и деловому сообществу и другим негосударственным институтам и структурам в рамках реализации государственной политики в области развития вузовской науки отводится сугубо пассивная роль объектов государственного воздействия. По нашему мнению, *субъектность* данных структур является одним из важнейших условий эффективности государственной политики по управлению научным потенциалом высшей школы.

В данном контексте немаловажно, что концепция такой политики должна содержать открытый перечень организаций, участ-

¹ Параметры опроса см. выше.

вующих в процессе ее формирования и реализации. Вместе с тем представляется обоснованной необходимость совершенствования самого формата участия различных государственных и общественных институтов в процессах ее формирования, реализации и оценки.

Полученные в ходе проведенного авторами исследования научные результаты могут быть полезны федеральным и региональным органам государственной власти, а также организациям научного сообщества при разработке концепций управления научным потенциалом высшей школы. Сделанные авторами выводы могут также послужить научным заделом для дальнейшего исследования закономерностей управления научным потенциалом вузов. В статье приводится оригинальный подход к исследованию государственной политики, применимый, в частности, к политике по отношению к научному потенциалу высшей школы.

Практическая ценность научных результатов, полученных авторами, состоит в возможности их использования при разработке концепции государственной политики по развитию вузовского сектора науки, а также программных документов, стратегий и проектов политических партий и иных заинтересованных структур. Научная ценность полученных результатов заключается в том, что они могут стать методологической основой для изучения других направлений государственной политики.

В качестве главного результата государственной политики по управлению научным потенциалом высшей школы должно быть формирование в вузах России непрерывного цикла: «фундаментальные исследования – поисковые научно-исследовательские работы – прикладные технологии – производство – рыночная реализация». Таким образом, с одной стороны, будет обеспечено воспроизводство высококвалифицированных кадров для нужд исследовательского сектора и наукоемких предприятий, а также для экономики страны в целом, а с другой – отечественные вузы смогут рассчитывать на вхождение в число мировых лидеров высшего образования, в том числе топ-100 университетов мира.

Список литературы

- Анохин М.Г., Гришин О.Е., Гордеев Л.И. Системные инновации для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – 2013. – № 3. – С. 5–12.
- Балашов В.В. Современные проблемы управления воспроизводством научного потенциала высшей школы России: монография. – М.: Издательский дом ГУУ, 2001. – 213 с.
- Буренко В.И. Управление и политика в эпоху постмодерна // Вестник национального института бизнеса. – 2018. – № 32. – С. 18–26.
- Галлямова Л.И. Интеграция академической науки и высшей школы как фактор интеллектуального потенциала Тихоокеанской России // Россия и АТР. – 2017. – № 1 (95). – С. 35–48.
- Герасимов А.В., Жигаева К.В. Государственная власть и гражданское общество в современной России: проблемы взаимодействия: монография. – М.: МГЭУ, 2014. – 202 с.
- Государственная научно-техническая политика в модернизационной стратегии России / Е.В. Бодрова, М.Н. Гусарова, В.В. Калинов, К.В. Калинова, С.В. Сергеев. – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2013. – 572 с.
- Елохов А.М., Елохова Т.А. Стратегическое программно-целевое управление. – Пермь: Зап.-Урал. Ин-т экономики и права, 2015. – 376 с.
- Знаменский Д.Ю. Системно-динамический подход к исследованию процесса формирования и реализации государственной политики // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 12. – С. 104–106.
- Знаменский Д.Ю. Государственная политика в области развития вузовской науки: стадии жизненного цикла // Управление. – 2018. – № 6 (1). – С. 55–62.
- Кирюшина О.Н. Научный потенциал высшей школы как фактор модернизации системы образования и основа развития общества // Национальная ассоциация ученых. – 2016. – № 4–1 (20). – С. 88–90.
- Кульвеец П.А. Научно-технический потенциал. Сущность, оценка, эффективность использования: учеб. пособие. – Вильнюс: MBCCO ЛитССР, 1980. – 55 с.
- Литвинова К.П. Развитие научно-образовательного потенциала высшей школы // Совет ректоров. – 2015. – № 7. – С. 65–68.
- Миндели Л.Э., Чистякова В.Е. Академический сектор научного потенциала России: монография. – М.: ИПРАН РАН, 2013. – 122 с.
- Научный потенциал: оценка и моделирование влияния на экономическое развитие региона / под ред. В.И. Аверченкова, В.М. Кожухара. – Брянск: Изд-во Брянского гос. технического ун-та, 2009. – 204 с.
- Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. – М.: РОССПЭН, 2011. – 431 с.
- Преображенский Б.Г. Взаимодействие высшей школы и государства – условие эффективного развития научного потенциала // Успехи современного естествознания. – 2009. – № 6. – С. 74–76.
- Селиверстова О.В., Фролова Н.С. Интеллектуальный капитал вуза как один из компонентов образовательных услуг: международный опыт финансирования и

- развития научного потенциала высшей школы // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 3. – С. 1–16. – Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/167EVN314.pdf> (Дата обращения: 15.01.2019.)
- Сморгунов Л.В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть. – 2014. – № 6. – С. 5–14.
- Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. – М.: РОССПЭН, 2015. – 382 с.
- Сычев А.В. Первичная оценка научного потенциала негосударственного вуза: варианты подходов // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 4 (23). – С. 1–11. – Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/PDF/17EVN414.pdf> (Дата обращения: 15.01.2019.)
- Шабров О.Ф. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. – 2010. – № 5. – С. 4–9.
- Responding to university policies and initiatives: the role of reflexivity in the mid-career academic / A. Brew, D. Boud, L. Lucas, K. Crawford // Journal of Higher Education Policy and Management. – 2017. – Vol. 39, N 4. – P. 378–389. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1360080x.2017.1330819>
- Dye T. Understanding Public Policy. – Englewood Cliffs, NY.: Prentice-Hall, 1978. – 368 p.
- Hayter C.S., Feeney M.K. Determinants of external patenting behavior among university scientists // Science and public policy. – 2017. – Vol. 44, N 1. – P. 111–120. – DOI: <https://doi.org/10.1093/scipol/scw037>
- Hoppe R. Scientific advice and public policy: expert advisers' and policymakers' discourses on boundary work // Poiesis and Praxis. – 2009. – Vol. 6, N 3/4. – P. 235–263. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10202-008-0053-3>
- Hoppe R., Wesselink A., Cairns R. Lost in the problem: the role of boundary organizations in the governance of climate change // Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change. – 2013. – Vol. 4, N 4. – P. 283–300. – DOI: <https://doi.org/10.1002/wcc.225>
- Kollveit K., Askim J. Decentralisation as substantial and institutional policy change: scrutinising the regionalisation of science policy in Norway // Science and public policy. – 2017. – Vol. 44, N 4. – P. 546–555. – DOI: <https://doi.org/10.1093/scipol/scw083>
- Pesti C., Gyori J., Kopp E. Student teachers as future researchers: how do Hungarian and Austrian initial teacher education systems address the issue of teachers as researchers? // Center for educational policy studies journal. – 2018. – Vol. 8, N 3. – P. 35–57. – DOI: <https://doi.org/10.26529/cepsj.518>
- Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C. The Study of the public policy processes // Policy change and learning: an advocacy coalition approach / P.A. Sabatier, H.C. Jenkins-Smith (eds). – Boulder, Colo: Westview Press, 1993. – P. 1–12.

D.Yu. Znamenskiy, N.A. Omelchenko*

Policy of Russian Federation at the sphere of universities' science development: contours of probable conception

Abstract. The subject of the article is public policy of Russian Federation in the field of development of scientific potential of higher education. The purpose of the article is to substantiate the contours of a possible concept of Russian policy in this area, that seems actual because of wide complex of internal and external factors.

A fundamental approach to the study of public policy is the system-dynamic approach, which focuses on the institutional, temporal and technological foundations of policy. Its application made it possible to propose a fundamentally new format for the concept of this policy, which should contain: 1) analysis of institutional and law framework of policy; 2) characteristics of main stages of its life cycle; 3) description of technologies of interaction between state, civil society, universities and business in the process of its formation and implementation, and technologies for assessing the scientific potential of higher education.

The most important theoretical result is to substantiate the importance of higher education in the processes of increment of scientific knowledge and its place in national scientific and technological system.

The achievements of the authors may be used by socio-political and expert organizations aiming to participate in the processes of formation and implementation of public policy in relation to higher education.

Keywords: public scientific and technical policy; conception of public policy; political institutes; life cycle of public policy; high school.

For citation: Znamenskiy D.Yu., Omelchenko N.A. Policy of Russian Federation at the sphere of universities' science development: contours of probable conception. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 145–165. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.06>

References

- Anokhin M.G., Grishin O.E., Gordeev L.I. System innovations for Russia. *RUDN Journal of political science*. 2013, N 3, P. 5–12. (In Russ.)
- Balashov V.V. *Modern problems of management the reproduction of the scientific potential of higher school in Russia*. Moscow: SUM Publishing House, 2001, 213 p. (In Russ.)

* **Znamenskiy Dmitriy**, Department of Public Administration and Political Technologies, State University of Management (Moscow, Russia), e-mail: belyferz@list.ru; **Omelchenko Nikolai**, Department of Public Administration and Political Technologies, State University of Management (Moscow, Russia), e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

- Brew A. et. al. Responding to university policies and initiatives: the role of reflexivity in the mid-career academic. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2017, Vol. 39, N 4, P. 378–389. DOI: <https://doi.org/10.1080/1360080x.2017.1330819>
- Burenko V.I. Management and policy at the age of postmodern. *Vestnik nacional'nogo instituta biznesa*. 2018, N 32, P. 18–26. (In Russ.)
- Dye T. Understanding Public Policy. Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, 1978, 368 p.
- Elokhov A.M., Elokhova T.A. *Strategic program and target management*. Perm: Western-Ural Institute of Economics and Law, 2015, 376 p. (In Russ.)
- Galljamova L.I. Integration of academic science and higher education as a factor of intellectual potential of Pacific Russia. *Russia and the Pacific*. 2017, N 1 (95), P. 35–48. (In Russ.)
- Gerasimov A.V. Zhigayeva K.V. *State authority and civil society in modern Russia: problems of interaction*. Moscow: MSUHE, 2014, 202 p. (In Russ.)
- Hayter C.S., Feeney M.K. Determinants of external patenting behavior among university scientists. *Science and public policy*. 2017, Vol. 44, N 1, P. 111–120. DOI: <https://doi.org/10.1093/scipol/scw037>
- Hoppe R. Scientific advice and public policy: expert advisers' and policymakers' discourses on boundary work. *Poiesis and praxis*. 2009, Vol. 6, N 3–4, P. 235–263. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10202-008-0053-3>
- Hoppe R., Wessellink A., Cairns R. Lost in the problem: the role of boundary organizations in the governance of climate change. *Wiley interdisciplinary reviews: climate change*. 2013, Vol. 4, N 4, P. 283–300. DOI: <https://doi.org/10.1002/wcc.225>
- Kirjushina O.N. Scientific potential of the higher school as factor modernizations of the education system and basis of development of society. *Nacional'naya associaciya uchenih*. 2016, N 4–1 (20), P. 88–90. (In Russ.)
- Kolltveit K., Askim J. Decentralisation as substantial and institutional policy change: scrutinising the regionalisation of science policy in Norway. *Science and public policy*. 2017, Vol. 44, N 4, P. 546–555. DOI: <https://doi.org/10.1093/scipol/scw083>
- Kulvets P.A. Scientific and technical potential. Essence, evaluation, efficiency of use: Textbook. Vilnius: MVSSO LitSSR, 1980, 55 p. (In Russ.)
- Litvinova K.P. Development of high school's scientific and educational potential. *Sovet rektorov*. 2015, N 7, P. 65–68. (In Russ.)
- Mindeli L.E., Chistyakova V.E. *Academical sector of Russian scientific potential*. Moscow: ISSRAS, 2013, 122 p. (In Russ.)
- Peregudov S.P. *Political system of Russia at global context: institution and mechanisms of interaction*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 431 p. (In Russ.)
- Pesti C., Gyorj J., Kopp E. Student Teachers as Future Researchers: How do Hungarian and Austrian Initial Teacher Education Systems Address the issue of Teachers as Researchers? *Center for Educational Policy Studies Journal*. 2018, Vol. 8, N 3, P. 35–57. DOI: <https://doi.org/10.26529/cepsj.518>
- Preobrazhenskiy B.G. Interaction of high school and state as a condition of scientific potential's effective development. *Advances in current natural sciences*. 2009, N 6, P. 74–76. (In Russ.)

- Public scientific and technical policy in modernizing strategy of Russia*. Ed. by E.V. Bodrova, M.N. Gusarova, V.V. Kalinov, K.V. Kalinova, S.V. Sergeev. Moscow: Moscow university for the humanities, 2013, 572 p. (In Russ.)
- Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C. The Study of the public policy processes. In: *Policy change and learning: an advocacy coalition approach*. Ed. by P.A. Sabatier, H.C. Jenkins-Smith. Boulder; Colo: Westview Press, 1993, P. 1–12.
- Scientific potential: evaluation and modeling of influence to regional economic development*. Ed. by V.I. Averchenkov, V.M. Kozhukhar. Bryansk: Bryansk state technical university, 2009, 204 p. (In Russ.)
- Seliverstova O.V., Frolova N.S. Intellectual capital of higher school as one of the component of Educational services: international outlook on the foreign research and development funding. *Naukovedenie*. 2014, N 3, P. 1–16. Mode of access: <https://naukovedenie.ru/PDF/167EVN314.pdf> (accessed: 15.11.2019.) (In Russ.)
- Shabrov O.F. Efficiency of public administration in postmodern conditions. *Vlast'*. 2010, N 5, P. 4–9. (In Russ.)
- Smogrunov L.V. Manageability and network political management. *Vlast'*. 2014, N 6, P. 5–14. (In Russ.)
- Sungurov A.Y. *How political innovations appear: "think tanks" and other institutions-mediators*. Moscow: ROSSPEN, 2015, 382 p. (In Russ.)
- Suychev A.V. Primary appreciation of high school organization's scientific potential: basic approaches. *Naukovedenie*. 2014, N 4 (23), P. 1–11. Mode of access: <https://naukovedenie.ru/PDF/17EVN414.pdf> (accessed: 15.11.2019.) (In Russ.)
- Znamenskiy D.Y. Dynamic system approach to the process of elaboration and implementation of state policy. *Theory and practice of social development*. 2014, N 12, P. 104–106. (In Russ.)
- Znamenskiy D.Y. Public policy in universities' science development: stages of lifecircle. *Upravlenie*. 2018, N 6 (1). P. 55–62. (In Russ.)

КОНТЕКСТ

Г. ВОЛЬМАН*

РАЗВИТИЕ ОЦЕНКИ ПОЛИТИКИ И ОЦЕНОЧНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ГЕРМАНИИ: ПРЕДЫСТОРИЯ, ПРОРЫВ, КОНСОЛИДАЦИЯ¹

Аннотация. В развитии оценки политики и оценочно-политического анализа в Германии различаются фаза подъема и фаза консолидации. Первая, начавшаяся в конце 1960-х годов, была связана с экспансией реформаторской политики и протекала под влиянием американских концепций понимания оценки политики как области анализа «обратной связи» между целями и результатами действия политических программ и мероприятий, а также под влиянием стремлений к «научной организации» политики. С возникновением оценочно-политического анализа традиционный научный ландшафт (с характерным для университетов «исследованием основ») и отношения между политикой и «научным сообществом» существенно изменились. В фазе консолидации, начавшейся в 1990-е годы, важными импульсами дальнейшего развития была политика «нового публичного менеджмента», вызвавшая модернизацию управления, а также программы ЕС, стимулирующие оценку политики. Последовавшие институционализация и профессионализация оценочно-политического анализа нашли свое яркое проявление в создании «Немецкого общества оценки политики» (DeGEval) (1997) и «Журнала по оценке политики» («Zeitschrift für Evaluation») (2002).

Ключевые слова: политика реформ; действенность политических программ; научное обеспечение политики; исследования по контрактам.

* **Вольман Гельмут**, профессор, Университет им. Гумбольдта (Берлин, Германия), e-mail: stas-polit@yandex.ru

¹ Перевод с немецкого статьи: Entwicklungslinien von Evaluation und Evaluationsforschung in Deutschland. Zwischen Vorgeschichte, Aufbruch und Konsolidierung // Zeitschrift für Evaluation. – 2017. – N 2. – S. 33–52. Печатается с разрешения автора.

Для цитирования: Вольман Г. Развитие оценки политики и оценочно-политических исследований в Германии: предыстория, прорыв, консолидация // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 166–200. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.07>

Введение

В статье предполагается дать обзор оценки политики и оценочно-политических исследований в Германии. Но сначала несколько предварительных замечаний и, прежде всего, несколько слов о понимании терминов.

Не вдаваясь в подробности ведущихся по этому поводу недавних дискуссий [Mertens, 2006, S. 47; Wottawa, Thierau, 2003; Stockmann, 2006 a, S. 15–25; Wollmann, 2009, S. 382–385], следует указать на опасности упрощенного и ограниченного понимания вопроса и кратко сказать следующее.

Под *оценкой политики* понимаются такие связанные с политико-административными решениями и действиями аналитико-познавательные процедуры, которые направлены на достижение целей, определение последствий, затрат и выгод политических решений, программ, мероприятий и имеют при этом обратное влияние (feedback) на процессы принятия решений и действия.

В отличие от этого под *оценочно-политическими исследованиями* понимаются такие аналитические процедуры и действия, в которых для получения «валидных» высказываний о действенности (в том числе причинно обусловленной) политических и административных действий систематически применяются методы социальных наук¹. Оценочно-политические исследования обычно институционально и персонально бывают представлены учеными и исследовательскими центрами, часто действующими по контрактам.

И хотя оценка политики и оценочно-политические исследования развивались в основном параллельно (подобно «сиамским

¹ См.: [Rossi, Freeman, 1993, p. 5]: «Evaluation research is the systematic application of social research procedures for assessing the conceptualization, design, implementation, and utility of social intervention programs». («Оценочно-политическое исследование – это систематическое применение процедуры социальных исследований для оценки концептуализации, дизайна, реализации и полезности программ социального вмешательства».)

близнецам»), в последующем изложении в зависимости от контекста их следует четко различать и концептуально, и лингвистически.

Оценка политики и оценочно-политические исследования в их современном понимании стали развиваться в ФРГ только в 1960-е годы, но здесь стоит все же дать их краткую, восходящую еще к XIX в. историческую ретроспективу (часто игнорируемую в современных публикациях), чтобы привлечь внимание к «эмбриональному» состоянию подхода. Одновременно следует и более отчетливо показать те глубокие изменения, которые произошли с 1960-х годов в отношениях между политикой и наукой благодаря появлению оценочно-политических исследований. Освещая более чем 50-летнее развитие оценки политики и оценочно-политических исследований, следует различать две фазы: первую, начавшуюся в 1960-е годы, фазу «прорыва», и вторую – фазу «консолидации», которая началась в первой половине 1990-х годов и имела в качестве своих движущих сил модернизацию политики и управления в духе «нового политического менеджмента» (НПМ) и задачи оценки программ помощи ЕС. При сравнении этих фаз следует ясно различать как преемственность, так и разрывы между ними и прерывистость процесса. В этой дискуссии мы в основном ограничиваемся процессами в Федеративной Республике Германия и исключаем из рассмотрения процессы в остальном немецкоязычном пространстве (в Австрии и немецкоязычной части Швейцарии). Наконец, еще одно персональное замечание. Так как автор был лично вовлечен в оценочно-политические исследования (особенно в фазе «прорыва»), последующее изложение может иметь, возможно, некоторые слишком «автобиографические» и «автобиблиографические» черты.

Историческая ретроспектива

В истории немецкой политики и управления вопросы получения и применения политических и управленческих знаний относились к области так называемых полицейских наук¹, которые в

¹ Краткий обзор истории полицейских наук в Германии на русском языке см. в: Филиппов А.Ф. Советская социология как полицейская наука // Политическая концептология. – 2014. – № 3. – С. 94–95. – *Прим. пер.*

условиях позднеабсолютистских государств XVII и XIX вв. были призваны аккумулировать политико-административные знания своего времени и использовать их для подготовки управленческого персонала и последующего применения в практике [Maier, 1980; Wollmann, 1989, p. 235; Wittrock, Wagner, Wollmann, 1991, p. 29]. В связи с праксеологическим накоплением знаний и их использованием в обучении и практике эти «старые государственные науки», близкие концепции «политических наук» (policy sciences), выдвинутой в 1950-е годы Гарольдом Лассуэлом [Lasswell, 1951], характеризовались как «политические науки XVII и XIX веков» [Beume, 1985, S. 7 ff.; Wittrock, Wagner, Wollmann, 1991].

В ходе дальнейшего развития в XIX в. полицейские науки пережили упадок, когда в связи с «либеральным» пониманием государства охватывающее все многообразие государственных функций понятие «полицейского / политического» сократилось до «узкого» значения термина «полиция», обозначающего «безопасность и порядок». В условиях подъема правового позитивизма приоритет получило правовое регулирование управленческих действий и юридическое образование управленческого персонала, что влекло дальнейший отказ от чисто эмпирически и практически ориентированного способа передачи «государственно-научных» (staatswissenschaftliche) познаний. Вместо этого для обеспечения получения необходимой для политики и управления информации немецкие государства в XIX в. стали практиковать создание собственных статистических служб. Так, в 1805 г. в Пруссии было создано Прусское статистическое бюро [Wollmann, 2010, p. 258], а в 1872 г., сразу после учреждения Империи, – Имперская статистическая служба [Wollmann, 1989, p. 236].

С другой стороны, в последней трети XIX в. на первый план вышли прикладные эмпирические социальные исследования. В этот период представители исторической школы национальной экономики во главе с берлинским университетским профессором Густавом Шмоллером [Wollmann, 2010, p. 258], язвительно прозванные современниками «катедер-социалистами», призывая проводить политические реформы, обратились к социальным вопросам.

Созданное в 1872 г. Общество социальной политики инициировало и проводило эмпирические исследования (так называемые анкетные опросы), например, по вопросу (неудовлетворительных) жилищных условий рабочих [Wagner, 1990, p. 80; Wagner, Wollmann,

1991, S. 61; Wittrock, Wagner, Wollmann, 1991, S. 34]. Будучи направленными на определение просчетов и недостатков государственной политики, эти ранние версии эмпирических социальных исследований (послужившие, кстати, примером для аналогичных начинаний за рубежом) уже имели, говоря современным языком, «оценочно-политические» черты.

Тем не менее в последующем этот подход, развивающий (университетские) политические и социальные исследования и даже исследования социальных последствий политики, был прерван. С одной стороны, ориентированное юридически (в политике – консервативно) государственное управление не проявляло к таким исследованиям особого интереса. С другой стороны, развивающаяся университетская социальная наука отворачивалась от практической ориентации Общества социальной политики ввиду того, что она – не в последнюю очередь под влиянием Макса Вебера – стремилась достичь признания в качестве научной дисциплины, стараясь утвердить в исследованиях научную строгость и независимость от ценностного влияния и избегая сближения с практикой.

В 1920-х годах со стороны политики снова делаются попытки использования научного опыта для политики и управления. Так, в 1926 г. рейхстаг учредил комитет по изучению состояния производства и продаж в немецкой экономике, к работе в нем было привлечено более 6 тыс. ученых [Dierkes, Knie, Wagner, 1988; Wollmann, 1989, p. 238]. Обращенная в будущее идея комитета была высказана Рудольфом Гильфердингом, членом этого комитета от социал-демократов, следующим образом: «Мы больше не можем отрицать то, что политика возможна только на научной основе <...> чтобы, наконец, выбраться из политического дилетантизма» [Dierkes, Knie, Wagner, 1988, S. 19]. Однако работа комитета в 1931 г. была прекращена по финансовым причинам. Смелое представление о «политике, основанной на науке», и в связи с этим о новой роли науки было утрачено в условиях экономических и политических неурядиц последних лет Веймарской республики.

В целом это противопоставление и разделение сферы политики и управления, которая в своих политических и управленческих действиях в основном опиралась на юридические представления управленческих элит, и сферы университетской науки, которая, стремясь к научности, отворачивалась от практики, во

многим определяло различные аспекты самосознания этих сфер до 1933 г. и в первые годы после 1945 г.

Разительным образом в этом плане отличалось развитие в США, где в 1920-е годы в Чикагском университете под влиянием Чарлза Мерриама развивалась модель университетского социально-научного исследования, применявшегося в практике. В ней отчетливо выраженная ориентация на высокие теоретико-методологические стандарты сочеталась с практико-прикладной направленностью [Wittrock, Wagner, Wollmann, 1991, p. 39; Wagner, Wollmann, 1986 b, S. 602]. В 1930-е годы администрация Рузвельта активно использовала эту практико-ориентированную готовность и компетенцию университетских социальных исследований в университетах, когда впервые решилась при оценке политики своего «Нового курса» вовлечь в нее социальных исследователей в невиданном ранее масштабе. И в период Второй мировой войны американское правительство стремилось привлечь к ведению войны научную социальную экспертизу в качестве релевантного информационного ресурса. На том фоне Гарольд Лассуэлл после 1945 г. сформулировал концепцию политических наук *policy sciences* [Lasswell, 1951], которая основывалась на представлении, что потенциал научного знания с широким междисциплинарным охватом следует использовать в поиске решений политических и общественных проблем. [Wittrock, Wagner, Wollmann, 1991, S. 39].

Фаза прорыва в оценочно-политических исследованиях в Германии (1960–1980-е годы)

После 1945 г. в ходе восстановления политико-административных и научных структур ФРГ в основном воспроизводилась существовавшая до 1933 г. дистанцированность между политикой и наукой. Социальные и политические науки были в значительной мере поглощены своим кадровым и институциональным восстановлением или даже переучреждением [Hohn, Schimank, 1990, S. 303 f], а политическая наука к тому же культивировала нормативное и «сознательно отстраненное от практики» («*praxisabstinenten*») самосознание в качестве некоей «науки о демократии». Вместе с тем правительство и управленческие органы в сфере получения информации и знаний, как

и раньше, в основном полагались на опыт управленческой элиты и данные своих статистических служб [Wollmann, 1989, p. 239 f.].

В течение 1950-х годов федеральные министерства, как правило, получали консультации от близких к правительству «научных советов». В 1963 г. по образцу американского Совета экономических консультантов был учрежден (независимый) Экспертный совет по оценке политики экономического развития.

В течение 1960-х годов политические дискуссии во все возрастающей мере определялись убеждением, что послевоенный восстановительный период в основном завершился и для обеспечения международной конкурентоспособности должны быть предложены радикальные реформы¹. Тревожные заявления Георга Пихта в 1964 г. о грозящей «образовательной катастрофе» были восприняты за пределами образовательной сферы как предзнаменование. Возникшая в 1969 г. социально-либеральная коалиция во главе с Вилли Брандтом объявила о широкой «политике внутренних реформ», которая включала всеобъемлющую модернизацию политико-управленческих структур и введение и использование новых плановых, информационных и оценочно-политических процедур.

Здесь можно отметить влияние политико-концептуальных и политико-инструментальных импульсов из США, где в середине 1960-х годов при президентах Кеннеди и Джонсоне были начаты масштабные программы государственных социальных реформ, в особенности программа «Война с бедностью» (War on Poverty).

Одновременно в США была начата модернизация системы политико-административной деятельности, которая включала внедрение систем информации и планирования (программирование, планирование, бюджетирование) в министерствах, а также оценку программ реформирования. В их основе лежали представления о «рациональной» политике и политическом цикле, включающие концепцию триадической последовательности (планирование / реализация / эффект), в которой оценка политики имеет стратегически важную функцию и как способ анализа, и как результирующая фаза цикла кибернетической обратной связи. Идея «онаучивания» политики нашла свое красноречивое выражение в призыве

¹ Об этом далее см.: [Hellstern, Wollmann, 1984 b, S. 33 ff.; Stockmann, 2006 a, S. 29 ff].

Дональда Кэмпбелла к реформам как экспериментам [Campbell, 1969], а свое практическое воплощение – в серии самих социальных экспериментов [более подробно см.: Hellstern, Wollmann, 1983, S. 25 ff.]. Именно эти предвосхищающие примеры из США как в концептуальном, так и в институциональном плане повлияли, как мы покажем ниже, на состоявшийся в конце 1960-х годов прорыв в оценке политики и в оценочно-политических исследованиях в ФРГ.

Драматическое переопределение отношений политики / управления и социальной науки

Обрисованные выше и характеризовавшиеся в немецкой государственной и научной традиции отношения взаимного дистанцирования между политико-управленческим миром, с одной стороны, и миром науки – с другой, в течение 1960-х годов решительно изменились. Правительство, политика и управление стали искать консультирование и информационную поддержку в научных исследованиях, а науки (социальные и политические) продемонстрировали интерес к проведению таких консультационных исследований. Показательный пример такого поворота и прорыва дает проектная Группа правительственных и административных реформ (PRV), образованная федеральным правительством в 1968 г. В нее были назначены ряд известных социологов (среди них Фриц В. Шарфф и Рената Майнц), и она стала представлять собой едва ли привычное ранее в немецкой политике явление – «реформаторскую коалицию»¹, состоящую из политиков и социальных ученых. Хотя влияние мнений и рекомендаций, разработанных группой PRV, первоначально оставалось весьма скромным. Тем не менее долгосрочные эффекты группы PRV можно увидеть в дальнейших исследованиях и публикациях работавших в ней ученых. Это можно проследить на примере Ханса-Ульриха Дерлиена, который на основе своего научного сотрудничества с группой написал диссертацию на тему «Контроль успешности государственного планирования. Эмпирическое исследование организации, метода и

¹ О реформаторской коалиции см.: [Wollmann, 1984; Wittrock, Wagner, Wollmann, 1991, S. 43].

оценки программ» [Derlien, 1976]. Он сыграл в дальнейшем важную роль в концептуализации и распространении оценочно-политических исследований (определяемых им как «исследование программ») [Derlien, 1990 a; Derlien, 1990 b; Derlien, Rist, 2002], а в 1981 г. активно участвовал в создании Общества по исследованию программ [Derlien, 1981].

Глубокие изменения исследовательского ландшафта в связи с подъемом оценочно-политических исследований

Так как у политиков и управленцев на федеральном, земельном и коммунальном уровнях были весьма ограниченные квалификационные и кадровые возможности для реализации нового интереса к оценке политики своими силами, с конца 1960-х годов речь шла о том, чтобы проводить исследования на основе «контрактов» [Wollmann, 2002 b] и привлечения государственного субсидирования (на федеральном уровне – так называемые ведомственные исследовательские фонды). Тем самым был создан новый рынок исследовательских субсидий, который институционально существенно изменил исследовательский ландшафт.

До этого исследования в области социальных и политических наук, следуя императиву Гумбольдта о единстве преподавания и исследований, в основном осуществлялись в университетах (или в качестве прикладных политических и социальных исследований в квазигосударственных исследовательских институтах, таких как основанный в 1969 г. Научный центр в Берлине или основанный в 1984 г. в Кёльне Институт по изучению общества Макса Планка). Теперь же расширяющийся рынок исследований по контрактам привел к созданию и распространению неуниверситетских, в основном частных организаций (преимущественно консалтинговых и маркетинговых) [Hellstern, Wollmann, 1984 a, S. 70 ff.; Stockmann, 2006 a, S. 37].

Примеры областей активного развития оценочно-политических исследований

Далее оценочно-политические исследования иллюстрируются на примере нескольких областей политики.

Образовательная политика. В Федеративной Республике Германии оценочно-политические исследования получили мощный импульс в области образовательной политики еще в середине 1960-х годов, когда в федеральной и земельной политике приобрела актуальность реформа школьной системы. По соглашению между федеральным правительством и землями в 1965 г. был создан совет по образованию, чей подкомитет «Экспериментальные программы», в который входили многочисленные ученые-педагоги, стал двигателем экспериментальной политики в области школьного образования, вдохновленной соответствующим американским образцом.

В июле 1968 г. Комиссия по образованию утвердила рекомендации по «Проведению экспериментов в школах полного учебного дня», в их рамках с конца 1960-х до начала 1980-х годов во многих землях проводились эксперименты, предусматривавшие большие расходы на оценку политики и финансировавшиеся за счет федерального центра и земель. Всего было проведено 78 оценочно-политических исследований [Hellstern, Wollmann 1983, S. 13 ff.; Stockmann, 2006 a, S. 31].

Эти исследования были неоднородными из-за различных методологических подходов, процедур, а также из-за различия интересов участвовавших земель, и окончательного и общепризнанного суждения о «протестированной» новой форме школ вынесено не было. Тем не менее эта «волна эмпирических исследований школ в Германии» [Büeler, 2006, S. 265], которая до сих пор остается крупнейшей, концептуально и методологически имела большое влияние «далеко за пределами исследований в области образования» [Stockmann, 2006 a, S. 31].

Другие области экспериментальной политики. После успешного применения экспериментального подхода в немецкой образовательной политике в середине 1960-х годов с начала 1970-х годов он стал применяться и в других достаточно крупных и методически и эмпирически сложных «экспериментальных» проектах (например, исследование одноступенчатого обучения юриспруденции «Темпо 100»)¹. Кроме того, экспериментальные процедуры стали частью законодательных предложений на федеральном уровне и уровне земель, где нормативные акты вводились в действие на

¹ Обзор и дискуссии об этом см.: [Hellstern, Wollmann, 1983; Experimentelle Politik, 1983].

ограниченное время (sunset legislation – так называемое законодательство с ограниченным сроком) и проходили оценку политики [Gesetzgebungslehre ..., 1986; Wollmann, 1986, с примерами]. Карл Бюре и его коллеги с начала 1980-х годов придерживались экспериментального подхода, подвергая отдельные законодательные проекты (реальным) практическим тестам [Büret, Hugger, 1980] и развивая концепции оценки политики (ex-ante – и ex-post¹) и регулирующего воздействия законов [Konzendorf, 2011].

Политика развития. На начальном этапе институционализации оценки политики особую роль сыграло Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития (BMZ). В начале 1970-х годов оно начало разрабатывать многостороннюю систему оценки политики в области политики развития, и уже в 1971 г. там была создана инспекционная группа, а позднее и Агентство по контролю производительности (называемое также оценочно-политическим подразделением) [Lorz, 1984, S. 293]. С самого начала его задачей было «проверять эффективность сотрудничества Германии в области развития посредством оценки реализованных проектов, программ и используемых при этом инструментов» [Stockmann, 2006 b, S. 379 и др.].

Городская строительная политика. Наконец, в качестве показательного примера можно привести Федеральное министерство строительства и градостроительства (BMVBau), которое с начала 1970-х годов в ходе расширения программ в области градостроительства и жилищной политики и принятия соответствующих законов инициировало их оценку. Так, было подготовлено вводное методическое исследование по оценке политики, включавшее обзор состояния соответствующей международной дискуссии и опыта [Hellstern, Wollmann, 1978; Wollmann, Hellstern, 1977]. В тесной увязке с подходами «экспериментальной политики» была разработана Программа экспериментальной политики жилищного и городского строительства с многочисленными исследованиями и модельными проектами, которые были предметом сопутствующего оценочно-политического исследования [Wollmann, 1990]. Кроме того, чтобы подготовить и проанализировать свою законодательную работу, Министерство строительства провело исследования,

¹ Ex-ante – предварительные оценочно-политические исследования; ex-post – исследования постфактум. – *Прим. пер.*

которые концептуально находились на пересечении между ex-post оценкой политики, реализацией / имплементацией и изучением юридических фактов¹.

**Оценочно-политические исследования
как «исследования по контрактам» между научной
автономией и внешним контролем**

В оценочно-политических исследованиях с момента их появления и развития как варианта прикладных и практико-ориентированных политических и социальных исследований, и особенно как контрактных исследований (contractual research), в качестве основного часто обсуждался этический и методологический вопрос об их интеллектуальной и институциональной независимости и научной объективности [Wollmann, 2002 b]. Оба этих притязания обычно ставятся под сомнение или опровергаются многими разными способами.

В то время как фундаментальные (академические) исследования при выборе областей изучения, вопросов и методов (в идеале) могут себе позволить руководствоваться базовым пониманием самостоятельности и самоопределения научных исследований и императивом (незаинтересованного) поиска истины, то оценочно-политическое исследование, будучи часто контрактным исследованием, по существу, характеризуется отношением между клиентами и подрядчиками, где первые, как правило, определяют соответствующее ведение исследовательского проекта (его предметную область, вопросы, возможно, методы, сроки и т.д.), а вторые часто находятся в (финансовой) зависимости, что выражают поговоркой «кто платит, тот и заказывает музыку».

¹ Как пример концептуального и эмпирического применения метода «изучения юридических фактов к практике разрешений на строительство» см.: [Wollmann, 1982]. Как пример концептуального пересечения оценки законов и изучения юридических фактов см. также: [Konzendorf, 2009, S. 135]. В качестве личного замечания можно отметить, что названные (и другие оценочно-политические проекты) Министерства строительства осуществлялись Институтом исследования города и градостроительной политики, среди основателей которого в 1974 г. был и автор (и связан с ним до сих пор). Об этом см.: [Wollmann, 2017].

Таким образом, в оценочно-политических исследованиях возможно поглощение («втягивание») познавательных задач практическими (epistemic drift) [Elzinga, 1985], а также «колонизация» таких исследований политическими и практическими интересами [Wittrock, Wagner, Wollmann, 1991, p. 57 ff.; Wollmann, 2002 b]. Конкретные оценочно-политические исследования по контрактам – например, в школьных экспериментах и в экспериментальном городском планировании – также давали повод обсуждать их этические и методологические проблемы [Lutz, 1983; Wollmann, 1990]. В этом вопросе было проведено различие между «классическим» (ex-post – оценочным), или дистанционно-аналитическим, и «интервенционистским» [Lutz, 1983] вариантами исследований. В последнем активное участие оценщика в оцениваемом проекте (и его успехе) имеет приоритет, а научная строгость и независимость исследования ему сознательно подчинены. Здесь мы находим отчетливое пересечение с имеющими место в социальных науках так называемыми исследованиями деятельности (action research) [Kritz, 2004].

Промежуточный итог фазы «прорыва»

В развитии оценочно-политических исследований с 1960-х годов можно условно выделить две фазы, или «волны». В своей стартовой (kick-off) фазе до середины 1970-х годов оценка политики, отражавшая реформационный и планово-эйфорический контекст, имела в поле зрения, прежде всего, улучшение действенности (outcome) государственной политики и программ. С середины 1970-х годов в ответ на экономические и бюджетные кризисы, начавшиеся в 1973 г. после (первого) нефтяного ценового шока (недолговечный), реформистский оптимизм был заменен «отрезвленным планированием» и усилением неолиберальной политики бюджетной консолидации. Оценка политики в первую очередь стала ориентироваться на задачу сокращения и минимизации затрат на производство. Перед оценкой политики в качестве первоочередной ставилась задача сокращения и минимизации расходов (input). [Hellstern, Wollmann, 1984 a, S. 48 ff.; Filsinger, 2016, S. 2 ff].

На этапе прорыва на обсуждение оценки политики в Германии значительное влияние оказало восприятие значимой амери-

канской литературы и американского практического опыта [Weiss, 1974; Rossi, Freeman, Hofmann, 1988]. Кроме того, можно назвать изданный по итогам международной конференции, организованной Хельштерном и Вольманом в Свободном университете Берлина, сборник [Evaluation research and practice ..., 1981] (со статьями, в том числе Росси, Фримана и Соломона, Хэйли), сборник / антологию [Wulf, 1972], а также статьи [Kromrey, 1995; Kromrey, 2003]. В качестве учебников следует указать на [Wittmann, 1985; Wottawa, Thierau, 1990 (2003)].

Важным дискуссионным форумом стало Общество исследования программ, основанное в 1981 г. Гансом-Ульрихом Дерлиеном [Derlien, 1981], ежегодные собрания которого регулярно привлекали исследователей оценки политики и администраторов и имели результатами регулярно публиковавшиеся «Отчеты о семинаре» («Werkstatt berichten»).

Дискуссии 1980-х годов представлены в том числе в публикациях [Handbuch zur Evaluierungsforschung, 1984] (о федеральном уровне), [Hellstern, Wollmann, 1984 b; Evaluierung und Erfolgskontrolle in Kommunalpolitik..., 1984] (о муниципальном уровне) и [Experimentelle Politik..., 1983; Hellstern, Wollmann, 1983] (об «экспериментальной политике»). На международном уровне ФРГ, наряду со Швецией и Великобританией, была в Европе пионером оценочно-политических исследований. О состоянии в 1980-е годы см.: [Levine, 1981; Wagner, Wollmann, 1986 a; Stockmann, 2000], а о состоянии в 1990-е годы см.: [International atlas of evaluation, 2002; Furubo, Sandahl, 2002; Derlien, Rist, 2002; Evaluation in public sector-reform..., 2003; Wollmann, 2003 b; Wollmann, 2007].

Фаза консолидации оценочно-политических исследований с середины 1990-х годов

С 1990-х годов оценочно-политические исследования благодаря многим факторам получили созидательные импульсы к дальнейшему тематическому, концептуальному и институциональному развитию и консолидации.

Стимулы и примеры областей исследования

Новый публичный менеджмент (New Public Management (NPM)). Концепция нового государственного (публичного) менеджмента (НПМ), которая доминировала в международном обсуждении комплексной административной модернизации с 1980-х годов [Pollitt, Bouckaert, 2011; Kuhlmann, Wollmann, 2013], а с начала 1990-х годов нашла применение в Германии, прежде всего на муниципальном уровне [Reichard, 1994], дала дополнительный импульс оценке политических и административных действий. В этом отношении (идея) оценочно-политического цикла – с его комбинированием анализа и (кибернетической) обратной связью – сыграла стратегически важную роль. Она служит не только способом текущей аналитической оценки внешних результатов деятельности организации, но также инструментом постоянного наблюдения (мониторинга) и обратной связи внутренних (административных) процессов организации. Здесь свойственные НПМ кибернетические и основанные на определенных показателях методы оценки политики применяются не только в административном секторе, но также, благодаря комплексности оценки политики, оказывают влияние на другие области политики и их оценку. В связи с изменениями, вызванными этим концептуальным стимулом, стали говорить о «третьей» волне оценки политики [Wollmann, 2003 a]. Сходным образом НПМ и на международном уровне характеризовался как «наиболее важная движущая сила» (the most important driving force) [Meyer, Stockmann, 2016, p. 346] для актуального и будущего развития оценочно-политических исследований.

Что касается оценки административной модернизации, то обсуждение подходящих для этого концепций и методов началось в начале 1990-х годов [Wollmann, 2002 a; 2006; Kuhlmann, 2009]. При этом была выявлена релевантность для оценки политики реформ транзакционных издержек [Kuhlmann, Wollmann, 2006]. Здесь в качестве первых значимых эмпирических оценочно-политических исследований следует указать [Jaedicke, Thrun, Wollmann, 2000; Zehn Jahre Neues Steuerungsmodell, 2007; Kuhlmann, Bogumil, Grohs, 2008].

Оценка программ помощи Европейского союза. Сильный импульс для дальнейшего развития оценочно-политических исследований в Германии (и во всем ЕС) был получен с начала 1990-х

годов, когда Европейский союз в связи с реформой структурных фондов в 1988 г. ввел программный подход для всех видов структурной поддержки, а государства-члены приняли обязательства проводить оценку финансируемых ЕС программ и мероприятий [Grajewski, Meyer, 2014, p. 38]. Начиная с первого пятилетнего периода оказания финансовой помощи (1994–1999) требовалась периодическая и систематическая оценка программ структурных фондов, предусматривающая строгую (словно в учебнике) последовательность: предварительная оценка, текущая (среднесрочная) оценка и итоговая оценка (Ex-ante-, On-going- (mid term) und Ex-post) [Leeuw, 2006, p. 75 ff.; Schwab, 2009, p. 409 ff.].

В возникшей под влиянием ЕС системе оценки политики, представляющей собой труднообозримую сеть национальных и наднациональных оценочно-политических институтов и исследователей, действует в значительной мере и немецкое сообщество оценки политики, состоящее преимущественно из «свободных, в основном частных или так называемых институционально организованных исследовательских учреждений» [Schwab, 2009, p. 410] и действующих как по заказам федеральных земель, так и по заказам Еврокомиссии в составе международных консорциумов.

Оценка исследовательских учреждений. Под влиянием многочисленных оценок, которые после 1990 г. проводил Совет по науке в ходе «реструктуризации» («Abwicklung») науки в бывшей ГДР, в дальнейшем и в «старой» ФРГ стал оцениваться широкий круг исследовательских учреждений [Kuhlmann, 2006; Kuhlmann, 2009 (с подтверждениями)]. Так, в конце 1990-х годов были проведены так называемые системные оценки институтов Общества Макса Планка, Общества Фраунгофера, Научного сообщества Г.В. Лейбница (институты из так называемого *голубого списка*), а также исследовательские центры Ассоциации Гельмгольца (каждый с тысячами ученых и миллиардами евро в бюджете).

Школьный сектор. Как указывалось ранее, школьный сектор был пионером в развитии оценки политики в Германии в середине 1960-х годов в рамках политики школьных экспериментов. В начале 2000-х годов школьный сектор испытал новый импульс для оценки политики в силу того, что федеральные земли принимали участие в инициированных ОЭСР международных сравнительных исследованиях школьного образования (PISA) [Büeler, 2006; Maag, Merki,

2009, p. 159]. Об этих и других статьях, посвященных оценке школьной политики, см.: [Maag, Merki, 2009, S. 161; Fraiss, Renz, 2014].

Политика на рынке труда. В качестве «всеохватывающего проекта оценки рынка труда в Германии» [Wagner, 2009, S. 122] следует выделить так называемую оценку политики «Хартц-IV», которая проводилась в многосторонней увязке с реформами рынка труда и социальными реформами в начале 2000-х годов (Hartz-IV-Reformen) при участии более 100 ученых из 20 научных учреждений с бюджетом финансирования более 10,3 млн евро [Heyer, 2006, S. 468; Bangel, Brinkmann, Deeke, 2006].

Политика развития. Оценки политики, проводимые непосредственно или по контрактам Федеральным министерством экономического сотрудничества и развития (BMZ) с начала 1970-х годов, были в основном направлены на отдельные проекты. В связи с этим его стратегия оценки политики в течение нескольких лет была направлена на то, чтобы полученные знания об оценке политики использовать в межотраслевых оценочно-политических исследованиях (или так называемых метаоценках политики) и тем самым обобщать и извлекать из них общие рекомендации и критерии, которые служили бы средствами принятия решений при выборе, планировании и реализации аналогичных проектов в будущем [Stockmann, 2006 a, S. 38]. С образованием в 2012 г. Немецкого института оценок политики развития (Entwicklungsevaluierung) обеспечивается должная независимость оценок политики в этой области [Neubert, Mack, Roxin, 2014, S. 67 ff.].

Исследование последствий принятия законов. Учитывая начатую в 1980-х годах работу [Bühret, Hugger, 1980], в 2004 г. «Оценка последствий принятия законов» была закреплена в § 44 Общих процедурных правил федеральных министерств. В дополнение к предполагаемым и побочным эффектам они включают оценку затрат государственных и муниципальных бюджетов, затрат экономики и влияния на потребителей [Konzendorf, 2011, S. 137]. Чтобы предварительно (Ex-ante) оценивать расходы на бюрократию, в 2006 г. был создан Национальный совет по надзору за законодательным регулированием.

Институциональная консолидация оценочно-политических исследований

В течение 1990-х годов в области оценочно-политических исследований было сделано много важных шагов по институционализации и профессиональной консолидации.

После того как по примеру американского Общества оценок политики в 1988 г. появилось и Европейское общество оценок политики, в 1997 г. было основано Немецкое общество оценок политики (DeGEval). Говоря об «оценочно-политических сообществах» в Германии и Австрии, следует отметить, что DeGEval была одной из первых национальных оценочно-политических ассоциаций в Европе. За год до этого было создано Швейцарское общество оценки политики (SEVAL). Оба этих события стали вехами на пути к институционализации и профессионализации оценочно-политических исследований в Германии, Австрии и Швейцарии [Stockmann, 2006 a, S. 37]. В самом DeGEval образовались 17 исследовательских рабочих групп [Evaluation in Deutschland und Österreich, 2014; Arbeitsfelder..., 2014, S. 215]. Ежегодные конференции DeGEval с семинарами рабочих групп вносят значительный вклад в продвижение профессионального дискурса и профессиональной самооценки немецкого и австрийского оценочно-политических сообществ. Время от времени DeGEval и SEVAL организуют совместные встречи для поощрения и выпуска сравнительных исследований и сборника совместных публикаций [Evaluation. Ein systematisches Handbuch ..., 2009] объемом приблизительно в 600 страниц, который после совместного заседания двух национальных ассоциаций дает широкий обзор о состоянии оценочно-политических исследований в Германии, Австрии и Швейцарии.

Важным форумом для обсуждений на протяжении многих лет было Общество исследования программ (GfP), которое упоминалось ранее. Оно было основано в 1981 г. по инициативе Ханса-Ульриха Дерлиена и с тех пор организывает ежегодные конференции (до настоящего времени более 30). Оно объединяет оценщиков политики и практиков, а также обсуждает темы, имеющие отношение к оценке политики. Доклады и итоговые обсуждения этих конференций регулярно публикуются [Better Regulation ..., 2009; Qualität und Ergebnis öffentlicher Programme ..., 2007; Wie lernt Politik ..., 2006].

Начиная с 2002 г. дважды в год издается «Журнал оценки политики» (*Zeitschrift für Evaluation*), который является единственным (в немецкоязычных странах) специализированным профессиональным журналом по распространению и признанию знаний об оценке политики [Stockmann, 2002; 2006 a, S. 32].

Наконец, важным вкладом в институционализацию и профессионализацию исследований в области оценки в Германии было создание в 2002 г. Центра оценки политики (CEval) по инициативе и с помощью Рейнхарда Штокмана в Университете Саара для обучения и практической работы в области оценки политики [Filsinger, 2016, S. 5]. По случаю своего десятилетия Центр организовал международную конференцию, результатом которой стала антология под названием «Будущее оценки политики, глобальные тенденции и др.» [The future of evaluation..., 2016].

Последовательным продолжением этого стало создание в 2004 г. (и снова по инициативе Рейнхарда Штокмана) в Саарском университете и Саарской высшей школе экономики и техники совместного междисциплинарного учебного курса последипломного образования, по завершении которого впервые в Германии стала присуждаться ученая степень «магистр оценки политики». В связи с такой комбинацией исследовательского центра и профессионального учебного курса Саарский университет занимает в области оценочно-политических исследований в Германии особое место.

Оценочно-политические исследования между независимостью и внешним контролем

Хотя проблема независимости исследований оценки политики и их одновременной зависимости как зачастую исследований по контрактам [Wollmann, 2002 b] оживленно и критически (например, в виде «эпистемического дрейфа» или «колонизации») обсуждалась с самого начала, эти вопросы ввиду быстрого роста оценочно-политических исследований и усиления их «дисциплинарной» специализации и фрагментации вновь и еще более активно включаются в повестку обсуждений.

В недавней дискуссии угроза исследовательской этике и научно-методологической независимости оценочно-политических исследований как контрактных исследований обсуждалась прежде

всего как утрата ими «научности» [Meyer, Stockmann, 2016, S. 356] ввиду потери методологической и научной строгости. Укрепить их научный статус, как ожидается, может развитие их институциональных и концептуальных связей с университетскими исследованиями¹.

Как и в предыдущей дискуссии об оценочно-политических исследованиях и об их «интервенционистском» (*intervenierende*) варианте [Lutz, 1983], вопрос о научной независимости оценочно-политических исследований с особой остротой возникает в контексте таких подходов к оценке, в которых речь идет, прежде всего, о применимости и приемлемости результатов оценки политики, а также в которых устанавливается тесное сотрудничество заинтересованных в оценке политики сторон («заинтересованных сторон»). Такие подходы имеют место в терминологически и концептуально немного различающихся вариантах (таких как оценка политики, ориентированная на использование [Patton, 1997], оценка политики прагматического применения [Mertens, 2016, p. 217], подход критикующего друга [Balthasar, 2012, p. 173] или другие «партиципативные» варианты). В связи с этим утверждается, что риск научного «размывания» может быть компенсирован «расширенным использованием в проектах смешанных методов, больше подходящих для ответа на сложные вопросы» [Mertens, 2016].

На фоне этих разнообразных этических и методологических проблем исследования DeGEVal в 2002 г. приняло «Стандарты оценки политики», основанные на «Руководящих принципах для оценщиков политики», принятых Американским обществом оценки в 1994 г. [DeGEval, 2002]. Они среди прочего предусматривают установление и подтверждение признанных этических и методологических принципов оценочно-политического исследования в отношениях между (заключающими контракт) исследователями и (заключающими контракт) политиками [Stockmann, 2006 a, S. 39].

¹ Подробная дискуссия об «оценке политики между наукой и утилитарностью» см.: [Stockmann, Meyer, 2016 b].

Заключение

Распространение и консолидация исследований в области оценки политики в Германии были обусловлены рядом факторов начиная с 1990-х годов. Прежде всего – международным, если не глобальным, доминированием тренда модернизации политики и управления, вдохновленного новым государственным (публичным) менеджментом [Meyer, Stockmann, 2016, S. 331 ff.], а также процедурами оценки политики, предписанными ЕС для его программ структурной поддержки. Основание DeGEval 20 лет назад стало важной вехой в институционализации, квалификации и профессионализации политики в Германии и Австрии.

Текущий статус оценочно-политических исследований в Германии и Австрии впечатляюще задокументирован в двух томах, созданных в контексте DeGEval, а именно в [Evaluation. Ein systematisches Handbuch..., 2009], где немецкое и австрийское развитие сравнивается со швейцарским, и в [Arbeitsfelder..., 2014] с соответствующими отчетами рабочих групп DeGEval.

Кроме того, самые последние доклады конференции Общества исследования программ представляют наиболее актуальные темы. И наконец, последнее, но не менее важное, это материалы двухгодичного «Журнала оценки политики», являющиеся незаменимым источником информации о текущих достижениях науки и практики.

Postskriptum

По причинам нехватки места этот обзор не включает важные вопросы применения и использования результатов оценки в политике, администрации и обществе. Здесь можно указать статьи сборника [Forschung über Evaluation..., 2013], которые недавно были опубликованы рабочей группой DeGEval, на [Wollmann, 2013], и на совсем недавние соответствующие статьи в [The future of evaluation..., 2016; Stockmann, Meyer, 2016].

Благодарности. Автор благодарит всех рецензентов черновой версии этого эссе за полезную текстовую и содержательную информацию и предложения.

Перевод с немецкого В.С. Авдонина

Список литературы

- Arbeitsfelder und Herausforderungen der Evaluation / W. Böttcher, C. Kerlen, P. Maats, O. Schwab, S. Sheikh // Evaluation in Deutschland und Österreich / W. Böttcher, C. Kerlen, P. Maats, O. Schwab, S. Sheikh (Hrsg.). – Münster: Waxmann, 2014. – S. 7–14.
- Balthasar A. Fremd- und Selbstevaluation kombinieren: der «Critical Friend Approach» als Option // Zeitschrift für Evaluation. – 2012. – Jg. 11, Heft 2. – S. 173–192.
- Bangel B., Brinkmann C., Deeke A. Evaluation von Arbeitsmarktpolitik // Evaluationsforschung / R. Stockmann (Hrsg.). – 3 Aufl. – Münster: Waxmann, 2006. – S. 311–344.
- Better Regulation: Bessere Institutionen und Normen als Voraussetzung für erfolgreiches Regieren / Gesellschaft für Programmforschung (Hrsg.). – Lohmar: Eul, 2009. – 222 S.
- Beyme K. von. Policy Analyse und traditionelle Politikwissenschaft // Policy-Forschung in der Bundesrepublik Deutschland. Ihr Selbstverständnis und ihr Verhältnis zu den Grundfragen der Politikwissenschaft / H.-H. Hartwich (Hrsg.). – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1985. – S. 7–29.
- Böhret C., Hugger W. Der Praxistest von Gesetzentwürfen: am Beispiel d. Referentenentwurfs e. Jugendhilfegesetzes. – Baden-Baden: Nomos, 1980. – 162 S.
- Büeler X. Qualitätsevaluation und Schulentwicklung // Evaluationsforschung / R. Stockmann (Hrsg.). – 3. Aufl. – Münster: Waxmann, 2006. – S. 260–288.
- Campbell D. Reforms as experiments // American psychologist. – 1969. – Vol. 24, N 4. – P. 409–429.
- DeGEval. Standards für Evaluation. – Köln: Geschäftsstelle DeGEval, 2002. – Zugriffsmodus: <https://www.degeval.org/?id=135> (zugegriffen: 11.12.2019.)
- Derlien H.-U. Genesis and structure of evaluation efforts in comparative perspective // Program evaluation and the management of government / R.C. Rist (ed.). – New Brunswick; L.: Transaction, 1990 b. – P. 147–176.
- Derlien H.-U. Die Erfolgskontrolle staatlicher Planung, Eine empirische Untersuchung über Organisation, Methode und Politik der Programmevaluation. – Baden-Baden: Nomos, 1976. – 177 S.
- Derlien H.-U. Program evaluation in the Federal Republic of Germany // Program evaluation and the management of government / R.C. Rist (ed.). – New Brunswick; L.: Transaction, 1990 a. – P. 37–52.
- Derlien H.-U. Stand und Entwicklung der Programmforschung in der öffentlichen Verwaltung // Programmforschung in der öffentlichen Verwaltung, Werkstattbericht 1 der Gesellschaft für Programmforschung / H.-U. Derlien (Hrsg.). – München, 1981. – S. 5–45.
- Derlien H.-U., Rist R.C. Policy evaluation in international comparison // International atlas of evaluation / J.-E. Furubo, R. Rist, R. Sandahl (eds). – New Brunswick; L.: Transaction, 2002. – P. 425–456.
- Dierkes M., Knie A., Wagner P. Die Diskussion über das Verhältnis von Technik und Politik in der Weimarer Republik // Leviathan. – 1988. – Jg. 16, Heft 1. – S. 1–23.

- Elzinga A.* Research bureaucracy and the drift of epistemic criteria // The university research system / B. Wittrock, A. Elzinga (eds). – Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1985. – P. 191–220.
- Evaluation in Deutschland und Österreich / W. Böttcher, C. Kerlen, P. Maats, O. Schwab, S. Sheikh (Hrsg.). – Münster: Waxmann, 2014. – 219 S.
- Evaluation in public sector-reform: concepts and practice in international perspective / H. Wollmann (Hrsg.). – Cheltenham: Edward Elgar, 2003. – 269 p.
- Evaluation research and practice. Comparative and international perspectives / R.A. Levine, M.A. Solomon, G.-M. Hellstern, H. Wollmann (Hrsg.). – Beverly Hills; L.: Sage, 1981. – 254 p.
- Evaluation. Ein systematisches Handbuch / T. Widmer, W. Beywl, C. Fabian (Hrsg.). – Wiesbaden: Springer, 2009. – 636 S.
- Evaluierung und Erfolgskontrolle in Kommunalpolitik und -verwaltung / G.-M. Hellstern, H. Wollmann (Hrsg.). – Basel: Birkhäuser, 1984. – 680 S.
- Experimentelle Politik – Reformstrohfeuer oder Lernstrategie. Bestandsaufnahme und Evaluierung / G.-M. Hellstern, H. Wollmann (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1983. – 556 S.
- Filsing D.* Ten years of the center for evaluation // The future of evaluation / R. Stockmann, W. Meyer (eds). – Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 2–8.
- Forschung über Evaluation. Bedingungen, Prozesse und Wirkungen / J. Hense, S. Rädiker, W. Böttcher, T. Widmer (Hrsg.). – Münster: Waxmann, 2013. – 282 S.
- Frais M., Renz M.* Evaluation im Schulbereich // Evaluation in Deutschland und Österreich / W. Böttcher, C. Kerlen, P. Maats, O. Schwab, S. Sheikh (Hrsg.). – Münster: Waxmann, 2014. – S. 89–99.
- Freeman H., Solomon M.A.* The next decade of evaluation research // Evaluation research and practice. Comparative and international perspectives / Levine R.A., Solomon M.A., Hellstern G.-M., Wollmann H. (eds). – Beverly Hills; L.: Sage, 1981. – P. 12–27.
- Furubo Jan-E., Sandahl R.* A diffusion perspective on global developments in evaluation // International atlas of evaluation / J.-E. Furubo, R. Rist, R. Sandahl (eds). – New Brunswick; L.: Transaction, 2002. – P. 1–26.
- Gesetzgebungslehre. Grundlagen – Zugänge – Anwendung / W. Schreckenberger, K. König, W. Zeh, E. Baden (Hrsg.). – Stuttgart: Kohlhammer, 1986. – 201 S.
- Grajewski R., Meyer S.* Stand der Evaluation in der Strukturpolitik // Evaluation in Deutschland und Österreich / W. Böttcher, C. Kerlen, P. Maats, O. Schwab, S. Sheikh (Hrsg.). – Münster: Waxmann, 2014. – S. 37–59.
- Handbuch zur Evaluierungsforschung / G.-M. Hellstern, H. Wollmann (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. – Band 1. – 680 S.
- Hellstern G.-M., Wollmann H.* Bilanz – Reformexperimente, wissenschaftliche Begleitung und politische Realität // Experimentelle Politik – Reformstrohfeuer oder Lernstrategie / G.-M. Hellstern, H. Wollmann (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1983. – S. 1–78.
- Hellstern G.-M., Wollmann H.* Evaluierung und Erfolgskontrolle auf der kommunalen Ebene. Ein Überblick // Evaluierung und Erfolgskontrolle in Kommunalpolitik

- und -verwaltung / G.-M. Hellstern, H. Wollmann (Hrsg.). – Basel: Birkhäuser, 1984 b. – S. 10–45.
- Hellstern G.-M., Wollmann H.* Evaluierung und Evaluierungsforschung – ein Entwicklungsbericht // Handbuch zur Evaluierungsforschung / G.-M. Hellstern, H. Wollmann (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984 a. – Band 1. – S. 17–90.
- Hellstern G.-M., Wollmann H.* Sanierungsmaßnahmen. Städtebauliche und stadtstrukturelle Wirkungen (methodische Vorstudie). – Bad Godesberg: Schriftenreihe des BMBau, 1978. – 135 S.
- Heyer G.* Zielsetzung und Struktur der «Hartz-Evaluation» // Zeitschrift für Arbeitsmarktforschung. – 2006. – Jg. 30, Heft 3/4. – S. 467–476.
- Hohn H.-W., Schimank U.* Konflikte und Gleichgewicht im Forschungssystem. – Frankfurt; N.Y.: Campus Verlag, 1990. – 444 S.
- International atlas of evaluation / J.-E. Furubo, R. Rist, R. Sandahl (eds). – New Brunswick: Transaction, 2002. – 471 p.
- Jaedicke W., Thrun T., Wollmann H.* Modernisierung der Kommunalverwaltung. Evaluierungsstudie zur Verwaltungsmodernisierung im Bereich Planen, Bauen und Umwelt. – Stuttgart: Kohlhammer, 2000. – 280 S.
- Konzendorf G.* Gesetzesfolgenabschätzung // Handbuch zur Verwaltungsreform / B. Blanke, F. Nullmeierl, C. Reichard, G. Wewer (Hrsg.). – 4. Aufl. – Wiesbaden: VS, 2011. – S. 135–143.
- Konzendorf G.* Institutionelle Einbettung der Evaluationsfunktion in Politik und Verwaltung in Deutschland // Evaluation. Ein systematisches Handbuch / T. Widmer, W. Beywl, C. Fabian (Hrsg.). – Wiesbaden: VS, 2009. – S. 27–33.
- Kritz J.* Aktionsforschung // Lexikon der Politikwissenschaft / D. Nohlen, R.-O. Schultze (Hrsg.). – München: C.H. Beck, 2004. – Bd. 1. – S. 10–11.
- Kromrey H.* Evaluation in Wissenschaft und Gesellschaft // Zeitschrift für Evaluation. – 2003. – Jg. 2, Heft 1. – S. 93–116.
- Kromrey H.* Evaluation. Empirische Konzepte zur Bewertung von Handlungsprogrammen und die Schwierigkeiten ihrer Realisierung // Zeitschrift für Sozialforschung und Erziehungssoziologie. – 1995. – Jg. 15, Heft 4. – S. 313–336.
- Kuhlmann S.* Die Evaluation von Institutionenpolitik in Deutschland: Verwaltungsmodernisierung und Wirkungsanalyse im föderalen System // Evaluation. Ein systematisches Handbuch / T. Widmer, W. Beywl, C. Fabian (Hrsg.). – Wiesbaden: Springer, 2009. – S. 371–380.
- Kuhlmann S.* Evaluation in der Forschungs- und Innovationspolitik // Evaluationsforschung / R. Stockmann (Hrsg.). – 3. Aufl. – Münster: Waxmann, 2006. – S. 289–310.
- Kuhlmann S.* Evaluation von Forschungs- und Innovationspolitik in Deutschland – Stand und Perspektiven // Evaluation. Ein systematisches Handbuch / T. Widmer, W. Beywl, C. Fabian (Hrsg.). – Wiesbaden: Springer, 2009. – S. 283–294.
- Kuhlmann S., Bogumil J., Grohs S.* Evaluating administrative modernization in German local governments // Public administrative review. – 2008. – Jg. 68, Heft 5. – S. 851–863.
- Kuhlmann S., Wollmann H.* Transaktionskosten von Verwaltungsreformen – ein «missing link» der Evaluationsforschung // Public Management. Grundlagen, Wirkungen, Kritik / W. Jann, M. Röber, H. Wollmann (Hrsg.). – Wiesbaden: Springer, 2006. – S. 371–390.

- Kuhlmann S., Wollmann H.* Verwaltung und Verwaltungsreformen in Europa. – Wiesbaden: Springer, 2013. – 313 S.
- Lasswell H.D.* The policy orientation // Policy sciences / D. Lerner, H.D. Lasswell (Hrsg.). – Stanford: Stanford university press, 1951. – S. 3–15.
- Leeuw F.* Evaluation in Europe // Evaluationsforschung / R. Stockmann (Hrsg.). – 3. Aufl. – Münster: Waxmann, 2006. – S. 64–84.
- Levine R.A.* Program evaluation and policy analysis in Western Nations: an overview // Evaluation research and practice. Comparative and international perspectives / R.A. Levine, M.A. Solomon, G.-M. Hellstern, H. Wollmann (Hrsg.). – Beverly Hills; L.: Sage, 1981. – P. 12–27.
- Lorz R.E.* Das Inspektionsreferat des Bundesministeriums für wirtschaftliche Zusammenarbeit // Handbuch zur Evaluationsforschung / G.-M. Hellstern, H. Wollmann (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. – Bd. 1. – S. 289–301.
- Lutz B.* Zur Problematik programmbegleitender Sozialforschung // Experimentelle Politik – Reformstrohfeuer oder Lernstrategie / G.-M. Hellstern, H. Wollmann (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1983. – S. 258–261.
- Maag Merki K.* Evaluation im Bildungsbereich Schule in Deutschland // Evaluation. Ein systematisches Handbuch / T. Widmer, W. Beywl, C. Fabian (Hrsg.). – Wiesbaden: Springer, 2009. – S. 157–162.
- Maier H.* Die ältere deutsche Staats- und Verwaltungslehre. – München: C.H. Beck, 1980. – 353 P.
- Mertens D.M.* Institutionalizing evaluation in the United States of America // Evaluationsforschung / R. Stockmann (Hrsg.). – 3. Aufl. – Münster: Waxmann, 2006. – S. 47–63.
- Mertens D.M.* The role of evaluation in social change: perspectives on the future of evaluation from the USA // The future of evaluation. Global trends, new challenges, shared perspectives / R. Stockmann, W. Meyer (eds). – Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 214–217.
- Meyer W., Stockmann R.* Conclusion: shared perspectives or a united world of evaluation // The future of evaluation. Global trends, new challenges, shared perspectives / R. Stockmann, W. Meyer (eds). – Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 328–357.
- Neubert S., Mack D., Roxin H.* Vom Methodenstreit zum Methodenmix – Chronologie und Stand der Entwicklungsevaluierung in Deutschland // Evaluation in Deutschland und Österreich / W. Böttcher, C. Kerlen, P. Maats, O. Schwab, S. Sheikh (Hrsg.). – Münster: Waxmann, 2014. – S. 61–72.
- Patton M.Q.* Utilization-focused evaluation. The new century text. – 3-rd ed. – Thousand Oaks: Sage, 1997. – 448 p.
- Pollitt C., Bouckaert G.* Public management reform. – Oxford: Oxford university press, 2011. – 392 p.
- Qualität und Ergebnis öffentlicher Programme: Ein Werkstattbericht / D. Schimanke (Hrsg.). – Münster: Waxmann, 2007. – 230 S.
- Reichard C.* Umdenken im Rathaus: Neue Steuerungsmodelle in der deutschen Kommunalverwaltung. – Berlin: Edition Sigma, 1994. – 91 S.

- Rein M.* Comprehensive program evaluation // Evaluation research and practice. Comparative and international perspectives / R.A. Levine, M.A. Solomon, G.-M. Hellstern, H. Wollmann (Hrsg.). – Beverly Hills; L.: Sage, 1981. – S. 132–149.
- Rossi P.* The professionalization of evaluation research in the United States // Evaluation research and practice. Comparative and international perspectives / R.A. Levine, M.A. Solomon, G.-M. Hellstern, H. Wollmann (Hrsg.). – Beverly Hills; L.: Sage, 1981. – P. 220–236.
- Rossi P., Freeman H.* Evaluation. A systematic approach. – Thousand Oaks: Sage, 1993. – 488 p.
- Rossi P., Freeman H., Hofmann G.* Programm Evaluation. Einführung in die Methoden angewandter Sozialforschung. – Stuttgart: Enke, 1988. – 229 S.
- Schwab O.* Evaluierung von Raumordnungspolitik in Deutschland // Evaluation. Ein systematisches Handbuch / T. Widmer, W. Beywl, C. Fabian (Hrsg.). – Wiesbaden: Springer, 2009. – S. 403–413.
- Stockmann R.* Editorial. Zur Notwendigkeit und Konzeption einer deutschsprachigen «Zeitschrift für Evaluation» // Zeitschrift für Evaluation. – 2002. – Jg. 1, Heft 1. – S. 3–9.
- Stockmann R.* Evaluation in Deutschland // Evaluationsforschung / R. Stockmann (Hrsg.). – Opladen: Leske + Budrich, 2000. – S. 11–40.
- Stockmann R.* Evaluation in Deutschland // Evaluationsforschung / R. Stockmann (Hrsg.). – 3. Aufl. – Münster: Waxmann, 2006 a. – S. 15–46.
- Stockmann R.* Evaluation staatlicher Entwicklungspolitik // Evaluationsforschung / R. Stockmann (Hrsg.). – 3. Aufl. – Münster: Waxmann, 2006 b. – S. 378–414.
- Stockmann R., Meyer W.* Evaluation between science and utility // The future of evaluation. Global trends, new challenges, shared perspectives / R. Stockmann, W. Meyer (Hrsg.). – Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 238–253.
- The future of evaluation. global trends, new challenges, shared perspectives / R. Stockmann, W. Meyer (eds.). – Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016. – 393 p.
- Wagner G.* Evaluation in der Arbeitsmarktpolitik in Deutschland // Evaluation. Ein systematisches Handbuch / T. Widmer, W. Beywl, C. Fabian (Hrsg.). – Wiesbaden: Springer, 2009. – S. 117–126.
- Wagner P.* Sozialwissenschaften und Staat. Frankreich, Italien, Deutschland 1870–1980. – Frankfurt am Main: Campus, 1990. – 533 S.
- Wagner P., Wollmann H.* Beyond serving state and bureaucracy: problem-oriented social science in (west)Germany // Knowledge and policy. – 1991. – Vol. 4, N 1–2. – P. 56–88.
- Wagner P., Wollmann H.* Fluctuations in the development of evaluation research. Do «regime shifts» matter? // International social science journal. – 1986 a. – Vol. 38, N 2. – P. 205–218.
- Wagner P., Wollmann H.* Social scientists in policy research and consulting. Some cross-national comparisons // International social science journal. – 1986 b. – Vol. 38, N 4. – P. 601–617.
- Weiss C.H.* Evaluierungsforschung. Methoden zur Einschätzung von sozialen Reformprogrammen. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1974. – 193 S.

- Wholey J.S.* Using Evaluation to Improve Program Performance // *Evaluation Research and Practice. Comparative and International Perspectives* / R.A. Levine, M.A. Solomon, G.-M. Hellstern, H. Wollmann (eds). – Beverly Hills; L.: Sage, 1981. – P. 92–106.
- Wie lernt Politik? Voraussetzungen, Formen und Erfolge: Ein Werkstattbericht / D. Schimanke, A. Fischer, M. Bucksteed (Hrsg.). – Münster: Waxmann, 2006. – 168 S.
- Wittmann W.* Evaluationsforschung. Aufgaben, Probleme und Anwendungen. – Berlin: Springer, 1985. – 548 S.
- Wittrock B., Wagner P., Wollmann H.* Social science and the modern state: policy knowledge and political institutions in Western Europe and the United States // *Social science and the modern state* / P. Wagner, C. Hirschon Weiss, B. Wittrock, H. Wollmann (eds). – Cambridge: Cambridge university press, 1991. – S. 28–85.
- Wollmann H.* Contractual research and policy knowledge // *International encyclopedia of the social and behavioral sciences*. – Amsterdam: Elsevier, 2002 b. – Vol. 5. – P. 11574–11578.
- Wollmann H.* Evaluation in public sector reform. Trends, potentials and limits in international perspective // *Evaluation in public sector-reform* / H. Wollmann (ed.). – Cheltenham: Edward Elgar, 2003 b. – P. 231–258.
- Wollmann H.* Evaluation in public-sector reform. Towards a «Third wave» of evaluation? // *Evaluation in public sector-reform* / H. Wollmann (ed.). – Cheltenham: Edward Elgar, 2003 a. – P. 1–11.
- Wollmann H.* Evaluation und Verwaltungspolitik. Konzepte und Praxis in Deutschland und im internationalen Kontext // *Evaluationsforschung* / R. Stockmann (Hrsg.). – 3. Aufl. – Münster: Waxmann, 2006. – S. 207–233.
- Wollmann H.* Gesetzgebung als experimentelle Politik – Möglichkeiten, Varianten und Grenzen erfahrungswissenschaftlich fundierter Gesetzgebungsarbeit // *Gesetzgebungslehre. Grundlagen – Zugänge – Anwendung* / W. Schreckenberger, K. König, W. Zeh, E. Baden (Hrsg.). – Stuttgart: Kohlhammer, 1986. – S. 72–95.
- Wollmann H.* Kontrolle in Politik und Verwaltung: Evaluation, Controlling und Wissensnutzung // *Lehrbuch der Politikfeldanalyse 2.0* / K. Schubert, N. Brandelow (Hrsg.). – 2. Aufl. – München: Oldenbourg, 2009. – S. 379–400.
- Wollmann H.* Konzept und Methode der Begleitforschung // *Informationen zur Raumentwicklung*. – 1990. – Heft 10/11. – S. 563–575.
- Wollmann H.* Policy analysis in West Germany's federal government: a case of unfinished governmental and administrative modernization? // *Governance*. – 1989. – Vol. 2, N 3. – P. 233–263.
- Wollmann H.* Policy analysis. Some observations on the West German scene // *Policy sciences*. – 1984. – Vol. 17, N 1. – S. 27–48.
- Wollmann H.* Policy evaluation and evaluation research // *Handbook of public policy analysis* / F. Fischer, G.J. Miller, M.S. Sidney (Hrsg.). – Boca Raton: CRC Press, 2007. – S. 393–404.
- Wollmann H.* Soziologie zwischen Kaiserreich, Weimarer Republik und NS-Regime // *Geschichte der Universität Unter den Linden 1810–2010* / H.-E. Tenorth (Hrsg.). – Berlin: Akademie-Verlag, 2010. – Band 5. – S. 257–274.

- Wollmann H.* Spurensuche. Warum ich Politikwissenschaftler wurde und worüber ich arbeitete und schrieb // *Starke Kommunen – wirksame Verwaltung: Fortschritte und Fallstricke der internationalen Verwaltungs- und Kommunalforschung* / S. Kuhlmann, O. Schwab (Hrsg.). – Berlin: Springer, 2017. – S. 241–280.
- Wollmann H.* Untersuchungsansätze und Nutzungschancen einer Rechtstatsachenforschung im Städtebaurecht // *Informationen zur Raumentwicklung*. – 1982. – Heft 1. – S. 1–20.
- Wollmann H.* Verwaltungspolitik und Evaluierung. Ansätze, Phasen und Beispiele im Ausland und in Deutschland // *Zeitschrift für Evaluation*. – 2002 a. – Jg. 2, Heft 2. – S. 75–101.
- Wollmann H.* Zur (Nicht-) Verwendung von Evaluationsergebnissen in Politik und Verwaltung. Eine vernachlässigte Fragestellung der Evaluationsforschung // *Wissen und Expertise in Politik und Verwaltung, der moderne Staat. Sonderheft 1* / S. Kropp, S. Kuhlmann (Hrsg.). – Opladen: Verlag Barbara Budrich, 2013. – S. 87–103.
- Wollmann H., Hellstern G.-M.* Sozialwissenschaftliche Untersuchungsregeln und Wirkungsforschung // *Res Publica, Studien zum Verfassungswesen* / P. Haungs (Hrsg.). – München: Fink Verlag, 1977. – S. 415–466.
- Wottawa H., Thierau H.* Lehrbuch evaluation. – 3. Aufl. – Bern: Huber, 2003. – 176 S.
- Wottawa H., Thierau H.* Lehrbuch evaluation. – Bern: Huber, 1990. – 181 S.
- Zehn Jahre Neues Steuerungsmodell* / J. Bogumil, S. Grohs, S. Kuhlmann, A.K. Ohm. – Berlin: Sigma, 2007. – 342 S.

H. Wollmann*

Development of evaluation and evaluation research in Germany

Abstract. In discussing the development of evaluation and evaluation research in this article the distinction is made between an initial and a consolidation phase. The former setting off in the late 1960 s is linked with the expansion of reform policies in which, under the conceptual influence of the related development in the USA, evaluation has been introduced as a procedure of analysis and «feedback» on goal attainment and on the effects of political programmes and measures, in part connected with the claim of a ‘scientification’ of policymaking (‘experimental policies’). Due to the emergence of evaluation research as (external) ‘contractual research’ the traditional research ‘landscape’ shaped by university-based ‘basic’ research, and the relation between the political world and the ‘scientific community’ have been profoundly changed. In the ‘consolidation phase’ the further development has been significantly impacted by New Public Management-inspired political and administrative modernization and the systematic evaluation required by the European Union for its structural funds. The progressive institutionalisation and professionalisation of evaluation research is evidenced by the foundation of the (German) Evaluation Society (DeGEval) in 1997 and of the (German language) Journal of Evaluation (*Zeitschrift für Evaluation*) in 2002.

* **Wollmann Hellmut**, Humbolt University (Berlin, Germany), e-mail: stas-polit@yandex.ru

Keywords: Reform Policy; Effects of Political Programs; ‘Scientification’ of Policymaking; External Contractual Research.

For citation: Wollmann H. Development of Evaluation and Evaluation Research in Germany. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 166–200. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.07>

References

- Balthasar A. Fremd- und Selbstevaluation kombinieren: der «Critical Friend Approach» als Option. *Zeitschrift für Evaluation*. 2012, Jg. 11, Heft 2, S. 173–192.
- Bangel B., Brinkmann C., Deeke A. Evaluation von Arbeitsmarktpolitik. In: *Evaluationforschung*. Stockmann R. (Hg). Münster: Waxmann (3. Aufl.), 2006, S. 311–344.
- Beyme K. von. Policy Analyse und traditionelle Politikwissenschaft. In: Hartwich H.-H. (Hrsg). *Policy-Forschung in der Bundesrepublik Deutschland. Ihr Selbstverständnis und ihr Verhältnis zu den Grundfragen der Politikwissenschaft*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1985, S. 7–29.
- Bogumil J., Grohs S., Kuhlmann S., Ohm A.K. *Zehn Jahre Neues Steuerungsmodell*. Berlin: Sigma, 2007, 342 S.
- Böhret C., Hugger W. *Der Praxistest von Gesetzentwürfen: am Beispiel d. Referentenentwurfs e. Jugendhilfegesetzes*. Baden-Baden: Nomos, 1980. 162 S.
- Böttcher W. et al. Arbeitsfelder und Herausforderungen der Evaluation. In: Böttcher W., Kerlen C., Maats P., Schwab O., Sheikh S. (Hg). *Evaluation in Deutschland und Österreich*. Münster: Waxmann, 2014. – S. 7–14.
- Böttcher W., Kerlen C., Maats P., Schwab O., Sheikh S. (Hg). *Evaluation in Deutschland und Österreich*. Münster: Waxmann, 2014, 219 S.
- Büeler X. Qualitätsevaluation und Schulentwicklung. In: Stockmann R. (Hg). *Evaluationforschung*. Münster: Waxmann (3. Aufl.), 2006, S. 260–288.
- Campbell D. Reforms as experiments. *American psychologist*. 1969, Vol. 24, N 4, P. 409–429.
- Derlien H.-U. *Die Erfolgskontrolle staatlicher Planung, Eine empirische Untersuchung über Organisation, Methode und Politik der Programmevaluation*. Baden-Baden: Nomos, 1976, 177 S.
- Derlien H.-U. Genesis and structure of evaluation efforts in comparative perspective. In: Rist R.C. (ed). *Program evaluation and the management of government*. New Brunswick; L.: Transaction, 1990 b, P. 147–176.
- Derlien H.-U. Program evaluation in the Federal Republic of Germany. In: Rist R.C. (ed.). *Program evaluation and the management of government*. New Brunswick; L.: Transaction, 1990 a, P. 37–52.
- Derlien H.-U. Stand und Entwicklung der Programmforschung in der öffentlichen Verwaltung. In: Derlien H.-U. (Hg). *Programmforschung in der öffentlichen Verwaltung, Werkstattbericht 1 der Gesellschaft für Programmforschung*. München, 1981, S. 5–45.

- Derlien H.-U., Rist R.C. Policy evaluation in international comparison. In: Furubo J.-E., Rist R., Sandahl R. (eds). *International atlas of evaluation*. New Brunswick: Transaction, 2002, P. 425–456.
- Dierkes M., Knie A., Wagner P. Die Diskussion über das Verhältnis von Technik und Politik in der Weimarer Republik. *Leviathan*. 1988, Jg. 16, Heft 1, S. 1–23.
- Elzinga A. Research bureaucracy and the drift of epistemic criteria. In: Wittrock B., Elzinga A. (eds). *The university research system*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1985, P. 191–220.
- Filsinger D. Ten years of the center for evaluation. Stockmann R., Meyer W. (eds). *The future of evaluation*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016, P. 2–8.
- Frais M., Renz M. Evaluation im Schulbereich. In: Böttcher W., Kerlen C., Maats P., Schwab O., Sheikh S. (Hg). *Evaluation in Deutschland und Österreich*. Münster: Waxmann, 2014, S. 89–99.
- Freeman H., Solomon M.A. The next decade of evaluation research. In: Levine R.A., Solomon M.A., Hellstern G.-M., Wollmann H. (eds). *Evaluation research and practice. Comparative and international perspectives*. Beverly Hills; L.: Sage, 1981, P. 12–27.
- Furubo J.-E., Rist R., Sandahl R. (eds). *International atlas of evaluation*. New Brunswick: Transaction, 2002, 471 p.
- Furubo Jan-E., Sandahl R. A diffusion perspective on global developments in evaluation. In: Furubo J.-E., Rist R., Sandahl R. (eds). *International atlas of evaluation*. New Brunswick: Transaction, 2002, P. 1–26.
- Gesellschaft für Programmforschung (Hg). *Better Regulation: Bessere Institutionen und Normen als Voraussetzung für erfolgreiches Regieren*. Lohmar: Eul, 2009, 222 S.
- Grajewski R., Meyer S. Stand der Evaluation in der Strukturpolitik. In: Böttcher W., Kerlen C., Maats P., Schwab O., Sheikh S. (Hg). *Evaluation in Deutschland und Österreich*. Münster: Waxmann, 2014, S. 37–59.
- Hellstern G.-M., Wollmann H. Evaluierung und Erfolgskontrolle auf der kommunalen Ebene. Ein Überblick. In: Hellstern G.-M., Wollmann H. (Hg). *Evaluierung und Erfolgskontrolle in Kommunalpolitik und -verwaltung*. Basel: Birkhäuser, 1984 b, S. 10–45.
- Hellstern G.-M., Wollmann H. (Hg). *Evaluierung und Erfolgskontrolle in Kommunalpolitik und -verwaltung*. Basel: Birkhäuser, 1984, 680 S.
- Hellstern G.-M., Wollmann H. (Hg). *Experimentelle Politik – Reformstrohfeuer oder Lernstrategie. Bestandsaufnahme und Evaluierung*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1983, 556 S.
- Hellstern G.-M., Wollmann H. (Hg). *Handbuch zur Evaluierungsforschung. Band 1*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984, 680 S.
- Hellstern G.-M., Wollmann H. Bilanz – Reformexperimente, wissenschaftliche Begleitung und politische Realität. In: Hellstern G.-M., Wollmann H. (Hg). *Experimentelle Politik – Reformstrohfeuer oder Lernstrategie*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1983, S. 1–78.
- Hellstern G.-M., Wollmann H. Evaluierung und Evaluierungsforschung – ein Entwicklungsbericht. In: Hellstern G.-M., Wollmann H. (Hg). *Handbuch zur Evaluierungsforschung. Band 1*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984 a, S. 17–90.

- Hellstern G.-M., Wollmann H. *Sanierungsmaßnahmen. Städtebauliche und stadtstrukturelle Wirkungen (methodische Vorstudie)*. Bad Godesberg: Schriftenreihe des BMBau, 1978, 135 S.
- Hense J., Rädiker S., Böttcher W., Widmer T. (Hg). *Forschung über Evaluation. Bedingungen, Prozesse und Wirkungen*. Münster: Waxmann, 2013, 282 S.
- Heyer G. Zielsetzung und Struktur der «Hartz-Evaluation». *Zeitschrift für Arbeitsmarktforschung*. 2006, Jg. 30, Heft 3–4, S. 467–476.
- Hohn H.-W., Schimank U. *Konflikte und Gleichgewicht im Forschungssystem*. Frankfurt; N.Y.: Campus Verlag, 1990, 444 S.
- Jaedicke W., Thrun T., Wollmann H. *Modernisierung der Kommunalverwaltung. Evaluierungsstudie zur Verwaltungsmodernisierung im Bereich Planen, Bauen und Umwelt*. Stuttgart: Kohlhammer, 2000, 280 S.
- Konzendorf G. Gesetzesfolgenabschätzung. In: Blanke B., Nullmeierl F., Reichard C., Wewer G. (Hg). *Handbuch zur Verwaltungsreform*. Wiesbaden: VS (4. Aufl.), 2011, S. 135–143.
- Konzendorf G. Institutionelle Einbettung der Evaluationsfunktion in Politik und Verwaltung in Deutschland. In: Widmer T., Beywl W., Fabian C. (Hg). *Evaluation. Ein systematisches Handbuch*. Wiesbaden: VS, 2009, S. 27–33.
- Kritz J. Aktionsforschung. In: Nohlen D., Schultze R.-O. (Hg). *Lexikon der Politikwissenschaft. Bd. 1*. München: C.H. Beck, 2004, S. 10–11.
- Kromrey H. Evaluation in Wissenschaft und Gesellschaft. *Zeitschrift für Evaluation*. 2003, Jg. 2, Heft 1, S. 93–116.
- Kromrey H. Evaluation. Empirische Konzepte zur Bewertung von Handlungsprogrammen und die Schwierigkeiten ihrer Realisierung. *Zeitschrift für Sozialforschung und Erziehungssociologie*, 1995, Jg. 15, Heft 4, S. 313–336.
- Kuhlmann S. Die Evaluation von Institutionenpolitik in Deutschland: Verwaltungsmodernisierung und Wirkungsanalyse im föderalen System. In: Widmer T., Beywl W., Fabian C. (Hg.) *Evaluation. Ein systematisches Handbuch*. Wiesbaden: Springer, 2009, S. 371–380.
- Kuhlmann S. Evaluation in der Forschungs- und Innovationspolitik. In: Stockmann R. (Hg). *Evaluationsforschung*. Münster: Waxmann (3. Aufl.), 2006, S. 289–310.
- Kuhlmann S. Evaluation von Forschungs- und Innovationspolitik in Deutschland – Stand und Perspektiven. In: Widmer T., Beywl W., Fabian C. (Hg). *Evaluation. Ein systematisches Handbuch*. Wiesbaden: Springer, 2009, S. 283–294.
- Kuhlmann S., Bogumil Jörg., Grohs S. Evaluating administrative modernization in German local governments. *Public administrative review*. 2008, Jg. 68, Heft 5, S. 851–863.
- Kuhlmann S., Wollmann H. Transaktionskosten von Verwaltungsreformen – ein «missing link» der Evaluationsforschung. In: Jann W., Röber M., Wollmann H. (Hg). *Public Management. Grundlagen, Wirkungen, Kritik*. Wiesbaden: Springer, 2006, S. 371–390.
- Kuhlmann S., Wollmann H. *Verwaltung und Verwaltungsreformen in Europa*. Wiesbaden: Springer, 2013, 313 S.
- Lasswell H.D. The policy orientation. In: Lerner D., Lasswell H.D. (Hg). *Policy sciences*. Stanford: Stanford university press, 1951, S. 3–15.

- Leeuw F. Evaluation in Europe. In: Stockmann R. (Hg). *Evaluationsforschung*. Münster: Waxmann (3. Aufl.), 2006, S. 64–84.
- Levine R.A. Program evaluation and policy analysis in Western Nations: an overview. In: Levine R.A., Solomon M.A., Hellstern G.-M., Wollmann H. (Hg). *Evaluation research and practice. Comparative and international perspectives*. Beverly Hills; L.: Sage, 1981, P. 12–27.
- Levine R.A., Solomon M.A., Hellstern G.-M., Wollmann H. (Hg). *Evaluation research and practice. Comparative and international perspectives*. Beverly Hills; L.: Sage, 1981, 254 p.
- Lorz R.E. Das Inspektionsreferat des Bundesministeriums für wirtschaftliche Zusammenarbeit. In: Hellstern G.-M., Wollmann H. (Hg). *Handbuch zur Evaluationsforschung. Bd. 1*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984, S. 289–301.
- Lutz B. Zur Problematik programmbegleitender Sozialforschung. In: Hellstern G.-M., Wollmann H. (Hg). *Experimentelle Politik – Reformstrohfeuer oder Lernstrategie*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1983, S. 258–261.
- Maag Merki K. Evaluation im Bildungsbereich Schule in Deutschland. In: Widmer T., Beywl W., Fabian C. (Hg). *Evaluation. Ein systematisches Handbuch*. Wiesbaden: Springer, 2009, S. 157–162.
- Maier H. *Die ältere deutsche Staats- und Verwaltungslehre*. München: C.H. Beck, 1980, 353 S.
- Mertens D.M. Institutionalizing Evaluation in the United States of America. In: Stockmann R. (Hg). *Evaluationsforschung*. Münster: Waxmann (3. Aufl.), 2006, S. 47–63.
- Mertens D.M. The role of evaluation in social change: perspectives on the future of evaluation from the USA. In: Stockmann R., Meyer W. (Hg). *The future of evaluation. Global trends, new challenges, shared perspectives*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016, P. 214–217.
- Meyer W., Stockmann R. Conclusion: shared perspectives or a united world of evaluation. In: Stockmann R., Meyer W. (Hg). *The future of evaluation. Global trends, new challenges, shared perspectives*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016, S. 328–357.
- Neubert S., Mack D., Roxin H. Vom Methodenstreit zum Methodenmix – Chronologie und Stand der Entwicklungsevaluierung in Deutschland. In: Böttcher W., Kerlen C., Maats P., Schwab O., Sheikh S. (Hg). *Evaluation in Deutschland und Österreich*. Münster: Waxmann, 2014, S. 61–72.
- Patton M.Q. *Utilization-focused evaluation. The new century text: 3rd ed*. Thousand Oaks: Sage, 1997, 448 p.
- Pollitt C., Bouckaert G. *Public management reform*. Oxford: Oxford University Press, 2011, 392 p.
- Reichard C. *Umdenken im Rathaus: Neue Steuerungsmodelle in der deutschen Kommunalverwaltung*. Berlin: Edition Sigma, 1994, 91 S.
- Rein M. Comprehensive program evaluation. In: Levine R.A., Solomon M.A., Hellstern G.-M., Wollmann H. (Hg.). *Evaluation research and practice. Comparative and international perspectives*. Beverly Hills; L.: Sage, 1981, S. 132–149.
- Rossi P. The professionalization of evaluation research in the United States. In: Levine R.A., Solomon M.A., Hellstern G.-M., Wollmann H. (Hg.). *Evaluation research*

- and practice. Comparative and international perspectives.* Beverly Hills; L.: Sage, 1981, P. 220–236.
- Rossi P., Freeman H. *Evaluation. A systematic approach.* Thousand Oaks: Sage, 1993, 488 p.
- Rossi P., Freeman H., Hofmann G. *Programm Evaluation. Einführung in die Methoden angewandter Sozialforschung.* Stuttgart: Enke, 1988, 229 S.
- Schimanke D. (Hrsg.) *Qualität und Ergebnis öffentlicher Programme: Ein Werkstattbericht.* Münster: Waxmann, 2007, 230 S.
- Schimanke D., Fischer A., Bucksteed M. (Hg.). *Wie lernt Politik? Voraussetzungen, Formen und Erfolge: Ein Werkstattbericht.* Münster: Waxmann, 2006, 168 S.
- Schreckenberger W., König K., Zeh W., Baden E. (Hg). *Gesetzgebungslehre. Grundlagen – Zugänge – Anwendung.* Stuttgart: Kohlhammer, 1986, 201 S.
- Schwab O. Evaluierung von Raumordnungspolitik in Deutschland. In: Widmer T., Beywl W., Fabian C. (Hg). *Evaluation. Ein systematisches Handbuch.* Wiesbaden: Springer, 2009, S. 403–413.
- Standards für Evaluation. *DeGEval.* Köln: Geschäftsstelle DeGEval, 2002. Zugriffsmodus: www.degeval.de/?id=135 (zugegriffen: 11.12.2019.)
- Stockmann R. Editorial. Zur Notwendigkeit und Konzeption einer deutschsprachigen «Zeitschrift für Evaluation». *Zeitschrift für Evaluation.* 2002, Jg. 1, Heft 1, S. 3–9.
- Stockmann R. Evaluation in Deutschland. In: Stockmann R. (Hg). *Evaluationsforschung.* Opladen: Leske + Budrich, 2000, S. 11–40.
- Stockmann R. Evaluation in Deutschland. In: Stockmann R. (Hg). *Evaluationsforschung.* Münster: Waxmann (3. Aufl.), 2006 a, S. 15–46.
- Stockmann R. Evaluation staatlicher Entwicklungspolitik. In: Stockmann R. (Hg). *Evaluationsforschung.* Münster: Waxmann (3. Aufl.), 2006 b, S. 378–414.
- Stockmann R., Meyer W. (eds). *The future of evaluation. global trends, new challenges, shared perspectives.* Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016, 393 p.
- Stockmann R., Meyer W. Evaluation between science and utility. In: Stockmann R., Meyer W. (Hg). *The future of evaluation. Global trends, new challenges, shared perspectives.* Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016, P. 238–253.
- Wagner G. Evaluation in der Arbeitsmarktpolitik in Deutschland. In: Widmer T., Beywl W., Fabian C. (Hg). *Evaluation. Ein systematisches Handbuch.* Wiesbaden: Springer, 2009, S. 117–126.
- Wagner P. *Sozialwissenschaften und Staat. Frankreich, Italien, Deutschland 1870–1980.* Frankfurt am Main: Campus, 1990, 533 S.
- Wagner P., Wollmann H. Beyond serving state and bureaucracy: problem-oriented social science in (west)Germany. *Knowledge and policy.* 1991, Vol. 4, N 1–2, P. 56–88.
- Wagner P., Wollmann H. Fluctuations in the development of evaluation research. Do «regime shifts» matter? *International social science journal.* 1986 a, Vol. 38, N 2, P. 205–218.
- Wagner P., Wollmann H. Social scientists in policy research and consulting. Some cross-national comparisons. In: *International social science journal.* 1986 b, Vol. 38, N 4, P. 601–617.
- Weiss C.H. *Evaluierungsforschung. Methoden zur Einschätzung von sozialen Reformprogrammen.* Opladen: Westdeutscher Verlag, 1974, 193 S.

- Wholey J.S. Using Evaluation to Improve Program Performance. In: Levine R.A., Solomon M.A., Hellstern G.-M., Wollmann H. (eds). *Evaluation Research and Practice. Comparative and International Perspectives*. Beverly Hills; L.: Sage, 1981, P. 92–106.
- Widmer T., Beywl W., Fabian C. (Hg). *Evaluation. Ein systematisches Handbuch*. Wiesbaden: Springer, 2009, 636 S.
- Wittmann W. *Evaluationsforschung. Aufgaben, Probleme und Anwendungen*. Berlin: Springer, 1985, 548 S.
- Wittrock B., Wagner P., Wollmann H. Social science and the modern state: policy knowledge and political institutions in Western Europe and the United States. In: Wagner P., Hirschon Weiss C., Wittrock B., Wollmann H. (eds). *Social science and the modern state*. Cambridge: Cambridge university press, 1991, S. 28–85.
- Wollmann H. (Hg.) *Evaluation in public sector-reform: concepts and practice in international perspective*. Cheltenham: Edward Elgar, 2003, 269 p.
- Wollmann H. Contractual research and policy knowledge. *International encyclopedia of the social and behavioral sciences. Vol. 5*. Amsterdam: Elsevier, 2002 b, P. 11574–11578.
- Wollmann H. Evaluation in public sector reform. Trends, potentials and limits in international perspective. In: Wollmann H. (Hg). *Evaluation in public sector-reform*. Cheltenham: Edward Elgar, 2003 b, P. 231–258.
- Wollmann H. Evaluation in public-sector reform. Towards a «Third wave» of evaluation? In: Wollmann H. (Hg). *Evaluation in public sector-reform*. Cheltenham: Edward Elgar, 2003 a, P. 1–11.
- Wollmann H. Evaluation und Verwaltungspolitik. Konzepte und Praxis in Deutschland und im internationalen Kontext. In: Stockmann R. (Hg). *Evaluationsforschung*. Münster: Waxmann (3. Aufl.), 2006, S. 207–233.
- Wollmann H. Gesetzgebung als experimentelle Politik – Möglichkeiten, Varianten und Grenzen erfahrungswissenschaftlich fundierter Gesetzgebungsarbeit. Schreckenberger W., König K., Zeh W., Baden E. (Hg). *Gesetzgebungslehre. Grundlagen – Zugänge – Anwendung*. Stuttgart: Kohlhammer, 1986, S. 72–95.
- Wollmann H. Kontrolle in Politik und Verwaltung: Evaluation, Controlling und Wissensnutzung. In: Schubert K., Brandelow N. (Hg). *Lehrbuch der Politikfeldanalyse 2.0*. München: Oldenbourg (2. Aufl.), 2009, S. 379–400.
- Wollmann H. Konzept und Methode der Begleitforschung. *Informationen zur Raumentwicklung*. 1990, Heft 10–11, S. 563–575.
- Wollmann H. Policy analysis in West Germany's federal government: a case of unfinished governmental and administrative modernization? *Governance*. 1989, Vol. 2, N 3, P. 233–263.
- Wollmann H. Policy analysis. Some observations on the West German scene. *Policy Sciences*. 1984, Vol. 17, N 1, S. 27–48.
- Wollmann H. Policy Evaluation and Evaluation Research. In: Fischer F., Miller G.J., Sidney M.S. (Hg). *Handbook of Public Policy Analysis*. Boca Raton: CRC Press, 2007, S. 393–404.

- Wollmann H. Soziologie zwischen Kaiserreich, Weimarer Republik und NS-Regime. In: Tenorth H.-E. (Hg). *Geschichte der Universität Unter den Linden 1810–2010. Band 5*. Berlin: Akademie-Verlag, 2010, S. 257–274.
- Wollmann H. Spurensuche. Warum ich Politikwissenschaftler wurde und worüber ich arbeitete und schrieb. In: Kuhlmann S., Schwab O. (Hg). *Starke Kommunen – wirk-same Verwaltung: Fortschritte und Fallstricke der internationalen Verwaltungs- und Kommunalforschung*. Berlin: Springer, 2017, S. 241–280.
- Wollmann H. Untersuchungsansätze und Nutzungschancen einer Rechtstatsachenforschung im Städtebaurecht. In: *Informationen zur Raumentwicklung*. 1982, Heft 1, S. 1–20.
- Wollmann H. Verwaltungspolitik und Evaluierung. Ansätze, Phasen und Beispiele im Ausland und in Deutschland. *Zeitschrift für Evaluation*, 2002 a, Jg. 2, Heft 2, S. 75–101.
- Wollmann H. Zur (Nicht-) Verwendung von Evaluationsergebnissen in Politik und Verwaltung. Eine vernachlässigte Fragestellung der Evaluationsforschung. In: Kropp S., Kuhlmann S. (Hg). *Wissen und Expertise in Politik und Verwaltung, der moderne Staat. Sonderheft I*. Opladen: Verlag Barbara Budrich, 2013, S. 87–103.
- Wollmann H., Hellstern G.-M. Sozialwissenschaftliche Untersuchungsregeln und Wirkungsforschung. Haungs P. (Hg). *Res Publica, Studien zum Verfassungswesen*. München: Fink Verlag, 1977, S. 415–466.
- Wottawa H., Thierau H. *Lehrbuch Evaluation*. Bern: Huber (3. Aufl.), 2003, 176 S.
- Wottawa H., Thierau H. *Lehrbuch Evaluation*. Bern: Huber, 1990, 181 S.

Л.А. ФАДЕЕВА, М.В. НАЗУКИНА*

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ: ФАКТОРЫ, УРОВНИ, РЕЗУЛЬТАТЫ (НА ПРИМЕРЕ ИДЕНТИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Аннотация. Институционализация разных исследовательских направлений в политической науке имеет свою специфику, но в то же время есть и некие общие факторы и алгоритмы, к каковым относятся востребованность проблематики, опора на научный бэкграунд, формирование площадок взаимодействия, становление профессионального сообщества.

Укоренение идентитарных исследований в российской политической науке интенсивно происходит в последние 10 лет. Авторы статьи характеризуют процесс перехода от отдельных публикаций по разным измерениям идентичности к формированию общего подхода к пониманию данного феномена. По мнению авторов, этому способствовала совокупность научных и вненаучных факторов, как то: кризис концепта политической культуры, актуализация региональных исследований в условиях регионализации, политизация идентичностей (в особенности этнической), бурное развитие исследований исторической политики и политики памяти, включение проблематики идентичности в широкий публичный дискурс.

В статье рассматривается роль региональных центров – университетов и академических институтов (подразделений) – в определении исследовательского поля и инструментария идентичности. Региональные центры имеют своеобразие,

*** Фадеева Любовь Александровна**, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru;
Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, ПФИЦ УрО РАН (Пермь, Россия); доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), e-mail: nazukina@mail.ru

выраженное в направлениях исследования идентичности (Пермь, Краснодар, Казань, Барнаул, Екатеринбург, Майкоп, Санкт-Петербург). Одним из ключевых институтов идентитарных исследований стал Исследовательский комитет РАПН по политической идентичности.

В качестве примеров развития идентитарных исследований в статье рассматривается разработка инструментария анализа региональных и локальных идентичностей, а также понятия «политика идентичности», которое интерпретируется российскими политологами в более широком ключе, чем принято в западной науке, что соответствует общественному и политическому запросу на современное понимание политики идентичности.

Ключевые слова: политическая наука; региональные центры; университеты; идентитарные исследования; профессиональное сообщество.

Для цитирования: Фадеева Л.А., Назукина М.В. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 201–220. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.08>

Факторы институционализации исследовательских направлений

Под институционализацией исследовательского направления нами понимается процесс, посредством которого какая-то проблематика приобретает ценность и устойчивость в исследовательских практиках и закрепляется в соответствующих организационных институтах и сообществах. Опыт институционализации отечественной политической науки свидетельствует о том, что есть совокупность факторов, которые обеспечивают успешность того или иного исследовательского направления. Одним из важных ее факторов является становление и развитие региональных исследовательских центров, которые активно взаимодействуют между собой, со столичной академической наукой и вовлечены в международный контекст посредством участия в научных мероприятиях, совместных проектах, публикациях и пр.

Идеально-типическую модель представляет, на наш взгляд, профессиональное сообщество российских элитологов. В разных регионах России ученые откликнулись на научный и общественный запрос, сочетая исследования элит своего региона с методологическими изысканиями. Директор пермского Центра исследования элит (ЭлИс-центра) В.П. Мохов в 2001 г. на главной странице сайта Центра сравнил элитологию в России с цветами, пробиваю-

щимися сквозь асфальт в индустриальном городе¹. Однако уже с первых конгрессов Российской ассоциации политической науки (РАПН) элитологи производили впечатление прочного сообщества людей, объединенных общими научными интересами и добрыми человеческими отношениями (как модно сейчас говорить, «однокультурнокодовыми»).

Этому способствовали элитологические конференции и семинары, проводимые в 2001–2014 гг. ЭлИс-центром в Перми, и ежегодный семинар «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», который организует в Санкт-Петербурге Социологический институт РАН совместно с РАПН также с 2001 г. под руководством А.В. Дуки, а с 2014 г. по настоящее время под его редакцией издается альманах «Власть и элиты». Как отмечает А.В. Дука, семинар не является открытым в том плане, что участники его приглашаются специально: «Российская география – Петербург, Москва, Пермь, Ростов-на-Дону, Ульяновск, Уфа, Омск, Ижевск, Владимир, Саратов, Курск. Дискуссия может быть достаточно жесткая. Но на этой площадке постепенно вырабатываются внутрикорпоративные стандарты»².

РАПН сыграла существенную роль в формировании устойчивых исследовательских сетей. Исследовательский комитет РАПН по политической элитологии инициирует и проводит специальные секции и заседания на конгрессах РАПН. Президент РАПН О.В. Гаман-Голутвина считает, что «система эффективных профессиональных сетей стала матрицей развития элитологии» [Гаман-Голутвина, 2016, с. 41]. В настоящее время сообщество не является гомогенным. «Ростовская школа» с центром в Южно-Российском институте – филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ – приоритет отводит специфике своего региона [Понеделков, Жученко, Фасс, 2012]. Элитологические конгрессы в Ростове-на-Дону проходят с 2013 г. под эгидой Российского общества политологов.

¹ *Мохов В.П.* Цветы на асфальте // Центр элитологических исследований при Академии политической науки. – Режим доступа: <http://elis.pstu.ru/index.php?a=1> (Дата посещения: 01.11.2019.)

² *Дука А.В.*: «У меня было настоящее “коммунистическо-социалистическое” восприятие мира»: интервью с Александром Владимировичем Дукой, октябрь 2014 – февраль 2015. – Режим доступа: <http://socioprognoz.ru.lgb.ru/files/File/2015/duka.pdf> (Дата посещения: 01.11.2019.)

При всех различиях региональных школ, как справедливо отмечает А.В. Дука, «конференции и книги постепенно спланивают исследователей. Есть важные интегрирующие издания. Например, выпущенный в 2013 году Энциклопедический словарь “Элитология” [Элитология, 2013], в котором участвовали ученые из разных регионов»¹.

Представляется, что наличие в России нескольких сообществ элитологов можно рассматривать как показатель сформированности исследовательского направления: различия возникают тогда, когда есть разнообразие и достаточно человеческих ресурсов для его реализации.

Факторы институционализации идентитарных исследований

Цель данной статьи – дать характеристику становления относительно нового направления в политической науке – идентитарных исследований. Его институционализация происходит в последние 10 лет, чему способствовала совокупность научных и вненаучных факторов, как то: кризис концепта политической культуры, актуализация региональных исследований в 1990–2000-е годы, политизация идентичностей, в особенности этнической, бурное развитие исследований исторической политики и политики памяти, включение проблематики идентичности в широкий публичный дискурс [Семенов, 2011; Фадеева, 2016]. И.С. Семенов определила общий вектор исследований идентичности как «анализ социокультурных оснований политического процесса» [Семенов, 2011, с. 9].

Соответственно, идентичности исследовались в тех региональных центрах, где проявляли интерес к анализу политической культуры (в особенности региональных политических культур), к этнополитической проблематике, субъективному измерению политических процессов. Взаимодействие ученых происходило на площадках научных конференций и конгрессов РАПН.

¹ Дука А.В.: «У меня было настоящее “коммунистическо-социалистическое” восприятие мира»: интервью с Александром Владимировичем Дукой, октябрь 2014 – февраль 2015. – Режим доступа: <http://socioprognoz-ru.lgb.ru/files/File/2015/duka.pdf> (Дата посещения: 01.11.2019).

Ключевым институтом нового исследовательского направления стал Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН, сотрудники которого имеют богатый опыт анализа процессов социальной и идейно-политической идентификации, отраженный в многочисленных публикациях Г.Г. Дилигенского, К.Г. Холодковского, Г.И. Вайнштейна, В.И. Пантина, В.В. Лапкина, И.С. Семененко и др. Организованная Центром совместно с Пермским государственным университетом (кафедрой политических наук ИПФ) в 2010 г. первая конференция «Идентичность как предмет политического анализа» привлекла широкий круг исследователей из академических институтов и региональных университетов. Кафедра политических наук ПермГУ на тот момент реализовывала проект «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации» под руководством Л.А. Фадеевой [Борьба за идентичность ..., 2012]. Пермские ученые рассматривали идентичность в том же духе, что и З. Бауман, как поле битвы, считая это не препятствием, а стимулом для идентитарных исследований. За плечами у пермских политологов был многолетний опыт анализа региональной политической культуры, что сближало их с традициями кубанской школы (Е.В. Морозова). Как и в элитологическом сообществе, профессиональные интересы подкреплялись добрыми человеческими отношениями, культурный код тоже совпал.

Все это позволило аккумулировать имеющиеся ресурсы – финансово скромные и не сопоставимые по богатству с человеческими и творческими – для организации научных мероприятий, важных публикаций, создания электронной сети, подготовки энциклопедического издания.

Сеть по исследованию: история и алгоритм работы

Важной площадкой институционализации идентитарных исследований стала сеть по исследованию идентичности, сообщество занимающихся проблематикой идентичности исследователей, взаимодействующих через сайт (<http://identityworld.ru/>). Сеть создана в 2009 г. в рамках V Конгресса Российской ассоциации политической науки, состоявшегося в Москве 20–22 ноября 2009 г. Десятилетие существования научной сети на площадках виртуального

сообщества – достаточно редкое событие в среде научных сайтов. Это говорит о востребованности ресурса, в рамках которого выстраивается коммуникация, публикуются информационные материалы, осуществляется рассылка новостей. В настоящее время сайт является профессиональным информационным ресурсом, дающим дополнительные возможности для доступа исследователей к научной, научно-популярной и образовательной информации по тематике идентичности, для координации научных мероприятий, обсуждения результатов и новых направлений научных изысканий, обмена авторскими публикациями¹. Сеть как ресурс дает полное представление об основной проблематике научной деятельности ее участников: теория идентичности (понятие, содержательные характеристики, основные составляющие); проблемы национальной (гражданской, национально-цивилизационной) идентичности; ее соотношение с формированием наднациональной (макрорегиональной – в рамках ЕС, в других регионах мира) идентичности в условиях глобализации; формирование идентичности на уровне регионов как субъектов национального государства с преимущественным вниманием к российским регионам; конструирование идентичности в пространстве публичной политики; политика идентичности.

Система работы Сети построена по алгоритму классического сайта с элементами интерактивных практик. Разделы сайта позволяют публиковать новости, информацию о готовящихся научных мероприятиях по проблематике идентичности, осуществлять ежемесячную рассылку участникам сообщества. В среднем сайт посещают 150 человек в день.

Библиотека сети представляет собой хранилище материалов (тезисы, статьи, монографии, сборники, анонсы и др.), присылаемых авторами для размещения в свободном доступе. Они структурированы по следующим рубрикам: идентичность как предмет политического анализа, социально-ролевая идентичность; идентичность в политическом измерении; идентичность в социокультурном измерении; пространственно-территориальная идентичность; идентичность: дискурсы и практики. В настоящее время библиотека насчитывает 245 единиц хранения и постоянно пополняется.

¹ О сети // Экспертная сеть по исследованию идентичности. – Режим доступа: <http://identityworld.ru/index/0-2> (Дата посещения: 01.11.2019.)

На сайте сети имеется возможность создания интерактивных карт, что позволяет публиковать данные различных научных проектов. Так, в результате проекта РНФ № 15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» (рук. П.В. Панов) был создан Атлас этнических региональных автономий, который размещен на сайте сети¹.

«Исследователям, которых объединяет наша Сеть, удалось не только привлечь внимание к проблематике идентичности и обосновать ее когнитивный потенциал для политической науки, но и создать тематический словарь терминов и понятий, ввести в российский научный дискурс понятие политики идентичности, – отмечает И.С. Семененко. – Перипетии “борьбы за идентичность” заняли заметное место в работах российских ученых по политической истории и политической социологии, этнологии, религиоведению, культурологии и в смежных областях научного знания»².

Консолидирующая роль энциклопедических изданий

На Общем собрании РАПН, прошедшем в рамках VI Конгресса политологов в 2012 г., двухтомник «Политическая идентичность и политика идентичности» [Политическая идентичность, 2012] был награжден дипломом первой степени в номинации «Научные работы. Коллективная монография». На Конгрессе было принято решение о конституировании Исследовательского комитета РАПН по политической идентичности, в который вошли исследователи из Москвы, Перми, Краснодара, Майкопа, Санкт-Петербурга, Иваново.

Руководитель Исследовательского комитета И.С. Семененко предложила идею подготовки энциклопедического издания по идентичности [Идентичность ..., 2017]. В создании энциклопедии приняли участие 55 авторов из разных научных центров. Как отмечает глав-

¹ Атлас этнических региональных автономий // Экспертная сеть по исследованию идентичности. – Режим доступа: <http://identityworld.ru/shop> (Дата посещения: 01.11.2019.)

² Семененко И.С. Нашей Сети 10 лет // Экспертная сеть по исследованию идентичности. – Режим доступа: http://identityworld.ru/blog/nashej_seti_10_let/ 2019-06-29-726 (Дата посещения: 01.11.2019.)

ный редактор, основы были заложены предыдущими публикациями и проектами, а также реализацией проекта «Европейская идентичность, культурное разнообразие и политические изменения» (2014–2017), участниками которого стали ученые из ИМЭМО РАН, Пермского ГНИУ и Кубанского ГУ. «Новая концепция книги формировалась в ходе научных дискуссий коллег, вошедших в состав редколлегии, из ИМЭМО РАН (В.В. Лапкин, В.И. Пантин, И.Л. Прохоренко, И.С. Семененко), КубГУ (Е.В. Морозова) и ПГНИУ (Л.А. Фадеева), которые смогли заинтересовать и привлечь к работе широкий круг известных в своих областях научных изысканий специалистов», — поясняет И.С. Семененко [Идентичность: Личность, общество, политика ..., 2017, с. 17].

Подготовка и издание такой энциклопедии способствовали, как и надеялись авторы, структурированию научного дискурса и институционализации идентитарных исследований как междисциплинарных, так и в рамках политической науки [Шадже, Куква, 2018].

Территориальная идентичность и брендинг регионов

Исследование региональных и локальных типов территориальной идентичности имеет особое значение в контексте междисциплинарности идентитарных исследований, а также применительно к разработке аналитического инструментария и его инструментализации.

Территориальная идентичность рассматривается как значимое основание для существования сообществ и важный фактор позитивного развития территории [Смирнягин, 2007; Назукина, Подвинцев, 2013]. Координатор сети М.В. Назукина на основе выработанной ей методологии концептуализировала понятия локальной, городской, региональной, макрорегиональной идентичности, брендинга территории, позиционирования регионов, политики идентичности, предложила структуру и первую в российском научном дискурсе типологию региональной идентичности. Проведение анализа соотношения различных уровней территориальной идентичности (от низовых локальных до национальной) дало возможность разработать систему индикаторов, позволяющих реализовывать сравнительные исследования. М.В. Назукина верифицирует свой инструментарий на основе анализа особенностей

уральской и региональной (пермской) идентичности края, предлагая также определение факторов и условий позиционирования региона в современных условиях [Назукина, 2018].

Другой подход представлен Д.С. Докучаевым [Докучаев, 2016], рассматривающим региональную идентичность как отношение, конструирующее реальность в социальном взаимодействии, имеющее групповой и индивидуальный уровни проявления. По мнению автора, региональная идентификация происходит одновременно на двух уровнях и состоит из отождествления с: 1) *genius loci* региона – интеллектуальными, духовными, эмоциональными явлениями и их материальной средой («внутренняя» идентичность); 2) социальным целым – региональным сообществом («внешняя» идентичность). В этом случае характеристика конструирования региональной идентичности на примере Иваново позволяет поставить вопрос о борьбе различных дискурсов в регионе (советский дискурс vs дискурс «русскости» и др.). Практические результаты представляют конкретные рекомендации для проведения эффективной политики идентичности в регионе, которая, по мнению исследователя, исключает создание унифицированного бренда и должна быть нацелена на множественность его архитектуры (иерархии) [Докучаев, 2018].

Практический потенциал и ресурсные возможности территориальной идентичности привлекают многих исследователей. Анализируя связь процесса коммерциализации имиджа территории с идентичностью местных сообществ, авторы уделяют особое внимание практикам переосмысления фабрично-заводской территориальной идентичности и формирования образа территории культуры [см. напр.: Тимофеев, 2014; 2016]. Это можно обнаружить в работах ученых из разных городов – Иваново, Екатеринбурга, Перми [Фадеева, 2011; 2012] и др. Поле культуры дает благоприятный материал для поиска новых смыслов региональной идентичности и выстраивания сценариев развития территорий, вследствие чего происходит реинтерпретация традиционного видения культурной политики на основе идентитарного подхода. В исследованиях Д.Е. Москвина, в частности, показано, что разновневные субъекты реализуют собственные культурные политики. В Свердловской области это приводит к тому, что в регионе одновременно осуществляются консервативная, охранительная и инно-

вационная стратегии, способствующие культурному насыщению пространства [Москвин, 2011].

В исследовании территориальной идентичности осуществляется тесное междисциплинарное взаимодействие, в особенности сотрудничество политологов – участников сети с географами. В частности, важную роль сыграли исследования М.П. Крылова [Крылов, 2010] на тему региональной идентичности, а также работы А.А. Гриценко по приграничным идентичностям [Гриценко, 2018]. Существенный вклад в обогащение библиотеки сети внесли исследования В.Л. Каганского, посвященные осмыслению различных аспектов пространственной идентичности в России с позиций теоретической географии¹, и работы В.А. Колосова по геополитическим картинам мира и образной географии [Постсоветское пограничье России ..., 2018].

Важно, что ученые постоянно раздвигают границы исследовательского поля. Это проявляется в проектной деятельности. Так, проект «Формирование интегральной идентичности Арктического макрорегиона России» (рук. О.Б. Подвинцев) был посвящен становлению различных моделей региональной идентичности арктических регионов России, выявлению культурно-исторической специфики и ключевых факторов влияния на современную идентичность арктических регионов. В опубликованной по итогам проекта монографии обосновываются предложения по созданию интегральной модели идентичности Арктического макрорегиона [Российская Арктика ..., 2016].

В силу того что одна из проблем исследования территориальных идентичностей заключается в том, что ее суть, структура, особенности (образ «другого») зачастую рационально не осмысливаются носителями и тем более не манифестируются в «обычной» ситуации, это создает трудности для сбора материала «напрямую» (прежде всего через соцопросы). В работе «Формирование интегральной идентичности Арктического макрорегиона России» в качестве перспективного инструментария использован дискурс-анализ для изучения структуры и уровней территориальных идентификаций.

¹ Избранные статьи Каганского В.Л. // Экспертная сеть по исследованию идентичности. – Режим доступа: http://identityworld.ru/load/kategorii/stati/stati_kaganskogo_vladimira_leopoldovicha/2-1-0-146 (Дата посещения: 01.11.2019.)

Проекты кубанских коллег сосредоточены на анализе территориальной идентичности как ресурса, возможностей создания сети, сохранения и продвижения локальных сообществ: «Локальная идентичность как ресурс развития местного самоуправления на Юге России», РГНФ, 2005–2007 (рук. Е.В. Морозова), «Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства региона», РФФИ-АНО ЭИСИ («опн»), 2019 (рук. И.В. Мирошниченко), «Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества», РФФИ, 2018–2020 (рук. И.В. Мирошниченко), участники которых ставят задачи выявить векторы и механизмы влияния сетевого общества на формирование политической идентичности, предложить типологию политических идентичностей, являющихся результатом воздействия сетевизации социально-политических отношений [Морозова, Мирошниченко, Рябченко, 2016].

Для институционализации направления большое значение имеет практика организации и проведения крупных научных мероприятий по территориальной идентичности. Знаковым событием стало проведение Всероссийской молодежной научно-практической летней школы «Территориальная идентичность в современном мире: проблемы и перспективы исследования» (Пермь, Усолье, 25–28 августа 2014 г.), ставшей площадкой для обмена знаниями между молодыми специалистами и ведущими учеными о современном состоянии в области исследования проблематики территориальной идентичности. Программа летней школы была направлена на расширение личных профессиональных и деловых связей, предоставляла возможность презентации и продвижения собственных проектов. Перед участниками школы с лекциями выступили известные специалисты по проблематике территориальной идентичности в среде географов (В.Л. Каганский, И.И. Митин, А.А. Гриценко), философов (М.Ю. Тимофеев), политологов (М.В. Ноженко, П.В. Панов, О.Б. Подвинцев). По итогам школы был подготовлен первый в истории журнала спецвыпуск «Вестника Пермского научного центра УрО РАН» по проблемам идентичности.

Всероссийские семинары ИК по сравнительной политологии, проводимые КубГУ, как правило, содержали тематические блоки по проблематике, связанной с территориальной идентичностью, хотя и не исчерпывались ей. Это относится и к ежегодным

конференциям Алтайской школы политических исследований (рук. Ю.Г. Чернышов), на которых имидж региона обсуждается параллельно с международным имиджем России и разными измерениями политики памяти [Дневник Алтайской школы, 2019]¹.

Исследования территориальных идентичностей имеют большой практический потенциал и связаны с повышением туристической и инвестиционной привлекательности регионов, развитием человеческого потенциала и консолидацией региональных сообществ. Инструментализация концепта идентичности и рассмотрение его как ресурса развития территориальных сообществ приводят к тому, что практики конструирования идентичности укореняются в региональных политических процессах. Показательна, например, разработка Концепции сохранения и развития региональной и локальных идентичностей населения Ульяновской области до 2030 г.²

Актуальным трендом стало брендирование территории, формирование новых символических атрибутов территориальных сообществ на основе ценностей культуры, традиционной и современной. Академическая и вузовская наука в этих практиках выступает активным актором. В качестве примера можно привести опыт Свердловской области. К.В. Киселев в своих исследованиях неоднократно писал, что позиционирование регионов должно быть встроено в современные тренды и отвечать критерию уникальности. Анализируя становление и развитие региональной идентичности в Свердловской области, он обнаружил корреляцию процессов формирования региональной идентичности и политических процессов, связанных с противостоянием региональных и федеральных элит, различием региональных и федеральных интересов [Киселев, 2014]. Такие работы практико-ориентированы и содержат рекомендации органам власти по конструированию регио-

¹ См. также: Имидж Алтая // Сайт Алтайской школы политических исследований. – Режим доступа: http://ashpi.asu.ru/ic/?page_id=57 (Дата посещения: 01.11.2019.)

² Проект Концепции сохранения и развития региональной и локальных идентичностей населения Ульяновской области до 2030 // АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области». – Режим доступа: <https://opuo.ru/wp-content/uploads/2018/03/Proekt-Koncepcii-soxraneniya-i-razvitiya-regionalnoj-i-mestnyx-identichnostej-naseleniya-Ulyanovskoj-oblasti-do-2030-goda.pdf> (Дата посещения: 01.11.2019.)

нальных идентификаторов, а также оценку перспектив развития региональной идентичности [Киселев, Щербаков, 2013].

Политика идентичности как дискуссионное поле

Политика идентичности, являющаяся в современном мире одним из ключевых инструментов, с помощью которого конструируется реальность, создаются ценности и определяются модели поведения конкретных сообществ, исследуется в западной социологической и политической науке с 1970-х годов. В отечественной литературе термин «политика идентичности» стал использоваться с конца 2000-х годов именно в рамках идентитарных исследований. За прошедшее десятилетие в российском научном дискурсе сложились подходы к интерпретации феномена, созданы концепции, успешно применяемые в научных исследованиях. И.С. Семененко определяет политику идентичности как «деятельность государства и других субъектов политического процесса, направленную на <...> формирование и поддержание национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности» [Семененко, 2011]. О.Ю. Малинова предложила использовать концепт «политика идентичности» при анализе широкого круга политических практик, связанных с формированием макрополитической идентичности [Малинова, 2010; 2017; и др.].

Это способствовало пониманию в идентитарных исследованиях политики идентичности как целенаправленной деятельности разных политических акторов, включая распространение ключевых представлений о своем сообществе, его характеристиках, системе *Мы / Они, Другие, Чужие, Враги*. Представляется, что именно в таком ключе можно рассматривать организованные в электронной сети по исследованию идентичности крупные интернет-конференции «Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы» (2013) и «Фактор Крыма и идентичность» (2016). В ходе работы конференций обсуждались следующие тематические направления: характер идентификационных процессов и структур в ментальном пространстве постсоветского социума; механизмы и инструменты конструирования и концептуализации постсоветской идентичности; воссоединение Крыма с Россией и динамика национальной идентичности, про-

цессы формирования региональной идентичности в Крыму и др. По итогам обеих конференций были опубликованы сборники статей [Постсоветская идентичность ..., 2014; Вестник ..., 2016].

Проблематика политики идентичности постепенно распространяется на международные отношения [Морозова, 2016]. Современная политика идентичности может представлять риски, что проявляется в политическом публичном дискурсе: «когда ключевой становится идея “моя страна прежде всего” или “моя страна – сама по себе”»¹. Политика идентичности в таком случае выступает как легитимация внешнеполитического курса через определение *Своих* и *Чужих*, от которых исходит угроза [Фадеева, Плотников, 2019]. Очевидно, что эта проблематика актуализируется в публичном дискурсе, что создает новые вызовы для исследователей, работающих в идентитарном поле.

Некоторые выводы

Становление идентитарных исследований в России продемонстрировало ряд схожих для институционализации политической науки черт. На этот процесс оказали влияние научные и общественно-политические факторы. Становление профессионального сообщества проходило при тесном сотрудничестве региональных центров и столичной академической науки. Ориентация на международные профессиональные стандарты и основательное знакомство с достижениями зарубежных исследователей способствовали оформлению исследовательского поля, но в то же время не сковали отечественных ученых жесткими схемами и концептами. Российские исследователи проявляют значительную самостоятельность в анализе различных измерений / составляющих идентичности, а в некоторых отношениях вступают в прямую дискуссию, подвергая критике чрезмерно суженное понимание в западном дискурсе ряда категорий, таких как политика идентичности.

¹ Эдереп М. Snob: Конспект открытого интервью посла Европейского союза в России // Экспертная группа «Европейский диалог». – Режим доступа: <http://www.eedialog.org/ru/2018/11/02/snob-konspekt-otkrytogo-intervyu-posla-evropejskogo-soyuza-v-rossii/> (Дата посещения: 01.11.2019.)

Институциональные основы сообщества сформированы научными проектами, мероприятиями, публикациями. Особое значение имеют наличие и работа Экспертной сети по исследованию идентичности. Профессиональное сообщество по определению ризомно и противоположно иерархии. В то же время не будет преувеличением сказать, что на данный момент центр идентитарных исследований в России находится в ИМЭМО РАН.

Показателями институционализации идентитарных исследований можно считать также деятельность ряда журналов. Так, в «Южно-российском журнале социальных наук» есть рубрика «Политика идентичности». «Вестник Пермского университета. Политология» регулярно публикует статьи по проблематике идентичности. «Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований», издаваемый с 2012 г. в Иваново, стал площадкой для междисциплинарного диалога, в том числе по проблематике территориальной идентичности.

Разрабатываются и читаются учебные курсы по идентичности: «Политика идентичности» (КубГУ); «Российская идентичность в сравнительной перспективе» (ПермГУ); издаются учебные пособия [Капицын, 2019].

Широкое поле идентитарных исследований представлено в энциклопедическом издании, в совокупности междисциплинарных подходов и поисков политической науки в определении политической, гражданской, сетевой и других измерений идентичности. Все это дает основания надеяться на то, что идентитарные исследования при всей важности междисциплинарности подходов к анализу идентичности займут существенное место в политической науке.

Список литературы

- Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: РОССПЭН, 2012. – 263 с.
- Вестник Пермского научного центра / Уральское отделение Российской академии наук. – 2016. – № 5: Спецвыпуск. – С. 1–98. – Режим доступа: http://identityworld.ru/Statyi/2016.5_specvupusk.pdf (Дата обращения: 12.12.2019.)
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 38–73.
- Гриценко А.А. Восприятие соседей в приграничных городах Крыма после 2014 года // Региональные исследования. – 2018. – № 3 (61). – С. 109–114.

- Дневник Алтайской школы политических исследований: сборник научных статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – № 35: Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны) / под ред. Ю.Г. Чернышова. – 227 с.
- Докучаев Д.С. Региональная идентичность в Ивановской области: политика конструирования образа территории. – Иваново: Издательство ИвГУ, 2016. – 108 с.
- Докучаев Д.С. Региональная идентичность в Ивановской области: конкурирующие дискурсы в политике конструирования образа территории // Дискурс-Пи.– 2018. – Т. 15, № 3/4 (32–33). – С. 173–182. – DOI: <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.33.4.173182>
- Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь Мир, 2017. – 992 с.
- Катицын В.М. Теория и политика идентичности: учебное пособие. – М.: Инфра-М, 2019. – 219 с.
- Киселев К.В. К вопросу об идентичности Свердловской области // Дискурс-Пи.– 2014. – № 2/3. – С. 206–209.
- Киселев К.В., Щербakov А.Ю. Региональная идентичность в социологическом измерении: челябинский случай // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2013. – № 4. – С. 43–48.
- Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. – М.: Новый хронограф, 2010. – 240 с.
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Малинова О.Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. – М., 2017. – Вып. 5: Политика идентичности. – С. 7–21. – (Сер.: Политология).
- Морозова Е.В. Образ Другого / Чужого в формировании внешнеполитической идентичности // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 6/2. – С. 183–186.
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябенко Н.В. Фронтير сетевого сообщества // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 2. – С. 83–97.
- Москвин Д.Е. Культурные политики и их субъекты в Свердловской области // Вестник Пермского университета. Серия Политология. – 2011. – № 5. – С. 85–104.
- Назукина М.В. Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности. – Пермь: ООО «Печатный салон “Гармония”», 2018. – 196 с.
- Назукина М.В., Подвицнев О.Б. Российская федерация как система и иерархия идентичностей // Вестник Пермского научного центра. – 2013. – № 4. – С. 45–51.
- Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. – 208 с.; т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – 471 с.

- Понеделков А.В., Жученко Е.Н., Фасс Ю.С. Место и роль ростовской научной элитологической школы в изучении региональных административно-политических элит // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – № 3. – С. 102–110.
- Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции / под ред. М.В. Назукиной, О.Б. Подвинцева, Н.А. Коровниковой. – Пермь: ООО «Печатный салон “Гармония”», 2014. – 128 с.
- Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Часть 1: Глядя на Запад / В.А. Колосов, М.В. Зотова, Ф.А. Попов, А.А. Гриценко, А.Б. Себенцов // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 3. – С. 42–59. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.06>
- Российская Арктика в поисках интегральной идентичности: коллективная моногр. / отв. ред. О.Б. Подвинцев. – М.: Новый хронограф, 2016. – 208 с.
- Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / под ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеевой. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 8–13.
- Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ: в 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля; Рос. ассоциация междунар. исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И.М. Бусыгиной. – С. 81–107.
- Тимофеев М.Ю. Стимулирование территориальной идентичности и симулирование брендинга места // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2014. – № 5. – С. 41–47.
- Тимофеев М.Ю. Монументальный образ родины-матери в политиках памяти современной России // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2016. – № 4 (35). – С. 86–94.
- Фадеева Л.А. Борьба за конструирование региональной идентичности: пермский случай // Вестник Пермского университета. Серия Политология. – 2011. – Вып. 2 (14). – С. 43–51.
- Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. – М.: Новый хронограф, 2012. – 320 с.
- Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 164–180.
- Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Опыт мировых войн в политике идентичности и стратегии международной безопасности // Региональные стратегии международной безопасности: сборник материалов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2019. – (в печати).
- Шадже А.Ю., Куква Е.С. Идентичность в междисциплинарных ракурсах // Вестник Пермского университета. Серия Политология. – 2018. – № 3. – С. 175–182. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-175-182>
- Элитология: Энциклопедический словарь. – М.: Экон-Информ, 2013. – 618 с.

L.A. Fadeeva, M.V. Nazukina *
**Institutionalization of political science in Russia: factors,
levels, results (on the example of identitarian studies)**

Abstract. The institutionalization of various research schools in Political Science has both its own specific features and some common factors such as academic relevance and background, formation of common spaces for professional communication, the creation of professional community.

The formation of identity investigations in the Russian Political Science has been intensified the last 10 years. The authors characterize the process of development from some individual publications to the creation of common approach to the analysis of identity. They consider the set of factors contributed to this process such as the crisis of political culture concept at the same time with the rise of historical politics and memory politics research; actualization of regional studies; politization of identities, especially the ethnic one; inclusion of identity into wide public discourse.

The authors analyze the role of the regional centers (universities and academic institutions) in the search of analytical tools and defining of research area. The regional centers have originality of their research (Perm, Krasnodar, Kazan, Barnaul, Yekaterin-burg, Maykop, and Saint Petersburg). One of the very important institutes of identity research promotion is the Research Committee of Russian Association of Political Science on political identity.

The authors use as an example of academic search regional and local identities inquiries and identity politics definition. Identity politics is defined by the Russian researchers in more wide interpretation than in the Western social sciences. It is the answer on the public and political challenge.

Keywords: Political Science; regional centers; universities; professional network; identity research.

For citation: Fadeeva L.A., Nazukina M.V. Institutionalization of political science in Russia: factors, levels, results (on the example of identitarian studies). *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 201–220. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.08>

References

- Diary of the Altai School of Political Studies: a collection of scientific articles. N 35.* Modern Russia and the World: Development Alternatives (Politics of Memory and the Formation of an International Image of the Country) / Ed. by Yu. G. Chernyshov. Barnaul: Publishing house of the Altai University, 2019, 227 p. (In Russ.)

* **Fadeeva Liubov**, Perm state university (Perm, Russia), e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru; **Nazukina Mariya**, Perm federal research center, Urals branch of Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); Perm state university (Perm, Russia), e-mail: nazukina@mail.ru

- Dokuchaev D.S. *Regional identity in the Ivanovo region: the policy of constructing the image of the territory*. Ivanovo: Ivanovo SU, 2016, 108 p. (In Russ.)
- Dokuchaev D.S. Regional identity in the Ivanovo region: competing discourses in the policy of constructing the image of the territory. *Discourse-P*. 2018, Vol. 15, N 3–4 (32–33), P. 173–182. DOI: <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.33.4.173182> (In Russ.)
- Elitology. Encyclopaedic dictionary*. Moscow: Ekon-Inform, 2013, 618 p. (In Russ.)
- Fadeeva L.A. The struggle for the construction of regional identity: Perm case. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2011, Vol. 2(14), P. 43–51. (In Russ.)
- Fadeeva L.A. Who are we? Intellectuals in the struggle for identity. Moscow: New chronograph, 2012, 320 p. (In Russ.)
- Fadeeva L.A. Identity as political science term: Research area and cognitive resource. *Political Science (RU)*. 2016, N 2, P. 164–180. (In Russ.)
- Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Experience of world wars in identity politics and international security strategy. *Regional strategies of international security*. Collection of materials. Voronezh: Voronezh state university, 2019. (In print.) (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O.V. Political elites as an object of research in national political science. *Political Science (RU)*. 2016, N 2, P. 38–73. (In Russ.)
- Gritsenko A.A. Perception of neighbors in border cities of Crimea after 2014. *Regionalnye issledovaniya*. 2018, N 3 (61), P. 109–114. (In Russ.)
- Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves Mir Publishers, 2017, 992 p. (In Russ.)
- Kapitsyn V.M. *Theory and politics of identity. Textbook*. Moscow: Infra-M, 2019, 219 p. (In Russ.)
- Kiselev K.V. To the question of the identity of the Sverdlovsk region. *Discourse-P*. 2014, N 2–3, P. 206–209. (In Russ.)
- Kiselev K.V., Shcherbakov A. Yu. Regional identity in the sociological dimension: case of Chelyabinsk oblast. *Research yearbook. Institute of philosophy and law. Ural branch of the Russian Academy of Sciences*. 2013, N 4, P. 43–48. (In Russ.)
- Kolosov V.A. et al. Russia's Post-Soviet Borderzone in Between East and West (Analysis of Political Discourse). Part II: Looking East. *Polis. Political Studies*. 2018, N 3, P. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.06> (In Russ.)
- Krylov M.P. *Regional identity in European Russia*. Moscow: New Chronograph Publishing, 2010, 240 p. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. Symbolic politics and construction of macro-political identity in post-Soviet Russia. *Polis. Political Studies*. 2010, N 2, P. 90–105. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Identity politics as a struggle for meanings: The challenge of conceptualization. In: *Symbolic policy: Collection of papers. Issue. 5: Identity Politics*. Moscow: INION RAS, 2017, P. 7–21. (In Russ.)
- Morozova E.V. Image of other/alien in formation of foreign policy identity (literature review). *Historical and Social Educational Ideas*. 2016, Vol. 8, N 6/2, P. 183–186. (In Russ.)
- Morozova E.V., Miroshnichenko I.V., Ryabchenko N.V. The frontier of network society. *World Economy and International Relations*. 2016, Vol. 60, N 2, P. 83–97. (In Russ.)
- Moskvin D.E. Cultural policy and their actors in the Sverdlovsk region. *Bulletin of Perm university. Political science*. 2011, N S, P. 85–104. (In Russ.)

- Nazukina M.V. *Between the Urals and the Volga region: search for Permian identity*. Perm: Printing salon «Harmony», 2018, 196 p. (In Russ.)
- Nazukina M.V., Podvintsev O.B. Russian Federation as a system and hierarchy of identities. *Perm federal research centre journal*. 2013, N 4, P. 45–51. (In Russ.)
- Perm Federal Research Centre Journal*. 2016. N 5: Special issue. P. 1–98. Mode of access: http://identityworld.ru/Statyi/2016.5_specvupusk.pdf (Accessed: 12.12.2019) (In Russ.)
- Political identity and identity politics: in 2 vol.* Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: ROSSPEN, 2012. (In Russ.)
- Ponedelkov A.V., Zhuchenko E.N., Fass Yu.S. The place and role of the Rostov scientific elitological school in studying of regional administrative-political elites. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2012, N 3, P. 102–110. (In Russ.)
- Post-Soviet identity in the political dimension: realities, problems, prospects*. Materials of the Russian scientific and practical Internet conference. Ed. by M.V. Nazukina, O.B. Podvintsev, N.A. Korovnikova. Perm: Printing salon «Harmony», 2014, 128 p. (In Russ.)
- Semenenko I.S. Identity in the subject field of political science. In: *Identity as a subject of political analysis*. Collection of articles on the results of the Russian scientific and theoretical conference (IMEMO RAS, 21–22 October 2010). Ed. by I.S. Semenenko, L.A. Fadeeva. Moscow: IMEMO RAS, 2011, P. 8–13. (In Russ.)
- Smirnyagin L.V. On Regional Identity. In: *Space and Time in World Politics and International Relations: Proceedings of the 4 RAMI Convention*. In 10 vol. Ed. by A. Yu. Melville; Russ. association of international research. Vol. 2: *Identity and sovereignty: new approaches to understanding concepts*. Ed. by I.M. Busygina. Moscow: MGIMO-University, 2007, P. 81–107. (In Russ.)
- Shadzhe A. Yu., Kukva E.S. Identity in a multidisciplinary context. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2018, N 3, P. 176–182. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-175-182> (In Russ.)
- The Russian Arctic in search of integral identity: a collective monograph*. Ed. by O.B. Podvintsev. Moscow: New chronograph, 2016, 208 p. (In Russ.)
- The struggle for identity and new institutions of communication*. Ed. by P.V. Panov, K.A. Sulimov, L.A. Fadeeva. Moscow: ROSSPEN, 2012, 263 p. (In Russ.)
- Timofeev M.Yu. Stimulation of territorial identity and promotion of the territory's brands. *Perm federal research centre journal*. 2014, N 5, P. 41–47. (In Russ.)
- Timofeev M.Yu. Monumental image of the motherland in the politics of memory in contemporary Russia. *Perm university herald. History*. 2016, N 4 (35), P. 86–94. (In Russ.)

РЕТРОСПЕКТИВА

АНАЛИЗ СВЯЗИ ОТДЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ С ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В РОССИИ /

**А.В. Коротаев, С.Г. Шульгин, И.А. Медведев, Ю.В.
Зинькина***

Аннотация. В статье представлен систематический обзор подходов к определению и способу изучения ценностных ориентаций, связи ценностей и социального действия. Авторы проанализировали связь между социально-демографическими группами и их ценностными ориентациями. На основе данных, полученных в результате проведения социологических исследований в России, были проанализированы связи ценностных ориентаций респондентов с их электоральным поведением и электоральными предпочтениями. Кроме того, исследованы ценностные ориентации, характерные для электората наиболее ярких

* **Коротаев Андрей Витальевич**, доктор философии (PhD), доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории демографии и человеческого капитала, РАНХиГС (Москва, Россия), e-mail: akorotayev@gmail.com; **Шульгин Сергей Георгиевич**, кандидат экономических наук, заместитель заведующего Международной научно-исследовательской лабораторией демографии и человеческого капитала, РАНХиГС (Москва, Россия), e-mail: shulgin@ranepa.ru; **Медведев Илья Александрович**, младший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории демографии и человеческого капитала, РАНХиГС (Москва, Россия), e-mail: semyonkot@yandex.ru; **Зинькина Юлия Викторовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории демографии и человеческого капитала, РАНХиГС (Москва, Россия), e-mail: juliazin@list.ru

© Коротаев А.В., Шульгин С.Г., Медведев И.А.,
Зинькина Ю.В., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.01.09

современных политиков. Использование системы Ш. Шварца позволило выяснить, что электорат, в большей степени приверженный ценностям сохранения и при этом наименее приверженный ценностям самоутверждения, поддерживает С. Бабурина и Г. Зюганова. На другом полюсе находятся К. Собчак и особенно А. Навальный, для сторонников которых характерны максимальные значения как индекса приверженности ценностям открытости к изменениям, так и индекса приверженности ценностям самоутверждения. Промежуточное положение занимает электорат В. Путина, Г. Явлинского, Д. Медведева, П. Грудина, Б. Титова и В. Жириновского, но при этом электорат В. Путина, Г. Явлинского и Д. Медведева несколько сдвинут в сторону ценностей сохранения, а электорат П. Грудина, Б. Титова и В. Жириновского – в сторону ценностей открытости к изменениям. Кроме того, исходя из ценностных ориентаций электората соответствующих (актуальных и потенциальных) кандидатов в президенты на выборах 2018 г., с помощью системы Р. Инглхарта были выделены два основных кластера: класс кандидатов, электорат которых демонстрирует приверженность материалистическим ценностям выживания и традиционно-религиозным ценностям, и класс кандидатов, электорат которых скорее характеризуется приверженностью постматериалистическим ценностям самовыражения и секулярно-рациональным ценностям.

Ключевые слова: ценности; электоральное поведение; электоральные предпочтения; возрастные группы; гендерные аспекты; ценности самоутверждения; традиционно-религиозные ценности; ценности сохранения; постматериалистические ценности; президентские выборы 2018 г. в РФ.

Для цитирования: Анализ связи отдельных ценностных измерений с демографическими факторами и электоральным поведением в России / А.В. Коротаев, С.Г. Шульгин, И.А. Медведев, Ю.В. Зинькина // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. XX-XX. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.09>

Введение

Различного рода исследования ценностей все активнее появляются в течение последнего десятилетия. Данная область интенсивно исследуется как политологами и социологами, так и экономистами. При рассмотрении влияния ценностных ориентаций как источников мотивов к различного рода действиям часто в фокус исследований попадают не столько конкретные действия, сколько готовность и желание людей, например, отношение к внешней политике, запрос на демократизацию, готовность к кооперации [Wirajuda, 2014; Democratisation ..., 2006; Fink, 2012]. Ценности изучаются социологами уже достаточно длительное время. Стоит для начала вспомнить работы Макса Вебера. Вебер рассматривал типы социальных действий, выделяя ценностно-рациональный тип

действия. Для Вебера ценностно-рациональное действие – это действие, обладающее самостоятельной ценностью [Вебер, 1990 а]. Например, в «Протестантской этике и духе капитализма» Вебер объяснял экономический успех протестантских стран теми ценностями, которые были вписаны в суть их религиозных доктрин. Таким образом, Вебер показывал, что глубокие ценностные ориентации могут влиять на поведение людей [Вебер, 1990 б]. Социальное действие (т.е., по Веберу, действие, соотносимое действующими с действиями других людей) называется ценностно-рациональным в том случае, если оно основано на вере в безусловную самодовлеющую ценность определенного поведения, независимо от его возможных последствий и результатов [Вебер, 1990 а]. Социальные действия были классифицированы Вебером на основе степени рациональности мотивов действующего субъекта, и ценностно-рациональное действие оказывалось в этой классификации на втором месте – сразу после целерационального, но выше двух других типов – традиционного и аффективного. Теория Вебера была полемически направлена против экономического детерминизма тогдашних марксистов, поскольку в ней утверждалось, что люди могут по-разному понимать свои интересы и далеко не всегда действуют в рамках экономической рациональности.

Влияние ценностных установок на политическое поведение изучал также Т. Адорно, разработавший так называемую F-шкалу. Подход Адорно был направлен на выявление ценностей, наиболее сочетающихся с крайне правыми идеологиями [The authoritarian personality, 1950]. Теория авторитарной личности Адорно отождествляла склонность к правому авторитаризму с ксенофобскими установками, которые могут разделять лишь индивиды, воспитанные в определенной системе ценностей, поэтому в опроснике присутствовали вопросы, призванные выявить склонность к деструкции, готовность подчиняться авторитету, цинизм, приверженность ценностям патриархальной семьи и т.п. Ряд авторов выступили с критикой F-шкалы, указывая на произвольность отбора авторитарных ценностей и иные недостатки [Christie, Jahoda, 1954], и к концу 1970-х годов теория оказалась почти забытой на Западе. При этом к концу XX в. данный подход был доработан Альтмейером, делавшим упор на то, какие ценности человек усваивал в семье. В частности, Альтмейер отмечал склонность респондентов к крайне авторитарным установкам, когда в семье усваивается такая

система взглядов, в которой мир представляется опасным местом, где происходит постоянная деградация, чреватая общей катастрофой, спасти от которой могут лишь сильные лидеры и жесткие меры [Altemeyer, 1981]. В пользу F-шкалы Адорно высказывался также Дж. Рэй, считавший, что с ее помощью можно с высокой достоверностью диагностировать склонность индивида к расизму [Ray, 1988]. В последнее время интерес к теории Адорно вновь начал расти, что связано с недавним усилением правого популизма в Европе и Америке [Mattson, 2018; Bizumic, Duckittb, 2018; el-Ojeili, 2019].

Концептуальная схема Адорно, однако, не позволяет хорошо предсказывать действительное политическое поведение, ориентируясь скорее на потенциал возникновения политических движений. Поэтому стоит обратиться к более современным концептуальным схемам, позволяющим лучше прогнозировать политические акты.

С 1970 г. Европейская комиссия проводила опросы общественного мнения в странах Европейского сообщества. С 1974 г. проект получил название «Евробарометр». Проект посвящен мониторингу общественного мнения и напрямую не связан с изучением фундаментальных ценностей европейцев. Участник проекта Р. Инглхарт выдвинул концепцию постматериализма, объясняющую направление изменений ценностей населения развитых стран [Inglehart, 1971; 1977; 2007]. Он предположил, что старые материалистические ценности, нацеленные на выживание, с ростом благосостояния общества отходят на задний план, уступая место постматериальным ценностям, таким как самовыражение. Инглхарт полагает, что перелом в пользу постматериалистов наметился после Второй мировой войны, и что число людей, разделяющих постматериалистические ценности, постепенно растет во всем мире.

С 1981 г. в Европе регулярно проводится масштабное исследование «Европейский обзор ценностей» (European Values Study – EVS), которое позднее переросло во «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey, WVS). Во главе проекта изначально стояли ученые Тилбургского университета Р. Де Моор и Я. Керкхофс. В 1990 г. Инглхарт возглавил WVS, что дало ему возможность приложить свою теорию к данным, собранным по всему миру. Так Р. Инглхарт и К. Вельцель составили «культурную карту мира», представляющую собой график, где по оси абсцисс отложены ценности выживания vs ценности самовыражения, а по оси ординат –

традиционные ценности vs ценности секулярно-рациональные [Inglehart, Welzel, 2005]. На графике были расположены страны в соответствии с преобладающим типом ценностей. Россия оказалась среди стран с резко выраженной приверженностью ценностям выживания и секулярно-рациональным ценностям, что характерно для многих посткоммунистических стран. Страны протестантской Европы и англоязычные страны в основном тяготеют к постматериалистическим ценностям самовыражения, но отличаются отношением к религии и традициям: континентальные европейцы более склонны к секулярно-рациональным ценностям, а англоговорящие страны – скорее к традиционно-религиозным. В целом Инглхарт и Вельцель выделяют семь регионов в соответствии с доминирующими ценностями.

Материалы и методы

В своем исследовании мы бы хотели обратиться к российской перспективе исследования ценностей в связи с электоральным поведением и электоральными предпочтениями. Для реализации данной задачи нами был проведен опрос в Москве и Екатеринбурге¹. Объем выборки составил 2000 респондентов (по 1000 из каждого региона). При отборе респондентов мы стремились добиться распределений по социодемографическим характеристикам, соответствующим средним распределениям для каждого города. Это достигалось использованием метода телефонного опроса *CATI* по случайной репрезентативной выборке с последующей коррекцией характерных для этого метода смещений. Для контроля репрезентативности (соответствия между выборкой и генеральной совокупностью) использовался социодемографический блок вопросов, соответствующий аналогичному блоку исследования «Евробарометр в России». Опрос был проведен с использованием методологии, описанной Р. Инглхарт, К. Вельцелом и Ш. Шварцем [Schwartz, Caprara, Vecchione, 2010; Inglehart, 2007;

¹ Данный опрос был проведен РАНХиГС в рамках реализации госзадания «Демографическая динамика, ценностные ориентации и электоральное поведение» в мае-июле 2018 г.

Inglehart, Welzel, 2005], чтобы собранные данные были сравнимы с общей базой данных WVS.

Анализ социально-демографических характеристик

Для начала рассмотрим, как отличаются ценностные ориентации среди различных социально-демографических групп на примере наших данных по России.

Распределение точек данных респондентов в пространстве, задаваемом осями «консерватизм – открытость изменениям», «забота о других – самоутверждение» в случае использования нормализации результатов опроса РАНХиГС по общемировой базе WVS представлено на рис. 1.

Рис. 1.
Распределение точек данных респондентов

При отсутствии нормализации распределение выглядит так, как показано на рис. 2.

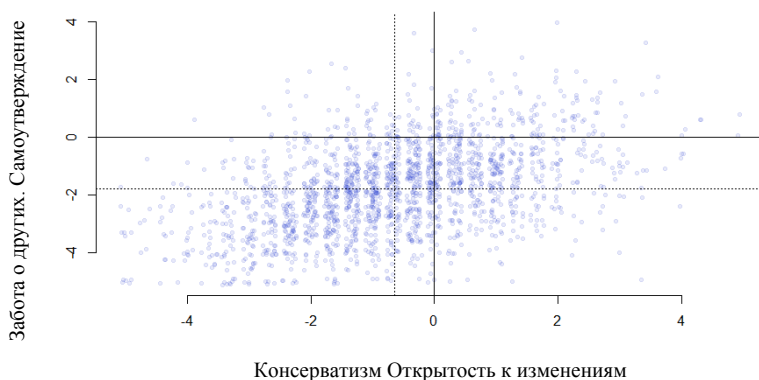

Рис. 2.

Распределение точек данных респондентов в случае использования нормализации (данные без нормализации)

Далее мы используем нормализованный вариант индекса.

Средние значения соответствующих осей для возрастных групп приведены в табл. 1.

Таблица 1

Средние значения осей для возрастных групп

Возрастные группы	«Консерватизм – открытость к изменениям»	«Забота о других – самоутверждение»	Количество наблюдений
[18–25]	0,699	–0,801	211
[25–30]	0,239	–1,02	177
[30–40]	–0,359	–1,38	419
[40–50]	–0,689	–1,81	352
[50–60]	–0,961	–2,01	232
[60–70]	–1,37	–2,54	274
[70–80]	–1,50	–2,58	213
[80–100]	–1,42	–2,42	123

Для начала рассмотрим корреляцию между возрастом респондентов и их приверженностью ценностям консерватизма и открытости к изменениям (см. рис. 3).

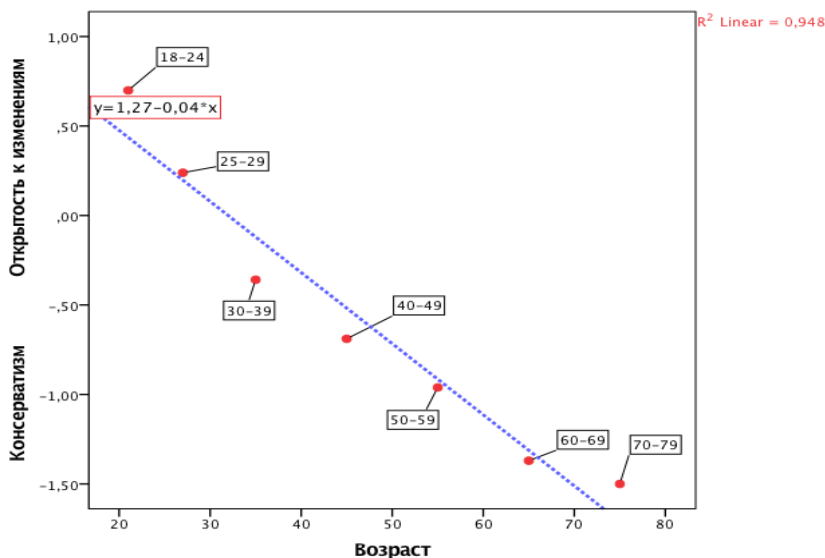

Рис. 3.

Корреляция между возрастом респондентов и приверженностью ценностям консерватизма и открытости к изменениям для семи основных возрастных групп¹

Как мы видим, наблюдается ярко выраженная отрицательная корреляция между возрастом респондентов и приверженностью ценностям открытости к изменениям (и, соответственно, положительная корреляция между возрастом и приверженностью консервативным ценностям). То есть более пожилые респонденты в тенденции оказываются заметно в меньшей степени привержены ценностям открытости к изменениям, нежели молодые респонденты. Отметим, что предыдущие исследования [Robinson, 2013; Измерение межстранового ..., 2018] показали, что данная корреляция является универсальной и прослеживается для всех стран, в которых были проведены соответствующие опросы, включая страны Азии, Африки и Латинской Америки. Примечательно, что по результа-

¹ Примечание: $r = -0,974$, $R^2 = 0,948$, $p < 0,001$. Возрастная группа 80–100 была исключена из анализа для обеспечения сопоставимости с результатами последующих тестов.

там четвертой и пятой волны WVS корреляция между возрастом респондентов и приверженностью консервативным ценностям среди россиян оказалась еще выше ($r = -0,997$), чем по данным нашего опроса ($r = -0,974$) [Измерение межстранового ..., 2018].

Рассмотрим теперь корреляцию между возрастом респондентов и приверженностью к ценностям «Забота о других – самоутверждение» (см. рис. 4).

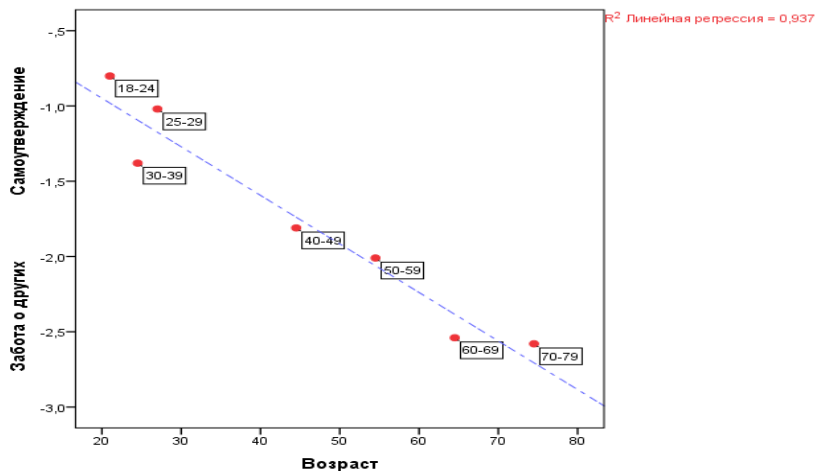

Рис. 4.

Корреляция между возрастом респондентов и ценностями для семи основных возрастных групп¹

Как мы видим и на примере других стран, наблюдается ярко выраженная отрицательная корреляция между возрастом респондентов и приверженностью ценностям самоутверждения (и, соответственно, положительная корреляция между возрастом и ценностями заботы о других). То есть пожилые респонденты в тенденции оказываются заметно менее привержены ценностям самоутверждения, чем более молодые респонденты, и, соответст-

¹ Примечание: $r = -0,968$, $R^2 = 0,937$, $p < 0,001$. Возрастная группа 80–100 была исключена из анализа для обеспечения сопоставимости с результатами предыдущих тестов.

венно, заметно более привержены ценностям заботы о других. Речь и в данном случае идет о достаточно универсальной закономерности [Robinson, 2013; Возраст, ценности ..., 2018], которая прослеживается в самых разных странах мира, для которых были приведены соответствующие опросы, включая страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Если обратить внимание на средние показатели в различных возрастных категориях для нашего опроса по Москве и Екатеринбургу (см. ниже рис. 14), то можно отметить, что начальная группа от 18 до 24 лет имеет средний показатель в $-0,801$, значительно снижаясь от группы к группе. Наибольший разрыв в данном показателе можно между периодами 50–60 лет и 60–70 лет. В целом эти данные подтверждают результаты ранее полученных результатов опросов в России [Магун, Руднев, 2010], однако исследователи описывают, что ценности самоутверждения и реализации у россиян были одними из самых выраженных в Европе [Магун, 2006; Магун, Руднев, 2008]. Ученые связывали данный феномен с рекордными ценностями «материализма», всплеск которых пришелся на конец 1990-х годов [Гражданские, этнические и религиозные идентичности ..., 2006]. Однако многие отмечали изменение в ценностных ориентирах россиян, опираясь на данные 2000-х годов как точку отсчета [Руднев, 2011; Кирилина, 2012].

Как мы видим, среди респондентов наблюдается, с одной стороны, четкая отрицательная корреляция между их возрастом и приверженностью ценностям открытости к изменениям, а с другой стороны – почти столь же четкая отрицательная корреляция между возрастом респондентов и приверженностью ценностям самоутверждения. На выходе вполне предсказуемым образом мы получаем ярко выраженную положительную корреляцию между приверженностью ценностям открытости к изменениям и приверженностью ценностям самоутверждения, если мы берем в качестве единицы сопоставления возрастные группы (см. рис. 5).

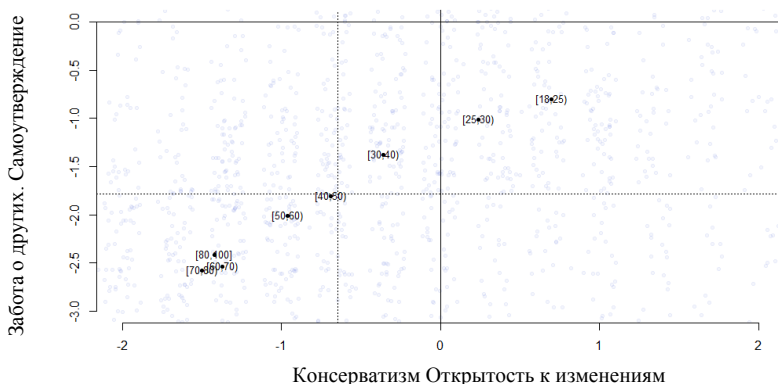

Рис. 5.
**Средние значения осей «консерватизм – открытость
 изменениям», «забота о других – самоутверждение»
 для возрастных групп¹**

Как мы видим, тем возрастным группам, для которых характерна высокая приверженность ценностям открытости к изменениям, характерна и сильная приверженность к ценностям самоутверждения. И наоборот: для тех возрастных групп, в которых характерна сильная приверженность к ценностям консерватизма, характерна и сильная приверженность к ценностям заботы о других. Речь при этом идет о достаточно универсальной закономерности. В целом с возрастом люди в тенденции становятся все более консервативными, но при этом в них усиливается приверженность ценностям заботы о других и ослабляется приверженность ценностям самоутверждения.

Рассмотрим средние значения индекса открытости к изменениям и индекса самоутверждения для мужчин и женщин (см. табл. 2 и рис. 6).

¹ Примечание: $r = 0,989$; $R^2 = 0,977$, $p < 0,001$.

Таблица 2

**Средние значения индекса открытости к изменениям
и индекса самоутверждения для мужчин и женщин**

Пол	Значение индекса «открытость к изменениям – консерватизм»	Значение индекса «самоутверждение – забота о других»
Мужчина	-0,359	-1,47
Женщина	-0,871	-2,03

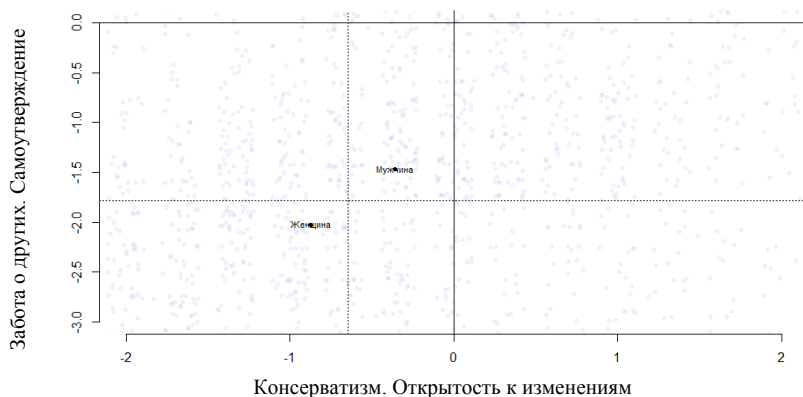

Рис. 6.

Распределение точек данных респондентов в пространстве, задаваемом осями «консерватизм – открытость изменениям», «забота о других – самоутверждение» для мужчин и женщин

Как мы видим, женщины значимо больше поддерживают консервативные ценности (значение индекса $-0,871$), нежели мужчины ($-0,359$). Это в целом отражает известный факт о большей консервативности женщин по сравнению с мужчинами [Rendall, 1987]. Стоит отметить перевес среднего значения показателя «самореализация – забота о других» в сторону женской части выборки ($-1,47$ у мужчин и $-2,03$ у женщин), что говорит нам о том, что ценности, связанные с заботой о других, более выражены у женской части населения, в то время как мужчины более стремятся к самореализации, что в целом подтверждает общемировую тенденцию [Гаджиева, 2000].

Ценности, электоральное поведение и электоральные предпочтения

Результаты анализа данных проведенного нами опроса подтверждают выводы предыдущих исследователей, отмечавших достаточно сильную связь между ценностями граждан и их электоральным поведением / электоральным предпочтением [Erikson, 1950; 1968; Evan, 1959; Zellman, 1975; Tilley, Evans, 2014; Hyde, 2014]. Рассмотрим влияние ценностных измерений на различные аспекты электорального поведения на президентских выборах 2018 г.

Средние значения индекса открытости к изменениям и индекса самоутверждения для респондентов, принявших и не принявших участие в выборах 2018 г. представлены в табл. 3 и на рис. 7.

Таблица 3

**Средние значения индексов для респондентов, принявших
и не принявших участие в выборах 2018 г.**

Ходил ли человек на выборы	Значение индекса «открытость к изменениям – консерватизм»	Значение индекса «само- утверждение – забота о других»
Да	-0,822	-1,91
Нет	-0,116	-1,42

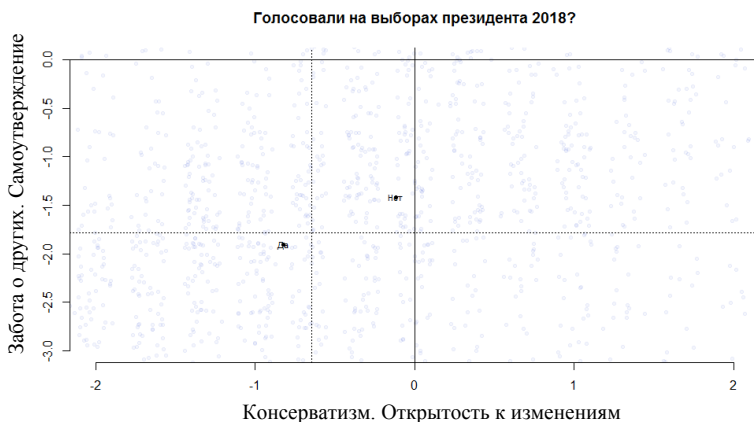

Рис. 7.

Распределение точек данных респондентов, положительно и отрицательно ответивших на вопрос об участии в выборах

Как мы видим, среди людей, ответивших отрицательно на вопрос о том, ходили ли они на прошедшие выборы, значение индекса открытости к изменениям было значимо более высоким, нежели среди тех, кто ходил на выборы. Для не принявших участие значение индекса составило $-0,116$, в то время как среднее значение того же индекса, но среди числа людей, положительно ответивших на вопрос об участии в выборах, составило $-0,822$. Можно предположить, что на последние выборы ходили люди, более приверженные консервативным ценностям, нежели открытые к изменениям. Обращая внимание на индекс ценностей «заботы о других – самоутверждения», стоит отметить, что среди тех, кто пошел на выборы, индекс самоутверждения значительно ниже, нежели среди тех, кто не пошел на выборы. Для сравнения среднее значение индекса «заботы о других – самоутверждения» у ответивших «да» на вопрос об участии в выборах составило $-1,91$, тогда как среди ответивших «нет» – $-1,42$. Можно говорить, что для пришедших на выборы в 2018 г. ценность заботы о других была более значима, нежели для тех, кто на выборы не пришел.

Не представляется случайным, что ценности не ходивших на выборы достаточно схожи с ценностями более молодого поколения, как мы увидим это ниже. Действительно, в 2018 г. отказ от участия в выборах был в заметной степени протестным (см. табл. 4).

Таблица 4

Корреляция между участием / неучастием в президентских выборах 2018 г. и электоральными предпочтениями

За кого из возможных кандидатов, включая незарегистрированных, вы бы проголосовали, если бы от вашего голоса зависел исход выборов?	Голосовали ли вы на выборах президента РФ 18 марта 2018 г.?		Всего
	Да	Нет	
1	2	3	4
Сергей Бабурин	17	2	19
	1,1%	0,4%	1,0%
Павел Грудинин	146	45	191
	9,8%	9,0%	9,6%
Владимир Жириновский	99	22	121
	6,6%	4,4%	6,1%
Геннадий Зюганов	44	10	54
	2,9%	2,0%	2,7%
Дмитрий Медведев	23	6	29
	1,5%	1,2%	1,5%

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4
Алексей Навальный	42	52	94
	2,8%	10,4%	4,7%
Владимир Путин	609	151	760
	40,8%	30,1%	38,1%
Ксения Собчак	29	8	37
	1,9%	1,6%	1,9%
Максим Сурайкин	4	1	5
	0,3%	0,2%	0,3%
Борис Титов	20	6	26
	1,3%	1,2%	1,3%
Григорий Явлинский	41	9	50
	2,7%	1,8%	2,5%
Против всех	143	91	234
	9,6%	18,2%	11,7%
Не голосовал бы	110	83	193
	7,4%	16,6%	9,7%
Неуместный ответ	21	2	23
	1,4%	0,4%	1,2%
Отказ от ответа	96	4	100
	6,4%	0,8%	5,0%
Затрудняюсь ответить	48	9	57
	3,2%	1,8%	2,9%
Всего	1492	501	1993
	100%	100%	100%

Как мы видим, среди респондентов, не принявших участие в президентских выборах 2018 г., популярность В. Путина заметно ниже, чем среди респондентов, принявших участие. Кроме того, среди лиц, не принявших участие в президентских выборах 2018 г., особой популярностью пользуется А. Навальный – среди не проголосовавших его популярность в четыре раза выше, чем среди проголосовавших. При этом если среди проголосовавших на втором месте по популярности после В. Путина стоит П. Грудинин, то среди не проголосовавших – А. Навальный.

При этом, как мы увидим ниже, А. Навальный особенно популярен среди молодого электората. В то же время возраст респондентов выраженно положительно коррелирует с участием в президентских выборах (см. табл. 5).

Таблица 5

**Корреляция между возрастом респондентов
и участием в президентских выборах в 2018 г.**

<i>Возрастные группы (лет)</i>	<i>Процент проголосовавших</i>
18–25	49,8
25–30	55,7
30–40	68,5
40–50	79,7
50–60	81,4
60–70	85,3
70–80	90,0
80–100	91,9

Как мы видим из табл. 5, электоральная активность растет с повышением возраста респондентов. Если возрастная группа 18–25-летних в среднем проголосовала лишь менее чем в половину от своего объема (49,8%), то возрастная группа 30–40-летних показала почти 70%-ную активность (68,5%), а представители возрастной группы 60–70-летних ответили положительно на вопрос о том, ходили ли они на выборы, более чем в 85% случаев.

При этом особо низкое участие в выборах молодых респондентов имеет смысл до некоторой степени связать с особо высокой популярностью среди них А. Навального.

То, что среди не ходивших на выборы особенно много тех, кто хотел бы проголосовать за Навального, крайне важно для нашего дальнейшего анализа. В этом, разумеется, нет ничего удивительного, поскольку Навальный сам призывал к бойкоту выборов, а также являлся единственным популярным политиком, не допущенным к выборам против собственного желания. Вместе с тем, как представляется, не стоит переоценивать готовность сторонников этого политика беспрекословно следовать за ним, поскольку неучастие в выборах не означает автоматической поддержки идеи бойкота.

Также следует учесть, что молодые избиратели традиционно менее активны, чем избиратели старших возрастов. Притом что основные сторонники Навального – это молодые люди, понятно, что низкая электоральная активность этой группы населения пред-

ставляла бы для него серьезную проблему, даже если бы он был допущен к выборам.

В целом же следует отметить, что политические перспективы Навального серьезно ограничены узостью его электоральной базы. Молодые когорты, которые могли бы поддержать его систему ценностей, довольно малочисленны из-за демографической ямы 1990-х. Сегодня огромное большинство избирателей представляют люди, разделяющие консервативные установки как в силу своего зрелого возраста, так и в силу своего жизненного опыта, поскольку для миллионов россиян понятие «реформы» напрямую связано с лишениями периода, последовавшего за распадом СССР.

В целом средние значения индексов открытости к изменениям и самоутверждения для респондентов, отдавших свои голоса за соответствующих кандидатов, выглядят следующим образом (см. табл. 6 и рис. 8).

Таблица 6

**Средние значения индексов открытости к изменениям
и самоутверждения для респондентов, отдавших свои голоса
за соответствующих кандидатов**

Кандидат	Средний показатель индекса открытости к изменениям	Средний показатель индекса самоутверждения	N
Бабурин	0,0833	-0,875	4
Грудинин	-0,724	-1,99	112
Жириновский	-0,0885	-2,16	32
Путин	-1,01	-2,02	928
Собчак	0,129	-1,23	35
Сурайкин	0,667	-2	1
Титов	-0,333	-1,19	9
Явлинский	-0,304	-2,07	23

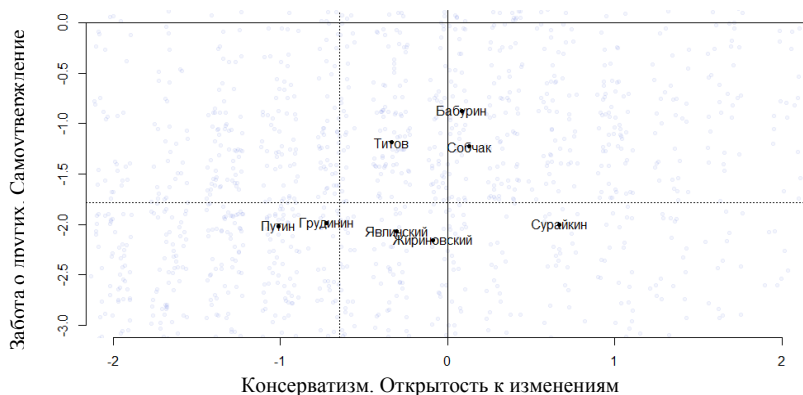

Рис. 8.

Распределение точек данных средних значений респондентов, проголосовавших за соответствующих кандидатов в пространстве, задаваемом осями «консерватизм – открытость к изменениям», «забота о других – самоутверждение» для основных кандидатов

Расположив средние показатели по индексам открытости к изменениям и заботе о других, можно заметить несколько особенностей. Основной электорат Путина привержен наиболее консервативным ценностям, и ценности заботы о других выражены достаточно сильно. Схожие показатели имеет электорат Грудинина, находясь примерно на схожем уровне по ценностям заботы о других, однако несколько смещаясь в сторону открытости к изменениям. Об электорате кандидатов Титова, Сурайкина и Бабурина нельзя сделать каких-либо обоснованных предположений, поскольку в выборку попало слишком мало респондентов, проголосовавших за них (9, 1 и 4 соответственно). Однако стоит отметить, что Путин, Грудинин, Жириновский и Явлинский имеют электорат, схожий по ценностям заботы о других, отличаясь лишь открытостью к изменениям. Отдельно хотелось бы отметить кандидата Собчак, которая имеет электорат, значительно больше нацеленный на самоутверждение и более открытый к изменениям – характеризующийся самыми крайними средними значениями по этим индексам (не считая отброшенных выше кандидатов).

Наряду с вопросом «За кого из зарегистрированных кандидатов вы проголосовали?» мы задавали вопрос: «За кого из возможных кандидатов, включая незарегистрированных, вы бы проголосовали, если бы от вашего голоса зависел исход выборов?» (при этом в список возможных кандидатов были добавлены А. Навальный, Г. Зюганов и Д. Медведев). В этом случае средние значения индексов открытости к изменениям и самоутверждения для респондентов, выразивших свою готовность голосовать за соответствующих кандидатов, выглядят следующим образом (см. табл. 7 и рис. 9).

Таблица 7

Средние значения индексов открытости к изменениям и самоутверждения для респондентов, выразивших свою готовность голосовать за соответствующих кандидатов (при добавлении в список возможных кандидатов А. Навального, Г. Зюганова и Д. Медведева)

Кандидат	Средний показатель индекса открытости к изменениям	Средний показатель индекса самоутверждения	N
Бабурин	-1,36	-2,08	20
Грудинин	-0,647	-1,77	191
Жириновский	-0,385	-1,76	121
Путин	-0,921	-1,94	761
Собчак	-0,045	-1,14	37
Сурайкин	-0,467	-2,53	5
Титов	-0,551	-1,79	26
Явлинский	-0,863	-1,74	50
Зюганов	-1,39	-2,34	54
Навальный	0,307	-1,19	94
Медведев	-0,707	-1,94	29
Против всех	-0,256	-1,53	235
Не голосовал бы	-0,425	-1,77	193

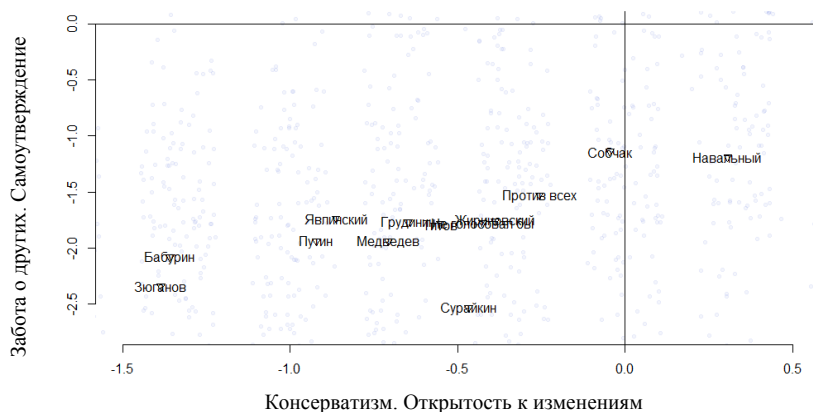

Рис. 9.

Распределение точек данных респондентов в пространстве, задаваемом осями «консерватизм – открытость изменениям», «забота о других – самоутверждение» для дополненного списка потенциальных кандидатов

Нетрудно заметить, что результаты электоральных предпочтений по второму варианту достаточно существенно отличаются от того, как наши респонденты голосовали в марте 2018 г. Дело в том, что наш опрос проводился в конце июня – начале июля 2018 г., и за этот промежуток рейтинг Путина достаточно заметно упал. По крайней мере, среди наших респондентов только 57,8% проголосовавших за В. Путина в марте 2018 г. выразили готовность голосовать за него в конце июня – начале июля того же года (см. табл. 8).

Очевидно, что значительное падение рейтинга Путина между мартом и июнем-июлем 2018 г. в высокой степени объясняется обнародованием планов по внесению изменений в пенсионную реформу. Вместе с тем данное обстоятельство позволило составить более полное представление о потенциальных электоральных предпочтениях россиян.

Говоря о распределении предпочтений опрошенных в условиях более расширенного списка кандидатов на фоне падения рейтинга В. Путина, стоит выделить два противоположных полюса. Самый консервативный электорат, при этом наиболее ценящий заботу об окружающих, поддерживает Бабурина и Зюганова (мы не учитыва-

ем Сурайкина, поскольку среди опрошенных за него проголосовало бы лишь пять человек, что не дает возможности оценить его электорат). На другом же полюсе находится Навальный, электорат которого обладает схожей ориентацией на самоутверждение, как и у сторонников Собчак, однако еще более открыт к изменениям. При этом по понятным причинам среди сторонников Навального особо высокий процент не принявших участие в выборах.

Таблица 8

**За кого респонденты, голосовавшие за В. Путина
в марте 2018 г., проголосовали бы
в конце июня – начале июля 2018 г.**

<i>За кого из возможных кандидатов, включая незарегистрированных, вы бы проголосовали, если бы от вашего голоса зависел исход выборов?</i>	<i>За кого из зарегистрированных кандидатов вы проголосовали 18 марта 2018 г.?</i>
Сергей Бабурин	13 / 1,4%
Павел Грудинин	64 / 6,9%
Владимир Жириновский	64 / 6,9%
Геннадий Зюганов	24 / 2,6%
Дмитрий Медведев	21 / 2,3%
Алексей Навальный	10 / 1,1%
Владимир Путин	536 / 57,8%
Ксения Собчак	8 / 0,9%
Максим Сурайкин	1 / 0,1%
Борис Титов	12 / 1,3%
Григорий Явлинский	15 / 1,6%
Против всех	61 / 6,6%
Не голосовал бы	64 / 6,9%
Неуместный ответ	14 / 1,5%
Отказ от ответа	3 / 0,3%
Затрудняюсь ответить	18 / 1,9%
Всего	928 / 100%

Отметим, что наблюдается сильная ($r = 0,721$) статистически значимая ($p = 0,005$) связь между ценностями «консерватизм – открытость к изменениям» и «самоутверждение – забота о других» при агрегировании наблюдений по кандидатам. При удалении из анализа электората Сурайкина корреляция становится откровенно сильной ($r = 0,923$) и статистически более значимой ($p < 0,001$).

Качественно сходные результаты были получены нами и при использовании двух интегральных ценностных измерений по сис-

теме Р. Инглхарта. Применительно к нашему случаю мы получаем здесь следующие результаты (см. табл. 9 и рис. 10).

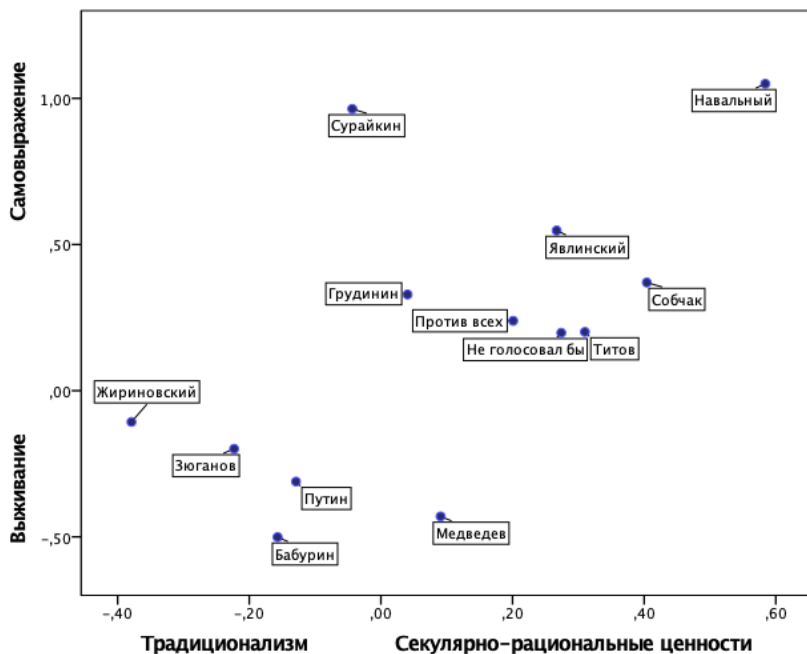

Рис. 10.

Распределение точек данных респондентов в пространстве, задаваемом осями «традиционно-религиозные – секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания – самовыражения» для дополненного списка потенциальных кандидатов

Таблица 9

Средние значения индексов «традиционно-религиозные – секулярно-рациональные ценности» и «выживание – самовыражение» для респондентов в зависимости от выбранного кандидата, расширенный список кандидатов

<i>Кандидат</i>	<i>Значение индекса «традиционно-религиозные – секулярно-рациональные ценности»</i>	<i>Значение индекса «выживание – самовыражение»</i>	<i>Количество наблюдений</i>
Сергей Бабурин	–0,157	–0,501	20
Павел Грудинин	0,0404	0,329	191
Владимир Жириновский	–0,379	–0,107	121
Геннадий Зюганов	–0,223	–0,199	54
Дмитрий Медведев	0,0907	–0,430	29
Алексей Навальный	0,584	1,05	94
Владимир Путин	–0,129	–0,311	761
Ксения Собчак	0,404	0,370	37
Максим Сурайкин	–0,0435	0,964	5
Борис Титов	0,310	0,201	26
Григорий Явлинский	0,267	0,548	50
Против всех	0,201	0,239	235
Не голосовал бы	0,274	0,198	193

Проделанный нами анализ позволяет выделить следующие кластеры кандидатов.

– Первый кластер. Он включает в себя электорат В. Путина, Г. Зюганова, В. Жириновского и С. Бабурина (к этому кластеру достаточно близок электорат Д. Медведева). Для этого кластера характерна высокая приверженность, с одной стороны, традиционно-религиозным ценностям, а с другой – материалистическим ценностям выживания. Особо высокий уровень одобрения традиционно-религиозных ценностей фиксируется для сторонников Жириновского. Однако для них оказывается не столь типичной приверженность ценностям выживания; в то же время поддержка постматериалистических ценностей самовыражения им присуща в большей степени, чем для сторонников всех остальных членов этого кластера. Для сторонников Бабурина свойственна особо высокая приверженность ценностям выживания. Она в почти той же степени характерна для сторонников Д. Медведева, но они в большей степени, чем все остальные представители этого кластера, придерживаются секулярно-рациональных ценностей. Ценности сторонников Зюганова особо близки ценностям сторонников Путина –

и тем и другим свойственна умеренно-высокая поддержка как ценностей выживания, так и традиционно-религиозных ценностей.

– Второй кластер включает в себя сторонников П. Грудина, Г. Явлинского, Б. Титова и К. Собчак. В него попадают также респонденты, выбравшие в качестве ответа варианты «Против всех» и «Не голосовал бы» (это может служить дополнительным аргументом в пользу того, что значительная часть воздерживающихся от участия в президентских выборах потенциально поддерживает оппозицию). Для респондентов из этого кластера характерна относительно высокая приверженность как ценностям самовыражения, так и секулярно-рациональным ценностям. При этом приверженность секулярно-рациональным ценностям здесь в наибольшей степени характерна для сторонников К. Собчак, а в наименьшей – сторонникам П. Грудина.

– Наконец, особый кластер образуют сторонники А. Навального, для которых характерна особо высокая приверженность как ценностям самовыражения, так и секулярно-рациональным ценностям. При этом дистанция между третьим и вторым кластерами примерно такая же, как между вторым и первым.

Отметим, что во многих странах Запада наблюдается существенно другая корреляция между ценностными ориентациями и электоральными предпочтениями. Как мы могли видеть, в России речь идет прежде всего о противостоянии «партии власти» (В. Путин и примыкающие к нему фигуры), для сторонников которых характерна высокая приверженность ценностям сохранения и выживания, с одной стороны, и низкая приверженность ценностям самоутверждения и секулярно-рациональным ценностям – с другой, и оппозиции, как системной (прежде всего П. Грудинин), так и несистемной (прежде всего А. Навальный), для которой характерны относительно более высокая приверженность ценностям открытости к изменениям, самовыражения и самоутверждения, с одной стороны, и относительно низкая приверженность традиционно-религиозным ценностям – с другой. А, скажем, в США мы имеем дело с противостоянием между республиканцами с характерным для них сочетанием приверженности ценностям сохранения и самоутверждения и демократами с характерным для них сочетанием приверженности ценностям открытости к изменениям и ценностям заботы о других. Или Германия, где на момент проведения опроса Всемирного обследования ценностей (*World Values*

Survey) в 2013 г. мы имели дело с противостоянием между «партией власти» (христианские демократы + социал-демократы) с характерным для них сочетанием относительно высокой приверженности ценностям сохранения и самоутверждения и несистемной левой оппозицией (прежде всего «зелеными») с характерным для нее сочетанием приверженности ценностям открытости к изменениям и ценностям заботы о других [Демографическая динамика ..., 2019, с. 33–36].

Отметим, что для России подобное сочетание приверженности ценностям самоутверждения и сохранения (типичное для западных «правых») или сочетание приверженности ценностям открытости к изменениям и заботы о других (свойственное западным «левым») вообще не характерно. В России скорее приверженность сторонников данной политической силы ценностям самоутверждения коррелирует с ценностями открытости к изменениям, а приверженность сторонников данной политической силы ценностям заботы о других коррелирует с ценностями сохранения. Именно это обстоятельство и стоит за постоянно идущими (вполне обоснованными) разговорами о том, что классическое для стран Запада разделение на левый и правый фланги для посткоммунистических стран (включая Россию) не работает. Действительно, как мы видим, в интересующем нас отношении в России традиционных левых и правых практически нет.

Корреляция между возрастом респондентов и электоральными предпочтениями

Как мы могли видеть выше, возраст респондентов по данным нашего опроса достаточно определенно коррелирует с ценностными ориентациями. Для более молодых респондентов в целом свойственно больше придерживаться ценностей открытости к изменениям, с одной стороны, и ценностям самоутверждения – с другой. Более старшим респондентам в целом больше свойственно придерживаться ценностей консерватизма и ценностей заботы о других.

Вместе с тем особо выраженная приверженность ценностям открытости к изменениям и самоутверждению характерна для электората Навального (в особенности) и Собчак. Это позволяет

предполагать, что их должны поддерживать в среднем более молодые граждане. В наименьшей степени эта приверженность характерна для сторонников Зюганова, поэтому логично предположить, что средний возраст респондентов, высказавшихся в поддержку Зюганова, будет выше, чем у респондентов, проголосовавших за других кандидатов. Следом по своей высокой приверженности ценностям сохранения и относительно низкой склонностью к ценности самоутверждения идут Путин и Явлинский, и средний возраст их электората должен быть несколько ниже, чем у электората Зюганова, но заметно выше, чем у сторонников Собчак и особенно Навального. Для остальных кандидатов следует ожидать среднего возраста, промежуточного между Путиным и Явлинским, с одной стороны, и Собчак и Навальным – с другой. Для сторонников Грудина характерна достаточно высокая приверженность ценностям открытости к изменениям (что характерно для молодого электората). С другой стороны, для них характерна очень высокая (много выше, чем у сторонников Зюганова, но немногим выше, чем у сторонников Путина) приверженность ценностям самоутверждения. Это позволяет предполагать, что средний возраст сторонников Грудина должен быть заметно меньше среднего возраста сторонников Путина (и в особенности Зюганова).

Средний возраст проголосовавших за соответствующих кандидатов, по данным нашего опроса, представлен в табл. 10 и на рис. 11.

Таблица 10

Средний возраст респондентов, проголосовавших за кандидатов в президенты РФ (по данным опроса РАНХиГС, проведенного в Москве и Екатеринбурге)

Варианты ответов	Средний возраст	Количество ответивших
Сергей Бабурин	40,5	4
Павел Грудин	48,2	112
Владимир Жириновский	43,0	32
Владимир Путин	54,4	928
Ксения Собчак	44,4	35
Максим Сурайкин	72,0	1
Борис Титов	40,2	9
Григорий Явлинский	56,1	23
Неуместный ответ	42,1	19
Отказ от ответа	44,1	302
Затруднялись ответить	44,4	27
Итого	51,0	1492

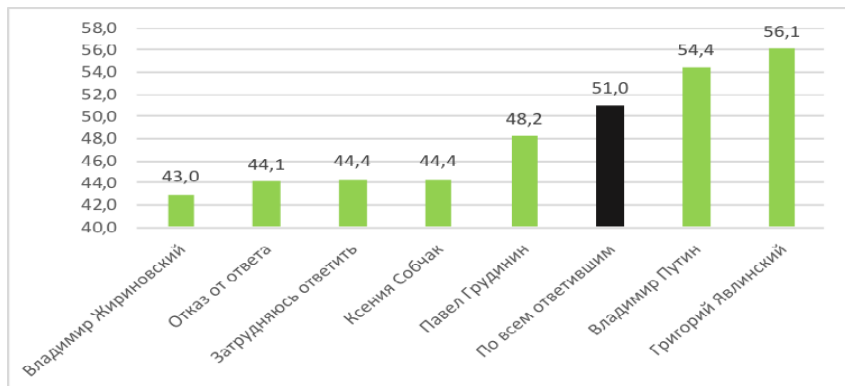

Рис. 11.

Средний возраст респондентов, проголосовавших за соответствующих кандидатов

Как мы видим, наши теоретические ожидания оправдались в высокой степени. С учетом того, что Зюганов не принимал участия в выборах 2018 г., наибольший средний возраст проголосовавших оказался среди респондентов, выбравших Путина и Явлинского. Как ожидалось, средний возраст респондентов, проголосовавших за Собчак, оказался одним из самых низких. Отметим достаточно низкий средний возраст респондентов, голосовавших за Грудинина (48,2 года), что несколько ниже среднего возраста по выборке (51 год). Достаточно неожиданно, что наименьший средний возраст оказался у респондентов, проголосовавших за Жириновского. Стоит отметить, что уровень приверженности ценностям консерватизма и заботы о других среди респондентов, голосовавших за Жириновского, заметно ниже, чем в среднем можно было ожидать для респондентов с такими возрастными характеристиками.

А теперь обратимся к расширенному списку кандидатов и рассмотрим средний возраст ответивших для более полного списка (см. табл. 11 и рис. 12).

Таблица 11

**Средний возраст респондентов, выразивших готовность
голосовать за следующих кандидатов из дополненного списка**

Варианты ответов	Средний возраст	Количество ответивших
Сергей Бабурин	65,7	20
Геннадий Зюганов	58,2	54
Григорий Явлинский	56,6	50
Владимир Путин	51,5	761
Борис Титов	51,4	26
Дмитрий Медведев	49,4	29
Максим Сурайкин	47,8	5
Павел Грудинин	46,2	191
Владимир Жириновский	45,8	121
Ксения Собчак	45,8	37
Алексей Навальный	37,7	94
Против всех	43,2	235
Не голосовал бы	43,8	193
Неуместный ответ	53,9	24
Отказ от ответа	39,1	104
Затрудняюсь ответить	46,6	57
Итого	47,8	2001

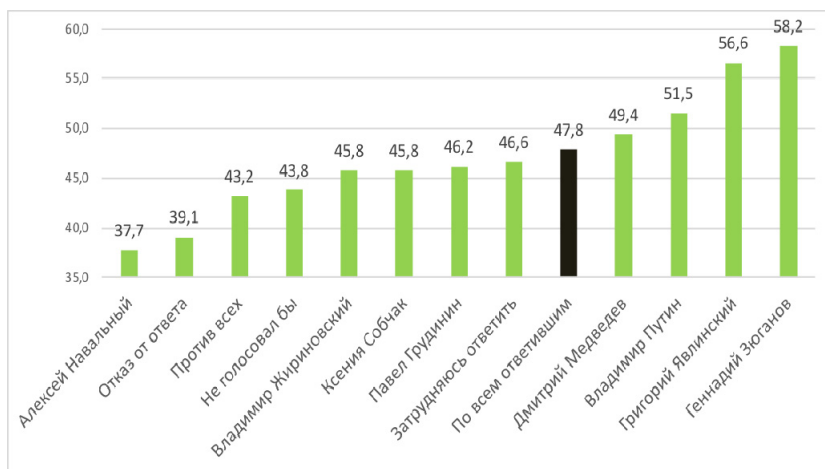

Рис. 12.

**Средний возраст респондентов, выразивших свою готовность
голосовать за следующих кандидатов из дополненного списка**

Как мы видим, в данном случае наши теоретические ожидания подтверждаются в еще большей степени. Наименьший средний возраст характерен для респондентов, заявивших, что они проголосовали бы за А. Навального, следом идут респонденты, отказавшиеся от ответа, проголосовавшие бы против всех и не проголосовавшие бы, что может свидетельствовать о недоверии институту выборов среди молодежи. Далее следуют поддерживающие Жириновского и Собчак. Как мы и ожидали, наибольший средний возраст характерен для готовых проголосовать за Зюганова. Далее следуют поддерживающие Явлинского и Путина. К ним достаточно близко примыкает потенциальный электорат Медведева. Для электората всех этих кандидатов (Зюганова, Явлинского, Путина и Медведева) характерно превышение среднего возраста по выборке. Особо стоит отметить достаточно молодой электорат Грудинина, это позволяет высказать предположение, что решение КПРФ выставить своим кандидатом Грудинина, а не Зюганова было оправданным, так как позволило в заметной степени омолодить электорат партии.

Проведенный нами опрос позволяет предположить, что в случае выдвижения Зюганова он мог бы получить меньше голосов, чем получил Грудинин из-за слабой поддержки среди молодого электората.

Заключение

Проведенное нами исследование подтвердило наличие достаточно сильной и значимой отрицательной зависимости между возрастом и поддержкой ценностей открытости к изменениям. Таким образом, более молодые респонденты в тенденции оказываются заметно в большей степени привержены ценностям открытости к изменениям, чем более пожилые респонденты. Кроме того, наблюдается несколько менее выраженная отрицательная корреляция между возрастом респондентов и приверженностью ценностям самоутверждения. То есть более пожилые респонденты в тенденции заметно менее привержены ценностям самоутверждения, чем более молодые респонденты, и, соответственно, заметно более привержены ценностям заботы о других. Анализ результатов опроса также подтвердил, что женщины в тенденции оказываются в

заметно меньшей степени привержены ценностям открытости к изменениям, нежели мужчины. Кроме того, наблюдается и достаточно выраженная отрицательная связь между принадлежностью респондентов к женскому полу и приверженностью ценностям самоутверждения. То есть женщины в тенденции оказываются заметно менее привержены ценностям самоутверждения, чем мужчины, и, соответственно, заметно более привержены ценностям заботы о других.

Однако наиболее значимые результаты исследования заключаются в том, как ценностные установки (в том числе изменяясь с возрастом) влияют на электоральное поведение. Это влияние было рассмотрено на примере электорального поведения во время выборов президента России в марте 2018 г., а также электоральных предпочтений, выраженных респондентами в конце июня – начале июля 2018 г. Данные для анализа были получены в ходе проведения инициированного нами социологического опроса в Москве и Екатеринбурге.

Анализ ценностных ориентаций электората отдельных кандидатов дал следующие результаты. Для основного электората В. Путина характерна очень высокая приверженность ценностям сохранения, при этом ему свойственна и достаточно сильная выраженность поддержки ценностей заботы о других. Электорат П. Грудина имеет сходный уровень поддержки ценностей заботы о других, однако для него характерна заметно бóльшая приверженность ценностям открытости к изменениям. В целом электорат Путина, Грудина, Жириновского и Явлинского не имеет значительных различий по степени приверженности ценностям сохранения – открытости к изменениям, однако такие различия уверенно прослеживаются вдоль оси ценностей «консерватизм – открытость к изменениям». Особо стоит отметить электорат К. Собчак, характеризующийся очень высокими значениями приверженности ценностям как самоутверждения, так и открытости к изменениям.

В нашем исследовании кроме вопроса «За кого из зарегистрированных кандидатов вы проголосовали?», мы задавали вопрос: «За кого из возможных кандидатов, включая незарегистрированных, вы бы проголосовали, если бы от вашего голоса зависел исход выборов?» (при этом мы добавили в список возможных кандидатов А. Навального, Г. Зюганова и Д. Медведева). Исследование ответов

на второй вопрос позволило выделить два противоположных полюса. На одном полюсе оказался электорат С. Бабурина и Г. Зюганова; для их сторонников характерна наибольшая степень приверженности ценностям сохранения и наименьшая степень приверженности ценностям самоутверждения. На другом полюсе мы видим электорат К. Собчак и в особенности А. Навального; для него мы наблюдаем максимально высокие значения как индекса открытости к изменениям, так и индекса самоутверждения. Что касается электората В. Путина, Г. Явлинского, Д. Медведева, П. Грудина, Б. Титова и В. Жириновского, то он занимает промежуточное положение. В то же время для сторонников Путина, Явлинского и Медведева более характерна поддержка ценностей сохранения, а для электората Грудина, Титова и Жириновского – скорее ценностей открытости к изменениям.

Кроме того, с опорой на систему измерений Р. Инглхарта нами были выделено несколько кластеров, отражающих связь ценностных ориентаций с политическими предпочтениями в пространстве осей «Традиционно-религиозные – секулярно-рациональные ценности» и «Ценности выживания – ценности выражения». Первый кластер включает в себя сторонников В. Путина, Г. Зюганова, В. Жириновского и С. Бабурина (к этому кластеру достаточно близок и электорат Д. Медведева). Для него характерна высокая приверженность, с одной стороны, традиционно-религиозным ценностям, а с другой – ценностям выживания. В то же самое время особо сильная приверженность традиционно-религиозным ценностям характерна для электората Жириновского, но ему не в столь высокой степени свойственна поддержка ценностей выживания, а приверженность постматериалистическим ценностям самовыражения ему свойственна в большей степени, чем для сторонников всех остальных членов этого кластера. Сторонникам Бабурина присуща особо высокая приверженность ценностям выживания. Почти в той же степени высокая поддержка ценностей выживания характерна и для сторонников Медведева, но они в большей степени, чем все остальные представители этого кластера привержены секулярно-рациональным ценностям. По шкалам Инглхарта особо близки ценностям сторонников Путина оказываются ценности сторонников Зюганова – и тем и другим присуща умеренно-высокая приверженность как ценностям выживания, так и традиционно-религиозным ценностям.

Во второй кластер попали сторонники П. Грудина, Г. Явлинского, Б. Титова и К. Собчак. Он также включает в себя респондентов, выбравших в качестве ответа варианты «Против всех» и «Не голосовал бы». Для них всех характерна относительно высокая приверженность как ценностям самовыражения, так и секулярно-рациональным ценностям. Приверженность секулярно-рациональным ценностям при этом здесь в наибольшей степени присуща сторонникам К. Собчак, а в наименьшей – электорату П. Грудина.

Особый по сути своей кластер образуют сторонники А. Навального. Им свойственна особо высокая приверженность как секулярно-рациональным ценностям, так и постматериалистическим ценностям самовыражения. При этом дистанция между третьим и вторым кластерами примерно такая же, как и между первым и вторым.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет утверждать, что ценностные ориентации, рассчитанные по методологиям Шварца и Инглхарта – Вельцеля, связаны с политическими предпочтениями российских избирателей, а также с такими их демографическими характеристиками, как пол и возраст.

Список литературы

- Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990 а. – С. 602–644.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990 б. – С. 61–208.
- Возраст, ценности и модернизация в глобальной перспективе / А. Коротаев, Ю. Зинькина, Е. Слинько, С. Билюга // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2018. – № 1. – С. 45–67.
- Гаджиева Р.Г. Динамика гендерных стереотипов и их влияние на профессиональную самореализацию личности: дисс. ... канд. психол. наук. – М.: РАНХиГС, 2000. – 184 с.
- Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. – М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. – 327 с.
- Демографическая динамика, ценностные ориентации и электоральное поведение. Препринт / А. Коротаев, С. Шульгин, И. Ефремов, Ю. Зинькина, И. Медведев, Д. Романов. – М.: РАНХиГС, 2019. – 53 с. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3347095 (Дата посещения: 10.06.19.)
- Измерение межстранового культурного расстояния через ценностные различия между индивидами и его влияния на глобальную торговлю / А.И. Андреев,

- Ю.В. Зинькина, А.В. Коротаев, С.Г. Шульгин // Экономика и математические методы. – 2018. – Т. 54, № 1. – С. 3–25.
- Кирилина Т.Ю. Трансформация духовно-нравственных ценностей россиян в контексте глобализации // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 7 (107). – С. 54–57.
- Магун В.С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991–2004 гг. // Российский журнал менеджмента. – 2006. – №. 4. – С. 45–74.
- Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. – 2010. – № 4. – С. 5–17.
- Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2008. – № 1. – С. 33–58.
- Руднев М.Г. Причины и следствия изменения массовых ценностей // Экономическая социология. – 2011. – № 2. – С. 138–143. – Рец. на кн.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с. – (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
- The authoritarian personality / T.W. Adorno, E. Frenkel-Brunswick, D.J. Levinson, R.N. Sanford. – New York: Harper and Row, 1950. – 228 p.
- Altemeyer R.A. Right-wing Authoritarianism. – Winnipeg: University of Manitoba press, 1981. – 352 p.
- Bizumic B., Duckitt J. Investigating right wing authoritarianism with a very short authoritarianism scale // Journal of social and political psychology. – 2018. – Vol. 6, N 1. – P. 129–150. – DOI: <https://doi.org/10.5964/jsp.p.v6i1.835>
- Christie R., Jahoda M. Studies in the scope and method of «The authoritarian personality»: continuities in social research. – Glencoe, Illinois: The free press, 1954. – 279 p.
- Democratisation, governance and regionalism in east and southeast Asia: a comparative study / I. Marsh (ed). – London: Routledge, 2006. – 273 p.
- el-Ojeili C. Reflecting on post-fascism: utopia and fear // Critical sociology. – 2019. – Vol. 45, N 7/8. – P. 1149–1166. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0896920518768867>
- Erikson E. Childhood and Society. – New York: Norton, 1950. – 400 p.
- Erikson E. Identity, youth and crisis. – New York: Norton, 1968. – 338 p.
- Evan W.M. Cohort analysis of survey data: a procedure for studying longterm opinion change // Public opinion quarterly. – 1959. – Vol. 23, N 1. – P. 63–72. – DOI: <https://doi.org/10.1086/266846>
- Fink M.H. Political participation, democratisation and citizens' values in Europe // Teorija in praksa. – 2012. – Vol. 49, N 3. – P. 544–565.
- Hyde J.S. Gender similarities and differences // Annual review of psychology. – 2014. – Vol. 65, N 1. – P. 373–398. – DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115057>
- Inglehart R. Postmaterialist values and the shift from survival to self-expression values // The Oxford handbook of political behavior / R.J. Dalton, H.D. Klingemann (eds). – Oxford: Oxford university press, 2007. – P. 222–239.
- Inglehart R. The silent revolution: changing values and political styles among western publics. – Princeton, N.J.: Princeton university press, 1977. – 496 p.

- Inglehart R., Welzel C.* Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence. – New York: Cambridge university press, 2005. – 370 p.
- Inglehart R.* The silent revolution in post-industrial societies // *American political science review*. – 1971. – Vol. 65, N 4. – P. 991–1017. – DOI: <https://doi.org/10.2307/1953494>
- Mattson K.* The Trumpian personality // *Dissent*. – 2018. – Vol. 65, N 1. – P. 116–122. – DOI: <https://doi.org/10.1353/dss.2018.0006>
- Ray J.J.* Why the F scale predicts racism: A critical review // *Political psychology*. – 1988. – Vol. 9, N 4. – P. 671–679. – DOI: <https://doi.org/10.2307/3791533>
- Rendall J.* Women's politics, 1800–1914. – Oxford: B. Blackwell, 1987. – 290 p.
- Robinson O.C.* Values and adult age: findings from two cohorts of the European social survey // *European journal of ageing*. – 2013. – Vol. 10, N 1. – P. 11–23. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10433-012-0247-3>
- Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M.* Basic personal values, core political values, and voting: a longitudinal analysis // *Political psychology*. – 2010. – Vol. 31, N 3. – P. 421–452. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2010.00764.x>
- Tilley J., Evans G.* Ageing and generational effects on vote choice: combining cross-sectional and panel data to estimate APC effects // *Electoral studies*. – 2014. – Vol. 33, N 2. – P. 19–27. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2013.06.007>
- Wirajuda M.* The impact of democratisation on Indonesia's foreign policy: regional cooperation, promotion of political values, and conflict management: PhD Thesis. – London: The London School of economics and political science (LSE), 2014. – 263 p.
- Zellman G.L.* Antidemocratic beliefs: A survey and some explanations // *Journal of social issues*. – 1975. – Vol. 31, N 1. – P. 31–53. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1975.tb00758.x>

A.V. Korotaev, S.G. Shulgin, I.A. Medvedev, Ju.V. Zinkina*
**Relationship between value orientations, demographic factors
and electoral behavior in Russia**

Abstract. The article presents a systematic review of various approaches to the definition and method of studying value orientations, the connection of values and so-

* **Korotayev Andrey**, National Research University Higher School of Economics; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: akorotayev@gmail.com; **Shulgin Sergei**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: shulgin@ranepa.ru; **Medvedev Ilya**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: semyonkot@yandex.ru; **Zinkina Julia**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Institute for African studies of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: juliazin@list.ru

© Коротаев А.В., Шульгин С.Г., Медведев И.А.,

Зинькина Ю.В., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.01.09

cial action. The authors analyze the relationship between various sociodemographic groups and their value orientations. On the basis of data obtained after conducting sociological research in Russia, an analysis has been made of the relationship between respondents' value orientations and their political preferences. In addition, the most characteristic value orientations for the electorate of the most prominent modern politicians have been investigated. When using the Schwartz system, it turns out that the electorate most committed to the values of conservation and at the same time the least committed to the values of self-enhancement belongs to Sergey Baburin and Gennady Zyuganov. At the other pole one finds Ksenia Sobchak and especially Aleksei Navalny, whose supporters are characterized by both the maximum values of the index of commitment to the values of openness to change, and the maximum values of the index of commitment to the values of self-enhancement. An intermediate position is occupied by the electorate of Vladimir Putin, Gregory Yavlinsky, Dmitry Medvedev, Pavel Grudinin, Boris Titov, and Vladimir Zhirinovskiy, but at the same time the electorate of Putin, Yavlinsky and Medvedev is inclined towards values of conservation, and the electorate of Grudinin, Titov and Zhirinovskiy is towards values of openness to change. Using Inglehart system, politicians have been subdivided into two main clusters on the basis of value orientations of their electorate at the 2018 presidential elections: a class of candidates whose electorate adheres more to materialist values of survival and traditional religious values and a class whose electorate is more committed to secular-rational values and postmaterialist values of self-expression.

Keywords: values; electoral behavior; electoral preferences; gender; age groups; self-enhancement values; traditional-religious values; values of conservation; postmaterialist values; 2018 Presidential Elections in Russia.

For citation: Korotaev A.V., Shulgin S.G., Medvedev I.A., Zinkina Ju.V. Relationship between value orientations, demographic factors and electoral behavior in Russia. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 255–257. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.09>

References

- Adorno T.W., et al. *The authoritarian personality*. New York: Harper and Row, 1950, 228 p.
- Altemeyer R.A. *Right-wing Authoritarianism*. Winnipeg: University of Manitoba Press, 1981, 352 p.
- Andreev A., et al. Measuring country-to-country cultural distance through individual differences in values and its influence on the global trade. *Economics and the mathematical methods*. 2018, Vol. 54, N 1. P. 3–25. (In Russ.)
- Bizumic B., Duckitt J. Investigating right wing authoritarianism with a very short authoritarianism scale. *Journal of social and political psychology*. 2018, Vol. 6, N 1, P. 129–150. DOI: <https://doi.org/10.5964/jspp.v6i1.835>
- Christie R., Jahoda M. *Studies in the scope and method of «The authoritarian personality»: continuities in social research*. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1954, 279 p.

- Civil, ethnic and religious identity in modern Russia*. Ed. by V.S. Magun. Moscow: Institute of sociology of the Russian academy of sciences, 2006, 327 p. (In Russ.)
- Democratisation, governance and regionalism in east and southeast Asia: a comparative study*. Ed by I. Marsh. London: Routledge, 2006, 273 p.
- Erikson E. *Childhood and society*. New York: Norton, 1950, 400 p.
- Erikson E. *Identity, youth and crisis*. New York: Norton, 1968, 338 p.
- Evan W.M. Cohort analysis of survey data: a procedure for studying long-term opinion change. *Public opinion quarterly*. 1959, Vol. 23, N 1, P. 63–72. DOI: <https://doi.org/10.1086/266846>
- el-Ojeili C. Reflecting on post-fascism: utopia and fear. *Critical sociology*. 2019, Vol. 45, N 7–8, P. 1149–1166. DOI: <https://doi.org/10.1177/0896920518768867>
- Fink M.H. Political participation, democratisation and citizens' values in Europe. *Teorija in praksa*. 2012, Vol. 49, N 3, P. 544–565.
- Gadzhieva R.G. *Dynamics of gender stereotypes and their effects on professional self-realization of personality*. Cand. Diss. Moscow: RANEPa, 2000, 184 p. (In Russ.)
- Hyde J.S. Gender similarities and differences. *Annual Review of Psychology*. 2014, Vol. 65, N 1, P. 373–398. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115057>
- Inglehart R. The silent revolution in post-industrial societies. *American political science review*. 1971, Vol. 65, N 4, P. 991–1017. DOI: <https://doi.org/10.2307/1953494>
- Inglehart R. *The silent revolution: changing values and political styles among western publics*. Princeton, N.J.: Princeton university press, 1977, 496 p.
- Inglehart R. Postmaterialist values and the shift from survival to self-expression values. In: *The Oxford handbook of political behavior*. Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 2007, P. 222–239.
- Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence*. New York: Cambridge university press, 2005, 370 p.
- Kirilina T.Yu. Transformation of spiritual and moral values of Russians in a globalization context. *Uchenye zapiski RGSU*. 2012, N 7(107), P. 54–57. (In Russ.)
- Korotayev A.V., et al. Age, values and modernization in the global perspective. *Bulletin of Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics*. 2018, N 1, P. 45–67. (In Russ.)
- Korotayev A.V. et al. *Demographic Dynamics, Value Orientations and Electoral Behavior: preprint*. Moscow: RANEPa, 2019, 53 p. Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3347095 (accessed: 10.06.19.) (In Russ.)
- Magun V.S. Dynamics of work values of Russian workers in 1991–2004. *Russian management journal*. 2006, N 4, P. 45–74. (In Russ.)
- Magun V.S. Rudnev M. Life values of the Russian population: similarities and differences in comparison to other European countries. *The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussions*. 2008, N 1, P. 33–58. (In Russ.)
- Magun V., Rudnev M. The basic values of Russians in the European context. *Social sciences and contemporary world*. 2010, N 4, P. 5–17. (In Russ.)
- Mattson K. The Trumpian personality. *Dissent*. 2018, Vol. 65, N 1, P. 116–122. DOI: <https://doi.org/10.1353/dss.2018.0006>
- Ray J.J. Why the F scale predicts racism: A critical review. *Political psychology*, 1988, Vol. 9, N 4, P. 671–679. DOI: <https://doi.org/10.2307/3791533>

- Rendall J. *Women's politics, 1800–1914*. Oxford: B. Blackwell, 1987, 290 p.
- Robinson O.C. Values and adult age: findings from two cohorts of the European social survey. *European journal of ageing*. 2013, Vol. 10, N 1, P. 11–23. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10433-012-0247-3>
- Rudnev M. Reasons and consequences of mass values transformation. Book review on Inglehart R., Welzel Ch. 2010. Modernization, cultural change, and democracy (Russian translation. M.: New Publishing). *Journal of Economic Sociology*. 2011, N 2, P. 138–143. (In Russ.)
- Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M. Basic personal values, core political values, and voting: a longitudinal analysis. *Political psychology*. 2010, Vol. 31, N 3, P. 421–452. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2010.00764.x>
- Tilley J., Evans G. Ageing and generational effects on vote choice: combining cross-sectional and panel data to estimate APC effects. *Electoral studies*. 2014, Vol. 33, N 2, P. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2013.06.007>
- Weber M. Basic sociological terms. In: *Selected works*. Moscow: Progress, 1990 a, P. 602–644. (In Russ.)
- Weber M. The protestant ethic and the spirit of capitalism. In: *Selected works*. Moscow: Progress, 1990 b, P. 61–208. (In Russ.)
- Wirajuda M. *The impact of democratisation on Indonesia's foreign policy: regional cooperation, promotion of political values, and conflict management: PhD Thesis*. London: The London School of Economics and Political Science (LSE), 2014, 263 p.
- Zellman G.L. Antidemocratic beliefs: a survey and some explanations. *Journal of social issues*. 1975, Vol. 31, N 1, P. 31–53. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1975.tb00758.x>

А.С. КОЗИНЦЕВ*

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМСКОЙ ПАРТИИ
СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ КАК ЭТАП
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА В МАРОККО¹**

Аннотация. Статья посвящена проблеме институционализации исламских партий в ходе национально-государственного строительства в арабских полициях. Проверяется гипотеза о том, что легализация принимающих рамку современных политико-институциональных взаимодействий исламских партий позволяет преодолевать имплицитно присущую неорганической модернизации конфликтность коллективного сознания, сочетающего традиционные религиозные представления и формирующееся чувство национальной принадлежности, а также повышает легитимность политической власти в целом. В этом контексте анализируются внешнее и внутреннее измерения институционализации марокканской Партии справедливости и развития (ПСР), которая, впервые приняв участие в национальных выборах в 1997 г., в настоящее время выступает ведущей силой в коалиционном правительстве Королевства Марокко. Внутреннее измерение институционализации ПСР рассмотрено через становление формальной организационно-партийной структуры, включающей механизм выборов и каналы финансирования, а также преемственность политической повестки и направлений деятельности; внешнее измерение – через характеристику электората, участие в региональных и национальных выборах, формирование парламентских и правительственных коалиций. Выявлено, что, расширяя социальную базу поддержки и участвуя в работе властных институтов различных уровней, ПСР вместе с королевской властью обеспечивает совмещение национального и религиозного компонентов идентич-

* **Козинцев Александр Сергеевич**, соискатель кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-31475.

ности и тем самым способствует поддержанию стабильности политической системы в условиях меняющейся социальной структуры.

Ключевые слова: институционализация политических партий; исламские партии; нация-государство; Марокко; Партия справедливости и развития; национально-государственное строительство; модернизация; исламская идентичность.

Для цитирования: Козинцев А.С. Институционализация исламской Партии справедливости и развития как этап национально-государственного строительства в Марокко // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 258–280. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.10>

Вопрос о легализации деятельности исламских политических акторов остается предметом научной дискуссии. Часть исследователей акцентируют внимание на рисках прихода к власти исламистов [Roy, 1998; Долгов, 2010], отсутствии у них сформулированной концепции государства и программы реформ [Сапронова, 2018], а также характеризуют политический ислам преимущественно как реакцию на вызовы глобализации и вестернизации [Ланда, 2005]. Другие утверждают, что легальное участие исламских партий в политическом процессе способствует развитию и стабилизации политической системы мусульманских стран [Esposito, Voll, 1996; Atkin, 2000; Esposito, Sonn, Voll, 2016; Малашенко, 2007; Кудряшова, 2008], и анализируют перспективы «незападных демократий» [Is non-western democracy, 2017].

Острота дискуссии обусловлена прежде всего тем, что, занимая в той или иной степени рамку нации-государства, правящие элиты арабских и других мусульманских стран должны учитывать высокий уровень религиозности населения и возможность радикальной политизации ислама [Кудряшова, 2017]. Как отмечает Л. Сюкийянен, основной категорией суннитской политической мысли является халифат, рассматриваемый «как сущность исламской власти и как специфическая форма правления» [Сюкийянен, 2016, с. 140]. Следовательно, для верующих источником суверенитета выступает Аллах, и воля *уммы* как земного носителя суверенитета ограничена Его волей (шариатом).

В этом контексте случай Марокко, власти которого декларируют приверженность демократии и модернизации, представляет особый интерес: с одной стороны, монарх наделен самыми широкими полномочиями и имеет религиозную легитимацию (согласно конституции, он – «повелитель правоверных» и «верховный представи-

тель государства», наделенный «высшей властью»), с другой – самой влиятельной политической партией страны является исламская Партия справедливости и развития (ПСР), лидер которой возглавляет коалиционное правительство.

Известный исследователь динамики отношений между монархией Алауитов и исламскими институтами В. Орлов фиксирует в марокканском политическом процессе два режима взаимодействия: (1) исламские структуры подменяют власть при ослаблении шерифской (возводящей свой род к пророку Мухаммаду) династии и (2) власть ограничивает и опекает исламские организации [см.: Орлов, 2010 а; 2010 б; 2013].

Большинство ученых следуют логике В.В. Орлова, согласно которой в настоящее время «умеренные исламисты принимают навязанные королевской властью правила политической игры» и стараются поддерживать конкуренцию на религиозном, а не на политическом поле [Орлов, 2010 б]. Признавая ведущую роль монархии в политике страны, мы хотели бы внимательнее рассмотреть процесс институционализации этого крыла политического ислама и его способность выражать общие интересы в условиях происходящих социальных изменений. Как представляется, это позволит определить реальную значимость ПСР для современного этапа национально-государственного строительства.

Для этого предполагается: (а) рассмотреть структурные особенности традиционного марокканского государства и переход к современным формам государственного строительства, (б) проанализировать стратегию взаимодействия королевской власти с исламским движением в процессе формирования партийной системы, (в) исследовать внешнее и внутреннее измерения партийно-политической институционализации ПСР, (г) оценить деятельность ПСР как парламентской партии.

Территориальная консолидация и формирование стратегии национально-государственного строительства в Марокко

В доколониальном Марокко функционировал автохтонный институт объединения сегментированной территории – *махзен* (араб., «место хранения»), который представлял собой разновидность патрон-клиентских отношений между султаном / королем и

высокопоставленными военными, чиновниками и представителями экономической элиты. Эти отношения исторически сложились на основе права султана взимать с подконтрольных земель (*бияд аль-махзен*) налоги и набирать рекрутов. В случае отказа он мог использовать меры принуждения. Для территорий, не признавших это право (так называемые *бияд ас-сиба* (араб., «блуждающие земли»)), правитель оставался символом единства *уммы* и воплощением ее исламской принадлежности [Сергеев, 2001, с. 32–34].

Интенсивные контакты с европейцами в XIX в., а затем франко-испанский протекторат 1912 г. обусловили появление современных политических институтов и кодификацию прав собственности. Проникновение французского капитала отразилось на транспортной инфраструктуре и технологиях ведения сельского хозяйства. Метрополия стремилась культивировать плодородные земли и установить систему сбора налогов на территории *бияд ас-сиба*. В этот период возникли новые железнодорожные пути между городами и периферийными регионами, обновились морские порты (подробнее см.: [de Tarde, 1919]).

Марокко активно осваивали французские поселенцы, доля которых в населении колебалась от 6 до 8% [Gallissot, 1978, p. 37–43]. Сельскохозяйственная деятельность французов не только способствовала промышленной модернизации, но и рождала недовольство среди местного населения, в чьих глазах эти поселенцы воспринимались как «колонизаторы». К 1955 г. более 1 млн га (12%) марокканских земель находилось в собственности французов. В этот же период происходила активная урбанизация, сопровождавшаяся ростом численности населения со средним образованием. Прирост населения за 1913–1958 гг. в крупных городах составил 5,8%, в отдельные периоды превышая 11% [Johnson, 1971, p. 5–8].

Французская администрация внедряла светскую систему образования, поддерживая школы на территориях, преимущественно населенных берберами. Одновременно она прилагала усилия к формированию раскола между арабским и берберским населением. Результатом этой политики стала попытка принять в 1930 г. «Берберский дахир» (указ), одним из положений которого берберам предоставлялась автономия в судебной системе [Володина, 2011, с. 19–37]. Изменение сельскохозяйственного уклада, дополнительные «неисламские» налоги, распространение европейских

идей и появление рядом с шариатским судьей столичного чиновника стали источником дальнейшей структурной дифференциации традиционной системы власти.

В конце 1940-х годов в стране сформировалась стратегия государственно-национального строительства, в центре которой рядом с фигурой монарха оказалась провозгласившая борьбу за национальное освобождение партия Истикляль¹. В среде интеллектуалов марокканская нация концептуализировалась как общность, принципиально не сводимая к каким-либо внешним источникам и обусловленная сочетанием исламской традиции с уникальностью исторической судьбы народа [Аль-Фаси, 1948]. В этой логике в ходе борьбы за независимость нация обретала реальные очертания, а ислам не был препятствием для социально-политических изменений [Balafrej, 1956, p. 483–489]. Напротив, возможность толкования общих принципов ислама в том или ином ключе должна была сглаживать негативные последствия модернизации. По этой причине представляется закономерным, что новый концепт нации оформлялся с помощью традиционного для мусульманского общества института – мечети. Показательно, например, следующее воззвание: «Милостивый Аллах, какая бы доля нам ни была уготована, не разделяй нас с берберскими братьями» [Bennouna, 1951, p. 45]. Учитывая проживание берберов в приграничных областях, такой призыв способствовал консолидации не только культурных, но и территориальных границ.

Парламентская система представительства возникла в Марокко после возвращения в страну в 1955 г. султана Мухаммада V², ссылка которого, инициированная французскими властями, была прекращена вследствие давления национально-освободительных движений и групп, к тому времени оформлявшихся в политические партии. Сначала этот орган напоминал совещательный совет при монархе (его номинальная самостоятельность была закреплена с принятием в 1963 г. первой конституции). В настоящее время он трансформировался в двухпалатный парламент, где основные эффективные полномочия отнесены к ведению нижней палаты (Палаты представителей); верхняя (Палата советников) избирается путем непрямого голосования.

¹ Созданная в 1943 г. Истикляль (Партия независимости) объединяет сторонников конституционной монархии и марокканского национализма.

² В 1957 г. Мухаммад V принял титул короля.

Возникшая после обретения королевством независимости в 1956 г. многопартийная система отличалась высокой фрагментацией [Szmolka, 2009, p. 14], хотя первоначально исламские политические силы не были в ней представлены. С одной стороны, большое количество партий было обусловлено историческим разнообразием национально-освободительного движения, с другой – отсутствие доминирующей партии и законодательно закреплённая необходимость формировать парламентские коалиции позволяли королю играть роль независимого арбитра. Партии того периода можно подразделить на два типа: (а) специально созданные королевским двором и (б) находившиеся в «лояльной оппозиции» [Pellicer, Wegner, 2015, p. 32–50]. Задача первых¹ состояла в мобилизации населения для одобрения властных инициатив и поддержки принятых решений. Ко второму типу относились партии, имевшие опыт радикального протеста, – Истикляль и отколовшийся от нее левоцентристский Социалистический союз национальных сил (ССНС).

Таким образом, на протяжении XX в. в Марокко одновременно развивались два процесса. С одной стороны, постепенная смена политического и социально-экономического уклада требовала сочетания традиционного управления, основанного на символической апелляции к исламской общине, с возникающей в ходе деколонизации формой нации-государства. С другой стороны, дифференциация общественно-политической сферы и усложнение управления вызвали необходимость в новых каналах коммуникации власти и общества.

Монархия и исламские политические организации

Политику королевского двора в отношении сторонников исламских политических организаций можно охарактеризовать как

¹ К наиболее влиятельным неисламским партиям можно отнести: «Народное движение», созданное в 1958 г. для мобилизации глав сельских общин; «Национальное объединение за независимость» (НОН) 1978 г., основателем которого был зять короля Хасана II; Конституционный союз, отколовшийся от НОН в 1983 г. В 2007 г. в качестве противовеса набирающей популярность ПСР приближенным Мухаммада VI Фуадом аль-Химмой создана партия «Самобытность и современность».

балансирование между двумя полюсами – репрессиями и кооптацией [Wegner, 2011]. Первые структурные формы исламское движение приобрело в начале 1970-х годов. Вдохновленные примером египетских «Братьев-мусульман», студенты и преподаватели университетов крупных городов основали две организации – Справедливость и благоденствие (СБ) и Исламская молодежь, которые можно считать предшественниками современной ПСР. Целью было провозглашено свержение правящей монархической элиты. Однако Хасан II (1961–1999) не спешил преследовать студенческие организации исламской направленности, используя их в качестве противовеса левым молодежным инициативам.

В период правления Хасана II отмечается сближение двора с оппозиционными движениями. Так, марокканские власти купировали ряд конституционных кризисов¹, опираясь на лояльные монархические партии и включая в состав легальной оппозиции партии с националистической и социалистической повесткой. Однако несмотря на предпринятые королевским двором меры, рост привлекательности политического ислама продолжился. Королю пришлось пойти на переговоры с исламскими организациями и последующую кооптацию во власть их умеренных представителей.

На современном этапе исламские движения в Марокко представлены СБ и Движением за единство и реформу², отказавшихся от насильственных методов борьбы. Основной акцент они делают на повышение качества образования и миссионерскую деятельность преимущественно в малых городах и на периферии. При этом неоднократно в лояльных действующей власти СМИ появлялась информация о том, что у них есть законспирированные боевые ячейки, членами которых являются учащиеся старшей школы [Tozy, 1998]. Организации не имеют легального статуса, поскольку публично критикуют монархическое правление и не признают легитимность выборов. Их ячейки закрывают, лидеров периодически помещают в психиатрические больницы³, тиражи периодической печати уничтожают.

¹ Две неудачные попытки военного переворота и восстание в Южном Марокко произошли в период 1970–1973 гг.

² Откололось от организации «Исламская молодежь».

³ А. Ясин, руководитель СБ, в общей сложности провел в психиатрической больнице 16 лет.

Самым влиятельным исламским политическим актором в стране является ПСР, впервые выступившая на национальных выборах в 1997 г. в составе Народно-конституционного и демократического движения (НКДД). Ее политическое и организационное развитие было во многом предопределено конституционными реформами 1990-х годов и 2011 г., которые расширили участие граждан в избирательном процессе и закрепили передачу части полномочий от короля к парламенту. Укреплению позиций партии на местах способствовал процесс децентрализации, запущенный в середине 1970-х годов. Механизмы ее институционализации будут подробно рассмотрены ниже.

Институционализация ПСР

Внутреннее измерение институционализации ПСР представляется целесообразным проанализировать через становление формальной организационно-партийной структуры, включающей механизм выборов и каналы финансирования, а также преемственность политической повестки и направлений деятельности; внешнее (позволяющее оценить способность выражать общие интересы) – через характеристику электората, участие в региональных и национальных выборах, формирование парламентских коалиций [Levitsky, 1998].

Участие в электоральном процессе. Впервые участвуя в выборах в составе НКДД, «протоПСР»¹ не имела формализованной структуры и четкой предвыборной программы. Ставка была сделана на опытного и харизматичного лидера – А. Хатыба. Движение набрало 4,1% голосов и провело в нижнюю палату парламента девять представителей. Скромные результаты объясняются административными барьерами – партия смогла выставить своих кандидатов только в 142 из 325 избирательных округов. Тем не менее было принято решение отказаться от бойкота выборов и в стратегии мобилизации электората опереться на проповеди в мечетях и миссионерскую деятельность Движения за справедливость и реформу, чьи представители в результате также вошли в парламент. Выборы 2002 и 2007 гг.

¹ Под современным названием партия известна с 1998 г.

отличались большей прозрачностью и меньшим вмешательством со стороны министерства внутренних дел¹.

Стратегии ПСР на национальном и региональном уровнях существенно различались. Если национальные партийные лидеры концентрировались на вопросах исламской идентичности, либерализации политической системы и социальной справедливости, то региональные функционеры стремились укрепить позиции на местах. Они выступали от лица граждан перед главами местной администрации с требованиями социально-экономического характера.

Электоральные данные (см. рис. 1, 2) свидетельствуют об устойчивом росте поддержки ПСР с 1997 по 2016 г. Тенденция распространяется на выборы как в парламент, так и в местные советы. Во многом благоприятной для ПСР динамике способствовало изменение выборного законодательства в 2002 г., трансформировавшее электоральную систему Марокко из мажоритарной в пропорциональную [Barwig, 2009]. Реформа пришлась на первые годы правления Мухаммада VI и, по расчету властей, должна была привлечь к сотрудничеству левые оппозиционные партии.

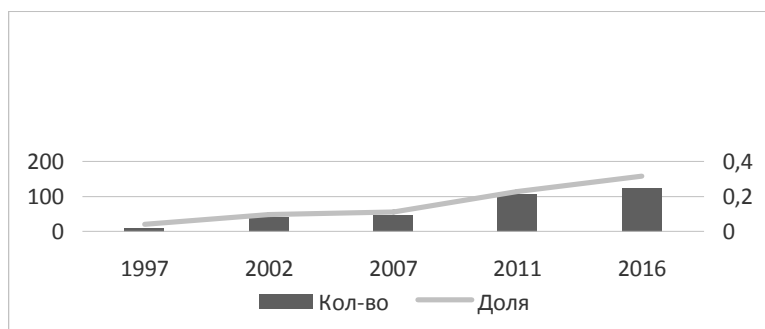

Рис. 1.
ПСР в Палате представителей, 1997–2016 гг.²

¹ NDI final report on the Moroccan legislative elections.–2007. – Mode of access: https://www.ndi.org/files/2316_ma_report_electionsfinal_en_051508_1.pdf (Accessed: 14.03.2019.)

² Рассчитано по: Moroccan General Election Results. – 2019. – Mode of access: <http://www.elections.ma/elections/legislatives/resultats.aspx> (Accessed: 20.03.2019.) (In Arabic); Previous Legislative Mandates. – 2019. – Mode of access: <http://www.chambredesrepresentants.ma/ar/node/40935> (Accessed: 20.03.2019.) (In Arabic).

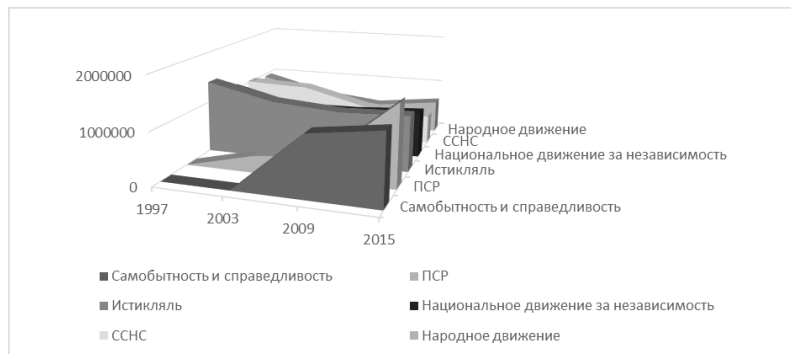

Рис. 2.
Динамика голосов на региональных выборах,
1997–2015 гг. (млн)¹

Формирование парламентских коалиций. Стратегию ПСР в парламенте можно подразделить на два периода: оппозиционная деятельность (1997–2007) и вхождение в правящую коалицию (2011 г. – н. вр.). До 2007 г. партийное руководство отказывалось входить в правительство, сознательно дистанцируясь от деятельности, которая в условиях низкой эффективности управления нанесла бы ущерб партийной репутации. При этом партия отличалась «многовекторностью» связей, блокируясь при проведении тех или иных акций не столько с исламскими движениями (на выборах она с ними блокировалась и не могла из-за их формального запрета), сколько с силами левого политического спектра.

После того как ПСР набрала большинство на парламентских выборах в 2011 и 2016 гг., королевский двор приложил усилия к максимальному ослаблению ее как альтернативной политической силы. Для этого использовался целый ряд инструментов. Одним из них стало обеспечение прохода в парламент малых партий за счет использования квоты Хейра, дающей таким партиям электоральное преимущество, другим – создание в 2007 г. промонархической

¹ Рассчитано по: Moroccan General Election Results. 2019. – Mode of access: <http://www.elections.ma/elections/legislatives/resultats.aspx> (Accessed: 20.03.2019.) (In Arabic); Previous Legislative Mandates. – 2019. – Mode of access: <http://www.chambredesrepresentants.ma/ar/node/40935> (Accessed: 20.03.2019.) (In Arabic).

партии «Самобытность и справедливость», которая, значительно улучшив свои позиции на последних выборах, отказалась войти с ПСР в «коалицию победителей». Эта ситуация вынудила ПСР формировать правящую коалицию с малыми партиями (на 2019 г. их там пять), что сохраняет перманентную угрозу ее развала.

Еще одним инструментом сдерживания ПСР стало использование административного ресурса – манипуляции с границами избирательных округов в пользу более широкого представительства лояльного монарху сельского населения. Следует также отметить, что Мухаммад VI, пришедший к власти в 1999 г., сохранил право утверждать премьер-министра из членов победившей на выборах партии и контролировать назначение руководителей ключевых министерств и ведомств¹.

Характеристика электората. Выборы 2016 г., на которых победу вновь одержала ПСР, подтвердили профиль избирателей исламских партий. В табл. 1 указаны районы с наибольшей долей проголосовавших за ПСР и приведены релевантные социально-экономические показатели. Результаты выборов по регионам свидетельствуют о том, что за партию голосуют жители крупных городских агломераций, значительная часть которых имеет полное среднее или высшее образование. Избиратели скорее владеют двумя и более иностранными языками (преимущественно французским и английским), что дает им возможность быть интегрированными в мировое информационное пространство, а также получать образование в зарубежных университетах.

Если перейти на уровень анализа отдельных регионов, где ПСР заняла первое место, то наблюдается значимая отрицательная корреляция между отданными за партию голосами и уровнем неграмотности населения (см. рис. 3). Ситуация в регионе Касабланка-Сетат является примером подобного распределения, при этом такая же зависимость прослеживается во всех регионах, в том числе при учете уровня образования, наличия электричества и Интернета в домохозяйствах, а также владения иностранными языками. Более того, результаты 2016 г. подтверждаются более ранними

¹ См.: Constitution of the Kingdom of Morocco of 2011. – Mode of access: https://www.constituteproject.org/constitution/Morocco_2011.pdf?lang=ar (Accessed: 23.03.2019.) (In Arabic).

исследованиями – при постепенном росте линейной зависимости между переменными [Pellicer, Wegner, 2014].

Таблица 1

**Социально-экономические характеристики районов
с наибольшей долей голосов за ПСР, 2016 г. (%)¹**

Район	Голоса	Полное среднее / высшее образование	Урбанизация	Владение иностран. яз.	Доступ к интернету
Инезган – Эйт Мелюль	63,3	33,2	94,9	64,2	21,7
Мерс Султан (Касабланка)	59,6	48,6	99,3	73,6	33,3
Мулай Рашид (Касабланка)	59	40,6	99,1	72,9	22,7
Фес	54,4	62,2	98,2	74,2	23,8
Сале	48,5	43,2	93	73,3	30
Рабат	43,9	53,3	100	76,6	46,6
Мохаммедия	42,6	66,7	71,4	69,3	29,8
Схират-Темара	42,2	42,4	90	72,6	30,4
В среднем по стране	27,9	30,1	61,9	67,2	19,3

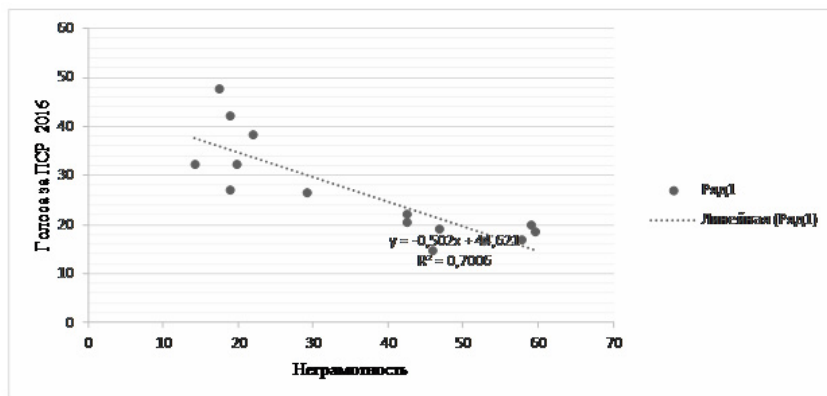

Рис. 3.

**Зависимость голосов за ПСР от уровня неграмотности
в регионе Касабланка-Сетат по результатам выборов 2016 г.¹**

¹ Составлено по: Demographic Indicators. High Commissioner for Planning (in Arabic). – 2018. – Mode of access: <http://rgphentableaux.hcp.ma/Default1/> (Accessed: 20.03.2019.)

Таким образом, ПСР смогла мобилизовать наиболее образованное и экономически благополучное население средних и крупных городов, для которого значимы национальный и религиозный компоненты идентичности и которое способно самостоятельно определять свои политические предпочтения. Устойчивый рост поддержки представителей партии в городских и сельских советах закрепляет за ПСР репутацию ответственной политической силы.

Организационно-партийная структура. Исторически партия уходит корнями в конгломерат исламских движений, возникших в Марокко в конце 1960-х годов. Одним из наиболее крупных таких объединений было Движение за единство и реформу (ДЕР). Оно отличалось подчеркнуто умеренным курсом на реформы в сотрудничестве с действующей властью и демократическими внутренними процедурами. Например, лидер не имел права возглавлять движение более двух четырехлетних сроков. Исполнительный орган насчитывал 13 человек, которые избирались и были полностью подотчетны коллективному руководящему органу – Совету шуры. Национальная ассамблея (съезд партии) вырабатывала стратегию и утверждала размер членских взносов – 2,5% от заработной платы [Wegner, 2011, p. 25]. Однако несмотря на высокую поддержку в крупных городах, университетской среде и профсоюзах, организации не удалось зарегистрироваться в качестве самостоятельной политической партии. В 1996 г. состоялся учредительный съезд, где большинство лидеров ДЕР вошли в секретариат создававшейся партии – будущей ПСР. Одновременно с трансформацией органов управления обновлялись представительства партии в городах: они превращались в партийные ячейки.

Важной особенностью стал сознательный «функциональный разрыв» между ПСР и материнской организацией. Партия дистанцируется от любых форм религиозной деятельности и акцентирует внимание лишь на вопросах «исламской идентичности». Вместе с тем на региональном и местном уровнях в вопросах финансирования и привлечения новых кадров ПСР действует в тесной координации с Движением. Это позволяет ей поддерживать имидж представителя интересов мусульман-суннитов.

¹ Рассчитано по: Moroccan General Election Results.–2019. – Mode of access: <http://www.elections.ma/elections/legislatives/resultats.aspx> (Accessed: 20.03.2019.) (In Arabic).

В организационном плане ПСР прошла эволюцию от слабо сформированной до структурированной организации со своей системой сдержек и противовесов. Лучше всего это демонстрирует процедура внутрипартийных выборов. В 1997 г. Генеральный секретарь (ГС) обладал полномочиями самостоятельно проводить назначения на ведущие должности, а рядовые члены формально не имели права выбирать своих лидеров. К 2004 г. разработана и запущена система многоступенчатых выборов в местные и региональные советы, которые, в свою очередь, наделялись правом формировать секретариаты и другие партийные органы. Были созданы контрольные комиссии по исполнению бюджетов и проведению голосований, основной целью которых стало обеспечение прозрачности. После активных протестов 2011 г. руководство прямо заявило, что если партия выступает за демократические принципы в марокканском обществе, то следует «начать с себя». К 2016 г. утвердился принцип ограничения количества сроков полномочий на высших должностях.

В настоящее время ПСР представляет собой сложную формализованную структуру, в которой сосуществуют вертикальные и горизонтальные связи¹. Высшим органом является Национальная конференция, которая принимает программу партии, определяет основные направления деятельности, избирает ГС и членов Национального совета партии. Очередные съезды проводятся каждые четыре года, в них участвуют по два представителя от каждого исполнительного органа на государственном, региональном и местном уровнях. Национальный совет, второй по значимости партийный орган, проводит съезды раз в год. Он обладает широкими полномочиями формировать межконференционную повестку и принимать годовой бюджет. Совет также имеет право избирать заместителей ГС и в случае необходимости отстранять от должности его самого. Текущей исполнительной работой на высшем уровне занимается ГС, который отвечает за реализацию программы партии в парламенте и правительстве, поддерживает связи с иностранными организациями и утверждает кандидатуры на выборах. В составе секретариата 27 человек, выдвигаемых из числа глав основных партийных структур, а также союзных организа-

¹ Rules of Procedure, Justice and Development Party. – 2016. – Art. 20–50. – Mode of access: <https://www.pjd.ma/telecharger/6273> (Accessed: 02.03.2019.) (in Arabic).

ций: союза молодежи, женщин и различных профсоюзов. В случае успеха партии на выборах именно члены секретариата занимают должности министров.

Анализируя руководящий партийный состав (см. табл. 2), следует отметить сравнительно невысокую долю лиц, получивших религиозное образование, что объясняется разделением функций между ПСР и ДЕР, а также курсом на компетентность руководящего аппарата. Профессиональный состав последнего связан с историей развития организации прежде всего в университетской среде.

Таблица 2

**Социальная характеристика руководящего
состава ПСР, 2019 г. (%)¹**

	Техническое / экономическое	Гуманитарное / юридическое	Религиозное	Научная степень
Образование	37	44	11	56
	Преподаватель	Адвокат	Инженер / экономист	Другие
Профессия	44	14	18	24
	30–40 лет	41–50 лет	Более 50 лет	
Возраст	35	40	25	

Ключевые направления политического курса ПСР заложены в Уставе², обновленном на съезде 14 июля 2012 г. Согласно преамбуле, партия опирается на марокканское наследие, которое включает три базовых элемента: традиционные ценности, конституционную монархию и независимый демократически избранный парламент, представляющий все слои общества.

Какие же ценности направляют деятельность ПСР? Прежде всего, «правильность, прямота» (*истикама*), которая ассоциируется у мусульман с кораническим словосочетанием «прямой путь»³ (*ас-сырат аль-мустаким*) и может быть интерпретирована как верность Аллаху и жизнь в соответствии с Кораном. В Марокко

¹ Составлено по: PJD Governing Institutions Portal. – 2019. – Mode of access: <https://www.pjd.ma/epace-institutionnel/> (Accessed: 01.04.2019.) (in Arabic).

² Justice and Development Party Statute. – 2012. – Mode of access: <https://www.pjd.ma/telecharger/16772> (Accessed: 10.04.2019.) (in Arabic).

³ В исламской эсхатологии *сырат* означает мост для испытания верующих во время Судного дня. Для правочерных (тех, кто следовал *истикама*), путь по мосту окажется «прямым и легким».

термин *истикама* близок к понятию «срединного пути» и «умеренности» в мирских делах. Этот принцип очерчивает политическую рамку деятельности ПСР: обращение к исламской общине во всем ее многообразии, а также отказ от насилия и экстремизма в политической деятельности. В программных документах он применяется к характеру правления (*хукм аль-истикама*) и означает подотчетность и транспарентность государственного аппарата перед политически активной общиной. Таким образом, в исламской доктрине обретаются основания для актуализации модернизационной повестки. Вместе с исламской составляющей отражены и другие компоненты, характерные для национальных марокканских движений и разделяемые сегодня большинством партий: ответственность, свобода, справедливость, солидарность, а также «каждодневная борьба за интересы Родины (*аль-ватан*)».

Руководство партии определяет свою деятельность как «модернизацию Марокко». В практической плоскости ее повестка выражается в программах правительства (2011–2015; 2016–2021)¹, где отмечается, что развитие национальных институтов напрямую зависит от политического участия граждан, основанного на уважении достоинства и удовлетворении запроса на социальную справедливость. В интерпретации ПСР политическая модернизация предусматривает сокращение числа лиц, живущих за чертой бедности, и формирование среднего класса.

Концентрация на этих реформах способствует увеличению электората партии и одновременно снижению уровня радикальных настроений. Для образованных городских молодых марокканцев, составляющих основную часть электората ПСР, очень важными, согласно данным шестой волны Всемирного обзора ценностей [Inglehart, Norris, Ponarin, 2014], оказываются улучшение экономического положения и борьба с коррупцией. В программе действующего правительства (2016–2021) сделан акцент на развитии туризма, внутреннего товарооборота и бюджетных трансфертов с целью борьбы с неравенством и возникающими на этом фоне протестами на периферии.

¹ Government Programs 2011–2015 / 2016–2021. – Mode of access: http://www.maroc.ma/fr/system/files/documents_page/pro_gouv_1.pdf (Accessed: 11.04.2019.) (In Arabic).

Важным элементом в программе является политика памяти, которая выстраивается вокруг преемственности монархического правления и центральной роли ислама как основы идентичности многосоставного марокканского общества. В ходе реализации этой задачи была проведена реставрация более 500 памятников архитектуры, большинство из которых – мечети. ПСР под эгидой государства развивает цифровое вещание на берберском и арабском языках, поддерживает национальный кинематограф. Наблюдается также мифологизация прошлого, которое изображается как защита страны от «чужаков».

В результате заметного успеха в проведении правительственных реформ¹, прежде всего в сфере противодействия коррупции, защиты прав собственности и транспарентности судебного процесса, ПСР смогла заявить о себе в качестве политической силы, которая способна исполнять предвыборные обещания². Об этом свидетельствуют, в частности, данные «Арабского барометра»: 60,8% респондентов считают, что экономическая ситуация в стране улучшилась (по сравнению с 50,7% в 2016 г.). Сократилось количество респондентов, которые полностью не доверяют законодательной (с 47,5% в 2007 г. до 32,7% в 2016 г.) и исполнительной (с 31,1% в 2007 г. до 21,1% в 2016 г.) власти [Arab Barometer, 2018]. Приведенные данные подтверждают и общий рост легитимности власти в стране.

Таким образом, оставаясь лояльной королевскому двору, ПСР сохраняет приверженность предвыборной программе и интересам своего электората.

Заключение

В процессе диффузии и / или заимствования западных социально-политических норм и практик арабские политики сталкиваются с проблемой адаптации традиционных религиозных и современных институтов к трансформирующимся политическим

¹ First Year Government Report. – 2019. – Mode of access: <https://www.cg.gov.ma/sites/default/files/documents/bilan-1-an.pdf> (Accessed: 2.04.2019.) (In Arabic).

² С момента реализации второй правительственной (2016–2018) программы Марокко поднялось с 90-го на 73-е место в Индексе восприятия коррупции.

системам. Сопровождающий модернизацию рост политической активности вызывает необходимость поиска механизмов, которые связывали бы эти институты, снижая уровень конфликтности в отношениях власти и общества. Институционализация марокканской ПСР, основная роль которой выражается в сопряжении национального и религиозного компонентов марокканской идентичности и формировании общего поля интересов избирателей, показывает, что легализация принимающих рамку современных политико-институциональных взаимодействий исламских партий позволяет частично решать эту проблему.

Партия интерпретирует нормы и ценности исламской доктрины таким образом, что в итоге оказывается формой идентификации электората с исламом и королем – лидером *уммы*, организационно оставаясь при этом автономным институтом [Arab Barometer, 2018].

Со своей стороны, монархическая власть обоснованно рассматривает ПСР как соперника в борьбе за выражение интересов мусульманской общины и, хотя и вынуждена интегрировать ее из-за потребности в дополнительной легитимации в условиях социального протеста¹, не допускает ее доминирования. При относительном большинстве в Палате представителей партия не имеет возможности создать эффективное правительство из-за большого количества партий, в том числе поддерживаемых двором, и необходимости формировать правящую коалицию только с малыми лоялистскими партиями. Ее дальнейшему политическому росту препятствуют и конституционные полномочия короля в области назначения премьер-министра и распределения портфелей, а также административные манипуляции с нарезкой округов со стороны министерства внутренних дел. В целом для сложившейся политической ситуации характерно состояние контролируемого баланса между основными политическими акторами, что позволяет осуществлять модернизационные реформы, не допуская опасной дестабилизации политической системы.

¹ NDI final report on the Moroccan legislative elections. – 2011. – Mode of access: <https://www.ndi.org/files/Morocco-Final-Election-Report-061812-ENG.pdf> (Accessed: 12.01.2019.)

Список литературы

- Аль-Фаси А. Аль-Харакят аль-Истиклялийа фи аль-Магриб аль-Арабий = Движения за независимость в Северной Африке. – Бейрут: Матбаа ар-Рисалья, 1948. – 488 с. – Араб. яз.
- Володина М.А. Берберы Северной Африки: культурная и политическая эволюция (на примере Марокко). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 112 с.
- Долгов Б.В. Движения политического ислама в Магрибе // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 5 (14). – С. 123–132.
- Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность: единство и разнообразие // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / И. Семененко (сост.). – М.: Весь мир, 2017. – С. 228–241.
- Кудряшова И.В. Нациестроительство на Ближнем Востоке: от мусульманской уммы к нации-государству? // Политическая наука. – 2008. – № 1. – С. 132–166.
- Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. – М.: Институт Ближнего Востока, 2005. – 286 с.
- Малашенко А.В. Почему боятся ислама? // Россия и мусульманский мир. – 2007. – № 3. – С. 121–141.
- Сапронова М.А. Исламские партии и государство // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 11 (736). – С. 30–33. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S032150750001786-6>
- Орлов В.В. Марокко: монархия и ислам в условиях многопартийности // Россия и мусульманский мир. – 2010 а. – № 5. – С. 128–137.
- Орлов В.В. Марокко: монархия и ислам в условиях многопартийности (окончание) // Россия и мусульманский мир. – 2010 б. – № 7. – С. 134–141.
- Орлов В.В. Монархия и ислам в алавитском Марокко: исторические пути взаимодействия: XVII – начало XXI в.: автореферат дис. ... д-ра ист. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. – 46 с.
- Сергеев М.С. История Марокко. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – 356 с.
- Сюкийянен Л.Р. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2016. – Т. 12, № 3. – С. 139–152.
- Arab Barometer: Public Opinion Survey Conducted in Algeria, Egypt, Jordan, Lebanon, Morocco, Palestine, and Tunisia, 2016 / W. AlKhatib, M. Robbins, M. Shutaywi, A.A. Jamal, M.A. Tessler, K. Shiqaqi, Y. Meddeb, R. Haber, I. Mezlini, H. Latif, M. Abderebbi. – Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor], 2018. – DOI: <https://doi.org/10.3886/ICPSR37029.v1>
- Atkin M. The rhetoric of islamophobia // Central Asia and the Caucasus. – 2000. – Vol. 1. – P. 123–132.
- Balafrej A. Plans for independence // Foreign Affairs. – 1956. – Vol. 34, N 3. – P. 483–489. – DOI: <https://doi.org/10.2307/20031179>
- Barwig A. How electoral rules matter: voter turnout in Morocco's 2007 parliamentary elections // The Journal of North African Studies. – 2009. – Vol. 14, N 2. – P. 289–307. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13629380802563650>

- Bennouna M.* Our Morocco: the true story of the just cause. – Morocco: Underground Group, 1951. – 234 p.
- de Tarde A.* The work of France in Morocco // *Geographical Review*. – 1919. – Vol. 8, N 1. – P. 1–30. – DOI: <https://doi.org/10.2307/207316>
- Esposito J., Sonn T., Voll J.* Islam and democracy after the Arab Spring. – N.Y.: Oxford university press, 2016. – 306 p.
- Esposito J., Voll J.* Islam and democracy. – N.Y.: Oxford university press, 1996. – 202 p.
- Gallissot R.* L'économie de l'Afrique du Nord. – Paris: Presses universitaires de France, 1978. – 125 p. – Фр. яз.
- Inglehart R., Norris, P., Ponarin E.* World Values Survey: All Rounds – Country-Pooled Datafile 1981–2014. – Madrid: JD Systems institute, 2014. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp> (Accessed: 27.03.2019.)
- Is non-western democracy possible? A Russian perspective / A.D. Voskressensky (ed.). – New Jersey: World Scientific, 2017. – 738 p.
- Johnson K.* Urbanization in Morocco: An international urbanization survey report. – N.Y.: Ford Foundation, 1971. – 135 p.
- Levitsky S.* Institutionalization and Peronism: the case, the concept, and the case for unpacking the concept // *Party politics*. – 1998. – Vol. 4, N 1. – P. 77–92. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068898004001004>
- Pellicer M., Wegner E.* Socio-economic voter profile and motives for Islamist Support in Morocco // *Party politics*. – 2014. – Vol. 20, N 1. – P. 116–133. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068811436043>
- Pellicer M., Wegner E.* The justice and development party in Moroccan local politics // *The Middle East journal*. – 2015. – Vol. 69, N 1. – P. 32–50. – DOI: <https://doi.org/10.3751/69.1.12>
- Roy O.* The failure of political Islam. – Cambridge, MA: Harvard university press, 1998. – 258 p.
- Szmolka I.* Party system fragmentation in Morocco // *The Journal of North African studies*. – 2009. – Vol. 15, N 1. – P. 13–37. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13629380902727569>
- Tozy M.* Monarchie et Islam Politique. – Paris: Presses de Sciences Politiques, 1998. – 282 p. – Фр. яз.
- Wegner E.* Islamist opposition in authoritarian regimes: the party of justice and development in Morocco. – Syracuse, NY: Syracuse university press, 2011. – 208 p.

A.S. Kozintsev *

**Institutionalization of islamist parties in the process of nation-building:
the case of the Moroccan party of justice and development**

Abstract. Rapid social and political change triggered by increasing rates of modernization and globalization processes in the Middle East led to mismatch between

* **Alexander Kozintsev**, PhD student, Department of Comparative Politics, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

traditional Islamic practices and nation state institutions. A pressing need for Islamic identity reconstruction within a framework of the nation states makes Arab rulers seek new «hybrid» forms of governance and regime legitimation. This paper argues that Islamist political parties may act as essential intermediaries between people's traditional religious awareness and emerging national sentiment. Consequently, the inclusion of such parties in governing institutions serves to overcome potential conflict stem from the breakdowns of political modernization. In order to maintain this claim detailed within-case empirical analysis of Moroccan Justice and Development Party (JDP) is used. The author analyzes: (1) Moroccan territorial consolidation under the French protectorate; (2) regime strategy towards Islamist movement during the formation of political parties and (3) JDP inclusion as a «moderate Islamist party». By investigating the internal and external dimensions of JDP political participation, the author demonstrates that this Islamist party acts as a modern political institution and successfully integrates Islam into Moroccan national identity. The article concludes that moderate Islamist political parties may be viewed as the cornerstone of nation building in the contemporary Middle East.

Keywords: political parties; political Islam; Islamist parties; Morocco; identity politics; nation building.

For citation: Kozintsev A.S. Institutionalization of islamist parties in the process of nation-building: the case of the Moroccan party of justice and development. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 258–280. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.10>

References

- Al-Fassi A. Independence movements in North Africa. Beirut: Ar-Risala Press, 1948, 488 p. (In Arabic)
- AlKhatib W. et al. *Arab Barometer: Public Opinion Survey Conducted in Algeria, Egypt, Jordan, Lebanon, Morocco, Palestine, and Tunisia, 2016*. Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research [distributor], 2018. DOI: <https://doi.org/10.3886/ICPSR37029.v1>
- Atkin M. The rhetoric of islamophobia. *Central Asia and the Caucasus*. 2000, Vol. 1, P. 123–132.
- Balafrej A. Plans for independence. *Foreign Affairs*. 1956, Vol. 34, N 3, P. 483–489. DOI: <https://doi.org/10.2307/20031179>
- Barwig A. How Electoral Rules Matter: Voter Turnout in Morocco's 2007 parliamentary elections. *The Journal of North African Studies*. 2009, Vol. 14, N 2, P. 289–307. DOI: <https://doi.org/10.1080/13629380802563650>
- Bennouna M. *Our Morocco: the true story of the just cause*. Morocco: Underground Group, 1951, 116 p.
- de Tarde A. The work of France in Morocco. *Geographical Review*. 1919, Vol. 8, N 1, P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.2307/207316>
- Dolgov B. political Islam movements in Maghreb. *MGIMO Review of International Relations*. 2010, N 5 (14), P. 123–132. (In Russ.)

- Esposito J., Sonn T., Voll J. *Islam and democracy after the Arab Spring*. N.Y.: Oxford university press, 2015, 321 p.
- Esposito J., Voll J. *Islam and democracy*. N.Y.: Oxford university press, 1996, 202 p.
- Gallissot R. *The economy of North Africa*. Paris, presses universitaires de France, 1978, 125 p. (In French)
- Inglehart R., Norris, P., Ponarin E. *World Values Survey: All Rounds – Country-Pooled Datafile 1981–2014*. Madrid, JD Systems Institute, 2014. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>. (accessed 27.03.2019.)
- Is Non-Western democracy possible? A Russian perspective*. Ed. by Voskressensky A.D. New Jersey: World Scientific, 2017. 738 p.
- Johnson K.M. *Urbanization in Morocco. An international urbanization survey report*. New York: Ford Foundation, 1971, 135 p.
- Kudrjashova I. Islamic political identity: unity and diversity. *Identity: individual, society, politics. Encyclopedia*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir, 2017, P. 228–241. (In Russ.)
- Kudrjashova I. Nation-building in the Middle East: from Ummah to Nation State? *Political Science (RU)*, 2008, N 1, P. 132–166. (In Russ.)
- Landa R. *Political Islam: preliminary assessment*. Moscow, Middle East Institute, 2005, 286 p. (In Russ.)
- Levitsky S. Institutionalization and Peronism: the case, the concept, and the case for unpacking the concept. *Party Politics*. 1998, Vol. 4, N 1, P. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068898004001004>
- Malashenko A. Where does islamophobia come from? *Russia and the Moslem World*. 2007, N 3, P. 121–141. (In Russ.)
- Orlov V. Morocco: monarchy and Islam in multiparty system. *Russia and the Moslem World*. 2010 a, N 5, P. 128–137. (In Russ.)
- Orlov V. Morocco: Monarchy and Islam in Multiparty System (conclusion). *Russia and the Moslem World*. 2010 b, N 7, P. 134–141. (In Russ.)
- Orlov V. *Monarchy and Islam in Alaouite Morocco: History of Development in 17th–21th centuries*. PhD dissertation. Moscow state university, 2013, 46 p. (In Russ.)
- Pellicer M., Wegner E. Socio-economic voter profile and motives for Islamist support in Morocco. *Party politics*. 2014, Vol. 20, N 1, P. 116–133. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068811436043>
- Pellicer M., Wegner E. The justice and development party in Moroccan local politics. *The Middle East journal*. 2015, Vol. 69, N 1, P. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.3751/69.1.12>
- Roy O. *The failure of political Islam*. Cambridge, MA: Harvard university press, 1998, 258 p.
- Sapronova M. Islamic political parties and the state. *Asia and Africa today*. 2018, N 11 (736), P. 30–33. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032150750001786-6> (In Russ.)
- Sergeev M. *History of Morocco. XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2001, 359 p. (In Russ.)
- Syukiyaynen L. Islamic conception of caliphate: fundamentals and contemporary interpretation. *Islam in the modern world – intra-governmental and international political issues*. 2016, Vol. 12, N 3, P. 139–152. (In Russ.)

- Szmulka I. Party system fragmentation in Morocco. *The Journal of North African Studies*. 2010, Vol. 15, N 1, P. 13–37. DOI: <https://doi.org/10.1080/13629380902727569>
- Tozy M. *Monarchy and political Islam*. Paris: Presses of political sciences, 1998, 282 p. (In French)
- Volodina M.A. *Berbers of North Africa: cultural and political evolution (Morocco case)*. Moscow, IMEMO RAS, 2011, 112 p. (In Russ.)
- Wegner E. *Islamist opposition in authoritarian regimes: the party of justice and development in Morocco*. Syracuse, NY: Syracuse university press, 2011, 232 p.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

Д.В. АЛЕКСЕЕВ, П.С. КОПЫЛОВА*

ГРУППЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ СООБЩЕСТВА МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ: ОПЫТ ДИСКУРС-АНАЛИЗА¹

Аннотация. В статье проводится дискурс-анализ контента пяти молодежных политологических сообществ в сети ВКонтакте. Эмпирическая база составила более 500 записей, закодированных в соответствии с определенной тематикой. Первоначально каждая публикация в сообществе интерпретировалась как относящаяся к политическому или политологическому дискурсу. На втором этапе кодирования все политологические посты были разделены на научные (академические) и образовательные. На третьем этапе записи, связанные с образованием, были разделены на гражданские и государственные в зависимости от источника (инициатора) образовательных практик.

По итогам исследования выяснено, что каждое из пяти рассмотренных сообществ имеет свою уникальную специализацию. Например, если группа Совета молодых политологов РАПН более сконцентрирована на академическом контен-

* **Алексеев Дмитрий Владимирович**, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (Москва, Россия), e-mail: mityaalexeev@yandex.ru; **Копылова Полина Сергеевна**, магистрант, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: polya_kopylova@mail.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-33052.

Авторы статьи выражают благодарность канд. полит. наук, доценту НИУ ВШЭ Ивану Фомину, студенту СПбГУ Андрею Кошкину, канд. полит. наук, научному сотруднику ИНИОН РАН Илье Помигуеву за ценные рекомендации и советы в ходе работы над статьей.

© Алексеев Д.В., Копылова П.С., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.01.11

те, то Молодежное отделение РОП сосредоточено на записях, информирующих о возможностях реализовать свои знания на практике. Особенно выделяется сообщество «Гражданин Политолог», разнообразие контента которого показывает, что целевой аудиторией публичной страницы являются не только студенты-политологи и аспиранты, но и гражданские активисты, а также люди, просто интересующиеся политикой.

Также обнаружено, что популярны посты, предоставляющие открытый доступ к текстам известных политологов и классиков политической науки, но в то же время востребованы и простые, легкие для понимания сообщения. С точки зрения авторов, это является маркером того, что политическая наука интересна российской молодежи, а политологические сообщества в социальных сетях стимулируют внимание и способствуют формированию нового поколения политологов.

Ключевые слова: дискурс-анализ; сетевой подход; молодежные политологические сообщества; социальные сети; сетевые коммуникации; молодые политологи.

Для цитирования: Алексеев Д.В., Копылова П.С. Группы в социальных сетях как способ формирования сообщества молодых политологов: опыт дискурс-анализа // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 281–304. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.11>

Институционализация сообщества молодых политологов

Политология – относительно молодая и новая для России наука. 25 января 1989 г. был издан Приказ ВАК при Совете министров СССР, предписывавший принять новую номенклатуру научных специальностей [История Российской ассоциации политической науки, 2015]. Кафедры политологии начали создаваться лишь в 1990-х годах. Соответственно, процесс институционализации политической науки, в том числе и конституирования сообщества молодых политологов, начался не так давно.

Считается, что молодежные организации в политической науке возникли еще в Советском Союзе, с созданием молодежной секции при САПН (Советской ассоциации политической науки). В то же время она была достаточно закрытой, членами ее могли стать исключительно аспиранты. В постсоветское время вопрос о воссоздании молодежной организации политологов поднимался не раз, но лишь 21 октября 2006 г. была создана Молодежная организация Российской ассоциации политической науки, которая стала более открытой площадкой для коммуникации молодежи по сравнению с советским временем.

В 2015 г. в организации произошли структурные изменения. Было принято новое положение и изменено название – Совет молодых политологов (СМП) РАПН.

Раз в три года СМП проводит Форум (последний прошел в декабре 2018 г. и стал самым массовым в истории организации [Помигуев, 2019 б]). На ежегодных конференциях РАПН всегда организуются мероприятия, инициированные молодыми политологами. Развиваются и другие направления деятельности – региональное, исследовательское (в виде исследовательских групп), издательское (рубрика «Первая степень» в журнале «Политическая наука», научные журналы «Политический вектор – М», «Nauka.me», «Научные записки молодых исследователей»).

Особое значение для организации имеет информационное направление: создан сайт, активно развивается и одноименная группа (паблик) в социальной сети ВКонтакте (на данный момент – более 8 тыс. подписчиков).

Еще одна крупная молодежная политологическая организация была создана в 2014 г. – Молодежное отделение Российского общества политологов (МолРОП). Позиционируя себя как «корпорация молодых политологов», они реализуют такие проекты, как «Модель ООН», «Лига дебатов», Форум молодых политологов «Дигория».

Сообщество МолРОП ВКонтакте включает в себя более 2 тыс. участников; здесь можно получить информацию о мероприятиях, которые проводит организация.

Таким образом, наблюдается на достаточно активный процесс институционализации сообщества молодых политологов в России, важнейшим показателем которого является увеличение общих коммуникативных площадок. На данный момент таковыми мы предлагаем считать профильные группы в социальной сети ВКонтакте. Особая роль этой площадки в процессе выстраивания коммуникаций молодых политологов подтверждается результатами опроса студентов и молодых ученых-политологов, проведенного в сентябре-октябре 2019 г. В ходе опроса 73,7% из 538 опрошенных сообщили, что используют ВКонтакте для дистанционного общения с представителями сообщества [см. подробнее: Помигуев, 2020].

Данный факт свидетельствует о важной роли коммуникативных площадок на базе ВКонтакте, возникших в сетевой среде в

виде специализированных групп (объединений индивидов, основанных на общности интересов), которые оказывают существенное влияние на процесс формирования и развития сети молодых политологов.

Сетевая методология для анализа молодежных политологических онлайн-сообществ

Сетевой подход оптимален для анализа взаимодействия молодых исследователей в рамках онлайн-сообществ [Помигуев, 2019 а]. В российской политической науке этот метод распространен достаточно широко. Так, А.П. Кочетков пишет о возможностях формирования нового общества, основанного на принципе сети, и выделяет особый вид политического режима – нетократизм¹ [Кочетков, 2013]. А.И. Бордовских и А.И. Соловьев отмечают, что политические сети оказывают влияние на процесс принятия решений во всех режимах, вне зависимости от степени их демократизации [Бордовских, Соловьев, 2015]. Особенности методологии анализа политических сетей подробно описали Л.В. Сморгунов и А.С. Шерстобитов. По мнению авторов, сети часто представляют собой «метафоричное описание структур взаимодействия акторов в процессе выработки и принятия решений» [Сморгунов, Шерстобитов, 2018, с. 134]. Важно, что анализ дискурса, продуцируемого внутри этих сетевых взаимодействий, практически не применялся.

В зарубежной науке сетевой подход также имеет довольно широкую сферу применения. Д. Ноук и Дж. Куклински разработали типологию отношений, которые можно изучать в рамках сетевого подхода [Knoke, Kuklinski, 1982]. Р. Родс акцентировал внимание на том, что институт может быть частью сети [Rhodes, 1990]. Это важно в контексте того, что группа в социальной сети является таким институтом: с одной стороны, участники сетевого сообщества руководствуются определенными правилами поведе-

¹ Нетократизм – новый формирующийся вид политического режима, одним из принципов которого является децентрализованное распределение власти. По словам А.П. Кочеткова, нетократия «установит правила взаимоотношений внутри сетевого сообщества и контроль над соблюдением норм его жизнедеятельности» [Кочетков, 2013, с. 119].

ния группы, а с другой – сообщества в социальных сетях могут быть лишь видимой частью институтов, формализованных офлайн в виде молодежных политологических организаций (например, публичные страницы «СМП РАПН. Политическая наука» и «Молодежное отделение РОП – МолРОП»).

Молодежные сообщества в контексте сетевой методологии исследовались мало. На возможность применения сетевого подхода в исследовании молодежных политических сообществ указывает А.В. Кучукян [Кучукян, 2017]. В то же время работы, направленные на исследование молодежных политических / политологических сообществ, существуют. Так, Н.М. Красникова рассматривает молодежь в контексте взаимодействия внутри субкультур [Красникова, 2008], а В.М. Барсегян в своем исследовании сопоставил политическую активность политологов и неполитологов. По итогам работы доказано, что первые политически активнее, чем их коллеги из других сфер [Барсегян, 2018].

Таким образом, молодые политологи образуют сетевые сообщества, в том числе в социальных сетях, уже имея определенный багаж знаний о политической сфере. Вместе с тем они могут применить знания в разных формах политического активизма, еще находясь «на студенческой скамье» [Помигуев, 2019 а]. В связи с этим актуальным оказывается вопрос содержания контента, доминирующего в политологических группах в социальных сетях: собственно политологический или политический?

Получение ответа на этот вопрос поможет увидеть как научные, так и жизненные приоритеты молодых политологов. Выяснить это поможет дискурс-анализ такого контента.

Методика исследования онлайн-сообществ молодых политологов

Различные методики дискурс-анализа направлены на вычленение смыслов и тематик из массива текста. Дискурс-анализ позволяет сосредоточиться не просто на лингвистических аспектах, но и на конструировании повестки в рамках отдельных сообществ в социальных сетях [Flick, 2009]. Применяя дискурс-анализ, в сущности мы анализируем фрагмент социальной реальности и представления о ней [ван Дейк, 2000].

Отметим, что политический дискурс – это в целом сетевой феномен, так как сетевые акторы вносят в него вклад, коммуницируя друг с другом [Leifeld, 2016]. Пост в социальной сети является актом коммуникации, при этом запись в сообществе адресована не конкретному сетевому актору, а неограниченному числу подписчиков.

Посредством кодирования всех постов в рамках дискурс-анализа возможно зафиксировать их тематику. Таким образом мы сможем выяснить, какие темы в профильных сообществах во ВКонтакте доминируют и что прежде всего интересует молодых политологов, а также какие материалы вызывают у них наибольший отклик.

Для анализа были выбраны группы, позиционирующие себя как сообщества для молодых политологов, имеющие относительно много подписчиков (более 2 тыс.): «СМП РАПН. Политическая наука», «Молодежное отделение РОП – МолРОП», «Лис Политолог», «Гражданин политолог» и «WisePolicy». Это отражено в описании групп. Например, молодежное отделение Российского общества политологов позиционирует себя как «Корпорация молодых политологов»¹, а в описании сообщества «СМП РАПН. Политическая наука» есть такая фраза: «Совет молодых политологов <...> призван объединить студентов и аспирантов, обучающихся по политологии и смежным специальностям»². Однако подобное позиционирование само по себе не опровергает факт наличия постов о политике. «Гражданин политолог» определяет себя как образовательный проект, направленный на популяризацию политической науки и ее «объяснение простым языком»³. Такое позиционирование предполагает сочетание политических и политологических постов.

На первом этапе подготовки к анализу необходимо разделить все посты в группах во ВКонтакте на связанные с политической повесткой на содержащие политологические сюжеты (см. схему). Подсчет количества «политических» и «политологических» постов и реакций на них в разных группах поможет опреде-

¹ Сообщество «Молодежное отделение РОП – МолРОП». – Режим доступа: <https://vk.com/molgor> (Дата посещения: 24.10.2019.)

² Сообщество «СМП РАПН. Политическая наука». – Режим доступа: <https://vk.com/smprapn> (Дата посещения: 24.10.2019.)

³ Сообщество «Гражданин политолог». – Режим доступа: https://vk.com/gr_pol (Дата посещения: 10.11.2019.)

лить, в какой сфере лежат основные интересы молодых политологов: в политической практике или политической науке.

Политологическая сфера для молодых ученых и студентов – комплексная область, которая не исчерпывается одним академическим измерением. Студенты бакалавриата или магистратуры, являющиеся членами молодежных политологических сообществ в социальных сетях, не обязательно будут строить академическую карьеру. Их мотивация может быть связана как с получением нового знания, так и с интересом к образовательным мероприятиям, например лекториям СВОП или подборкам видео с ресурса «Постнаука». Стоит отметить, что для студентов первых курсов бакалаврских программ актуальнее получение нового политологического знания, чем его производство посредством написания статей, участия в научных проектах или выступления на конференциях. В связи с этим тематическое разделение политологических постов на образовательные и научные (академические) оправданно (см. схему).

Образовательные практики также могут быть разными. Существенно различие между участием в форуме «Территория смыслов» и посещением дискуссии, организованной инициативными студентами. В первом случае инициатором создания канала получения нового знания становятся государственные или окологосударственные структуры. Во втором – группа активных молодых политологов.

Под «государственным образованием» в контексте кодировки понимаются образовательные инициативы, исходящие либо от государственных вузов, либо непосредственно от государственных органов (например, «Росмолодежь»). Под «гражданским образованием» понимаются образовательные проекты, семинары, круглые столы, инициированные молодыми учеными и группами студентов самостоятельно (см. схему). Во втором случае речь идет о воспитании гражданина и политической социализации.

В исследовании рассматриваются именно сообщества во ВКонтакте, так как на текущий момент именно эта социальная сеть является наиболее популярной площадкой не только для обмена сообщениями между пользователями сети, но и для обсуждений в группах и на публичных страницах широкого спектра тем. Именно во ВКонтакте наиболее полно представлены все возраст-

ные группы, членов которых можно назвать молодыми учеными¹. 23,3% аудитории – пользователи в возрасте от 18 до 24, и еще 20% – младше 18 лет. Наиболее активная возрастная группа – 25–34 года (33,6%)².

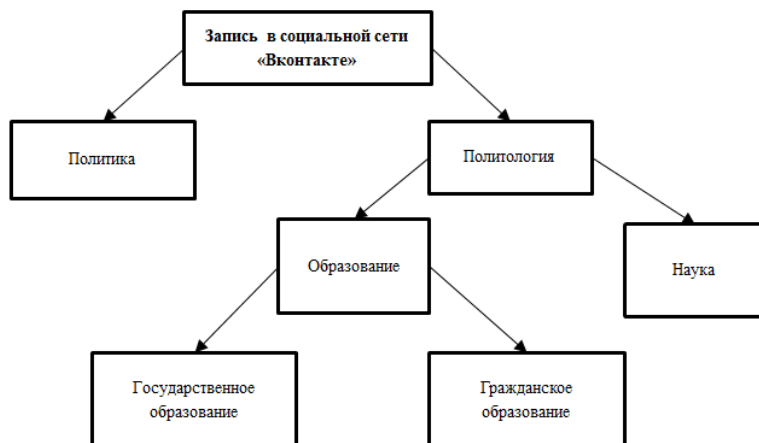

Схема.

Кодировка в рамках дискурс-анализа

¹ Согласно распоряжению Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», «молодой ученый» – это работник образовательной или научной организации, имеющий ученую степень кандидата наук в возрасте до 35 лет или ученую степень доктора наук в возрасте до 40 лет, либо являющийся аспирантом, исследователем или преподавателем образовательной организации высшего образования без ученой степени в возрасте до 30 лет.

² Социальные сети в России: Цифры и тренды, осень 2018. – Режим доступа: <https://br-analytics.ru/blog/socseti-v-rossii-osen-2018/> (Дата посещения: 24.10.2019.)

Далее предлагаем ознакомиться с результатами кодирования всех оригинальных постов вышеназванных политологических сообществ за период с сентября 2018 по август 2019 г.

Записи в политологических группах в сети ВКонтакте: политика vs политическая наука

Сначала необходимо определить, какое количество постов относится к теме политики, а какое – к политологии (см. табл. 1).

Полученные данные показывают, что позиционирование политологических групп в целом соответствует структуре контента. В четырех из пяти групп, ставших объектами анализа, политологических постов больше, чем политических. Исключение составляет «WisePolicy», но это сообщество изначально преподносит себя как паблик не только с политологическим контентом, но и с новостями, аналитическими материалами. Напрямую об этом указано в кратком описании группы «О политике. О политологии». Примечательно, что на первой позиции в этом описании стоит именно политика.

Еще одним уникальным кейсом является паблик «Гражданин политолог». Как показывают данные, политологических постов в группе больше, чем политических, однако разрыв не так велик. Это видно на примере процентного соотношения политического и политологического от общего количества постов в каждом из сообществ.

Данные показывают, что группа ориентирована на широкую аудиторию студентов и заинтересованных людей, вероятно, не только политологов. Каждый, кто хоть немного интересуется политикой или академической политологией, может найти для себя в ней как минимум новое знание или зарегистрироваться на интересное образовательное мероприятие.

Также для сообщества «Гражданин политолог» характерно размывание границ между политологическим и политическим. Оба этих компонента могут присутствовать в одном посте. Например, часто сразу после сообщения о каком-либо событии предлагается ознакомиться с аналитическими или даже академическими материалами по теме.

Например, запись от 3 июня 2019 г. о выборах в Европарламент начинается с информационного сообщения о недавно прошедшем политическом событии: «С 23 по 26 мая в Евросоюзе проходили выборы в Европарламент»¹. Однако далее предлагается подборка экспертно-аналитических материалов по теме, с которыми члены сообщества «Гражданин политолог» знакомятся не только с целью узнать о событии, но и чтобы вникнуть в его интерпретацию и, возможно, научиться анализировать политические события. То есть в данном случае соединяются сообщение о политическом событии и рефлексия над ним со стороны ведущих экспертов. Можно с уверенностью сказать, что здесь присутствует и образовательный момент для молодых политологов, так как, знакомясь с экспертно-аналитическими материалами, они вырабатывают свой взгляд на событие и учатся анализировать.

Таблица 1

Количество политических и политологических записей

Сообщество	Политика		Политическая наука		Всего постов
	Кол-во	%	Кол-во	%	
СМП РАПН	10	8,4	109	91,6	119
МолРОП	17	25,8	49	74,2	66
Лис Политолог	5	15,6	27	84,4	32
Гражданин политолог	99	45,2	120	54,8	219
WisePolicy	57	73,1	21	26,9	78

Образование и наука в политологических сообществах во ВКонтакте

Разделение постов в рамках категории «Политическая наука» важно, так как члены политологических сообществ могут быть заинтересованы не только в научной карьере, но и просто в поиске новых знаний и источников их получения. В связи с этим в рамки категории «Политическая наука» включены подборки экспертно-аналитических материалов, подготовленные администраторами группы, а также приглашение на дискуссию с известными политологами.

¹ Пост в сообществе «Гражданин политолог» от 03.06.2019. – Режим доступа: https://vk.com/gr_pol?w=wall-121510310_1422 (Дата посещения: 12.10.2019.)

логами, которые проводятся проектом «Гражданин политолог», и рекомендации по онлайн-курсам на сайте Coursera и пр.

Наибольшее количество постов, связанных с академической политической наукой, представлено на публичной странице СМП РАПН и площадке «Гражданин политолог» (см. табл. 2). В случае с СМП это выглядит естественным, так как группа и, самое главное, сама организация позиционирует себя как крупнейшее сообщество, куда входят молодые политологи, интересующиеся академическими исследованиями политики. Логично, что администрация группы стремится выполнить запрос аудитории, знакомя ее с научными мероприятиями или информируя о возможностях публикации. Большое количество «академических» постов в «Гражданине политологе» связано, во-первых, с общей направленностью группы, а во-вторых, с большим количеством постов в сообществе в целом (всего их 219 за 2018/2019 учебный год по всем категориям, не считая репостов).

В то же время в сообществах «МолРОП» и «Лис Политолог» образовательный дискурс существенно преобладает над академическим (см. табл. 2). В интернет-сообществе МолРОП уделено много внимания не научным мероприятиям, а общественным, направленным на подготовку не столько политологов, сколько политиков. Примером может служить целый ряд постов, связанных с ежегодным Всероссийским форумом «Территория смыслов» и форумом «Дигория», который позиционируется как политологическое мероприятие, хотя его содержание связано скорее не с производством нового научного знания, а с освоением прикладных аспектов политики.

Интересно, что в сообществе WisePolicy академических постов почти столько же, сколько и образовательных. Однако это не должно вводить в заблуждение, так как сообщество практически не публикует приглашений к участию на конференциях, отчетов о них или подборок научной литературы. В основном в группе публикуются работы известных ученых и философов. Например, за прошедший учебный год в сообществе были выложены труды Р. Хайлбронера («Философы от мира сего. Великие экономические мыслители. Их жизнь, эпоха и идеи»), Р. Ван ден Борта («Основы социальной политики»), П.И. Никитина («Политическая экономия»).

Процент «академических» и «образовательных» постов высчитывается от общего количества записей, потому что именно так

мы можем получить наглядную картину структуры повестки в каждом из сообществ. Таким образом, мы лучше увидим приоритетные тематические направления во всех группах.

Данные показывают, что больше всего информации, связанной с академической политологией, публикуется в группе СМП РАПН – чуть более 50% от общего числа постов. В остальных группах ее гораздо меньше. В сообществе МолРОП таких постов чуть более 10%, зато образовательных – 63,6% (см. табл. 2). Данные цифры говорят о приоритетах администраторов групп в рамках той повестки, которую они задают для посетителей сообщества.

Таблица 2

**Количество образовательных
и академических политологических записей**

Сообщество	Образование		Наука		Всего записей
	Кол-во	%	Кол-во	%	
СМП РАПН	48	40,3	60	50,4	108
МолРОП	42	63,6	7	10,6	49
Лис Политолог	20	62,5	7	21,9	27
Гражданин политолог	54	24,7	66	30,1	120
WisePolicy	11	14,1	10	12,8	121

**Представленность общественных и государственных
образовательных инициатив в политологических
сообществах ВКонтакте**

В целом отметим, что постов, связанных с общественными инициативами (записи о мероприятиях, организованных студентами, или просто подборки аналитических материалов, сделанные администраторами группы), в образовании больше, чем с условно государственными (сообщения о мероприятиях, проводимых кафедрами в государственных вузах, или о событиях и форумах, организованных при участии околосударственных структур). Объясняется это тем, что социальная сеть из-за уже существующих на ее площадке возможностей для сетевых взаимодействий (много зарегистрированных пользователей, возможность бесплатного создания сообщества) более пригодна для продвижения именно общественных инициатив в целом. Для государственных инициа-

тив имеются другие возможности, например создание платного сайта мероприятия.

Как видно из данных, наибольший разрыв между государственным и гражданским образованием в сообществе «Гражданин политолог» (см. табл. 3). У администраторов сообщества много образовательных проектов (лекции и дискуссии «Гражданина политолога», образовательно-научный проект «На какой стороне Вы?», знакомство с аналитическими записками и статьями молодых исследователей), которые требуют представленности в сообществе в качестве поста. Кроме того, «Гражданин политолог» позиционирует себя прежде всего именно как проект, который занимается образованием, хотя, как показали данные, наука играет в группе значительную роль (30,1% всех постов были причислены к академическим).

Отметим, что в СМП РАПН в два раза больше постов, связанных с общественными образовательными инициативами, чем с государственными (см. табл. 3). Их больше и в сообществе МолРОП, хотя с точки зрения количества сообщений государственные образовательные инициативы представлены в группе наиболее полно (28,8% от общего количества постов в паблике). Содержательно это связано с тем, что в паблике МолРОП есть целая серия материалов, посвященных форуму «Территория смыслов» и политологическому форуму «Дигория», организация которых, как уже было упомянуто ранее, в той или иной степени связана с окологосударственными структурами. Кроме того, здесь особенно видна и общая ориентация сообщества скорее на образовательный контент, чем на академический. Напомним, что образовательные посты занимают более 63% от общего количества постов, в то время как академические – лишь 10,6%.

Возвращаясь к анализу гражданского образовательного контента в сообществе СМП РАПН, важно отметить, что там он представлен не столько в виде приглашений на образовательные мероприятия, сколько в виде подборок курсов по data science или дайджеста «Политическая наука», информирующего о вновь вышедших научных статьях, аналитических материалах и предстоящих мероприятиях.

В сообществе «Лис Политолог» доля постов, сообщающих о государственных образовательных практиках, составляет 43,8% (см. табл. 3). Это наиболее солидная доля «государственного обра-

зования» среди всех политологических групп. Отчасти это связано с тем, что контент этого сообщества в большей степени генерируется не администраторами группы, которые задают повестку паблика, а самими пользователями. Они это делают посредством инструмента «Предложить новость». Также обратим внимание на малое количество постов в группе за учебный год 2018/2019. Их было всего 32.

Отметим, что в сообществе «WisePolicy» постов по категориям «Государственное образование» лишь 1,3%, а «гражданское» – 11,5% (см. табл. 3). Однако выборка по данному сообществу не слишком репрезентативна. Образовательных постов за учебный год всего 21. Данное сообщество все же более ориентировано на трансляцию чисто политических сюжетов.

Таблица 3

Количество записей по категориям кодировки «Гражданское» и «Государственное образование»

Сообщество	«Гражданское образование»		«Государственное образование»		Всего постов
	Кол-во	%	Кол-во	%	
СМП РАПН	32	26,9	15	12,6	47
МолРОП	23	34,8	19	28,8	42
Лис Политолог	6	18,8	14	43,8	20
Гражданин политолог	53	24,2	1	0,5	54
WisePolicy	9	11,5	1	1,3	10

Обратная связь в сообществах ВКонтакте и посты, набравшие наибольшую популярность

Мы рассмотрели структуру повестки дня пяти политологических сообществ во ВКонтакте. Данный подраздел посвящен обратной связи на эти публикации. Из каждой группы были взяты пять постов, которые у посетителей сообществ вызвали наибольший отклик. В качестве индикатора этого отклика был выбран такой показатель, как количество лайков (отметок «Мне нравится»). Анализ именно топ-5 понравившихся постов позволит выяснить, какие темы и сюжеты обращают на себя наибольшее внимание у посетителей групп.

Таким образом, наиболее популярны у посетителей сообщества именно научные посты. Впрочем, гражданское образование находится примерно на том же уровне.

Примечательно, что на первом месте по популярности у подписчиков паблика СМП РАПН находится пост, связанный со смертью С. Вербы (см. табл. 4). Однако стилизованный под некролог текст (обращают на себя внимание такие формулировки, как «...не стало одного из самых влиятельных политологов современности...», «Дело С. Вербы живет...») едва ли стал причиной такой популярности записи. Прикрепленные к сообщению работы американского политолога могли послужить поводом для получения большого количества лайков, так как найти настолько полную подборку работ С. Вербы непросто.

Также отметим, что довольно живую реакцию аудитории вызвали обзор крупных российских политологических журналов, где принимают статьи к публикации, видео с мини-лекциями известных специалистов в области принятия политических решений Ф.Т. Алескерова и А. Заостровцева (см. табл. 4), а также объявление о возможности получения гранта для молодых исследователей. Именно пост о гранте набрал наибольшее количество просмотров.

Таблица 4

Наиболее популярные записи сообщества СМП РАПН

№	Тематика поста	Кодировка	Лайки	Репосты	Просмотры
1.	Смерть С. Вербы. К посту прикреплены несколько его работ	Политология Наука	105	28	6,3 тыс.
2.	Скандал в западной науке. Ученые доказали, что в социальной науке первично соблюдение идеологических догм, а не поиск истины	Политология Образование «Гражданское образование»	104	19	4 тыс.
3.	Объявление о научном конкурсе для молодых исследователей в сфере общественно-политических наук	Политология Наука	96	44	7,6 тыс.
4.	Обзор ведущих российских научных политологических журналов	Политология Наука	74	35	8 тыс.
5.	Серия видео с мини-лекциями по теории принятия политических решений	Политология Образование «Гражданское образование»	72	19	4 тыс.

Наиболее популярными постами в сообществе Молодежного отделения РОП стали записи, связанные с образованием (за

исключением одного, посвященного соболезнованиям родным погибших в трагедии в Керченском колледже). Кроме того, все они связаны с приглашением на мероприятия. Весьма показательно, что наибольший отклик вызвали посты, предоставляющие новые возможности для развития прикладных навыков (см. табл. 5). Можно утверждать, что студенты, заходя в группу, ищут, прежде всего, возможность участия в мероприятиях и стажировках, а не новые выпуски научных журналов или подборки научных или аналитических материалов. Таким образом, позиционирование как «корпорация молодых политологов» вполне востребовано у посетителей паблика.

Наибольшее количество лайков набрала запись о стажировке в РОП (см. табл. 5). Одной из причин такой популярности записи могла стать его полнота: в нем прописаны все условия, этапы отбора и достоинства стажировки.

Таблица 5

Наиболее популярные записи сообщества МолРОП

№	Тематика поста	Кодировка	Лайки	Репосты	Просмотры
1.	Приглашение на программу стажировки РОП	Политология Образование «Гражданское образование»	141	50	15 тыс.
2.	Приглашение на форум молодых политологов «Дигория»	Политология Образование «Государственное образование»	119	81	8,2 тыс.
3.	Приглашение к участию в Универсиаде «Ломоносов»	Политология Образование «Государственное образование»	75	25	2,1 тыс.
4.	Соболезнования родным и близким погибших в результате трагедии в Керченском политехническом колледже	Политика	67	8	2,8 тыс.
5.	Сообщение о конкурсе РФФИ и ИСИ в области общественно-политических наук	Политология Наука	57	27	4,7 тыс.

Несмотря на то что сообщество «Гражданин политолог» позиционируется как проект, подающий политическую науку «простым языком», наиболее популярными за рассматриваемый период стали посты, связанные с научной тематикой (см. табл. 6).

В то же время, как уже указывалось выше, посты в сообществе часто можно лишь условно отнести к той или иной категории в рамках кодировки. Так, книга Е. Шульман «Практическая политология», несомненно, имеет образовательную ценность.

«Гражданин политолог», как и сообщество СМП РАПН, часто знакомит читателей с политологическими работами, выкладывая тексты в открытый доступ. Тот факт, что из пяти наиболее популярных постов в группе за относительно долгий срок три как раз знакомят читателей с текстами, давая возможность их скачать, говорит о спросе на такого рода контент.

Также отметим внимание аудитории к теме ареста студента НИУ ВШЭ Егора Жукова (см. табл. 6). Неделью практически все посты в группе сопровождались хэштегами #СвободуЕгоруЖукову, #АЕгорВыйдет и др.

Таблица 6

**Наиболее популярные записи сообщества
«Гражданин политолог»**

№	Тематика поста	Кодировка	Лайки	Репосты	Просмотры
1.	Пост о книге Л. Штрауса «Введение в политическую философию» (приложен текст книги)	Политология Наука	130	21	9,3 тыс.
2.	Пост об аресте Егора Жукова (позиция «Гражданина политолога»)	Политика	116	13	4,5 тыс.
3.	Пост о книге Е. Шульман «Практическая политология»	Политология Наука	101	10	3,9 тыс.
4.	Пост о книге Д. Хелда «Модели демократии» (приложен текст книги)	Политология Наука	95	14	3,6 тыс.
5.	Пост о книге А. Павлова «Политическая теория в XX веке: сборник статей»	Политология Наука	95	13	2,5 тыс.

С большим отрывом (в пять раз) наибольшее количество отметок «Мне нравится» набрал политический мем, где герои известного мультфильма «Смешарики» представлены в роли антисоветчиков и лишь один из героев (Еж) – в роли «внимательного советского гражданина» (см. табл. 7). Мемы, связанные с политикой, приобрели популярность в российском околополитическом дискурсе достаточно давно. Кроме того, являясь информационным фастфудом, они воспринимаются посетителем гораздо более благосклонно в силу своей простоты. Однако она является обманчивой, так как мем, будучи легко воспринимаемой и запоминающейся-

ся информацией, может влиять на политические установки человека [Шомова, 2015].

Остальные наиболее популярные записи представляют собой приглашения к участию на конференции, презентации и в школы (см. табл. 7). Это свидетельствует о том, что «Лис Политолог» стал площадкой для продвижения инициатив подписчиков среди других пользователей. Они оказывают не меньшее влияние на формирование повестки сообщества, чем администраторы группы и основатели проекта.

Таблица 7

Наиболее популярные записи сообщества «Лис Политолог»

№	Тематика поста	Кодировка	Лайки	Репосты	Просмотры
1.	Политический мем со «Смешариками»	Политика	190	14	8,4 тыс.
2.	Приглашение принять участие в исследовании в качестве интервьюера	Политология Наука	38	6	3,3 тыс.
3.	Приглашение на презентацию коллективной монографии	Политология Образование «Гражданское Образование»	38	5	6,5 тыс.
4.	Объявление об открытии приема заявок на конференцию Московского представительства СМП РАПН «Политические тенденции и явления: что определяет политику сегодня?»	Политология Наука	31	5	3,3 тыс.
5.	Объявление о новом наборе в Московскую открытую школу прав человека	Политология Образование «Гражданское Образование»	20	3	2,5 тыс.

Из наиболее популярных постов сообщества «WisePolicy» видно, что в нем генерируется в основном политический контент (см. табл. 8). Больше всего лайков собрала запись, информирующая пользователей о хронологии керченской трагедии. Все остальные записи представляют собой, в сущности, те же мемы, связанные с президентом. Даже пост с известными фильмами, переделанными так, чтобы объяснить ключевые категории политической науки, имеет черты мема. Однако здесь он играет положительную роль, так как помогает студенту лучше усвоить политологические знания.

Таблица 8

Наиболее популярные посты сообщества «WisePolicy»

№	Тематика поста	Кодировка	Лайки	Репосты	Просмотры
1.	Хронология пожара на двух судах в Керченском проливе	Политика	155	1	1,8 тыс.
2.	Описание прямой линии с президентом в одной картинке	Политика	123	5	14 тыс.
3.	Забавная картинка про будущего преемника В.В. Путина	Политика	99	3	3,3 тыс.
4.	Серия образовательных политологических мультфильмов	Политология Образование «Гражданское образование»	97	22	3,7 тыс.
5.	Критическая картинка по отношению к В.В. Путину по итогам лета 2019 г.	Политика	93	5	4,2 тыс.

Отметим важный момент, связанный с относительно небольшим количеством комментариев в политологических сообществах. Редко под записями можно найти более пяти комментариев. При этом лайков, просмотров и репостов существенно больше. Это наталкивает на идею о том, что студенты-политологи и просто люди, интересующиеся политикой, скорее направлены на потребление готового контента, чем на создание нового.

Выводы

В большинстве случаев *все политологические сообщества придерживаются заявленного ими позиционирования*. Это обусловлено усилиями администраторов групп, которые диктуют повестку каждого конкретного сообщества. Именно с этим связана специфика каждой из групп, ставшей предметом анализа.

Как группа СМП РАПН, так и МолРОП, – сообщества, целевой аудиторией которых являются студенты-политологи. Однако если в группе МолРОП администраторы уделяют больше внимания образовательному политологическому контенту, то в СМП РАПН фокус направлен именно на академические записи (единственная из рассматриваемых групп, где такого контента более 50%).

В сообществе «Лис Политолог» также больше именно образовательного контента. Однако делать определенные выводы по результатам анализа этого сообщества сложно, так как обновления в

группе нерегулярны. В меньшей степени это касается и «Wise-Policy». В то же время даже на основе рассмотрения 78 постов можно сделать вывод, что содержание группы в основном политическое (более 73%), а не политологическое. И это тоже соответствует позиционированию группы как «политической для политологов».

Особым кейсом является проект «Гражданин политолог». Прежде всего, именно в этой группе было опубликовано больше всего постов за рассматриваемый период. По итогам анализа можно констатировать, что и политические, и научные (академические), и посты с темой «гражданского образования» ощутимо присутствуют в группе. В то же время записи с тематикой по «государственному образованию» практически отсутствуют. Однако это обусловлено спецификой позиционирования группы.

Еще одна тенденция, которая прослеживается практически во всех сообществах (за исключением группы «Лис политолог»), – это *превалирование контента, связанного с «гражданским образованием» над «государственным»*. Из 514 постов (общее количество проанализированных записей в ВКонтакте) с «государственным образованием» оказалось лишь 50. Возможно, социальные сети – не лучшая площадка для их продвижения. За государственными образовательными инициативами, как правило, стоят бюджеты, большие, чем за гражданскими проектами. Следовательно, они могут себе позволить создать отдельный сайт усилиями профессионалов и поддерживать его функционирование. Кроме того, суть околোগосударственных проектов в сфере образования удобно доносить и на других площадках, например, в лекционной аудитории. В то же время анализ постов во ВКонтакте показал, что государственные и околোগосударственные организации еще не до конца научились работать со студенческой аудиторией в социальных сетях.

Анализ популярности постов во всех пяти сообществах показал, что у аудитории имеется спрос на контент особого рода. Так, *посты, набирающие наибольшее количество лайков за учебный год, содержат тексты, которые можно бесплатно скачать на свое электронное устройство*. Именно за счет подобных записей популярность набрал паблик «Political science library». Кроме того, популярностью пользуются посты с приглашением принять участие в политологическом или околполитологическом мероприятии.

Также важно отметить, что во всех пяти проанализированных сообществах *относительно много постов, связанных с академической политологией (150)*. Их лишь немногим меньше, чем образовательных (175). Такие цифры говорят о том, что студентов-политологов интересует в том числе и научный контент. В частности, академические мероприятия (конференции, круглые столы) и подборки статей – как классиков политической науки, так и современных исследователей. Таким образом, количество лайков и просмотров под постами говорит о том, что интерес к политической науке у молодежи действительно есть.

В наши дни молодые люди проводят довольно много времени в социальных сетях, в том числе во ВКонтакте. Периодически молодые исследователи и студенты заходят и в политологические сообщества, которые так или иначе *формируют картину мира молодых людей, систему их взглядов, сферу научных интересов*. Каждое из сообществ делает это по-своему. «Лис Политолог» и «WisePolicy», СМП РАПН и МолРОП, «Гражданин политолог» по-разному расставляют акценты в рамках формирования повестки дня группы. Однако все вместе они становятся триггером появления нового поколения молодых политологов, политиков, общественных деятелей и просто политически грамотных граждан.

Список литературы

- Барсегян В.М. Политическая и научная активность молодых политологов: игра с нулевой суммой? // Политическая наука. – 2018. – № 4. – С. 258–270.
- Бордовских А.И., Соловьев А.И. Политические сети как новый источник политического риска // Государственное управление: Электронный вестник. – 2015. – № 51. – С. 185–212.
- ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
- История Российской ассоциации политической науки: научное издание / под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М.: Аспект-Пресс, 2015. – 360 с.
- Кочетков А.П. Нетократизм // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 4. – С. 111–121.
- Красникова Н.М. Молодежная субкультура и молодежное движение как разновидности молодежных политических сообществ // Сообщества как политический феномен / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 248 с.

- Кучукян А.В. Возможности методологии сетевого анализа в исследовании виртуальных молодежных сообществ // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 4. – С. 24–26.
- Помигуев И.А. Особенности сетевого подхода к изучению сообщества молодых политологов // Власть. – 2019 а. – Т. 27, № 4. – С. 94–100. – DOI: <https://doi.org/10.311171/vlast.v27i4.6592>
- Помигуев И.А. Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики (V Форум молодых политологов, г. Москва, 8 декабря 2018 г.) // Политическая наука. – 2019 б. – № 1. – С. 268–274.
- Помигуев И.А. Роль молодежных политологических организаций в процессе формирования научных сетей // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 112–144. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.05>
- Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: теория и методы анализа. – М.: Аспект-Пресс, 2018. – 320 с.
- Шомова С.А. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности // Бизнес. Общество. Власть. – 2015. – № 22. – С. 28–41.
- Flick U. An introduction to qualitative research. – Fourth edition. – L.: SAGE Publications Ltd, 2009. – 518 p.
- Knoke D., Kuklinski J. Network analysis. – Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1982. – 96 p.
- Leifeld P. Discourse network analysis: Policy debates as dynamic networks // The Oxford handbook of political networks / J.N. Victor, M.N. Lubell, A.H. Montgomery (eds). – Oxford: Oxford university press, 2017. – P. 301–326. – DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhpb/9780190228217.013.25>
- Rhodes R. Understanding governance. Policy network, governance, reflexivity and accountability. – Buckingham, Philadelphia: Open university press, 1997. – 252 p.

D.V. Alekseev, P.S. Kopylova*

**Social networks' groups as a method for forming a community
of youth political scientists: discourse analysis experience**

Abstract. This article analyzes the content of five youth political science communities. Discourse analysis was chosen as a method. The empirical base amounted to more than 500 posts on the social network «VKontakte». They were coded in accordance with the topic of a particular note. Firstly, each of the publications was interpreted as referring to a political or political science discourse in community. Secondly, all political science posts were divided into scientific and educational. Thirdly, the posts

* **Alekseev Dmitry**, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa) (Moscow, Russia), e-mail: mityaalekseev@yandex.ru; **Kopylova Polina**, the Financial University under the Government of the Russian Federation, e-mail: polya_kopylova@mail.ru

of education were divided into those that relate to civic educational practices and government initiatives.

Amount of research we found, that all five communities has own specialization. For example, if the SMP RAPN group more focused on academic content. MOLROP concentrated on posts of informing about the possibilities to put their knowledge into practice. «Grazhdanin politolog» is the special case. The diversity of the group's content shows that the target audience of the public page is not for only political science students or graduate students, but also for civic activists and people who are just interested in politics.

It was also found that posts that provide access to the texts of famous political scientists and classics of political science are popular. This is a marker of the fact that young people have an interest in political science and communities in social networks only stimulate it and contribute to the formation of a new generation of political scientists.

Keywords: discourse analysis; network approach; youth community in political science; social networks; network communications; youth political scientists.

For citation: Alekseev D.V., Kopylova P.S. Social networks' groups as a method for forming a community of youth political scientists: discourse analysis experience. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 281–304. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.11>

References

- Barsegyan V.M. Political and scientific activity of young political scientists: A zero-sum game? *Political Science (RU)*. 2018, N 4, P. 258–270. (In Russ.)
- Bordovskikh A.N., Solovyov A.I. Political networks as a new source of political risk. *E-journal «Public administration»*. 2015, N 51, P. 185–212. (In Russ.)
- Krasnikova N.M. Youth subculture and youth movement as the formes of youth political communities. In: *Communities as a political phenomenon*. Ed. by P.V. Panov, K.A. Sulimov, L.A. Fadeeva. Moscow: ROSSPEN, 2009, 248 p. (In Russ.)
- Flick U. *An introduction to qualitative research. Fourth edition*. London: SAGE Publications Ltd, 2009, 518 p.
- History of the Russian association of political science: scientific edition*. Ed. by S.V. Patrusheva, L.E. Filippova. Moscow: «Aspect-Press», 2015, 360 p. (In Russ.)
- Leifeld P. Discourse Network Analysis: Policy Debates as Dynamic Networks. In: *The Oxford Handbook of Political Networks*. Ed by J.N. Victor, M.N. Lubell, A.H. Montgomery. Oxford: Oxford university press, 2017, P. 301–326. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190228217.013.25>
- Knoke D., Kuklinski J. *Network analysis*. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1982, 96 p.
- Kochetkov A.P. Netocracy. *Polis. Political Studies*. 2013, N 4, P. 111–121. (In Russ.)
- Kuchukyan A.V. The opportunities of network analysis methodology in the study of virtual youth communities. *Theory and practice of social development*. 2017, N 4, P. 24–26. (In Russ.)

- Pomiguyev I.A. Young political scientists' community study: network approach. *Power (Vlast')*. 2019 a, Vol. 27, N 4, P. 94–100. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6592> (In Russ.)
- Pomiguyev I.A. State and society development: Ideas, subjects, institution and practices (Vth All-Russian Forum of youth political scientists, 8 December 2018, Moscow). *Political science. (RU)*. 2019 b, N 1, P. 268–274. (In Russ.)
- Pomiguyev I.A. The role of youth political science organizations in the process of forming scientific networks. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. XX-XX. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.05> (In Russ.)
- Rhodes R. *Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability*. Buckingham, Philadelphia: Open university press, 1997, 252 p.
- Shomova S.A. The political internet meme: essence, characteristics, types. *Business. Society. Power*. 2015, N 22, P. 28–41. (In Russ.)
- Smorgunov L.V., Sherstobitov A.S. Political networks: theory and methods of analysis. Moscow: Aspect-Press, 2018, 320 p. (In Russ.)
- van Dijk T. *Language. Cognition. Communication*. Blagoveshchensk: I.A. Baudouin de Courtenay BNC, 2000, 308 p. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Сводная таблица общего количества всех записей по всем категориям кодировки

Сообщество	Политика	Политическая наука		
		Наука	Образование	
			«Гражданское»	«Государственное»
СМП РАПН	10	60	32	15
МолРоп	17	7	23	19
Лис Политолог	5	7	6	14
Гражданин политолог	99	66	53	1
WisePolicy	57	10	9	1

Приложение 2

Доля от общего количества записей по каждой из категорий кодировки, в %

Сообщество	Политика	Политическая наука		
		Наука	Образование	
			«Гражданское»	«Государственное»
СМП РАПН	8,4	50,4	26,9	12,6
МолРоп	25,8	10,6	34,8	28,8
Лис Политолог	15,6	21,9	18,8	43,8
Гражданин политолог	45,2	30,1	24,2	0,5
WisePolicy	73,1	12,8	11,5	1,3

И.А. ИНШАКОВ*
СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ
НАУЧНОГО ЗНАНИЯ:
КЕЙС ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В работе предпринимается попытка анализа исследовательского университета как механизма производства научного знания в форме студенческих курсовых и выпускных квалификационных работ. Для достижения этой цели автор обращается к традиционным концептам социологии науки, концепту власти и идее эпистемического сообщества. В эмпирическом плане работа строится на 20 интервью со студентами и преподавателями Департамента политической науки НИУ ВШЭ, а также на данных онлайн-опроса среди студентов. Рассмотрена практика взаимодействия студента с научным руководителем как основной механизм производства знания: мотивации и критерии отбора с обеих сторон, обязанности и инструменты влияния, возможности досрочного завершения взаимодействия и обращения к внешнему арбитражу. Выделены три модели взаимодействия с разным уровнем интенсивности контактов («симбиоз», «умеренная помощь», «автономия»); при этом выбор студентом модели коммуникации не имеет статистически значимой связи с оценкой руководителя, итоговой оценкой за работу, а также показателями ученой степени, должности и возрастной группы руководителя. Сетевое сообщество студентов и преподавателей рассматривается в качестве вспомогательного механизма производства знания, который действует на основе неформального безоговорочного консенсуса о желательности взаимной помощи даже при отсутствии формальных стимулов. На стадии защит не наблюдается конфликтов из-за разных методологических предпочтений участников, но обнаруживаются содержательные разногласия, отражающие сложную субдисциплинарную структуру современной политической

* **Иншаков Илья Александрович**, ассистент, Департамент политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: iinshakov@hse.ru

© Иншаков И.А., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.01.12

науки. На этом фоне из трех рассмотренных в работе форм власти наиболее проявленной оказывается экспертная власть со стороны научного руководителя или рецензента.

Ключевые слова: социология науки; исследовательский университет; методологии политической науки; эпистемическое сообщество; власть решения; экспертная власть.

Для цитирования: Иншаков И.А. Социальное конструирование научного знания: кейс Департамента политической науки Высшей школы экономики // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 305–328. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.12>

Политическая наука в контексте университета

На сегодняшний день университет остается Меккой производства научного знания в социальных науках. Одновременно университет – это сложное сообщество с широким набором формальных и неформальных практик, иерархическими и сетевыми взаимодействиями. В этом смысле университет был и остается тенью на стене платоновской пещеры, отражением эйдоса идеальной науки, опосредованным реальными практиками ее производства.

Для политической науки вопрос о функционировании университета, о соотношении знания и власти характеризуется очевидной двойственностью. С одной стороны, это вопрос исследовательский, наиболее известные ответы на который дают П. Бурдьё с его концепцией «структурирующих структур» [Бурдьё, 1999] и М. Фуко, обозначивший связь знания и власти в дисциплинарных институтах, к которым можно отнести и университеты [Фуко, 2016]. С другой стороны, рефлексия политической науки о собственных основаниях во многом остается либо на уровне «больших споров» о методологиях и научных направлениях [Easton, 1969; Штраус, 2000; Алмонд, 2000; Шапиро, 2011], либо на уровне изучения целых национальных научных систем и сообществ [Graziano, 1987; Jerez Mir, 2010; о российском случае см.: Пуин, Malinova, 2008; Gel'man, 2015]. Таким образом, возникает лакуна на уровне изучения *локальных* практик производства знания в рамках конкретных университетов и исследовательских центров. В частности, это касается исследований, проводимых студентами в рамках своего образовательного трека в форматах курсовых и вы-

пусковых квалификационных работ по политологии¹, которые в принципе редко рассматриваются в качестве продуктов научного, а не только образовательного процесса.

Ситуация написания первых авторских работ студентом отличается от последующих форматов вовлечения в научную деятельность высокой степенью асимметричности и контекстуальности. Асимметричности – поскольку студент зависим от административных регламентов и находится в неравной позиции по отношению к другим участникам процесса (научному руководителю, руководителю научно-исследовательского семинара, членам комиссии на защите). Контекстуальности – поскольку даже в условиях наличия единых государственных стандартов конкретные практики и формы организации данного процесса варьируют как внутри университета, так и между разными учебными заведениями; при этом многие студенты еще не имеют выхода в широкое профессиональное сообщество, где их работы могли бы быть подвергнуты оценке на основании относительно универсализированных критериев, без учета локальной специфики университетской среды. Таким образом, мы сталкиваемся с уникальным набором практик, который одновременно отличается от последующих форм научной деятельности и в то же время служит первым шагом (а для кого-то – барьером) на пути к ним. Такая амбивалентность процесса написания студенческих исследовательских работ вызывает к жизни потребность в его глубинном, качественном анализе на примере конкретного кейса, который бы позволил максимально полно осветить разные аспекты проблемы.

Методология и концептуальная рамка исследования

Как правило, кейс-стади предусматривает две базовые стратегии отбора кейсов: либо акцент на «типичном», либо, наоборот, на наиболее «выдающемся» случае [Gerring, 2009, p. 105]. Без дополнительного эмпирического обоснования сложно быть уверен-

¹ Здесь нельзя не упомянуть работы Л. Полищука и его коллег по изучению мотиваций студентов [Борисова, Полищук, Суворов, 2013]. Однако такие работы, выполненные на релевантном эмпирическом материале, остаются скорее исключением; кроме того, в них используется экономический подход к анализу проблемы, а не традиция социологии науки, в ключе которой выполнена данная работа.

ными в том, что «типичный» российский университет может быть рассмотрен как реальный механизм производства научного знания в работах студентов. Исходя из этого работа фокусируется на рассмотрении одного из ведущих образовательных центров политической науки в России с большим объемом академических процессов и институционализированными практиками их воспроизведения. Примером такого рода в нашем случае выступает Департамент политической науки – структурное подразделение Высшей школы экономики, существовавшее с 2015 по 2019 г., ответственное за подготовку студентов-политологов¹. Сравнительные характеристики, подтверждающие статус Департамента политической науки как «выдающегося» случая, приведены в Приложении 1. Дополнительным содержательным аргументом является тот факт, что НИУ ВШЭ позиционирует себя именно как исследовательский университет, а программа «Политология» делает акцент в том числе на построении академического трека своих выпускников.

В таком случае *исследовательский вопрос* работы может быть сформулирован в следующем виде: каким образом социальные практики производства политологического знания в Департаменте политической науки влияют на содержание научных работ студентов-политологов?

Ключом к ответу на этот вопрос является разведение *«мира идей»* и *«мира повседневной коммуникации»* по поводу этих идей [Вахштайн, 2006], означающее удвоение нашего объекта исследования. Социальный и исторический контекст формирует науку как одну из *«систем верований»* ([Knorr-Cetina, 1981, p. 2] со ссылкой на [Feuerabend, 1962]), но, будучи сформированными, идеи служат ориентиром для выстраивания практик их создания. Проблема, однако, состоит в том, что никакой «науки как таковой» не существует, – это подробно обосновал Томас Кун, анализируя структуру научных парадигм [Кун, 1975]. Кун тем не менее мыслит структуралистски и акцентирует внимание на *последовательной* смене

¹ Организационная структура ВШЭ имеет два измерения: студенты обучаются на *образовательных программах*, а преподаватели работают в *департаментах и факультетах*. В нашем случае ОП «Политология» на протяжении 2015–2019 гг. реализовывалась в основном силами Департамента политической науки. Исходя из этого, в дальнейшем мы будем употреблять термин «Департамент» как общее обозначение той институциональной площадки, на которой встречаются преподаватели департамента и студенты образовательной программы.

парадигм, вызванной *объективными* предпосылками. Поэтому, с учетом мультиметодологического характера современной политической науки со времен постбихевиоральной революции, для наших целей более релевантен подход Имре Лакатоса [Лакатос, 1995]. Его главное отличие состоит в том, что он подчеркивает *одновременное сосуществование* нескольких **исследовательских программ**, ведущих конкурентную борьбу и рано или поздно проигрывающих в ней – либо путем концептуальной капитуляции, либо из-за чрезмерного расширения пояса «предохранительных гипотез».

Что касается уровня «повседневной коммуникации», **научное сообщество**, как отмечает Майкл Полани [Полани, 1985], служит механизмом оценки и превращения «*неявного знания*» отдельных ученых в то, что мы считаем «объективным» знанием. Поскольку сообщество может не только оценивать, но и участвовать в процессе производства научного продукта, оно может быть рассмотрено в качестве **сети** из каналов коммуникации; точнее, в качестве «*эпистемического сообщества*» [Haas, 2008] – разновидности сети, которая состоит из экспертов, обладающих релевантными знаниями в определенной области и разделяющих общие нормативные установки об истине и полезности в этой области. В реальности это сообщество вписано в общий контекст **исследовательского университета**, которым уже по самому своему названию является (или стремится стать) НИУ ВШЭ. Для исследовательского университета характерен «*принцип единства преподавания и исследования*», образования и науки [Куренной, 2007, с. 72], который позволяет рассмотреть работы студентов не просто как образовательные продукты, но как примеры или, по крайней мере, драфты продуктов научного рода.

Данная линия из классических концептов социологии науки в нашем случае должна быть по необходимости дополнена **концептом власти**, используемым для описания властных отношений, присутствующих в среде университета: как в форме деления на студентов и преподавателей, так и в форме иерархии самих преподавателей. Операционально власть рассматривается в трех проявлениях.

– *Власть академического статуса, рассмотренная как власть решения.* Следуя логике Роберта Даля [Dahl, 1957], мы полагаем, что выявление этого типа власти возможно при рассмотре-

нии процесса принятия решений в контексте потенциально конфликтного столкновения интересов – например, в ситуации защиты студенческих работ.

– *Власть предвиденных реакций*. Поскольку очевидно, что в реальности противоречие интересов не всегда выражается в форме прямого столкновения конфликтующих волей, мы обращаемся также к анализу более скрытого уровня власти: «*объект действует в соответствии с волей субъекта без команд с его стороны, предвидя (негативные) реакции субъекта в случае отклонения объекта от данного поведения*» [Friedrich, 1937, p. 16–18].

– *Экспертная власть*. Специфика современного этапа развития политической науки с его высокой субдисциплинарной специализацией открывает широкий простор для проявления экспертной власти, которая основывается на убеждении подвластного субъекта в том, что властвующий субъект обладает специфическими знаниями или квалификациями [French, Raven, 1959].

Для проведения полноценного кейс-стади на выбранном материале была реализована стратегия последовательного использования смешанных методов сбора и анализа данных. Первый этап эмпирической работы – сбор и анализ качественных данных: в феврале – апреле 2017 г. были проведены две серии из десяти полуструктурированных интервью – одна с преподавателями (П) и одна со студентами III (С3) и IV курсов (С4), а также выпускниками 2016 г. (С5). Критериями стратификации выборки выступали возраст и академический статус преподавателя (в случае студентов – их научного руководителя). По этим критериям были выделены три группы преподавателей вместе с руководимыми ими студентами (например, группа А: группа младших преподавателей в должности преподавателя / старшего преподавателя и без степени / с кандидатской степенью; аналогично для групп В и С). Количество респондентов из каждой группы (и преподавателей, и руководимых ими студентов) было выдержано в примерной пропорции к общему объему студенческих работ, которые писались в 2015/2016 учебном году с преподавателями из данной группы.

На втором этапе выводы уточнялись за счет данных, полученных в ходе электронного опроса на платформе Google Survey, проведенного в апреле 2017 г. среди студентов III и IV курсов Департамента, а также выпускников 2016 г. Опрос состоял из вопросов с выбором одного или нескольких вариантов ответа, вопросов

с выбором по шкале и вопросов с кратким ответом. Проблема метода онлайн-опроса состоит в ограниченных возможностях корректирования выборки со стороны исследователя после того, как опрос запущен. Также возможны проблемы с количеством респондентов: в нашем случае получилось 60 откликов, что составляет почти 30% от всех студентов, которые писали курсовые или выпускные работы в рассматриваемом году. Однако даже это весьма скромный результат со статистической точки зрения, вследствие чего мы не можем прибегнуть к регрессионному моделированию, а также приводим в тексте только те выводы, что нашли подтверждение на качественном материале. Помимо анализа материалов интервью и локальных НПА Университета и Департамента, в исследовании использовались описательный статистический анализ, анализ таблиц сопряженности с использованием критериев Пирсона и Фишера, ранговый корреляционный анализ и кластерный анализ методом k-средних.

Производство знания

Традиционно в российской академической среде базовым механизмом создания работы считается *взаимодействие автора со своим научным руководителем*. Поэтому представляется логичным начать анализ практик создания работы с описания этого взаимодействия, и в первую очередь с мотиваций обеих сторон. Хотя первичным стимулом студента выступает формальная угроза отчисления, этот мотив никогда не является единственным. Вторая важная группа стимулов связана с интересом к созданию собственной научной работы в принципе или с интересом к конкретной научной области. Этот интерес парадоксальным образом вытекает не только из достижений, но и из ограничений российской политологии: в интервью респонденты связывали свою заинтересованность с тем, что в России их тематика еще толком не осмыслена и не изучается.

При этом только каждый десятый респондент считает, что написанный им текст стал реальным вкладом в науку, но еще 60% уверены, что он мог бы таковым стать при соответствующей доработке. Объяснение того, почему научный потенциал студентов реализуется столь слабо, связано скорее с мотивацией, чем с от-

сутствием структурных возможностей роста. Так, при высоких показателях осведомленности (32%) и участия (20%) в Конкурсе научно-исследовательских работ студентов, который является логичным шагом в продвижении своей работы, лишь 17% студентов в принципе заинтересованы в построении академической карьеры.

В картине мотиваций преподавателей формальная основа взаимодействия (часы рабочей нагрузки, материальное вознаграждение) также вторична; напротив, подчеркивается содержательная значимость взаимодействия (развитие студента, собственное научное обогащение и т.д.). Таким образом, обе стороны склонны «всерьез» рассматривать подготовку работы как научный процесс.

В соответствии с этим основным критерием отбора студентами будущих руководителей выступает совпадение тем и исследовательских интересов (78%). Почти столь же важны факторы, связанные с личностью руководителя: личные симпатии к преподавателю (60%) и возможность постоянного контакта с ним (45%). Менее свойственно для студентов-политологов ориентироваться на стиль работы руководителя («держит в строгой колее» или «максимально лоялен») и его академический статус. Основным информационным сигналом оказывается впечатление о руководителе как о преподавателе, который вел у студента учебный курс. Опыт работы в формате преподаваемых курсов служит основным источником информации и для руководителей, но в данном случае объем известной им информации меньше, и такой опыт есть не всегда (отсюда угроза *неблагоприятного отбора*). Более того, даже наличие знаний о несовершенной подготовке студента расценивается преподавателями как *неэтичный* предлог для отказа в руководстве, по крайней мере в явном виде.

По критериям отбора выделяются три группы преподавателей. Первая, немногочисленная, имеет формальные входные требования (качество написанной программы исследования или предыдущей работы, владение английским языком или нужным методом). Вторая, наиболее массовая, единственным критерием согласия видит примерное совпадение исследовательских интересов. Наконец, члены небольшой третьей группы готовы идти дальше и брать студентов не только по своим прямым научным интересам («Я, как мать Тереза, помогаю всем, кто испытывает трудности с другими преподавателями» (II)). Свою роль также играют «фактор трансферта» от более загруженных к менее загруженным коллегам

той же исследовательской области и «фактор наследственности», когда преподаватель предоставляет преимущество тем, кто пишет с ним не первый год. В целом *среда поиска научных руководителей* оказывается достаточно неконкурентной и лояльной для студентов; исключение составляет небольшая группа из пяти-шести крайне популярных руководителей. Вместе с тем можно предположить зарождение локального тренда на усиление конкурентности, который задается этой группой сверхпопулярных преподавателей¹.

Студенты выделяют для себя три основные обязанности в процессе написания работы: соблюдать сроки и требования руководителя (75%); находиться в контакте и обеспечивать руководителя необходимой информацией (47%); написать работу достойного качества (40%). Примечателен источник этих установок. Говоря о первых двух обязательствах, студенты апеллируют не к формальным положениям регламента (где две эти обязанности прямо прописаны), а к личному авторитету и отношениям с руководителем. Некоторые прямо разводят эти понятия, утверждая, что *«если нет личного контакта, никаких формальных обязательств нет» (C3)*. Даже в условиях жестко институционализированного процесса высшего образования решающим фактором здесь остаются нормы и связи внутри самого сообщества. Кроме того, многие студенты считают себя обязанными предоставить работу достойного качества, объясняя эту необходимость тем, что плохая работа студента ставит под удар репутацию руководителя в глазах коллег (*«Это как дети и родители, если дети что-то не так делают, то тень этого ложится и на родителей» (C4)*). Со своей стороны преподаватели отмечают риск потери вложенных ресурсов, риск дополнительных затрат времени в предзащитный период и эмоциональные риски от неудачи, но при этом единодушно отрицают наличие тех репутационных рисков, которыми обеспокоены студенты.

В инструментах взаимного влияния преобладают позитивные стимулы: со стороны студента – *прямой разговор* и *стимулирование руководителя с помощью высокого качества уже напи-*

¹ Данный прогноз впервые был сформулирован в апреле 2017 г. Несколько месяцев спустя в Департаменте было принято решение о формальном ограничении максимума студентов у одного руководителя; теперь руководитель официально вправе отбирать для работы лучших претендентов, что подтверждает сформулированный прогноз.

санных частей работы; со стороны руководителя – *прямой разговор, постановка заданий, организация встреч*, и лишь в некоторых случаях – *угроза отказа от студента*. Обращения к *внешнему арбитражу* достаточно редки; в качестве возможных инстанций для обращения лидируют учебный офис (68%) и руководитель образовательной программы (67%) (притом что локального студенческого омбудсмана такой инстанцией считают только 23% студентов). В то же время часть студентов полагают, что реальная эффективность такого обращения будет зависеть от *репутации* обеих сторон – как руководителя (молодой или сторонний преподаватель vs «свой» или маститый профессор), так и студента, что вновь возвращает нас к роли сообщества в модерировании процесса работы.

На основании кластерного анализа ответов студентов можно выделить три модели коммуникации с руководителем. Первая модель («симбиоз») характеризуется максимальной частотой контактов, последовательной сдачей отдельных частей работы, высокой полезностью вклада руководителя в работу, по мнению студента, и общей оценкой интенсивности взаимодействия в районе четырех баллов из пяти. Вторая модель («умеренная помощь») характеризуется средними значениями интенсивности, частоты и полезности контактов, не отличаясь от первой модели по формату сдачи работ, – эти студенты также присылали работу на проверку постепенно, по частям. Третья модель («автономия») имеет низкие параметры интенсивности и частоты коммуникации, низкую оценку полезности вклада руководителя и преобладающий формат сдачи работы «прислал сразу готовый текст, руководитель успел внести правки».

На уровне исследований аспирантского трека на сегодняшний день считается доказанным влияние вовлеченности научного руководителя и наличия у него заинтересованности в успехе аспиранта на вероятность итогового успеха [Малошонок, Терентьев, 2019, с. 12]. На основе имеющихся данных мы можем протестировать эту гипотезу применительно к уровню бакалавриата. Корреляционный анализ и анализ таблиц сопряженности демонстрируют отсутствие связи между качеством работы (измеренным как *итоговая* оценка за нее) и параметрами коммуникации с руководителем / оценкой полезности его вклада. Этот важный вывод можно проинтерпретировать двумя способами. Либо плотность контактов и полезность руководителя не имеют статистически значимого от-

ношения к качеству работы, либо итоговая оценка за работу не служит адекватным отражением ее качества. В любом из двух случаев этот вывод заставляет по-новому взглянуть на традиционные соображения о том, что представляет собой процесс производства и оценки научного знания в университете. Вместе с тем оценка руководителя за работу (как компонент итоговой оценки) также не связана с тем, насколько интенсивно студент с ним общался и какой вклад сам руководитель внес в работу. Этот вывод говорит в пользу наличия системы оценки-по-результатам и в целом отсутствия предвзятости руководителей в данном вопросе. Наконец показатели ученой степени, должности и возрастной группы руководителя тоже не связаны с параметрами коммуникации и полезностью вклада руководителя. В контексте возрастных групп это приводит к оптимистичному выводу: разные поколения ученых, пришедшие в политическую науку в разное время и с разным бэкграундом, могут быть по-своему полезны студентам.

Нужно сказать о завершении отношений между студентом и руководителем – в случаях, когда работа закончена или когда в процессе одна из сторон решает отказаться от взаимодействия. Случай перехода к другому руководителю остается редким явлением, даже при наличии неудовлетворенности положением дел, так как студент в таком случае меняет известный ему статус-кво на неопределенность («Смена руководителя может обернуться чем-то худшим, чем ты ожидаешь» (C5)). Кроме того, для студентов, работающих в узких предметных полях, возможность перехода ограничена количеством экспертов по данной теме. Со своей стороны преподаватели не торопятся отказаться от студента по этическим причинам. Таким образом, несмотря на формальную легкость взаимного отказа, структурный контекст и этика отношений создают довольно *высокие барьеры предварительного выхода*. В то же время опыт совместной работы значимо влияет на вероятность продолжения отношений. Для студентов остается более важным заделом на будущее отлаженный и комфортный процесс работы, а не ее конкретный сегодняшний результат. Это открывает возможность для «длинных инвестиций» со стороны руководителей: корректное выстраивание процесса работы способно стимулировать студента продолжать развитие в выбранном научном направлении.

Вспомогательным механизмом конструирования формы и поддержания студенческих работ является сетевое сообщество студентов и преподавателей департамента. Сетевые связи широко привлекаются в процессе работы над текстом: более половины студентов хотя бы однократно обращались за помощью к преподавателям, не имевшим формального отношения к их работе, некоторые из них обращались несколько раз или к нескольким преподавателям. 45% также обращались за помощью к другим студентам. Просьбы касаются всех ключевых аспектов работы: исследовательского дизайна, методов сбора и анализа данных, содержательной части работы, оформления. Наконец, руководители сами нередко посылают студентов за помощью к другим коллегам или сами обращаются к ним («Мы сообщество, а не индивидуальные предприниматели» (П)).

На фоне значимой роли сообщества в производстве знания существует *безоговорочный консенсус* о том, что такие обращения – это *абсолютно нормальная практика, обусловленная здравым смыслом*. Кроме того, сетевое взаимодействие носит исключительно неформальный характер: все преподаватели считают помощь студентам академическим долгом, не требующим дополнительного поощрения. Статус консультанта либо оставляет преподавателей равнодушными, либо кажется им формальным обременением их коммуникации со студентом.

Единственным исключением из этого общего согласия является ситуация, когда плотное взаимодействие студента с другими преподавателями служит симптомом отсутствия эффективного контакта с научным руководителем. Сетевое взаимодействие ценится, но не тогда, когда научный руководитель оказывается *последним в очереди*. Это опасение не лишено оснований: тестирование гипотезы о «бегстве в сеть» через таблицы сопряженности показывает, что студенты, наиболее автономные от своих руководителей, действительно активнее всех остальных используют доступные сетевые ресурсы.

Оценка знания

Согласно Майклу Полани, оценка производимого знания – не случайный, привнесенный извне атрибут, а сущностная характеристика научного сообщества: именно через признание коллег

работа индивидуального ученого приобретает статус научного знания. В условиях Департамента эту роль играют обязательные **защиты курсовых и бакалаврских работ**, которые представляют собой наиболее явную форму аккумуляции знания и власти в одном месте.

По ходу предложенного выше описания того, каким образом студенты подготавливают свои академические тексты, у читателя могло сложиться ощущение, что тема власти, заявленная во введении, оказалась несколько «брошенной». Действительно, в контексте отношений студента и руководителя сложно говорить об эксплицитном, и тем более конфликтном проявлении власти одной из сторон. Взамен мы могли бы предполагать, что маячащая в конце этого пути «тень защит» должна иметь влияние на форму и содержание работы над текстом, инициировать стратегии адаптации к ожидаемым мнениям комиссии, что позволило бы говорить о делящейся во времени властной практике.

Однако, несмотря на крайне серьезное отношение к защитами (*Это «больная прививка» в конце года, это стресс и ответственность* (СЗ)), в долгосрочном периоде попытки адаптации нехарактерны для студентов. Только треть студентов готовы ориентироваться на «*общие мнения в Департаменте*» о должном облике работы; остальные либо готовы пренебречь этими мнениями, либо не верят в их существование (см. рис. 1). 42% готовы изменить методологию своей работы в угоду оценкам комиссии (см. рис. 2), но эту цифру следует интерпретировать, держа в уме то, что для половины студентов методология остается формальным, малозначимым моментом. То есть возможный отказ студента от своего методологического выбора не является реальным примером «правления предвиденных реакций», для которого необходимо противоречие между интересами двух сторон. Со своей стороны, научные руководители обычно также не стремятся ориентироваться на common sense Департамента (а некоторые прямо отвергают такую возможность). Наконец, преподаватели научно-исследовательского семинара, хотя и выполняют важную функцию «дисциплинарной подгонки» пограничных (практико-ориентированных или смежных с другой дисциплинарной областью) исследований под формальные требования программы, также не формулируют свои рекомендации исключительно с позиций удовлетворения вкусов комиссии.

Существуют ли в Департаменте общие мнения насчет того, что должно быть / чего не должно быть в курсовых и дипломных работах? Ориентируешься ли ты на эти мнения?

60 ответов

Рис. 1.
Ориентация на общие мнения в департаменте

Предположим, к твоему исследованию идеально подходит определенная методология, но ты точно знаешь, что в силу вкусовых предпочтений членов комиссии у тебя с ней будут проблемы на защите. Ты бы выбрал «правильную», но «опасную» методологию?

60 ответов

Рис. 2.
Выбор «опасной методологии»

Какие последствия может иметь такое положение дел? Исследовательская гипотеза в стиле Лакатоса состояла в том, что столкновение *исследовательских программ* может проявляться на защитах в форме конфликта *методологических предпочтений* участников, поскольку, как показали интервью, само содержание термина «методология» трактуется участниками по-разному, не говоря уже о ее роли и корректном использовании. Для тестирования гипотезы были сопоставлены данные об используемых студентами методологиях и о проблемах на защите по части методологии. Поскольку только 7% респондентов сталкивались с такими проблемами, можно утверждать, что такие проблемы отсутствуют как систематическое явление и не имеют статистически значимой связи с распределением выбранных методологий. Это подтверждается материалами интервью: сообщения о проблемах носят случайный характер и логически не выводятся из приверженности конкретной методологии¹.

По ходу исследования были выявлены примеры смещения в оценивании *содержательного аспекта*, т.е. используемых студентами концептов или подходов к проблеме. Это может быть несогласие по поводу релевантности применения тех или иных концептов для анализа российской политики, резкая реакция на суждения, касающиеся статуса отдельных политических фигур, общее неприятие целых тематических областей исследований. Таким образом, процесс утверждения знания о политике в качестве научного осложняется скорее не старыми методологическими расколами (*cleavages*) в политической науке, а растущей фрагментацией дисциплинарного поля в отношении *объекта* изучения [Алмонд, 2000], а также спецификой самих этих объектов: ввиду перманентного недостатка информации о многих из них (а также проблем нормативного характера) большое значение приобретают экспертные оценки, не выводимые напрямую из фальсифицируемых данных. Такое положение дел затрудняет возможность консенсуса при столкновении (например, в процессе защиты) экспертов с полярными точками зрения. О другом последствии высокой

¹ Показательно, однако, что почти половина студентов (45%) выбрали для своей работы методологическую рамку институционализма. Возможно, доминирование этого подхода в современной политической науке лежит глубже, на том уровне, где уже отпадает необходимость в его эксплицитном, конфликтном продвижении перед другими *исследовательскими программами*.

роли экспертных оценок будет сказано в заключительном параграфе раздела.

Наблюдая принятие решения в комиссиях «извне», большая часть студентов (почти 70%) уверены, что разница в академических статусах может сыграть роль в принятии общего решения. Идея состоит в том, что двое (или более) членов комиссии вступают в открытый конфликт, из которого победителем выходит тот, кто обладает более высоким академическим статусом. Однако имеющийся опыт защит показывает, что гетерогенность академических статусов нивелируется гомогенностью статусов присутствующих как членов комиссии благодаря формально закреплённой формуле оценивания: оценка комиссии рассчитывается как среднее арифметическое оценок ее членов. Соответственно, попытка любого из членов комиссии изменить исход с помощью своей доли может быть легко предотвращена остальными или даже одним из них.

Таким образом, на первом уровне возможное проявление власти оказывается заблокировано на уровне институциональных механизмов защиты. Однако дальше возникает вопрос: каждый ли решится воспользоваться ими, зная о долгосрочных издержках такого решения? Судя по всему, нет. Тому есть свидетельства со стороны молодых преподавателей: *Я не ориентируюсь на формальный статус, у нас их мало. Но бывают случаи, когда понимаешь – есть человек, который всем управляет в аудитории. Нет, никогда не было прямого давления. Но ты сам принимаешь во внимание (П).* Аналогичным образом некоторые старшие коллеги признают этот факт молчаливого понимания.

Этот тип власти гораздо сложнее наблюдать в реальности в силу его скрытого характера, однако в качестве задела на будущее можно предложить дискурсивный подход к выявлению власти такого рода. Вот, например, типичный случай такого рода индикаторов в речи респондента: *Это полуформальный этикет: за кем слово, кто первый задаст вопрос студенту. Комментарии и замечания к моей работе преподавателями рангом ниже – они, по сути, являлись конкретизацией того, что имел в виду член комиссии статусом выше. Они повторяли вопросы, которые за них уже формулировали, они плыли в потоке дискуссии (С4).*

Двигаясь к завершению, рассмотрим в контексте защит фигуру научного руководителя. Мнения студентов и преподавателей

в этом отношении сходятся в главном: присутствие на защите научного руководителя *имеет значение* и, при прочих равных, *способно повлиять* на оценку комиссии в сторону повышения. Распространены статусные объяснения такого влияния: чем выше ранг преподавателя, тем больше у него возможностей помочь студенту. Однако нам хотелось бы обратить внимание на другой источник такого влияния.

Мы не имеем намерения вдаваться в детали дискуссии о том, должны ли комиссии формироваться по профильному или по смешанному принципу. Проблема скорее в том, что принцип «как сейчас» на самом деле представляет собой третий путь: на данный момент комиссии не формируются ни по сугубо профильному, ни по смешанному принципу (так как смешанность предполагает репрезентативность разных направлений в каждой комиссии). Поэтому могут возникать такие сочетания комиссий и защищающихся, при которых ни один из членов комиссии не является экспертом в области представляемого исследования. Первое следствие этого состоит в том, что становится ключевой роль исследовательского дизайна, поскольку соблюдение его формальной структуры фактически остается *единственным доступным маркером* для оценивания. Таким образом, научное сообщество посылает молодым коллегам сигнал о том, что от них в первую очередь требуется умение вписать свое исследование в общий контекст и продемонстрировать его общую логику, а не его специфические содержательные или методологические аргументы.

Второе следствие состоит в том, что такое положение дел служит предпосылкой для потенциала *экспертной власти*: никто из респондентов-преподавателей не согласился с однозначной ролью формальных статусов, но некоторые признали, что в условиях непонимания той или иной темы они начинают ориентироваться на мнение руководителя или на разницу во мнениях руководителя и рецензента, отдавая приоритет тому, кто, по их мнению, является лучшим экспертом в данной проблематике. Таким образом, механизмы защит обнаруживают куда более тонкие основания для влияния, нежели зримая сила статусов, в силу своей очевидности институционально ограничиваемая.

Перспективы сравнительного подхода к конкретным контекстам знания

В данном исследовании была поставлена проблема производства знания о политике в формате работ студентов-политологов в конкретном образовательном и научном контексте. Двигаясь от более простых наблюдений к более сложным, мы сумели проблематизировать наши базовые представления об этом процессе. Роль научного руководителя в подготовке студенческой работы не имеет однозначной связи с ее качеством; в то же время современное многообразие исследовательских полей и подходов подталкивает участников к более плотному сетевому взаимодействию в масштабах маленького эпистемического сообщества. Нет оснований говорить о прямом давлении в духе первого лика власти Роберта Даля; в то же время возникают спорадические подтверждения более тонких, дискурсивных техник власти, фукольдианской связи власти и знания.

Вместе с тем, помимо всего прочего, собранные данные свидетельствуют и в пользу вывода, вполне очевидного для сторонников неоинституционального подхода: институционализация взаимодействий сокращает возможности для произвольного использования власти. В связи с этим наше внимание должно обратиться к кейсам других российских университетов – с другим уровнем или другими способами организации процесса подготовки студенческих работ. Тревожная гипотеза состоит в том, что снижение уровня институциональной защиты участников создает большие возможности для произвольного использования власти, что может напрямую влиять на качество итогового научного – или позиционируемого в таком качестве – продукта. Преодоленный российской политологией 30-летний рубеж – повод вспомнить о том, что любая система, в том числе система науки, требует для своего воспроизводства рекрутирования новых носителей ценностей и целей. И в этом контексте микроанализ практик российских университетов может стать способом для формулирования ответов на макровыводы, стоящие перед политической наукой в России.

Список литературы

- Алмонд Г. Отдельные столики: школы и секты в политической науке // Политическая наука. – 2000. – № 4. – С. 63–77.
- Борисова Е., Полищук Л., Суворов А. Академическая этика и мотивация студентов: история двух вузов. Препринт WP10/2013/03. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – 44 с.
- Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Sociologos 98. Поэтика и политика. – М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 1999. – С. 125–166.
- Вахштайн В.С. «Неудобная» классика социологии XX века: творческое наследие Ирвинга Гофмана. Препринт WP6/2006/05. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 52 с.
- Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
- Куренной В. Уединение университетского философа // Логос. – 2007. – № 6 (63). – С. 63–74.
- Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – 235 с.
- Малошонов Н.Г., Терентьев Е.А. На пути к новой модели аспирантуры: опыт совершенствования аспирантских программ в российских вузах // Вопросы образования. – 2019. – № 3. – С. 8–42. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-3-8-42>
- Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 416 с.
- Шатило И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 368 с.
- Шмпрас Л. Введение в политическую философию. – М.: Логос: Праксис, 2000. – 364 с.
- Dahl R. The concept of power // Behavioral science. – 1957. – Vol. 2, N 3. – P. 201–215. – DOI: <https://doi.org/10.1002/bs.3830020303>
- Easton D. The new revolution in political science // The American political science review. – 1969. – Vol. 63, N 4. – P. 1051–1061. – DOI: <https://doi.org/10.2307/1955071>
- Feyerabend P. Explanation, reduction, and empiricism // Scientific explanation, space and time. Minnesota studies in the philosophy of science / H. Feigl, G. Maxwell (eds). – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. – Vol. 3. – P. 28–97.
- French J., Raven B. The bases of social power // Studies in social power / D. Cartwright (ed.). – Ann Arbor: University of Michigan: Institute for Social Research, 1959. – P. 150–167.
- Friedrich C. Constitutional government and politics. – N.Y.: Harper and Brothers, 1937. – 591 p.
- Gelman V. Political science in Russia: scholarship without research? // European political science. – 2015. – Vol. 14. – P. 28–36. – DOI: <https://doi.org/10.1057/eps.2014.33>

- Gerring J.* The case study: what it is and what it does // The Oxford handbook of comparative politics / C. Boix, S. Stokes (eds). – Oxford: Oxford university press, 2009. – P. 90–122.
- Graziano L.* The development and institutionalization of political science in Italy // International political science review. – 1987. – Vol. 8, N 1. – P. 41–57. – DOI: <https://doi.org/10.1177/019251218700800104>
- Haas P.* Epistemic communities // The Oxford handbook of international environmental law / D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey (eds). – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 791–806.
- Ilyin M., Malinova O.* Political science in Russia: Institutionalization of the discipline and development of the professional community // Newsletter Social Science in Eastern Europe. – 2008. – June, Special Issue. – P. 4–11.
- Jerez Mir M.* The institutionalization of political science: the case of Spain // Spain in America: the first decade of the prince of Asturias chair in Spanish studies at Georgetown university / G. Castro, J.M. De Miguel (eds). – Madrid: Fundación Endesa: GU: Spanish Ministry of Education, 2010. – P. 281–329.
- Knorr-Cetina K.* The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science. – Oxford: Pergamon Press, 1981. – 197 p.

I.A. Inshakov *

**Social construction of knowledge in political science:
evidence from the school of political science
in the NRU «Higher School of Economics»**

Abstract. The paper attempts to analyse a research university as a mechanism for the production of scientific knowledge in the form of student term papers and final qualification theses. To achieve this goal, the author turns to the traditional concepts of the sociology of science, the concept of power and the idea of an epistemic community. In empirical terms, the work is based on twenty interviews with students and lecturers of the Department of Political Science of the Higher School of Economics, as well as on the data of an online survey among students. The model of student interaction with scientific supervisor is considered as the main mechanism for the production of knowledge. It includes the consideration of the motivations and the selection criteria of the students and the advisors, the responsibilities and the mechanisms of influence, the opportunities for the early completion of the interaction and for the appeal to the external arbitration. Three interaction models with different levels of contact intensity are identified («symbiosis», «moderate assistance», «autonomy»); at the same time, the student's choice of a communication model does not have a statistically significant relationship with the advisor's mark, the final mark for the paper, as well as with the indicators of the academic degree, position and age group of the advisor. A network of

* **Inshakov Ilya**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: iinshakov@hse.ru

students and lecturers is seen as an accessory mechanism for the production of knowledge, which operates on the basis of an informal consensus about the desirability of mutual assistance, even in the absence of formal incentives. At the stage of papers' defense, there are no conflicts, which could be connected with the different methodological preferences of the participants; however, substantial differences are found that reflect the complex subdisciplinary structure of the contemporary political science. Finally, the author shows, that among three different forms of power, which are analysed in the research, the most important form is an expert power of supervisors or reviewers.

Keywords: Sociology of science; research university; epistemic community; methodologies of political science, decision-making power; expert power.

For citation: Inshakov I.A. Social Construction of Knowledge in Political Science: Evidence from the School of Political Science in the NRU «Higher School of Economics». *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 305–328. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.12>

References

- Almond G. Separate tables: schools and sects in political science. *Political science (RU)*. 2000, N 4, P. 63–77. (In Russ.)
- Borisova, E., Polishchuk, L., Suvorov, A. *Academic ethics and students' motivation: a tale of two universities*. Working paper WP10/2013/03. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2013, 44 p. (In Russ.)
- Bourdieu P. Rethinking the state: genesis and structure of the bureaucratic field. In: *Sociologos 98. Poetics and Politics*. Moscow, Saint Petersburg: Institute of experimental sociology, Aletheia, 1999, P. 125–166. (In Russ.)
- Dahl R. The concept of power. *Behavioral science*. 1957, Vol 2, N 3, P. 201–215. DOI: <https://doi.org/10.1002/bs.3830020303>
- Easton D. The new revolution in political science. *The American political science review*. 1969, Vol. 63, N 4, P. 1051–1061. DOI: <https://doi.org/10.2307/1955071>
- Feyerabend P. Explanation, reduction, and empiricism. In: *Scientific explanation, space and time. Minnesota studies in the philosophy of science*. Vol. 3. Ed. by H. Feigl, G. Maxwell. Minneapolis: University of Minnesota press, 1962, P. 28–97.
- French J., Raven B. The bases of social power. In: *Studies in social power*. Ed. by D. Cartwright. Ann Arbor: University of Michigan, Institute for Social Research, 1959, P. 150–167.
- Friedrich C. *Constitutional government and politics*. NY: Harper and Brothers, 1937, 591 p.
- Foucault M. *Discipline and punish: the birth of the prison*. Moscow: Ad Marginem Press, 2016, 416 p. (In Russ.)
- Gel'man V. Political science in Russia: scholarship without research? *European political science*. 2015, Vol. 14, P. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.1057/eps.2014.33>
- Gerring J. The case study: what it is and what it does. In: *The Oxford handbook of comparative politics*. Ed. by C. Boix, S. Stokes. Oxford: Oxford university press, 2009, P. 90–122.

- Graziano L. The development and institutionalization of political science in Italy. *International political science review*. 1987, Vol. 8, N 1, P. 41–57. DOI: <https://doi.org/10.1177/019251218700800104>
- Haas P. Epistemic communities. In: *The Oxford handbook of international environmental law*. Ed. by D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey. Oxford: Oxford University Press, 2008, P. 791–806.
- Ilyin M., Malinova O. Political science in Russia: Institutionalization of the discipline and development of the professional community. *Newsletter social science in Eastern Europe*. 2008, June, Special Issue, P. 4–11.
- Jerez Mir M. The institutionalization of political science: the case of Spain. In: *Spain in America: the first decade of the prince of Asturias chair in Spanish studies at Georgetown University*. Ed. by G. Castro, J.M. De Miguel. Madrid: Fundación Endesa, GU, Spanish Ministry of Education, 2010, P. 281–329.
- Knorr-Cetina K. *The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science*. Oxford: Pergamon Press, 1981, 197 p.
- Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. Moscow: Progress, 1975, 288 p. (In Russ.)
- Kurennoy V. Solitude of university philosopher. *Logos*. 2007, N 6 (63), P. 63–74. (In Russ.)
- Lakatos I. Falsification and the methodology of scientific research programmes. Moscow: Medium, 1995, 235 p. (In Russ.)
- Maloshonok N.G., Terentev E.A. Towards the new model of doctoral education: the experience of enhancing doctoral programs in Russian universities. *Educational Studies Moscow*. 2019, N 3, P. 8–42. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-3-8-42> (In Russ.)
- Polanyi M. *Personal knowledge: towards a post-critical philosophy*. Moscow: Progress, 1985, 344 p. (In Russ.)
- Shapiro I. The flight from reality in the human sciences. Moscow: HSE Publishing House, 2011, 368 p. (In Russ.)
- Strauss L. *An introduction to political philosophy*. Moscow: Logos, Praxis, 2000, 364 p. (In Russ.)
- Vakhshhtayn V.S. «Embarrassing» classicality in XX century sociology: Erving Goffman's legacy. Working Paper WP6/2006/05. Moscow: Higher School of Economics, 2006, 52 p. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Сравнительные характеристики выбранного кейса

Первоначальный отбор осуществляется на уровне университетов. За основу взят Рейтинг российских вузов экспертного агентства RAEX за 2016 г. (наиболее актуальный на момент сбора данных) и за 2019 г. (на момент написания статьи).

Таблица 1

Позиции университетов в рейтинге RAEX

Место	Рейтинг-2016	Рейтинг-2019
1	МГУ им. М.В. Ломоносова	МГУ им. М.В. Ломоносова
2	МФТИ	МФТИ
3	МИФИ	МИФИ
4	МГТУ им. Н.Э. Баумана	СПбГУ
5	СПбГУ	НИУ ВШЭ
6	НИУ ВШЭ	МГИМО МИД РФ
7	МГИМО МИД РФ	Томский политехнический университет
8	Томский политехнический университет	МГТУ им. Н.Э. Баумана
9	Новосибирский государственный университет	Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого
10	Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина	Новосибирский государственный университет

Источник: сайт агентства RAEX¹.

Таким образом, выделяются *четыре университета*, стабильно входящие в топ-10 и включающие образовательные бакалаврские программы по политологии. Сопоставление их политологических программ осуществляется на основе двух критериев – образовательного (средний балл абитуриентов, зачисленных на бюджет) и научного (совокупный объем индекса Хирша у десяти сотрудников с наибольшим индексом в системах РИНЦ и Scopus).

Таблица 2

Средний вступительный балл на программы по политологии

Университет	Средний балл-2016	Средний Балл-2019
МГИМО	94,8	96,8
НИУ ВШЭ (Москва)	91,7	95,8
СПбГУ	89,7	95,8
МГУ	88,2	89,8

Источник: Мониторинг качества приема в вузы НИУ ВШЭ².

¹ Режимы доступа: <https://raexpert.ru/releases/2016/Jun01a/> (индекс 2016), <https://raex-a.ru/releases/2019/Jun05> (индекс 2019) (Дата посещения: 19.10.2019.)

² Режимы доступа: <https://ege.hse.ru/rating/2016/68401552/gos> (рейтинг 2016), <https://ege.hse.ru/rating/2019/81058583/gos> (рейтинг 2019) (Дата посещения: 19.10.2019.)

Таблица 3

1х 10 ведущих сотрудников подразделений политологии¹

Подразделение	1х По Ринц-2019	1хПо Scopus-2019
Факультет политологии МГИМО	295	16
Факультет политологии МГУ	277	17
Департамент политической науки ВШЭ	230	26
Факультет политологии СПбГУ	139	7

Источник: Научная электронная библиотека². База цитирований Scopus³.

Таким образом, мы видим, что Департамент политической науки ВШЭ занимает 2-е место по критерию образования и, будучи на третьей строчке по цитированию в РИНЦ, занимает лидирующую позицию по цитированиям в Scopus. Мы полагаем, что эти показатели дают достаточное обоснование считать профильный Департамент ВШЭ одним из «флагманов» политологии в стране и изучать его в качестве «выдающегося» случая.

¹ Цифры могут незначительно колебаться, в зависимости от включения / исключения конкретных фигур. Так, в случаях МГИМО и ВШЭ, прошедших через объединение политологических подразделений с подразделениями по государственной и муниципальной политике, сотрудники последних не рассматриваются как не имевшие отношения к студентам-политологам на момент начала 2017 г.

² Режим доступа: <http://elibrary.ru> (Дата посещения: 19.10.2019.)

³ Режим доступа: www.scopus.com (Дата посещения: 19.10.2019.)

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

С.Н. ШКЕЛЬ*

АВТОКРАТИИ В XXI ВЕКЕ

Рецензия на кн.: Голосов Г.В. Автократия, или Одиночество власти. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 160 с.

Для цитирования: Шкель С.Н. Автократии в XXI веке (Рецензия) // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 329–339. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.13>

Вплоть до начала XXI в. политологи сравнительно редко обращались к проблематике изучения недемократических режимов. Когда в конце 1980-х годов. Ф. Фукуяма объявил о «конце истории» [Fukuyama, 1989], страны с авторитарным правлением стали рассматриваться как своего рода «неудачники», существующие на периферии исторического развития, судьба которых предрешена глобальным трендом демократизации [Huntington, 1991]. Не уди-

* Шкель Станислав Николаевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия); профессор кафедры политологии, социологии и связей с общественностью, Уфимский государственный нефтяной технический университет (Уфа, Россия), e-mail: stas-polit@yandex.ru

вительно поэтому, что именно демократии долгое время оставались в центре исследовательского интереса ученых, в то время как автократиям уделялось весьма скромное внимание.

В последние 15 лет, однако, картина существенно поменялась, и проблематика авторитаризма стала одним из магистральных направлений политических исследований [Шкель, 2013]. Этому способствовало не только сокращение в мире числа демократических переходов, что послужило основанием говорить о завершении «третьей волны демократизации», но и обозначившиеся кризисные тенденции в ряде демократических стран [Croissant, Wurster, 2013]. Кризис либерализма на фоне роста влияния популизма и правого национализма, наблюдающийся в самых разных странах мира, порождает тревогу среди экспертов и ученых относительно будущего демократии. Рост экономического влияния ряда автократий и их внешнеполитическая активизация еще с большей убедительностью демонстрируют, что авторитарные режимы способны получить «новое дыхание» и выживать даже в условиях полной делегитимации любой формы диктатуры и глобального торжества демократических идей.

Между тем простым гражданам факт адаптации автократий к новым условиям не всегда заметен, ведь современный авторитаризм внешне не так просто отличить от демократии. В самом деле, при современном авторитаризме – в отличие от диктатур прошлого века – человек не живет в страхе ночных арестов, его не окружают ужасающие реалии массового террора. Напротив, жители автократий ежедневно слышат от своих политических лидеров вполне демократическую риторику, они могут наслаждаться довольно широкими свободами в потреблении материальных и духовных благ, а также имеют выбор не только на полках супермаркетов, но и в ходе избирательных кампаний, которые проходят вполне регулярно и внешне достаточно конкурентно.

Книга Г. Голосова «Автократия, или Одиночество власти» посвящена феномену авторитаризма и помогает понять, почему не все современные режимы, которые имеют формальные демократические атрибуты, можно причислить к демократиям. Может показаться, что решение подобной задачи является достаточно тривиальным и простым делом, но на самом деле это не так. Для специалистов идентифицировать характер современных политических режимов не составляет труда, однако куда сложнее убедить в

этом широкий круг читателей, на который ориентирована книга. По жанру работу Г. Голосова скорее можно отнести к научно-популярному изданию, чем к классической научной монографии. Тем не менее, как представляется, она вполне заслуживает внимания со стороны профессиональных политологов, поскольку, несмотря на довольно легкое для восприятия литературно-художественное исполнение, затрагивает вполне серьезные и непростые вопросы сущности и логики развития современных форм автократий.

Сложность решаемой автором задачи заключается не только в том, что такие понятия, как «автократия» или «демократия», в социальной мысли имеют разные прочтения и интерпретации, но также в том, что сегодня в СМИ активно циркулируют разного рода мифы, формирующие искаженное представление о сущности демократии, ее достоинствах и недостатках, практическом функционировании и т.д. Это вынуждает автора в первой главе книги уделить внимание антиподу автократии в виде демократии и представить краткий исторический экскурс развития ее теоретических и практических основ. В рамках этого обзора представлены не только исторические модели демократии и показано, как это понятие менялось со временем, но и освещены ключевые дискуссионные вопросы о роли демократического правления с точки зрения эффективности развития общества.

Здесь автор погружает читателя в давний спор между критиками и сторонниками демократии, рассматривая его сквозь призму современных открытий политической науки. Главным скептиком демократии выступает Платон, категорически отказывающийся наделять некомпетентное народное большинство правом политического выбора и управления. Демократическому принципу большинства противопоставляется меритократическое учение о преимуществах «эксперткратии», т.е. такой системы правления, где властью наделяются только наиболее подготовленные, компетентные и мудрые правители [Голосов, 2019, с. 45–47]. Кажется, что современные исследования, раскрывающие уровень политической грамотности населения в развитых странах, подтверждают справедливость этого подхода. Г. Голосов приводит результаты изучения логики электорального поведения в трудах Б. Берелсона, П. Лазарсфельда и Э. Кэмпбелла, открытия которых оказались шокирующими для тех, кто привык рассматривать избирателей как

глубоко погруженных в политические процессы граждан, делающих свой выбор на основе досконального изучения политических программ партий и кандидатов [Голосов, 2019, с. 51–52]. Оказалось, что в реальности лишь малая часть электората четко понимает политические различия между партиями, голосуя скорее эмоционально, чем рационально.

Несмотря на это неудобное для сторонников демократии открытие, автор книги тем не менее не спешит встать на сторону Платона, указывая, что эти данные лишь позволяют более реалистично взглянуть на логику электорального выбора избирателей, но вовсе не доказывают преимущества автократии. Ведь из утверждения, что выбор избирателей несовершенен, вовсе не вытекает заключение о том, что автократ не лишен схожего недостатка [Голосов, 2019, с. 55]. Поэтому далее Г. Голосов переходит к контраргументам, главные из которых высказаны еще в прошлом веке патриархом американской политической науки Р. Далем.

Ключевой смысловой посыл Р. Даля следующий: «экспертотократия» действительно была бы идеальной моделью для управления, но только в монолитном обществе, в котором вопрос об общем благе не вызывает дискуссий. Если идеал общественного устройства разделяют все члены политики, то для его реализации действительно лучше привлечь управленцев, наделенных лучшими компетенциями. Владение специфическими техническими навыками позволит экспертам и специалистам в области государственного управления лучше и быстрее добиться желаемой цели.

Проблема, однако, заключается в том, что на практике общее благо отсутствует, и таких обществ, где все люди разделяют единое мнение, не существует [Голосов, 2019, с. 56]. Вопросы социального развития крайне сложно однозначно оценить в категориях добра или зла, поскольку любое политическое решение, как правило, включает в себя как выгоды, так и издержки. Они, в свою очередь, могут очень по-разному оцениваться со стороны разных социальных групп, делая оценку любого политического решения с точки зрения общего блага практически невозможной. Что лучше: строительство библиотеки или стадиона? Что важнее: инвестировать в промышленность или предпочесть экологические проекты в ущерб экономическому росту? В чем состоят национальные интересы: вести активную внешнюю политику или сохранять позицию

нейтралитета? Каждый из этих вопросов ведет к дилемме, которая не решается по принципу игры с нулевой суммой.

Выбор любого решения создает как победителей, так и проигравших. Поддержка того или иного решения обуславливается не степенью его совершенства, которое недостижимо, а специфическими интересами конкретных субъектов. Поэтому в реальной ситуации множественности идеологических проектов социального развития ключевой проблемой становится не поиск наиболее компетентных управленцев, а определение легитимных правил. Эти правила легитимны именно потому, что позволяют сделать такой выбор среди множества альтернатив, который будет восприниматься как справедливый разными политическими силами и представителями многообразных социальных сегментов. Авторитария решить этот вопрос без дискриминации альтернативных мнений не может. Демократия, напротив, предлагает предельно простое решение в виде института выборов, призванного измерить текущие предпочтения граждан и выбрать один из политических проектов на основе принципа большинства. В ситуации социального многообразия данный принцип действительно наиболее разумный, ведь если всеобщий консенсус недостижим, то рациональным выбором будет тот, который обеспечит максимум выгод для большинства, а не для меньшинства.

Выводом первой главы является определение современной (либеральной) демократии как такой формы политического устройства, при которой источником политической власти выступает народ. Благодаря историческому обзору и раскрытию основных институциональных условий практического функционирования демократии, данное определение перестает быть для читателя слишком абстрактным и убедительно доказывает возможность демократии в реальности. Это также проясняет точку зрения автора по поводу сущности авторитарии, которая заключается не в том, что «власть осуществляется единолично – это, собственно говоря, невозможно даже с технической точки зрения, – а в том, что правитель служит единственным источником власти» [Голосов, 2019, с. 15].

Сохраняя строгость научного подхода с доступностью изложения, Г. Голосов далее переходит к вопросу о многообразии авторитарий, раскрывая этот аспект во второй главе книги. Автор следует довольно распространенной типологии, классифицируя

недемократические режимы на традиционные (монархические), военные и партийные. Вместе с тем специфика аналитического подхода Г. Голосова связана с фокусом на институциональной природе этих режимов. Для автора важнейшей характеристикой режима выступает не широта полномочий автократа и не мера его единовластия, а степень эффективности институтов (правил игры) в решении вопроса о передаче власти от одного носителя к другому [Голосов, 2019, с. 75]. Согласно такому подходу монархии с четкими традициями наследственной передачи власти предстают как высокоинституционализированные режимы, в то время как военные, опирающиеся на грубую силу, – как режимы с низким уровнем институционализации. Партийные режимы в рамках этой логики, несмотря на свое сравнительно недавнее происхождение, больше тяготеют к монархиям, выступая как высокоинституционализированные режимы, что позволяет им сохранять сравнительно долгосрочную устойчивость [Голосов, 2019, с. 107].

Анализ представителей «зоосада автократий» позволяет решить две основные задачи. Во-первых, на основе сравнения конкретных форм авторитаризма автору удалось объяснить такое сложное понятие, как «политическая институционализация», которое играет важную роль для понимания логики функционирования автократий и причин их разного уровня устойчивости. Во-вторых, представленный обзор чрезвычайно полезен с точки зрения «подготовки» читателя для ключевого разговора о специфике современного авторитаризма. Это позволяет перейти к анализу современных автократий с четким пониманием роли политических институтов.

Как убедительно показывает Г. Голосов в третьей главе книги, исчезновение жестких и часто в прямом смысле слова людоедских автократий прошлого вовсе не означает, что на современном этапе политические порядки во всех странах мира стали демократическими. За общим обликом «вегетарианской» власти и фасадом формально демократических институтов, которые действительно сегодня существуют почти во всех государствах, часто сохраняется ключевой признак автократии в виде отсутствия роли народа как реального (а не фиктивного) источника власти. Такие режимы, где при наличии выборов и других внешне демократических институтов единоличный правитель обладает полной автономией от народа, современные ученые определяют как «электоральный ав-

торитаризм» [Electoral authoritarianism ..., 2006]. Данная форма автократий на современном этапе стала модальной, и именно специфике этого политического порядка посвящена третья глава книги.

С точки зрения актуальности и оригинальности материала данная часть работы Г. Голосова вызывает особый интерес, поскольку в ней представлены ключевые дискуссионные моменты исследования современного авторитаризма в политической науке. При этом автор не только транслирует существующие подходы, но и формулирует собственную точку зрения, внося вклад в понимание общего и особенного электорального авторитаризма. Так, достаточно убедительным и плодотворным представляется тезис о критерии выделения данной разновидности автократии. Автор справедливо указывает, что «электоральный авторитаризм отличается от других автократий не тем, что проводятся выборы – они проводятся почти повсеместно, – а тем, что всенародное избрание на словах признается единственным законным источником власти» [Голосов, 2019, с. 125]. Другими словами, выборы в рамках электорального авторитаризма являются фундаментальной основой легитимации режима, в то время как другие формы автократий (монархии, военные или партийные) могут решать проблему ротации лидера и без избирательных процедур.

Это, однако, не означает, что выборы являются ахиллесовой пятой электорального авторитаризма и именно благодаря им данный режим способен мирно эволюционировать в демократическом направлении. Собственно, по мысли автора книги, именно это и отличает электоральный авторитаризм от демократии. Демократические институты в современных автократиях предназначены вовсе не для сменяемости власти, а скорее наоборот, служат инструментами легитимации сложившейся политической монополии и укреплению авторитарных порядков. Как отмечает автор, победить в условиях электорального авторитаризма может только действующий президент, если он в них участвует, или правящая партия. При этом, в отличие от демократии, победа достигается отнюдь не на основах реальной политической конкуренции, а с помощью разного рода манипуляций, меню которых в современных автократиях довольно обширно: от устранения от избирательного процесса всех значимых конкурентов до прямого искажения воли народа посредством прямых фальсификаций [Голосов, 2019, с. 127]. Таким образом, разные функции существующих электоральных про-

цедур, а не само их наличие определяют характер политического режима и основания для того, чтобы причислить его к разряду демократий или автократий.

Вопреки довольно распространенному мнению среди политологов о выборах как ключевом механизме подрыва устойчивости электорального авторитаризма [Bunce, Wolchik, 2010; Завадская, 2012], Г. Голосов выдвигает диаметрально противоположный тезис о том, что подобный тип режима отличается высоким уровнем персонализма, и выборы, как и другие институты, являются для него лишь суррогатами, призванными повысить престиж и легитимность правителя [Голосов, 2019, с. 131–133]. Это означает, что устойчивость электорального авторитаризма вовсе не зависит от самих выборов. Скорее поражение на них инкумбента служит индикатором уже свершившегося прежде политического ослабления власти. Следовательно, диктатор в условиях электорального авторитаризма может использовать выборы для собственной эффективности, но может и отказаться от них в случае рисков.

По мысли Г. Голосова, именно этот высокий уровень персонализма и произвол в институциональной инженерии, который может себе позволить политический лидер в условиях электорального авторитаризма, отличает эту форму автократий от других недемократических режимов. Другими словами, монарх или военный диктатор имеют куда более высокие политические риски в случае попытки игнорирования сложившихся политических правил. Отсюда следует весьма интересный вывод о том, что, несмотря на название, крушение электорального авторитаризма происходит вовсе не на электоральной арене. Экономические и внешнеполитические шоки, а также действия оппозиционных акторов, способных мобилизовать массы и с помощью давления «снизу» спровоцировать раскол властвующих элит, являются главными детерминантами, обуславливающими крах электорального авторитаризма, в то время как «опрокидывающие выборы» есть лишь результирующий итог этих процессов [Голосов, 2019, с. 147–148].

Признавая эти тезисы автора в высшей степени интересными и интригующими, нельзя не признать их наиболее спорными. В частности, позиция автора по вопросу о роли выборов в условиях электорального авторитаризма сохраняет некоторую двусмысленность и неопределенность. С одной стороны, указывается, что выборы являются для электорального авторитаризма важным и фак-

тически единственным «законным источником власти» [Голосов, 2019, с. 125]. С другой стороны, утверждается, что персоналистская природа электорального авторитаризма вполне позволяет такому режиму существовать без выборов [Голосов 2019, с. 136]. В рамках этой логики электоральный авторитаризм предстает как правление лидера, не ограниченного никакими институтами и нормами, что сближает такой политический порядок с султанизмом [Sultanistic regimes ..., 1998]. Одновременно с этим Г. Голосов приводит целый спектр причин, по которым лидеры в условиях электорального авторитаризма предпочитают проводить выборы, а отказ от этой процедуры сулит немало рисков именно для их собственной политической выживаемости [Голосов, 2019, с. 132–134]. Таким образом, выборы все-таки предстают чем-то большим, чем просто «суррогатами», от которых диктаторы могут легко отмахнуться. И если это так, то электоральные процедуры могут использовать в своих целях не только они, но и оппозиция. С этой точки зрения тезис о невозможности демократизации электорального авторитаризма с помощью выборов выглядит слишком категоричным. И хотя можно согласиться с автором, что поражение авторитарного инкубента на выборах часто знаменует лишь прежде свершившееся политическое ослабление диктатора, сами по себе выборы как «фокальная точка» [Hale, 2005, p. 140] и важный стимул для мобилизации оппозиции, создающие решающие условия для крушения автократии, как мне представляется, в книге незаслуженно недооцениваются.

Наличие дискуссионных тезисов лишь подтверждает актуальность и своевременность выхода данной книги, которая, безусловно, будет крайне интересна не только специалистам, но и самой широкой аудитории читателей, интересующихся современными политическими процессами в мире. Академический стиль в сочетании с доступностью изложения делают рецензируемую книгу крайне ценной в решении ряда просветительских и образовательных задач. В частности, представляется, что данная работа может быть чрезвычайно полезной для преподавания политологии. Дефицит русскоязычных изданий, посвященных тематике современных автократий и выполненных на столь высоком научном уровне, я уверен, сделают книгу Г. Голосова крайне востребованной у преподавателей, и она займет достойное место во многих рабочих

программах (силлабусах) по политологии в российских (и не только) университетах.

Список литературы

- Голосов Г.В. Автократия, или одиночество власти. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 160 с.
- Завадская М.А. Когда выборы выходят из-под контроля? Непреднамеренные электоральные последствия в соревновательных авторитарных режимах // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 125–148.
- Шкель С.Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки // PolitBook. – 2013. – № 4. – С. 120–139.
- Bunce V., Wolchik S. Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes // World politics. – 2010. – Vol. 62, N 1. – P. 43–86.
- Croissant A., Wurster S. Performance and persistence of autocracies in comparison: introducing issues and perspectives // Contemporary Politics. – 2013. – Vol. 19, N 1. – P. 1–18. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13569775.2013.773199>
- Electoral authoritarianism: the dynamics of unfree competition / A. Schedler (ed). – Boulder, CO; London, UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. – 267 p.
- Fukuyama F. The end of history? // The national interest. – 1989. – N 16. – P. 3–18.
- Hale H. Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-soviet Eurasia // World Politics. – Baltimore, 2005. – Vol. 58, N 1. – P. 133–165. – DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>
- Huntington S. The third wave: democratization in the late twentieth century. – Norman: University of Oklahoma Press, 1991. – 366 p.
- Sultanistic regimes / Ed. by. H.E. Chehabi, J.J. Linz. – Baltimore; L.: Johns Hopkins university press, 1998. – 284 p.

S.N. Shkel*

Autocracy in the XXI century (Review)

For citation: Shkel S.N. Autocracy in the XXI century (Review). *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 329–339. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.13>

* **Shkel Stanislav**, Center for Comparative History and Politics, Perm State National Research University (Perm, Russia); Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russia); email: stas-polit@yandex.ru

References

- Bunce V., Wolchik S. Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes. *World Politics*. 2010, Vol. 62, N 1, P. 43–86.
- Croissant A., Wurster S. Performance and persistence of autocracies in comparison: introducing issues and perspectives. *Contemporary Politics*. 2013, Vol. 19, N 1, P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/13569775.2013.773199>
- Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Ed. by A. Schedler. Boulder, CO, London, UK: Lynne Rienner Publishers, 2006, 267 p.
- Fukuyama F. The end of history? *The national Interest*. 1989, N 16, P. 3–18.
- Golosov G.V. *Autocracy: the solitude of power*. St. Petersburg: Europe university at the St. Petersburg press, 2019, 160 p. (In Russ.)
- Hale H. Regime cycles: Democracy, autocracy, and revolution in Post-Soviet Eurasia. *World politics*. 2005, Vol. 58, N 1, P. 133–165. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>
- Huntington S. *The third wave: democratization in the late twentieth century*. Norman: University of Oklahoma press, 1991, 366 p.
- Shkel S.N. New wave: authoritarianism's multiformity in reflection of modern political science. *PolitBook*. 2013, N 4, P. 120–139. (In Russ.)
- Sultanistic regimes*. Ed. by H.E. Chehabi, J.J. Linz. Baltimore, London: Johns Hopkins university press, 1998, 284 p.
- Zavadskaya M.A. When elections get out of hand? Unintended electoral outcomes in the competitive authoritarian regimes. *Political Science (RU)*. 2012, N 3, P. 125–148. (In Russ.)

В.С. АВДОНИН*

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ

Рецензия на кн.: Гордон А.В. Историки железного века. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 448 с. – (Серия «Humanitas»).

Для цитирования: Авдонин В.С. История и политика в эпоху диктатуры (Рецензия) // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 340–348. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.01.14>

Книга известного российского историка-франковеда Александра Владимировича Гордона, посвященная судьбам десяти видных советских ученых, прежде всего важна, конечно, для самих историков, особенно для тех, кто интересуется судьбами советской исторической науки и ее творцов, вехами ее становления, достижениями и проблемами. Автор не просто знает этот предмет досконально, но и является прямым свидетелем и участником многих событий того времени, хранителем интереснейших воспоминаний и впечатлений, выражающих дух эпохи. Яркие, насыщенные описания, малоизвестные факты, тонкие профессиональные размышления и наблюдения, несомненно, будут чрезвычайно интересны читателям.

* **Авдонин Владимир Сергеевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: avdoninvla@mail.ru

На наш взгляд, эта книга может представлять интерес и для политологов, обращенных к исследованию политико-культурных и политико-идеологических явлений и процессов, имеющих место в условиях тоталитарных диктаторских режимов. С этой точки зрения данную работу можно рассматривать как информативное (в духе «насыщенного описания» – *thick description*) исследование случая (*case study*), позволяющее увидеть и проследить многие особенности и подробности изучаемых феноменов. С одной стороны, здесь важен временной срез наблюдения предмета (с конца 1920-х годов до начала 1980-х), задающий его лонгитюдное измерение, с другой – его более-менее строгая и хорошо знакомая автору предметно-тематическая локализация (изучение истории Французской революции). И то и другое открывает путь к достаточно подробному и всестороннему исследованию рассматриваемого «кейса», а именно: комплекса идей и концепций советской историографии (в лице ее видных представителей) относительно Французской революции и его изменения на протяжении нескольких десятилетий.

Для самого автора наиболее важной задачей является попытка осмыслить те достижения и успехи, которых смогли добиться выдающиеся советские историки в изучении Французской революции и революционной традиции в целом в условиях жесточайшего идеологического давления, контроля и репрессий тоталитарного режима [Гордон, 2018, с. 11–15]. Откровенный разговор об этом, предпринятый одним из участников процесса, видевших его изнутри, несомненно, очень важен и для современного сообщества российских историков-франковедов, и для отечественной исторической науки в целом.

Для политолога же при знакомстве с книгой вопрос ставится несколько иначе. Хорошо известно, что в определении тоталитарных режимов политическая наука обычно подчеркивает роль идеологии в системе их властных ресурсов [Friedrich, Brzezinski, 1972; Linz, 2000; и др.]. С этой точки зрения проблематика Французской революции (и ее исторические интерпретации) может рассматриваться как составная часть политико-идеологических и даже шире – духовных ресурсов советского режима. Наблюдение за историческими трактовками этой революции, за сменой акцентов в интерпретации различных ее фигур, событий, аспектов, за возникновением разного рода ограничений и табу в ее изучении и т.д.

может дать важные свидетельства о процессах и изменениях в идеологической ресурсной базе советского тоталитаризма на разных этапах его эволюции. Интеллектуальные усилия историков в изучении темы Французской революции, разумеется, тоже существенны и интересны, но для политологического анализа в первую очередь важен политико-идеологический статус этой тематики (и изменений в ней) в системе властных ресурсов и стратегий политического режима.

И здесь книга Гордона, содержащая богатый, а порой и эксклюзивный массив данных, является исключительно важным свидетельством. В главах, посвященных первому поколению советских историков Французской революции, автор упоминает начавшуюся на рубеже 1920–1930-х годов кампанию разоблачения принятой ранее исторической парадигмы, сближавшей Французскую и русскую революции [Гордон, 2018, с. 32]. В легитимации советского диктаторского режима («опыта Октября») сближение с французским прототипом (опытом якобинской диктатуры) играло важную роль, исторически обосновывая необходимость революционной диктатуры. Но в развернувшейся кампании такое сближение стало подвергаться критике как неоправданная «модернизация», как «вредное» сближение «пролетарской диктатуры» с «мелкобуржуазной диктатурой» [Гордон, 2018, с. 31–32].

Марксистские историки оказались в трудном положении: им пришлось отказываться от того, что они совсем недавно старательно обосновывали. Гордон анализирует, как это происходило, и отмечает, что для ряда историков такой поворот к новым установкам оказался невозможным. Они фактически продолжали с теми или иными коррективами свои изыскания в русле параллелей русской и Французской революций, внося определенный признаваемый и сегодня вклад в эту проблематику, пока их работа не была прервана репрессиями (главы о Г.С. Фридянде, Я.В. Старосельском, Я.М. Захере).

Для политолога здесь интересен вопрос, почему правящий режим решил отказаться от ресурса исторической легитимации через параллели с Французской революцией. В книге можно найти ответ. Автор описывает судьбы, исследования и споры историков той эпохи в контексте утверждавшейся в стране жесткой формы идеологической монополии, которая предполагала господство над всеми сторонами идейной жизни, в том числе и над научными изысканиями историков. В этой фазе режим нуждался уже не

столько в исторической легитимации, допускавшей некоторую авторскую концептуализацию и автономию исследований, сколько в утверждении безраздельной идеологической монополии как таковой. На первый план в его властной стратегии были выдвинуты установки партии и ее вождя, а не исторические параллели, факты и концептуализации [Гордон, 2018, с. 35–36]. В системе властных ресурсов тоталитарного режима все большее место занимала идеологическая консолидация общества под эгидой власти, любая идейная автономия больше не допускалась и каралась административными и даже уголовными санкциями.

Ломавшие судьбы людей чистки и идеологические кампании по разоблачению различных уклонов, о которых рассказывает автор, формировали в исторической науке режим беспрекословной лояльности идеологическим установкам партийного руководства. Они уже не могли оспариваться или даже заметно корректироваться научными аргументами, а подлежали реализации «в интересах пролетариата». В книге Гордона ее герои – «революционные историки-марксисты» (некоторые из которых были расстреляны в 1937 г.) – называют это «принципом партийности марксистской науки» и гордятся тем, что «наша марксистская наука находится “на службе” у пролетариата и коммунистической партии...» [Гордон, 2018, с. 38].

Интересен для политолога и представленный в книге сюжет об исследовании постреволюционной наполеоновской эпохи и самой исторической фигуры Наполеона в советской историографии. Автор, на наш взгляд, удачно концентрирует внимание на сопоставлении двух наиболее популярных сочинений на эту тему – монографий видных историков Е.В. Тарле и А.З. Манфреда о Наполеоне [Гордон, 2018, с. 227–272]. Работа Тарле – уникальный пример сочинения опального академика «старой школы», к тому же с благословения «троцкиста» К. Радека, которое появилось в разгар Большого террора. Объяснить это можно было лишь одобрением самого вождя, о чем и упоминает автор. Но почему Сталин одобрил эту работу?

Проследившая идейную эволюцию Тарле, Гордон отмечает, что тот к моменту создания монографии о Наполеоне проделал путь «от демократического республиканизма к имперскому авторитаризму», и добавляет, что и «сама партийная идеократия стала эволюционировать в имперско-державном направлении» [Гордон,

2018, с. 233]. Сталин, судя по всему, уже воспринимал эти мотивы и потому поддержал работу, которая стала очень популярной. Все это показывает, что в блоке идеологических ресурсов советского политического режима в конце «драматических и роковых» 1930-х обнаруживается крепнущая имперская компонента, влекущая определенный пересмотр взглядов и на прошлое страны, и на отношение к революциям и к гениальным вождям. Анализируя творчество Тарле и реакцию на него советских историков, Гордон тонкими профессиональными штрихами демонстрирует читателю то, как постепенно эта «ревизионистская» имперская компонента проникала и адаптировалась в советской исторической науке, соседствуя с ее классовым детерминизмом и историческим материализмом [Гордон, 2018, с. 238–252].

Так же объемно в книге представлена и монография А.З. Манфреда о Наполеоне, с обстоятельствами создания которой на рубеже 1970-х годов автор соприкасался лично. Помимо ее содержательного анализа, выполненного в контексте сопоставления с монографией Тарле, и интереснейших личных свидетельств автор часто останавливается на «идеологическом режиме», в условиях которого создавалось это сочинение. И характеристики этого режима могут быть важны для политико-культурного анализа, нацеленного на исследование идеологических ресурсов послесталинской политики в СССР.

Так, автор подчеркивает, что работа Манфреда, по сути, сначала возвращение к парадигме 1920-х годов [Гордон, 2018, с. 252]. Наполеон предстает в ней персонажем, исторические успехи и свершения которого во многом были связаны с воплощенным в его деятельности преобразовательным потенциалом революции. А «надлом» и движение к упадку («нисхождение») происходит тогда, когда деяния императора начинают утрачивать революционный характер [Гордон, 2018, с. 268]. То же историк относит и к плеяде наполеоновских деятелей (а об их круге и роли Манфред говорит значительно больше, чем Тарле). И их успехи он связывает с революционным генезисом, а нисхождение – с его утратой.

В монографии Манфреда также заметно больше внимания, чем у Тарле, уделяется деятельности императора в гражданской сфере, его личной жизни, отношениям с женщинами, идейной эволюции, психологическим чертам. Одобренное идеологическим руководством и ставшее популярным у читателей, сквозь призму

анализа Гордона это сочинение предстает и как своего рода «зеркало» идеологических предпочтений советской политической культуры начала 1970-х. В ней сохраняется и даже акцентируется историческая значимость революции и критика «буржуазности», но скромнее выглядит роль политического вождя, в ней более ощутимо человеческое измерение истории и политики, заметны антимилитаристские мотивы, снижен накал политического противостояния.

Отчасти это «слепок» идеологии «шестидесятников», отчасти картина сдвигов в официальной идеологии. С точки зрения политологического анализа этот идеологический репертуар свидетельствует о заметной эволюции идеологических ресурсов советского политического режима, ослабления его тоталитаризма и появления в нем посттоталитарных признаков.

Отметим также представленный в книге портрет видного советского историка Б.Ф. Поршнева [Гордон, 2018, с. 169–214]. Как и многих своих героев, автор рисует его ярко и увлекательно, в то же время детально прописывая контекст, в котором разворачивалась деятельность ученого, и сопровождая рассказ личными впечатлениями. В анализе автора акцент сделан на «системность» мышления Поршнева, на его концептуальность, на стремление проникнуть в глубину, спуститься к истокам, к началам истории. Для политологического и политико-культурного ракурса рассмотрения это служит симптомом усиления поисков в идеологическом фундаменте советского режима. Речь идет не просто о том, чтобы после жестких идеологических предписаний сталинской эпохи вернуться к предшествующей эпохе с ее более широкими идеологическими трактовками основ марксистского учения, но о том, чтобы углубиться в сами основы и попытаться их переосмыслить.

Гордон прослеживает, как эти мотивы намечались и проявлялись в работах Поршнева разных лет и по разной тематике – истории социалистических идей, народным восстаниям, истории религий, теории общественных формаций и т.д. Но с наибольшей определенностью они были выражены в монографии «О начале человеческой истории» (работа готовилась на рубеже 1960–1970-х годов, а появилась в урезанном виде в 1974 г.) [Гордон, 2018, с. 210]. Обращение к началу истории означало фокусировку на наиболее фундаментальных вопросах. И здесь Поршневу вводил

тематику антропогенеза и палеоантропологии, отправляясь от которой и развивал свои концепции социальности и историчности.

С одной стороны, они вписывались в канонический идейный фундамент марксизма-ленинизма (видение истории как борьбы классов), но с другой – по существу, претендовали на стремление переосмыслить его. Гордон отмечает в работе Поршнева оригинальную концепцию «двух инверсий» (одной – при переходе от животного состояния к человеческому, второй – в ходе движения истории от изначального состояния к современному), сильнейший акцент на социальную психологию, отчетливые гегелевские мотивы, полемику с Энгельсом [Гордон, 2018, с. 208–212]. Не удивительно, что издание такой монографии шло трудно, текст переделывался, сокращался. Как отмечает Гордон, у нее были сторонники, однако противников у «неортодоксально-ортодоксального» подхода Поршнева было больше.

И среди них были не только ревнители идеологической чистоты, но и более свободно мыслящие историки. Для последних это могло быть отчасти связано с корпоративными интересами (их мог не устраивать приоритет жестких схем над столь ценным историками богатством фактов, а также выход в плохо знакомые области антропогенеза и палеоантропологии). Но не только! За переосмыслением основ официального учения с помощью новых схем могли угадываться новый вариант основ и вероятность нового идеологического диктата. Так что попытки переосмысления основ были для советской идеологии на рубеже 1970-х делом еще далеко не простым, чреватом многими проблемами и ловушками.

Еще одна очень важная черта практически всех портретов у Гордона – сюжеты об отношении его героев с западными левыми и «прогрессивными» коллегами-историками (преимущественно французскими). Для политико-идеологического анализа это особенно интересно, так как открывает путь к пониманию особенностей взаимодействий участников советского идеологического режима с ближним кругом «внешнего идеологического контура». И здесь тоже важен лонгитюдный характер повествования, позволяющий видеть константное и меняющееся в этих отношениях.

Наиболее устойчивым было, пожалуй, некое идеологическое превосходство, с которым советские историки пытались навязать левым западным коллегам свои концепции, при одновременном признании их научных достижений в введении большого, в значи-

тельной степени архивного фактического материала, который в условиях «железного занавеса» был недоступен советским историкам. Жесткость этого навязывания на разных этапах, как показывает автор, менялась. В 1930–1950-е годы оно часто приобретало вид, напоминающий кампании по борьбе с уклонами, свойственными советской идеологической практике в тот период, что существенно осложняло научное сотрудничество и подрывало личные контакты.

Позднее ситуация изменилась, научное сотрудничество с «прогрессивными» западными коллегами приобрело для советских историков большую ценность в плане признания своего научного и общественного статуса. Многие из них старались его поддерживать и развивать, что вело к сглаживанию идеологических разногласий. Тем не менее модель навязывания советского идеологического превосходства в этих отношениях еще долго сохранялась и поддерживалась, в том числе и самими видными историками. Гордон отмечает эту черту у многих своих героев (Манфреда, Далина, Поршнева), критиковавших, иногда весьма остро, «идеологические ошибки», «незрелость», «непонимание» марксистско-ленинской теории у своих западных коллег при признании их научных достижений.

Мы обратили внимание лишь на несколько сюжетов из удивительно насыщенной и многоплановой работы Гордона, которые, на наш взгляд, были бы интересны для исследования с позиций политической науки. Вряд ли необходимо здесь продолжать их перечисление, ибо любой их набор не может заменить знакомства читателя с самим текстом книги, со всем богатством тем, свидетельств, размышлений и оценок автора.

В заключении рецензии даже самой хорошей книги принято говорить о ее недостатках. Но в нашем случае это было бы некорректно. Эта работа обращена прежде всего к историкам, поэтому им и следует здесь говорить нечто содержательное. Политологу же, взявшемуся за эту книгу, можно сказать лишь, что его ожидает очень интересное, но сложное чтение. Нужно быть готовым вчитываться и размышлять над прочитанным, быть внимательным к деталям, а иногда и возвращаться к прочитанному и вновь его обдумывать. Но результатом такого чтения будет, несомненно, более глубокое понимание предмета, в том числе с точки зрения политологии. В определенной мере это может стать и опытом междисципли-

плинарного взаимодействия между историком и политологом, преодолевающим границы дисциплин. А при преодолении рубежей и границ в науке, как известно, часто рождаются новые открытия.

Список литературы

- Гордон А.В. Историки железного века. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 448 с. – (Серия «Humanitas»).
- Friedrich C.J., Brzezinski Z. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. – N.Y.: Praeger, 1972. – 439 p.
- Linz J. *Totalitarian and authoritarian regimes*. – Boulder, CO; L.: Lynne Rienner Publishers, 2000. – 343 p.

V.S. Avdonin*

History and politics in the era of dictatorship (Review)

For citation: Avdonin V.S. History and politics in the era of dictatorship (Review). *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 340–348. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.14>

References

- Gordon A.V. *Historians of the Iron Age*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018, 448 p. (Series «Humanitas») (In Russ.)
- Friedrich C.J., Brzezinski Z. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. N.Y.: Praeger, 1972, 439 p.
- Linz J. *Totalitarian and authoritarian regimes*. Boulder, Colo.; London: Lynne Rienner publishers, 2000, 343 p.

* **Avdonin Vladimir**, Institute of Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: avdoninvla@mail.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Политическая наука» – одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г.

«Политическая наука» имеет отчетливо выраженный тематический профиль, который отличает ее от других журналов по политическим наукам. Прежде всего, это ориентация на состояние политической науки и ее отдельных направлений, обзор и анализ современных научных достижений. Центральное место среди публикаций занимают статьи и иные материалы методологического характера, имеющие особую важность для развития научных исследований. Особенностью журнала является систематическое использование жанров информационного и информационно-аналитического характера (рефератов, реферативных обзоров, рецензий и др.), представление других научных журналов, исследовательских центров и проектов.

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka@inion.ru; politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах .doc или .rtf.

Основные требования к рукописям:

кегель – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах формата .xls, .xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах .ppt, .pptx или .jpg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; сначала русские источники, потом иностранные. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5.–2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (до 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. **Плата за публикацию не взимается.**

INFORMATION FOR THE AUTHORS

Political Science (RU) is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers.

The specifics of Political Science (RU) is its thematic profile. The main focus of its interests is the state of political science and its particular areas, as well as the analysis of modern achievements in the field of the political science. The central place among its publications belongs to articles of a methodological nature. The journal also systematically publishes review articles, review essays, book reviews and, abstract reviews, introduces and recommends other academic journals, research centers, research projects.

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews,

abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka@inion.ru and politnauka1997@gmail.com.

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or RTF format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in .xls or .xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in .ppt, .pptx, or JPEG format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5–2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author (s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Адрес редколлегии:
117997, г. Москва, ул. Кржижановского, 15, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор: М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30 / III – 2020 г.
Формат 60 х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,5 Уч.-изд. л. 16,75
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.**
Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ПИ NФС77–36084

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. / Факс: (499) 134-03-96
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
В ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2)24-86-33